

Историческая и социально-образовательная мысль

Historical and social-educational idea

№ 5 (15)

2012

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Решением Президиума
ВАК Минобрнауки РФ
№ 26/15 от 17 июня 2011 г.
журнал «Историческая
и социально-образовательная
мысль» включен в перечень
рецензируемых научных
журналов, в которых должны
быть опубликованы основные
научные результаты
диссертаций на соискание
ученых степеней доктора
и кандидата наук

Учредители:

Кубанская многопрофильная
Академия подготовки,
переподготовки
и повышения квалификации
специалистов

Северо-Кубанский
гуманитарно-технологический
институт

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77-37035
от 4.08.2009

ISSN 2075-9908 (Print)
ISSN 2219-6048 (Online)

Заведующий редакцией

Е.В. Штурба

Научный редактор

С.С. Васильев

Редактор электронной версии

С.С. Васильев

Редактор англоязычных текстов

О.В. Коленко

Главный редактор

В.А. Штурба

д-р ист. наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Т.С. Анисимова (д-р ист. наук, профессор)
Н.В. Балабанова (канд. психол. наук, доцент)
Р.З. Близняк (канд. полит. наук, доцент)
С.С. Васильев (канд. ист. наук, профессор)
В.М. Гребенникова (канд. пед. наук, доцент)
Г.Ж. Микерова (д-р пед. наук, профессор)
М.Ю. Попов (д-р социол. наук, профессор)
Л.П. Рассказов (д-р юр. наук, профессор)
И.В. Турицын (д-р ист. наук, профессор)
А.Л. Факторович (д-р филол. наук, профессор)
Е.В. Штурба (д-р ист. наук, профессор)

АДРЕС РЕДАКЦИИ

350080, Россия, г. Краснодар, пос. Пашковский,
ул. Заводская, 32, к. 301.
Редакция журнала «Историческая и социально-
образовательная мысль»
Тел/факс: 8 861 237-62-19
E-mail: editor@hist-edu.ru

Электронная версия:

<http://www.hist-edu.ru>

Журнал размещается в национальной информационно-аналитической системе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) Российской научной электронной библиотеки

<http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001>

Выходит 6 раз в год

Все права защищены. Ни одна часть этого издания не может быть занесена в память компьютера либо воспроизведена любым способом без предварительного письменного разрешения издателя.

Рукописи рецензируются. Учредитель и издатель предупреждают авторов о юридической ответственности за несанкционированное использование чужих

Редакционный Совет

- Анисимова Татьяна Семеновна**, доктор исторических наук, профессор Славянского-на-Кубани государственного педагогического института.
Славянск-на-Кубани. Россия.
- Балабанова Нина Викторовна**, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии Кубанского государственного университета.
Краснодар. Россия.
- Бедерханова Вера Петровна**, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной работы, психологии и педагогики высшего образования КубГУ. Краснодар. Россия.
- Близняк Роман Зиновьевич**, кандидат политических наук, доцент кафедры PR и связей с общественностью Кубанского государственного университета.
Краснодар. Россия.
- Васильев Сергей Сергеевич**, кандидат исторических наук, профессор кафедры социальных и гуманитарных дисциплин Северо-Кубанского гуманитарно-технологического института.
Краснодар. Россия.
- Гребенникова Вероника Михайловна**, кандидат педагогических наук, доцент, декан факультета педагогики, психологии и коммуникативистики, заведующая кафедрой педагогики и психологии Кубанского государственного университета.
Краснодар. Россия.
- Грушевский Сергей Павлович**, доктор педагогических наук, профессор, декан факультета математики и компьютерных наук, заведующий кафедрой информационных образовательных технологий КубГУ.
Краснодар. Россия.
- Кононенко Виктор Михайлович**, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Армавирского института социального образования (филиала) РГСУ.
Армавир. Россия.
- Меликян Александр Максимович**, кандидат юридических наук, доктор исторических наук, профессор Армавирского института социального образования (филиала) РГСУ, Член-корреспондент Российской академии естественных наук, Член Российской академии юридических наук.
Армавир. Россия.
- Микерова Галина Жоршевна**, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой начальной школы Кубанского государственного университета.
Краснодар. Россия.
- Невский Сергей Александрович**, доктор юридических наук, профессор Московского городского университета управления Правительства Москвы.
Москва. Россия.
- Попов Михаил Юрьевич**, доктор социологических наук, профессор, начальник факультета по подготовке научных и педагогических кадров Краснодарского университета МВД России.
Краснодар. Россия.
- Рассказов Леонид Павлович**, Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических и исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Кубанского государственного аграрного университета.
Краснодар. Россия.
- Турицын Игорь Викторович**, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Московского педагогического университета им. В.И. Ленина.
Москва. Россия.
- Факторович Александр Львович**, доктор филологических наук, профессор кафедры PR и связей с общественностью Кубанского государственного университета.
Краснодар. Россия.
- Штурба Евгений Викторович**, доктор исторических наук, профессор кафедры социальных и гуманитарных дисциплин Северо-Кубанского гуманитарно-технологического института.
Краснодар. Россия.

Editorial Board

- Anisimova Tatyana Semyonovna**, *Doctor of History, Professor of the Slavyansk-on-Kuban State Teacher-Training Institute.
Slavyansk-on-Kuban. Russia.*
- Balabanova Nina Viktorovna**, *PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Pedagogics and Psychology of Kuban State University.
Krasnodar. Russia.*
- Bederkhanova Vera Petrovna**, *Doctor of Pedagogics, Professor, Head of the Department of Social Work, Psychology and Higher Education Pedagogics of Kuban State University. Krasnodar. Russia.*
- Bliznyak Roman Zinovievich**, *PhD in Politics, Associate Professor of the Department of Public Relations of Kuban State University.
Krasnodar. Russia.*
- Vasiliev Sergei Sergeevich**, *PhD in History, Professor of the Department of Social Sciences and Humanities of the North-Kuban Institute of Humanities and Technology. Krasnodar. Russia.*
- Grebennikova Veronika Mikhailovna**, *PhD in Pedagogics, Associate Professor, Dean of the Faculty of Pedagogics, Psychology and Communication Science, Head of the Department of Pedagogics and Psychology of Kuban State University.
Krasnodar. Russia.*
- Grushevsky Sergei Pavlovich**, *Doctor of Pedagogics, Professor, Dean of Faculty of Mathematics and Computer Sciences, Head of the Department of information technology in the sphere of education of Kuban State University.
Krasnodar. Russia.*
- Kononenko Victor Mikhailovich**, *Doctor of History, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Armavir Institute of Social Education (affiliated branch) of Russian State Social University.
Armavir, Russia*
- Melikyan Alexander Maksimovich**, *PhD in Law, Doctor of History, Professor of the Armavir Institute of Social Education (affiliated branch) of Russian State Social University, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Member of the Russian Academy of Law.
Armavir. Russia.*
- Mikerova Galina Zhorshevna**, *Doctor of Pedagogics, Professor, Head of the Department of Primary School of Kuban State University.
Krasnodar. Russia.*
- Nevskiy Sergei Aleksandrovich**, *Doctor of Law, Professor of Moscow City Government University of Management Moscow.
Moscow. Russia.*
- Popov Mikhail Yurievich**, *Doctor of Sociology, Professor, Chief of the Faculty of Developing Competence in Science and Teaching of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
Krasnodar. Russia.*
- Rasskazov Leonid Pavlovich**, *Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Doctor of Law and History, Professor, Head of the Department of Theory and History of the State and Law of Kuban State Agrarian University.
Krasnodar. Russia.*
- Turitsyn Igor Viktorovich**, *Doctor of History, Professor of the Department of National History of Moscow Pedagogical University named after V.I. Lenin.
Moscow. Russia.*
- Faktorovich Alexander Lvovich**, *Doctor of Philology, Professor of the Department of Public Relations of Kuban State University.
Krasnodar. Russia.*
- Shturba Evgeniy Viktorovich**, *Doctor of History, Professor of the Department of Social Sciences and Humanities of the North-Kuban Institute of Humanities and Technology. Krasnodar. Russia.*

СОДЕРЖАНИЕ

Исторические науки, этнология и археология

<i>Вахтина М.А.</i> ВЛИЯНИЕ ОБЩИННОЙ ФОРМЫ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ	13	<i>Vakhtina M.A.</i> THE IMPACT OF COMMUNAL FORMS OF MANAGEMENT ON THE FORMATION OF THE RUSSIAN CONCEPT OF SOCIAL JUSTICE	
<i>Гришюкина Н.Б.</i> ПЧЕЛОВОДСТВО В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И МИРОВОЗЗРЕНИИ ЛИНЕЙНЫХ КАЗАКОВ В XIX – нач. XX в.	18	<i>Grishokina N.B.</i> BEEKEEPING IN THE ECONOMIC ACTIVITY AND WORLD OUTLOOK OF LINEAR COSSACKS IN THE 19th AND EARLY 20th CENTURIES	
<i>Казанцев В.Г.</i> РИСКОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭКСТРЕМИЗМА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ	20	<i>Kazantsev V.G.</i> RISK TAKING POTENTIAL OF EXTREMISM IN THE NORTH CAUCASUS	
<i>Козик К.А.</i> ЕВРОПЕЙСКИЙ ФАКТОР В ТУРЕЦКО- ГРЕЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 1990-2000-е гг.	24	<i>Kozik K.A.</i> EUROPEAN FACTOR IN TURKISH-GREEK RELATIONS IN 1990-2000s	
<i>Кольга Г.И.</i> ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ ГЕРМАНИИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	27	<i>Kolga G.I.</i> THE ORGANIZATION OF GERMAN AIR FORCE DURING THE WORLD WAR II	
<i>Матонин В.Н.</i> «СЕВЕРНОСТЬ» РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ	35	<i>Matonin V.N.</i> THE CONCEPT OF “NORTH” IN RUSSIAN CULTURE	
<i>Орлов А.С.</i> ОТ НАЦИОНАЛИЗМА К СОЦИАЛИЗМУ: НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ ПЕРЕРОЖДЕНИЕ М.О. МЕНЬШИКОВА	37	<i>Orlov A.S.</i> FROM NATIONALISM TO SOCIALISM: FAILED REGENERATION OF M.O. MENSHIKOV	
<i>Тарасов К.Н.</i> ПРОБЛЕМА НАРОДНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ВО ВЗГЛЯДАХ РОССИЙСКИХ КОНСЕРВАТОРОВ нач. XX в. (К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КОНСЕРВАТИЗМА)	41	<i>Tarasov K.N.</i> THE PROBLEM OF NATIONAL REPRESENTATION IN THE VIEWS OF THE RUSSIAN CONSERVATIVES OF THE EARLY 20th CENTURY (ON THE QUESTION OF HISTORICAL POTENTIAL OF DOMESTIC CONSERVATISM)	
<i>Педагогика и методика преподавания</i>		<i>Pedagogics and Methods of teaching</i>	
<i>Акимов М.Ю.</i> МОДЕЛЬ СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В УСЛОВИЯХ УНИВЕРСИТЕТСКОГО КОМПЛЕКСА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К РАЗВИТИЮ СИСТЕМЫ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	47	<i>Akimov M.Yu.</i> THE MODEL OF CONTENT INTEGRATION IN CONDITIONS OF UNIVERSITY COMPLEX: REGIONAL APPROACH TO THE DEVELOPMENT OF THE SYSTEM OF UNINTERRUPTED PROFESSIONAL EDUCATION	
<i>Алексамян Г.А.</i> МОДЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ СПО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИКТ	51	<i>Aleksanyan G.A.</i> THE MODEL OF SELF STUDY ORGANIZATION FOR SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION STUDENTS USING ICT	
<i>Башкатов И.А.</i> ЗНАЧЕНИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ СКУЛЬПТУРЫ В СИСТЕМЕ ХУДОЖЕСТВЕННО- ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ	55	<i>Bashkatov I.A.</i> SIGNIFICANCE OF AESTHETIC EDUCATION IN STUDYING SCULPTURE IN THE SYSTEM OF ARTISTIC AND PEDAGOGICAL EDUCATION	

CONTENTS

Historical Sciences, Ethnology and Archeology

<i>Дендебер И.А., Бердник Н.И., Золототрубов И.В.</i> ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧИТЕЛЯ И ОБУЧАЮЩИХСЯ В РАЗВИВАЮЩЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ШКОЛЫ: ВОПРОСЫ ДИАГНОСТИКИ, АДАПТАЦИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ	58	<i>Dendeber I.A., Berdnik N.I., Zolototrubov I.V.</i> TEACHER AND STUDENT ACTIVITY IN THE DEVELOPMENTAL LEARNING ENVIRONMENT OF SCHOOL: ISSUES OF DIAGNOSTICS, ADAPTATION AND SOCIAL ACTIVITY
<i>Ивановская М.Н.</i> ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТЕРМИНА «ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ»	64	<i>Ivanovskaya M.N.</i> HISTORY OF THE ORIGIN OF THE TERM "INFORMATION AND COMMUNICATION COMPETENCE"
<i>Иващенко И.Н.</i> ПРИМЕНЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В МЕТОДОЛОГИИ ПРЕПОДАВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДИСЦИПЛИН	66	<i>Ivaschenko I.N.</i> THE APPLICATION OF INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN THE METHODOLOGY OF TEACHING PROFESSIONAL DISCIPLINES
<i>Ксендзова Г.Ф.</i> СОДЕРЖАНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ МАРКЕТИНГОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ	68	<i>Ksendzova G.F.</i> CONTENTS AND DIRECTIONS OF MARKET RESEARCHES IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS
<i>Лапина Е.В., Обухова Л.А.</i> ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ ПЕДАГОГА К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ	73	<i>Lapina E.V., Obukhova L.A.</i> FORMATION OF VALUE ATTITUDE OF A TEACHER TO PROFESSIONAL WORK IN THE SYSTEM OF ADDITIONAL TEACHER TRAINING
<i>Ларченко И.Н.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНО-УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	76	<i>Larchenko I.N.</i> THE USE OF TECHNOLOGY OF SOCIAL AND ADMINISTRATIVE REORGANIZATION IN CONDITIONS OF TRANSFORMATION OF PROFESSIONAL EDUCATION
<i>Нелунова Е.Д.</i> МУЛЬТИМЕДИЙНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ПОСТРОЕНИЯ ОТКРЫТОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ	82	<i>Nelunova E.D.</i> MULTIMEDIA TRAINING AS A MEANS OF OPEN LEARNING ENVIRONMENT CREATION
<i>Обари Ф.М.</i> ОСОБЕННОСТИ КОЛОРИСТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	87	<i>Obari F.M.</i> PECULIARITIES OF COLOUR INFLUENCE IN THE PROCESS OF TEACHING STUDENTS IN THE CONTEXT OF HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION
<i>Рубан А.В.</i> ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ У КУРСАНТОВ ВОЕННЫХ ВУЗОВ	89	<i>Ruban A.V.</i> VALUE ORIENTATIONS FORMATION OF STUDENTS OF MILITARY HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS
<i>Турчен Д.Н.</i> НОВАЯ МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ РЕШЕНИЮ РАСЧЕТНЫХ ЗАДАЧ ПО ХИМИИ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ	91	<i>Turchen D.N.</i> NEW TRAINING TECHNIQUES FOR SOLUTION OF RATING CHEMISTRY TASKS IN SECONDARY SCHOOL
<i>Фомин М.М.</i> ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	95	<i>Fomin M.M.</i> FORMATION OF CROSS-CULTURAL COMPETENCE UNDER CONDITIONS OF DIALOGUE OF CULTURES

Политические науки		Political Sciences	
Водяницкий В.А. СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ПРЕЗИДЕНТСТВА В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)	103	Vodyanitsky V.A. THE FORMATION OF THE PRESIDENCY IN THE SAKHA REPUBLIC (YAKUTIA)	
Зекрист Р.И. ВЛАСТЬ: СУЩНОСТЬ И СТРУКТУРА	109	Zekrist R.I. POWER: ESSENCE AND STRUCTURE	
Юрченко И.В., Юрченко Н.Н. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДЕСТРУКТИВНЫМ ТЕНДЕНЦИЯМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ ПОЛИЭТНИЧНОГО СОЦИУМА	116	Yurchenko I.V., Yurchenko N.N. INFORMATION TECHNOLOGIES OF RESISTANCE TO DESTRUCTIVE TENDENCIES IN THE POLITICAL SPHERE OF MULTI-ETHNIC SOCIETY	
Социология и психология		Sociology and Psychology	
Антипьев А.Г., Захаров Н.Н. СОЦИАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ	121	Antipyev A.G., Zakharov N.N. SOCIOLIZATION OF MODERN RUSSIAN YOUTH: CONDITION AND PROBLEMS	
Васильев С.С. ЗВУЧАЩИЕ СМИ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: АСПЕКТЫ ВЕРБАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ	127	Vasiliev S.S. SOUNDING MASS MEDIA IN THE SYSTEM OF LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF MODERN SOCIETY: ASPECTS OF VERBAL ACTIVITY OF MASS MEDIA WORKS AND THEIR INFLUNCE ON MASS CONSCIOUSNESS	
Каракуц К.И. ПРОЦЕСС СОЗДАНИЯ И ПОНИМАНИЯ ИМПЛИЦИТНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ИНТЕРНЕТ-СРЕДЕ	134	Karakuts K.I. THE PROCESS OF CREATING AND UNDERSTANDING IMPLICIT INFORMATION ON THE INTERNET	
Квасова О.Г. К СОВРЕМЕННОМУ СОСТОЯНИЮ ПРОБЛЕМЫ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИЧНОСТИ	137	Kvasova O.G. ON THE CURRENT STATE OF THE PROBLEM OF PERSONALITY TIME PERSPECTIVE	
Кощеев Э.Б. ТЕОРИЯ РАЦИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА В ИСТОРИИ СОЦИОЛОГИИ	142	Koscheev E.B. RATIONAL CHOICE THEORY IN THE HISTORY OF SOCIOLOGY	
Криволюсков В.В. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	146	Krivopuskov V.V. THEORETICAL PROBLEMS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH ON CONSOLIDATION OF RUSSIAN SOCIETY	
Ракачев В.Н., Халафян А.А. ОЦЕНКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КУБАНИ В 1930-1940-е гг. С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДОВ СТАТИСТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ	150	Rakachev V.N., Khalaphyan A.A. ESTIMATION OF KUBAN POPULATION DURING THE PERIOD OF 1930-1940 USING STATISTICAL MODELING METHODS	
Резванцева М.О. РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ОСОЗНАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ КРИТЕРИЕВ ОЦЕНИВАНИЯ	156	Rezvantseva M.O. REGIONAL SPECIFICS OF REALIZATION OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL EVALUATION CRITERIA	

Филологические науки		Philological Sciences	
<i>Гаджиева М.М.</i>		<i>Gadzhieva M.M.</i>	
СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СРЕДСТВ ФОРМИРОВАНИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АВАРСКОГО ЯЗЫКОВ)	161	COMPARATIVE CHARACTERISTIC OF THE MEANS OF NEGATIVE SENTENCES FORMATION IN THE LANGUAGES WITH DIFFERENT STRUCTURES (ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN AND AVARIAN LANGUAGES)	
<i>Ибрагимова М.О.</i>		<i>Ibragimova M.O.</i>	
РОЛЬ АТРИБУТИВИЗАТОРА -ДЫ/-Д В СТРУКТУРЕ ПАДЕЖНЫХ ФОРМ РУТУЛЬСКОГО ЯЗЫКА	164	THE ROLE OF - ДЫ/-Д ATTRIBUTIVIZATOR IN THE STRUCTURE OF CASE FORMS OF THE RUTUL LANGUAGE	
<i>Климентьева А.Д.</i>		<i>Klimentyeva A.D.</i>	
АССИМИЛЯЦИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ ИЗ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА С ГЕНДЕРНЫМ КОМПОНЕНТОМ «WOMAN» В РУССКОЙ РЕЧИ ТАТАРСКИХ БИЛИНГВОВ	167	ASSIMILATION OF BORROWINGS FROM THE ENGLISH LANGUAGE WITH THE GENDER COMPONENT «WOMAN» IN THE RUSSIAN SPEECH OF TATAR BILINGUALS	
<i>Мишланова С.Л., Куприянычева Е.А.</i>		<i>Mishlanova S.L., Kuprianycheva E.A.</i>	
МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА «ЭКСТРЕМИЗМ» НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ	170	MODELING OF THE CONCEPT OF «EXTREMISM» BASED ON THE LEXICOGRAPHIC SOURCES	
<i>Руссу Е.А.</i>		<i>Russu E.A.</i>	
ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ТАКТИКИ «ВОЗМУЩЕНИЕ» В РЕЧЕВОМ ЖАНРЕ «ОПРАВДАНИЕ» (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ОБИХОДНОГО ДИСКУРСА)	176	LINGUISTIC MEANS OF “INDIGNATION” TACTIC IMPLEMENTATION IN THE “JUSTIFICATION” SPEECH GENRE (BASED ON THE GERMAN COLLOQUIAL DISCOURSE)	
<i>Шустова С.В., Смирнова Е.А.</i>		<i>Shustova S.V., Smirnova E.A.</i>	
ВАЛЕНТНОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГЛАГОЛОВ С ИНКОРПОРИРОВАННЫМ АКТАНТОМ-ЛОКАТИВОМ	180	VALENCY POTENTIAL OF THE VERBS WITH INCORPORATED PARTICIPANT LOCATIVE	
Философские науки		Philosophical Sciences	
<i>Гафиатуллин Р.А.</i>		<i>Gafiatullin R.A.</i>	
ПРОЦЕССЫ САМООРГАНИЗАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ СИСТЕМ И ВСЕЛЕННОЙ НА РАННИХ СТАДИЯХ ЭВОЛЮЦИИ	187	THE PROCESS OF SELF-ORGANIZATION OF SEPARATE SYSTEMS AND THE UNIVERSE DURING THE EARLY STAGES OF EVOLUTION	
<i>Румянцева Н.Л.</i>		<i>Rumyantseva N.L.</i>	
СОЦИАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА КАК ЭВОЛЮЦИЯ ИНДИВИДУАЛИЗМА И КОЛЛЕКТИВИЗМА В ТРУДАХ Ф. ХАЙЕКА, Р. АРОНА, К. ПОППЕРА: ЧАСТЬ 1. Ф. ФОН ХАЙЕК	190	SOCIAL HUMAN EVOLUTION AS THE EVOLUTION OF INDIVIDUALISM AND COLLECTIVISM IN THE WORKS OF F. HAYEK, R. ARON, K. POPPER: PART 1. F. VON HAYEK	
<i>Рябова Е.В., Шулугина Г.А.</i>		<i>Ryabova E.V., Shulugina G.A.</i>	
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭКОЛОГИИ И РЕЛИГИИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ВЗАИМОДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ НАУЧНОГО И ВНЕНАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ	194	THE INTERACTION OF ECOLOGY AND RELIGION AS AN EXPRESSION OF COMPLEMENTARITY OF SCIENTIFIC AND NON-SCIENTIFIC KNOWLEDGE	
<i>Черкозьянова Т.В.</i>		<i>Cherkozyanova T.V.</i>	
К ВОПРОСУ ВЛИЯНИЯ КОНЦЕПЦИЙ ГНОСТИЦИЗМА НА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СУДЬБЕ	199	ON THE INFLUENCE OF CONCEPTS OF GNOSTICISM IN THE CONCEPTIONS OF FATE	
Юридические науки		Legal Sciences	

<i>Глевич М.А.</i> ДОГОВОР, РЕГУЛИРУЮЩИЙ ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ДОСТУПА К СЕКРЕТУ ПРОИЗВОДСТВА	205	<i>Glevich M.A.</i> THE CONTRACT REGULATING PROVISION OF ACCESS TO KNOW-HOW
<i>Исаева Е.А., Сочнева О.И.</i> ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ ОДНОПОЛЫМИ СУПРУГАМИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ	214	<i>Isaeva E.A., Sochneva O.I.</i> THE UPBRINGING OF CHILDREN BY SAME-SEX SPOUSES: ISSUES OF THEORY AND PRACTICE
Информация	217	Information

Исторические науки и археология

УДК 330.1; 330.8

Вахтина Маргарита Анатольевна

кандидат экономических наук, доцент, проректор
Поволжского государственного университета сервиса
тел.: (482) 22-91-74

**ВЛИЯНИЕ ОБЩИННОЙ ФОРМЫ
ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ
РОССИЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ
СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ**

Исследовано влияние общинной формы хозяйствования на формирование российской концепции социальной справедливости. Определены основные факторы, оказавшие существенное влияние на ментальность российского хозяйственного деятеля на мезоуровне институциональной системы. Показаны российские особенности формирования институциональных ролей индивида по сравнению с западной традицией.

Ключевые слова: социальная справедливость, общинная форма хозяйствования, коллективная форма собственности, уравнительный принцип, коллективная хозяйственная этика.

Vakhtina Margarita Anatolyevna

PhD in Economics, Associate Professor, Vice-Rector of
Volga Region State University of Service
tel.: (482) 22-91-74

**THE IMPACT OF COMMUNAL FORMS OF
MANAGEMENT ON THE FORMATION OF
THE RUSSIAN CONCEPT OF
SOCIAL JUSTICE**

The article observes the influence of communal forms of management on the formation of the Russian concept of social justice. The author determines the main factors that have a significant impact on the mentality of the Russian economic individual at the meso-level of the institutional system, describes the Russian features of formation of the institutional roles of the individual in comparison with the Western tradition.

Key words: social justice, communal form of management, collective ownership, egalitarian principle, collective management ethics.

Большое влияние на формирование российской концепции социальной справедливости на мезоуровне институциональной системы сыграла сначала поземельная, а затем сельская община. Отечественные и зарубежные ученые видели в сельской общине важнейшую производственно-экономическую структуру, долгое время определявшую характер производства в России. Кроме того, несмотря на происходящие исторические изменения, она оставалась долгие годы важнейшей формой социальной организации и самоуправления российского крестьянства. Под воздействием внешних условий – государственной политики, состояния экономики, аграрных реформ – сельская община видоизменялась, но не исчезала, вновь возрождаясь, даже в ходе Октябрьской революции и сразу после нее.

В чем специалисты усматривали причины живучести общинных форм хозяйствования, и прежде всего сельской общины в России? Во-первых, семейное хозяйство не могло обойтись без посторонней помощи. При существующем уровне технического развития, сильной зависимости производства от погодных условий, кооперация требовалась даже в собственном хозяйстве работника. Что касалось построения соответствующей инфраструктуры или освоения новых территорий, то здесь и вовсе нельзя было обойтись без коллективных усилий. Во-вторых, к объединению подталкивало сильное давление со стороны государства и крупных землевладельцев: объединившись, крестьянские семьи могли значительно успешнее отстаивать свои интересы. Третья причина была связана с высокой степенью эксплуатации крестьянских хозяйств, постоянным усилением фискального гнета и ростом повинностей [1, с. 600–601; 2, с. 5–59].

В этих условиях, во-первых, землевладельцу было выгодно поддерживать власть общины, поскольку за счет коллективной ответственности она обеспечивала сбор подушной подати, за которую с него спрашивало государство; во-вторых, государство было заинтересовано в сохранении общины, так как она помогала в гарантированном сборе повинностей и платежей. Чтобы обеспечить выполнение повинностей, государство возлагало на общины (и сельские, и городские) коллективную ответственность за уплату ее членами налогов и предоставление требуемых от них услуг. Те, в свою очередь, распределяли это бремя между отдельными хозяйствами согласно числу работающих мужчин, реагируя на происходящие изменения в хозяйствах, занимались (в случае необходимости) перераспределением выделяемых каждой семье земельных полос. Община тем самым выступала гарантом нормального функционирования и воспроизводства семьи, тем институтом, который в трудных условиях обеспечивал ее физическое выживание и выполнение повинностей. Во многом поэтому у русских крестьян сформировалось устойчивое представление о двухуровневом предназначении крестьянской собственности и вытекающих из нее правоотношений – семейно-потребительском и тягловом, рас-

смаатриваемом в контексте сословной службы. Причем тягловому предназначению отдавался приоритет, оно признавалось необходимым и достаточным, в то время как семейно-потребительское – только необходимым [3, с. 94]. Несмотря на то что конкретно-исторические формы налогообложения менялись, такое представление сохранялось и проявлялось в мотивации социально-экономического поведения крестьян. Они считали необходимым в первую очередь рассчитаться по налогам, поэтому тяговые требования власти, которые подрывали воспроизводственный потенциал хозяйств, переживались ими наиболее болезненно [4, с. 93]. Община строго следила за выполнением общественных обязательств и не допускала семейно-хозяйственных разделов и имущественных сделок, в результате которых создавалась угроза утраты тягоспособности крестьянских дворов. Таким образом, в представлениях российского крестьянства, которое составляло подавляющую часть работающего населения России (а впоследствии населило города), прочно закрепились представления о служебном характере труда и приоритете выполнения общественных обязанностей.

В период столыпинской реформы община, получившая статус юридического лица, также стала своего рода поручителем государства. Хотя Манифест об отмене крепостного права дал помещикам гражданские (хотя и ограниченные) права, а также возможность приобретать любую собственность, многие полномочия и земля были переданы общине. Это было сделано главным образом для того, чтобы обеспечить исполнение крестьянами их налоговых обязательств перед государством – уплаты подушной подати, а также «выкупных платежей», причитающихся правительству за то, что оно возместило помещикам утрату земель. Медленное укоренение собственнического начала в крестьянской среде и приверженность к общинной собственности на землю в период столыпинской реформы во многом было обусловлено ухудшением положения общины, и в первую очередь тяжестью выкупных платежей. Именно поэтому воспользоваться возможностью образования отдельного семейного хозяйства в период реформ смогли немногие, а надежды создать многочисленный класс самостоятельных сельских хозяев не оправдались. Центральным пунктом столыпинской аграрной реформы была замена собственности семейно-трудового коллектива (она должна была исчезнуть вместе с общинной) собственностью домохозяина, которую только и можно было в полной мере считать частной собственностью. Однако эти планы не были реализованы, так как значительная часть крестьянства их не поддержала. Частная собственность домохозяина на землю в глазах крестьян означала или быстрое измелчание земельных наделов, так как пропадала возможность перераспределения земли внутри общины, или введение единонаследия, что вело бы к нарушению привычного равенства членов семьи и обеднению отдельных ее членов. Поэтому важнейшей чертой сельской общины на долгие годы осталось верховенство коллективной общинной собственности над собственностью индивидуальной, что существенным образом отразилось на представлениях российского хозяйственного деятеля о социальной справедливости.

Другой особенностью общинного землевладения была связь последнего с трудовым принципом, так как это обеспечивало реальное осуществление права каждой крестьянской семьи на труд, а следовательно, на физическое выживание. А поскольку труд рассматривался в качестве первоисточника имущественных прав, то собственность на землю связывалась только с вложенным трудом. Получалось, что если земля никем не создана, то собственностью в настоящем смысле она быть не может. Таким было отношение не только к земле, но и к ее недрам – полезным ископаемым. Нерукотворные объекты собственности присваивались работниками в меру хозяйственных потребностей и трудовых усилий, поэтому приобретали в глазах людей определенную неприкосновенность. При этом специалисты отмечают, что крестьянское самосознание отвергало мысль о том, что земля может быть ничейной. Земля не «ничья, а Божья, государственная, мирская». Именно этот тезис как нельзя лучше помогал крестьянину удерживать свою землю и оберегать ее от хищнического использования со стороны феодалов и нарождающихся капиталистов [5, с. 188].

Следствием массовых представлений о труде как о первоисточнике имущественных прав стало отрицательное отношение к использованию земли в качестве капитала, источника обогащения и эксплуатации наемного труда. (Эти качества послужили в дальнейшем индикаторами для определения кулака.) Труд на земле и присвоение земли для осуществления трудовой деятельности оставались для крестьянина «высшей правдой и справедливостью», собственность же была не капиталом, приносящим доход или прибыль, а, во-первых, средством пропитания и, во-вторых, средством исполнения обязанностей перед государством. Эти факторы предопределили ключевые элементы российской концепции социальной справедливости, связанные с представлениями о трудовом характере собственности.

Отношение к собственности, ее связь с трудовым принципом стали благоприятной почвой для реализации принципа уравнительности. Р.М. Нуреев и Ю.В. Латов, рассматривая общинный коллекти-

визм как важную черту российской крестьянской общины, приводят данные американского экономиста Д. Филда о коэффициенте Джини распределения наделной земли (свидетельствующего о степени дифференциации земельных наделов), который почти во всех уездах России составлял только порядка 0,3–0,4 [6, с. 347]. Принцип уравнительности, хотя и замедлял развитие товарно-капиталистических отношений, смягчал нищету и обеспечивал физическое выживание работников, прежде всего крестьянских семей в рамках сельской общины. А. Кауфман, в частности, утверждал, что принцип традиционной русской общины – «принцип равенства всех перед землей» опирается на первоначальную идею единства общины и равенства, прав каждого члена на соответствующую долю общинной земли [7, с. 1–2, 169]. Уравнительно-передельный механизм сельской общины укреплялся по мере роста населения, сокращения фонда пригодных для обработки земель и сложности их обработки [8, с. 264–265, 128, 149]. Уравнительные отношения на мезоуровне институциональной системы, важнейшей частью которого выступала крестьянская община, способствовали развитию уравнительного принципа в содержании российской концепции социальной справедливости.

Немаловажным фактором стало то, что община была не только экономическим институтом, но и социальным. Она брала на себя функции «социального обеспечения»: призрение малолетних крестьянских сирот, содержание одиноких и престарелых. Широко практиковалась коллективная помощь крестьянам, пострадавшим от стихийных бедствий, при постройке дома, сельскохозяйственных работах. Крестьянская этика не допускала отказа со стороны какого-либо из членов общины от участия в коллективной помощи односельчанину, оказавшемуся в тяжелой ситуации. Кроме того, община оставалась важнейшей ячейкой самоуправления на селе. Эти факторы предопределили то положение, что крестьянская община стала своеобразным миром, который обладал многими функциями, сходными с государственными, и мог выживать в самых неблагоприятных условиях. Эти факторы способствовали усилению социальной составляющей в экономических отношениях, особенно на уровне предприятия (мезоуровне институциональной системы) и повлияли на представления людей об обеспечении социальной справедливости.

Сразу после Октябрьской революции крестьянская община оказалась полезной как для самой власти (так как она обрела роль революционно-демократической организации в борьбе против самодержавно-помещичьего режима и могла обеспечить обязанности по уплате налогов за счет привычного механизма коллективной координации), так и для крестьян, поскольку отражала их представления о должном. Приоритетность собственности двора и отрицание частной собственности домохозяина было одной из главных идей революционного правосознания, нашедших выражение во всех основных земельных законах Советской власти, начиная с Декрета о земле. Общинные корни проявлялись в привычной ценности прямого самоуправления села, в абсолютном приоритете трудового пользования землей – равенстве прав на землю всех, кто ее обрабатывает своим трудом. Но хотя работы по «усовершенствованию» общины велись после революции довольно широко, должной поддержки со стороны советского государства они не получили. Внимание новой власти было приковано к строительству коммунистических форм хозяйствования, которые противостояли старой общине с ее мирским самоуправлением и семейно-трудовым хозяйством. В советский период община была заменена колхозами, которые сохранили у многих работников ощущение коллективной защищенности. Уже к концу 1920-х гг. были национализированы все сельскохозяйственные угодья, объединены общинные наделы, а десятью годами позже законодательно закреплены отработочная, натурально-продуктовая и денежная повинности.

Признаки общинных форм хозяйствования имели место не только на селе, но и в промышленности. Одной из форм хозяйственной промышленной организации в России была артель, которую Герцен называл «передвижной общиной». Артель представляла собой союз лиц, имеющих равные обязанности, пользующихся одинаковыми правами, участвующих в общем ведении промысла своим трудом, она стала одной из первых сугубо российских форм рабочего самоуправления на предприятиях, где присутствовали взаимопомощь и солидарность. В то же время такая более характерная для капитализма форма объединения работников, как кооперация, широкого распространения в России не получила, хотя кооперативы и начали повсеместно возникать (особенно на свободных землях). Вопрос о соотношении крестьянской общины и кооперации до сих пор в среде ученых остается спорным, но большинство из них придерживаются мнения о том, что кооперация имела безусловные особенности по сравнению с общинной формой организации. В отличие от нее кооперация не возникала органически, в нее вступали сознательно и добровольно для достижения определенных, прежде всего хозяйственных целей (совместного производства, переработки, приобретения, сбыта продукции, сырья, дешевого кредита), поэтому она давала большую степень экономической свободы и больше отвечала духу классического капиталистиче-

ского производства. И хотя формально многие стороны деятельности кооперации и общины не различались, в сущности, коллективизм и взаимопомощь, способы управления, характер членства и другие параметры этих организационно-хозяйственных форм имели значительные различия.

Господство общинных форм хозяйствования в России в течение долгих лет предопределило приоритет коллективной хозяйственной этики над индивидуальной. Для западной традиции было характерно иное – единение совести и индивидуальной деятельности, когда непосредственным носителем совести и морали выступает отдельный человек, а субъект деятельности и носитель совести совпадают в одном лице. Поэтому западная традиция видела в индивиде «центр морально-политического устройства, источник деятельности, трансцендентального субъекта, наделенного трансцендентными правами» [9, с. 145, 148]. Наиболее последовательно вопросы становления индивида как носителя нравственной (совестливой) деятельности в процессе развития современного капитализма были исследованы М. Вебером применительно к протестантской этике [10]. Высокая оценка индивидуальной идентичности, большое внимание к индивидуальной деятельности и сознанию способствовали формированию новой системы обязанностей, основанной на индивидуальной совести, нового типа сотрудничества, имеющего консенсуальный характер, которые получили развитие в Западной Европе. Следом за пересмотром системы взаимоотношений начался пересмотр организационных структур, опосредующих межличностные взаимодействия (в частности, получили развитие договорные отношения).

В отличие от этого, для России оставалась характерной сильная приверженность к коллективным ценностям, основанная на слабой функциональной дифференциации и институционализации функций, а также высокая оценка коллективной солидарности и общности. При этом было бы неправильным утверждать, что влияние коллективной социальной общности в современном западном обществе полностью утратило свое значение, тем более что исторически источник добродетели проистекал именно из публичной сферы.

В своем идеале коллективная хозяйственная этика дореволюционной общины подразумевала соборность. Будучи по существу христианской православной этикой, она основывалась не на страхе, а на любви, на приоритете духовного над материальным и одновременно выступала своеобразным заменителем норм права, так как правовые отношения в том виде, в котором это было характерно для римского права, должного развития в России не получили. С.Н. Трубецкой усвоив концепцию «всеединства» В.С. Соловьева, интерпретировал соборность как совпадение религиозного, нравственного и социального начал, противостоящее как индивидуализму, так и ограниченному коллективизму. Все теоретические подходы к объяснению специфики соборности объединяет главное – соборность означает не какое-либо механическое объединение людей во имя исполнения той или иной задачи, а органичное единение, «братство во Христе», которое наиболее последовательно интерпретировал известный русский философ Франк [11, с. 67]. Так как соборность рассматривалась как следствие свободного человеческого начала, выражение «свободы духа человека», то в ней присутствовала активная сторона совместного взаимодействия, соседская взаимопомощь, самоуправление, служение. В своем идеальном значении соборность не умаляет свободу личности, которая связана с другими свободными личностями не принудительно, не просто в силу необходимости, а узами любви. В этом смысле соборность не равнозначна коллективизму («механическому» соединению «дальних», по Н. Бердяеву), а в известном смысле даже противоположна ему, так как коллективизм, не связанный с духовностью, заменяет собой нравственный центр, совесть, способность к самостоятельным суждениям и оценкам [12, с. 234, 245]. Такой коллектив как бы становится над человеком, может подавлять личность и превращать ее в безвольную часть целого, заменять собой совесть и ответственность человека за совершенные поступки. Механистический коллективизм делает реальной угрозой того, что блага (это может быть общественное благо) получают независимое от индивида существование, когда они ему навязываются. В таком случае не остается места потенциальному компромиссу или согласованию отдельных интересов, поскольку людей можно заставить поверить в то, что именно так и нужно поступать, что это и есть настоящее благо. Такая позиция помещает конечный источник ценности за пределы той области, в которой участники процесса могут сами эффективно выражать свои предпочтения, поэтому является одновременно «и авторитарной, и антииндивидуалистической» [13, с. 79, 84].

Однако не стоит считать конкретные формы общинных отношений, которые имели место в дореволюционной России, универсальными и идеальными, как это делали славянофилы. Общинные отношения не отменяли той формы коллективизма, которая подавляла личность (но они и не вытекали из него). При сохранении коллективного принуждения и притеснения индивидуального начала крестьянская община не позволяла выйти наружу негативным сторонам, выражающимся в антиобщественном поведении. Общинные отношения способствовали сохранению коллективных ценностей,

выражающихся в сопричастности индивида к делам и интересам коллектива, солидарности, сотрудничестве, взаимопомощи, и заключали в себе большой позитивный потенциал. Это позволяло многим ученым и общественным деятелям XIX и начала XX в. рассматривать общину как способ переустройства российского общества на началах коллективизма и социальной справедливости.

Советские трудовые коллективы периода административно-плановой системы продолжали выполнять важные социально-экономические функции, но в отличие от коллективной хозяйственной этики общины, этика советских коллективов опиралась на классовую идеологию коммунизма. Они дисциплинировали личность, несли коллективную ответственность, брали на себя функции социальной защиты тех, кто в этом нуждался (пусть даже иногда в крайних формах). Коллектив с его групповой ответственностью (будь то сельская община, артель, ремесленная или торговая гильдия, семья или трудовой коллектив советского предприятия) был способен повысить результаты труда, ассимилировать слабых членов, нейтрализовать их или позаботиться о них. Правильное сочетание индивидуальных стимулов и коллективных устремлений по-прежнему демонстрирует поразительные примеры экономической эффективности. Однако непрочная этическая основа грозит регрессом коллективной этики (который немецкий исследователь Эрих Нойманн называл «повторной коллективизацией») и может привести к распаду традиционных групп, возвращению к первобытной групповой идентичности, которая не предполагает никакой личной ответственности [14]. В этом ученые видят реальную угрозу полного распада доверия и возврата к прошлому, связанному с «феодализацией жизни», когда людей уже не связывает духовная близость, основанная на общности «сильных» оценок, и они начинают представлять потенциальную угрозу друг для друга [15, с. 200–201].

Таким образом, влияние общинных форм хозяйствования на российскую концепцию социальной справедливости выразилось в приоритетности выполнения общественных обязательств; в приоритете коллективных форм собственности перед частной собственностью домохозяина и коллективных форм хозяйствования относительно индивидуальных; в отрицательном отношении к использованию земли в качестве капитала и источника обогащения; в уравнительном принципе владения землей и распоряжении результатами труда; в неразрывном единстве экономических и социальных задач. Эти представления были обусловлены особенностями экономического развития России, они прочно закрепились в сознании россиян и могут меняться только по мере изменения условий, породивших их.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Чичерин Б.Н. Обзор исторического развития сельской общины в России // Русский вестник. 1856. Т. 1, кн. 2.
2. Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. М., 1858.
3. Кучумова Л.И. Сельская община в России (вторая половина XIX в.). М., 1992.
4. Большаков А.М. Деревня после Октября. Л.: Прибой, 1925.
5. Карелин А.А. Общинное владение в России. СПб., 1893.
6. Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Россия и Европа: Эффект колее (опыт институционального анализа истории экономического развития): монография. Калининград, 2010.
7. Кауфман А.А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. М., 1908.
8. Качоровский К.Р. Русская община. М., 1906.

УДК 94(470) "18/19"

Гришочкина Наталья Борисовна

соискатель Карачаево-Черкесского
государственного педагогического университета
тел.: (967) 313-22-35

**ПЧЕЛОВОДСТВО В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И МИРОВОЗЗРЕНИИ
ЛИНЕЙНЫХ КАЗАКОВ В XIX – нач. XX в.**

В статье рассматривается хозяйственная деятельность линейных казаков и ее отражение в духовной культуре (на примере пчеловодства), отраженная в архивных и этнографических сведениях, научных публикациях исследователей различных периодов (дореволюционного, советского, постсоветского), обращается внимание на становление отрасли под влиянием новых для казаков природно-климатических условий, интеграцию их опыта в хозяйственную деятельность соседних народов.

Ключевые слова: казаки, пчеловодство, духовная жизнь, легенда, менталитет.

Grishokina Natalya Borisovna

Postgraduate Student of Karachai-Cherkess
State Pedagogical University
tel.: (967) 313-22-35

**BEEKEEPING IN THE ECONOMIC ACTIVITY
AND WORLD OUTLOOK OF LINEAR
COSSACKS IN THE 19TH AND
EARLY 20TH CENTURIES**

In the article the author considers the economic activity of linear Cossacks and its reflection in their spiritual culture (based on the example of beekeeping), presented in the archival and ethnographic data, scientific publications of the researchers of various periods (Pre-Revolutionary, Soviet, Post-Soviet). The attention has been drawn to the formation of the branch under the influence of climatic conditions that were new to Cossacks; integration of their experience into economic activity of the neighbouring peoples.

Key words: Cossacks, beekeeping, spiritual life, legend, mentality.

Целью статьи является рассмотрение одного из важнейших и доходных занятий линейных казаков – пчеловодства, в совокупности с представлениями, сопутствующими данной отрасли.

Хозяйственные занятия казаков изучали в дореволюционный, советский и современный периоды (И.Д. Попко, Н.П. Гриценко, Л.Б. Заседателева и др.). Однако исследователи до сих пор не касались рассматриваемой отрасли с тех позиций, которые предлагаются в данной статье.

Кубанская и Терская область с обилием растительности располагали к успешному развитию пчеловодства, со временем занявшего видное место в хозяйстве казаков как самостоятельная и выгодная отрасль. Раннее пробуждение растительности позволяло пчелам брать постоянный весенний взятки и поддерживать отошедшую за зиму пчелу. Пчеловоды применяли искусственную подкормку пчел, известную как «германский» способ [1].

На лето пасеки располагали в степи, около рек и ручьев на низменных и защищенных от ветра местах. На зиму ульи убрали в крытые помещения или в специально вырытые ямы, которые устилали мхом, сеном или соломой. Сверху ульи закрывали сеном или соломой. «Домохозяйства, разводившие пчел для собственных нужд, устанавливали ульи на чердаках» [2].

Пчелы на Линии были в основном кавказских пород – чернобурые и серые. Серая пчела (в народе «дикая») отличалась меньшими размерами, но была плодовитее и трудолюбивее, ее обычно разводили начинающие пчеловоды.

Пчеловоды на начальном этапе развития этой отрасли помещали пчелиные семейства в простой посуде или же в выдолбленных пнях (из черноольхового и белолісткового дерева). Со временем ульи стали закрывать деревянными сухими досками, сверху натягивали рубероид (особенным образом обработанный войлок), забитые гвозди смазывали руберином [3]. В линейных станицах был широко известен улей Рута. У него было глухое дно, рамки располагались в два яруса, по 10 в каждом, рамки имели размеры 9 1/8 дюйма внутри и 17 5/8 дюйма снаружи. Из хороших ульев получали до 1 1/2 пудов меда и около 4 фунтов воска, из плохих – от 20-30 фунтов меда и 2-3 фунта воска. В 1870 г. появились новые виды ульев – бездонные, колодные стоячие, которые вытеснили сапетки.

Пчеловоды-горцы, чтобы получить мед или воск, убивали пчел посредством удушения серными газами. В 1879 г. ими было уничтожено до 3 тыс. колод, добыто таким способом меда до 2 тыс. пудов. Под ульем горцы делали ямку, в которую насыпали землю, добавляли немного пороха и поджигали. Пчелы быстро задыхались и погибали, их вытряхивали и доставали мед сотами. Знакомство с русскими приемами пчеловодства внесло изменения в сбор меда у горцев и исключало уничтожение пчел. Линейные казаки излишки продуктов пчеловодства продавали. Цена на мед составляла 4,0 – 4, 5 руб. за пуд.

Правильного ухода за пчелами не было, в силу этого они часто болели. При заболеваниях гриб-

ком пчелиные семьи уничтожали полностью. Пчел, страдающих поносом, помещали в кадушки со снегом, тазы и другие емкости. Бичом для пчел был гнилец, для лечения этой болезни под дно улья клали горячие угли, прикрывали веточками можжевельника, на подстилку клали формалиновую лепешку. Как только начиналось испарение, в отверстие улья направляли дым, отверстие закрывали [4]. Страдали пчеловоды и от природных катаклизмов.

В линейных станицах «мед ценился не только как продукт питания, но и как лекарство при лечении простудных заболеваний и болезней желудка. Использовали не всякий мед, а с определенных трав, считавшихся целебными» [5]. Пчелиный клей использовался как средство от мозолей. Для этого нужно было взять немного клея, растопить, намазать на чистую тряпочку, приложить как пластырь на больное место, через несколько дней мозоли исчезали [6].

По поводу злости пчел и их жала в линейных станицах была широко известна легенда. Когда человек потревожил пчел, придя к ним за медом, они рассердились и полетели жаловаться Богу. «Господи! – сказали пчелы. – Человек обижает нас – отнимает у нас мед, а мы даже не можем защититься. Ты, Господи, при творении дал нам жало, а мы даже не знаем, как им пользоваться! Позволь нам жалить людей!». Господь пожалел пчел и позволил жалить людей, но только ради защиты себя и меда. На следующее лето человек вновь пришел к пчелам и забрал мед и соты. Тут уж пчелы смогли постоять за себя, но все равно остались недовольны и вновь стали жаловаться Господу. «Хоть мы и жалили человека, – говорили они Богу, – все равно не смогли помешать ему забрать мед, но мы видели, как от наших укусов распухло его тело. Сделай так, Господи, чтобы от нашего жала человек умирал!». «Нет, – отвечал им Бог, – не дам я вам то, о чем вы просите, ибо вы очень злые. В наказание за вашу злость умирайте сами, когда жалите человека или животное». С тех пор пчела, ужалив человека, погибает сама.

Убить пчелу в линейных станицах считалось святотатством. Ее считали Божьей угодницей, мудрейшей из насекомых, знающей много тайн. В станицах говорили: «мала пчелка, а более большого знает». Религиозные мотивы отражает народная мудрость: «Без пчелы (воска) и поп обедни не служит». По мнению казаков, пчелы не жили в доме, где присутствовали злоба и ненависть, они погибали или улетали. Считалось, «если девушка может пройти невредимой сквозь пчелиный рой, это служит доказательством ее невинности». С пчелами связано множество примет: если к спящему человеку подлетает пчела, ему суждено жить счастливо; если в крещенский Сочельник разыгрывалась метель, ожидали хорошего роения пчел.

Развитие пчеловодства отразилось на хозяйственно-бытовой и культурной жизни казачества, способствовало, наряду с другими отраслями, расширению международного сотрудничества казаков и северокавказских народов в XIX – начале XX вв.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Куракеева М.Ф.* Верхнекубанские казаки: быт, культура, традиции. Черкесск, 1999.
2. *Куракеева М.Ф.* Указ. соч.
3. Пчеловодная жизнь. 1906. № 3.
4. Пчеловодная жизнь. 1906. № 4.
5. *Невская В.П.* Хозяйство // Карачаевцы. Черкесск, 1978.
6. Земледельческий журнал. 1834. № 5.

УДК 323 (470.6)

Казанцев Виктор Германович

Герой России, доктор социологических наук,
профессор кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России
milena.555@mail.ru

Kazantsev Victor Germanovich

Hero of Russia, Doctor of Sociology,
Professor of the Department of Philosophy and
Sociology of Krasnodar University of the Ministry of
Internal Affairs of the Russian Federation
milena.555@mail.ru

РИСКОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭКСТРЕМИЗМА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В статье с позиции социологического анализа рассмотрен вопрос о противодействии общественной опасности политического экстремизма на Северном Кавказе, стратегии подавления которого применила федеральная власть. Главными тактическими средствами стали военная и антитеррористическая операция в Чечне, а также усиление уголовно-правового контроля и контрпропаганды. Военная и антитеррористическая операция в Чечне прервали тенденцию повышения угрозы политического экстремизма, но не покончили с терроризмом, который поддерживается извне.

Ключевые слова: стратегия подавления, политический экстремизм, средства контроля политического экстремизма.

RISK TAKING POTENTIAL OF EXTREMISM IN THE NORTH CAUCASUS

The article considers the issue concerning counteraction to public danger of political extremism in the North Caucasus from the position of sociological analysis. The federal authority has applied the strategy for suppression. The main tactical means have become military and anti-terrorist operation in Chechnya as well as strengthening criminal and legal control and counter-propaganda. The military and anti-terrorist operation in Chechnya has interrupted the tendency for increase of political extremism threat, but has not put an end to terrorism which is supported from the outside.

Key words: suppression strategy, political extremism, control means of political extremism.

Стратегия подавления – это систематическое пресечение действий политического экстремизма в регионах посредством применения силы федерального государства. Тактика стратегии подавления представляет ситуативный способ противодействия экстремизма.

На Юге России росту общественной опасности политического экстремизма способствует сохранение низкого уровня жизни населения в очагах межнационального напряжения. Если средний доход одного россиянина в конце 1998 г. был 900 руб. в месяц, то на Северном Кавказе он колебался от 300 руб. в Ингушетии и до 600 руб. в Краснодарском крае [1]. Массовая безработица, показатели которой самые высокие на Северном Кавказе, побуждает заниматься полуправильным и криминальным бизнесом. За первое полугодие 1999 г. при снижении реальных доходов населения на 24% товарооборот вырос на 8% [2]. Такой разрыв объясняется вовлечением населения республик в теневую экономику – игорный бизнес, нелегальное производство водочных и коньячных фальсификаторов, производство нефтепродуктов, торговлю наркотиками, оружием. Расширение теневой экономики означает расширение социальной базы политического экстремизма, поскольку он, как и криминальные структуры, заинтересован в отсутствии эффективного функционирования правоохранительных институтов.

Таким образом, в 1990-е гг. на Юге России обозначилась тенденция повышения общественной опасности политического экстремизма. Она была вызвана многочисленными радикальными структурами, которые стремились к ослаблению или вооруженному изменению конституционного порядка. Главным показателем тенденции являлось расширение практики и географии терроризма. Повышение общественной опасности политического экстремизма было вызвано антиконституционным режимом Чечни, соединением экстремизма с организованной преступностью, сохранением очагов межнациональной напряженности. Вследствие роста безработицы и теневой экономики произошло расширение социальной базы политического экстремизма.

В целях противодействия политическому экстремизму на Юге России федеральные органы власти избрали стратегию его подавления. Главным политическим средством подавления стала военная и антитеррористическая операция в Чечне. Дополнительными средствами подавления политического экстремизма на Юге России были усиление уголовно-правового контроля и контрпропаганды.

Главной экстремистской структурой в Чечне был антиконституционный режим, который возник в 1992 г. в результате вооруженного мятежа и насильственного захвата власти сепаратистами под руководством Д. Дудаева. Вооруженный сепаратизм был продуктом противостояния между национал-экстремистской элитой Чечни и федеральными властями, пытавшимися до 1994 г. и в период 1997-1999 гг. восстановить конституционный порядок в Чечне судебными и переговорными средствами. Чеченский антиконституционный режим дважды оказал вооруженное сопротивление федеральной армии

в 1994-1996 гг. и 1999-2000 гг., пока не был разгромлен. Сегодня его остатки ведут борьбу бандоповстанческими и террористическими методами.

Военная и антитеррористическая операция в Чечне проводилась с использованием тактики физического подавления. Эта тактика имеет несколько разновидностей. Крайняя тактика – это использование федеральных вооруженных сил против политического экстремизма в регионе. Военная операция 1994-1996 гг., проводимая по решению российского руководства в целях восстановления конституционного порядка в Чечне, не достигла политических и военных целей. Она завершилась хасавюртовским соглашением, не препятствующим распространению политического ваххабизма и терроризма на Юге и в других регионах России. О неэффективности тактики физического подавления политического экстремизма в первую чеченскую войну свидетельствует падение доверия населения России к своим вооруженным силам. Если в 1993 г. 53% населения видели в военных вооруженных защитников отечества, мира и жизни граждан, то в 1998 г. – 24% [3].

Исследователи отмечают две главные причины неэффективности примененной военной тактики 1994-1996 гг. Во-первых, политическая недалковидность российского руководства. Вначале 1990-х гг. из Чечни были выведены федеральные войска, которые оставили большие запасы оружия и боевой техники, используемые впоследствии против мирного населения преступными структурами и формированиями [4]. В Южном регионе была утрачена федеральная монополия на легитимное применение силы для сохранения конституционного порядка. Во-вторых, военная причина, состоящая в безответственности и авантюризме высшего генералитета, проявившихся в подталкивании Б.Н. Ельцина на войну в Чечне 1994 г. без подготовки войск [5]. Кроме падения престижа армии и руководства Федерации война унесла десятки тысяч жизней мирных жителей, российских военных, разрушила экономическую и социальную инфраструктуру Чечни, но не подорвала военный потенциал экстремизма.

Вторичное применение тактики военного подавления главного очага экстремизма на Юге России было более эффективным. Незаконные вооруженные формирования в Чечне были разгромлены в 1999-2000 гг. за счет укрепления мощи, маневренности и дальности действия федеральной армии. В 2000 г. в военных делах России наметилась позитивная тенденция. Усилилось внимание власти к армии и флоту, увеличились ассигнования на вооруженные силы, появились надежды на обновление техники и оружия, совершенствования управления армией.

Успеху второй военной операции в Чечне способствовала тактика контрпропаганды, направленная против идеологии политического экстремизма. За короткий период идеология политического экстремизма в Чечне эволюционировала. До середины 1990-х гг. основой чеченской идеологии был национал-экстремизм, обосновывающий допустимость вооруженной сецессии. В.А. Тишков отмечает, что национал-экстремизм использовал травму сталинской депортации кавказских народов для пропаганды псевдонаучной мифологии «о свободолюбии и невозможности горца без оружия» [6]. В отличие от этнонационализма, целью которого остается моноэтническое государство, национал-экстремизм исключает правовые пути достижения интересов этноорганизации.

Во второй половине 1990-х гг. прошлого века идеология национал-экстремизма трансформировалась в религиозный экстремизм ваххабистского образца. Ваххабизм внутри собственно религиозных отношений проявляет нетерпимость к иной конфессии. Он становится средством вовлечения в террористическую деятельность обедневшей части мусульманского населения [7]. В 1997-1999 гг. в Чечне существовал режим соперничающих вооруженных банд, которые пытались обрести легитимность через обращение к ваххабизму, а материальные средства получить за счет торговли людьми, наркотиками и внешние заказы на террористическую деятельность. Вторжение чеченских бандформирований в Дагестан в 1999 г. было актом агрессии и для националистических групп Северного Кавказа началом новой формы объединения на основе наднациональной идеологии религиозного экстремизма.

В отличие от самопровозглашенной Ичкерии, федеральный центр не имел информационного органа накануне первой военной операции в Чечне. Чеченская пропаганда распространяла стереотип, что «милитаризованный центр погубит ростки демократии в республиках» [8]. Часть крупных российских СМИ оказалось под влиянием этой пропаганды и заняло прочеченскую позицию [9]. В 1994-1996 гг. военные меры борьбы с незаконными вооруженными формированиями были непопулярными в общественном мнении России. Число сторонников стратегии подавления не превышало 10% не только среди титульных этносов, но и русских [10].

Важной особенностью в освещении ситуации в Чечне стала трансформация позиций различных российских СМИ. Если в первую чеченскую кампанию 1994-1996 гг. большинство СМИ оправдывало вооруженную сецессию и часто вело репортажи со стороны сепаратистов, то в ходе антитеррористической кампании 1999-2000 гг. практически все СМИ оправдывали необходимость защиты России от агрессии и угрозы, исходящей от режима Чечни как очага терроризма.

Антитеррористическая операция в Чечне еще не завершена. Она направлена на подавление структур терроризма, который представляет собой систематическое политически и преступно мотивированное насилие, применяющееся в отношении отдельных лиц, групп населения, материальных объектов для устрашения субъектов федерации, жителей и демонстрации неспособности центра контролировать конституционный порядок [11].

Терроризм был встроен национал-экстремистскими лидерами в чеченское общество и представлял собой систему актов насилия четырех видов; во-первых, самопроизвольный терроризм (спорадическая депортация иноэтнического, преимущественного русского населения сопровождавшая погромами, насилием, убийствами); во-вторых, терроризм бандформирований в пограничных районах с Чечней (похищение людей в целях вымогательства денег, работорговли и другие преступления); в-третьих, организованный терроризм политического характера (например, в Буйнакске в 1997 г., Москве, Волгодонске в 1999 г.); в-четвертых, официально одобренный чеченским руководством терроризм во время военной и антитеррористической операции федерального центра в Чечне в 1999-2000 гг. [12]. В невоенное время террористические банды находились вне пределов правительственного контроля Чечни и рассматривались потенциальным союзником в чеченской военной экспансии на Кавказе. При содействии чеченского правительства и поддержки организации международного терроризма в Чечне был создан центр «Кавказ» по подготовке профессиональных террористов.

Антитеррористическая операция предусматривала разрушение инфраструктуры терроризма, привлечение террористов к уголовной ответственности или их уничтожение в случае сопротивления.

Разрушение собственности организаций, практикующих терроризм и бандоповстанческую деятельность, применяли специализированные органы МВД России. В Чечне эта тактика стала возможной после разгрома незаконных вооруженных формирований. Она включала занятие или разрушение частных помещений, предназначенных для изготовления, приобретения, хранения или передачи оружия и снаряжения, взрывных устройств и веществ. Разрушению подлежали террористические базы, помещения для удержания заложников и пленников. Могли быть конфискованы земельные участки, используемые для незаконного производства наркотических средств. Тактика разрушения применялась в поиске и конфискации нелегального оружия и различной контрабанды – наркотических средств, психотропных, отравляющих, радиоактивных и взрывчатых веществ; вооружения и взрывных устройств; предметов культурного достояния народов Федерации и зарубежных стран.

К стратегии подавления политического экстремизма относились уголовно-правовой контроль, специализированная деятельность органов государства по защите граждан от преступных посягательств. На Юге России некоторые субъекты РФ ввели запреты на создание религиозно-экстремистских организаций, стремящихся заменить светскую республику теократическим государством. В конце 1990-х гг. власти Ингушетии и Дагестана приняли законы о запрете ваххабистской деятельности [13]. В 2000 г. в Чеченской республике была отменена шариатская система власти и суда, и новая правительственная администрация совместно с федеральным центром стали восстанавливать светский конституционный порядок. В РФ лидерам и активистам экстремистских организаций, совершивших тяжкие уголовные преступления, стали выносить строгие судебные приговоры. Требования части общественности об исполнении приговоров к смертной казни (приостановленной в РФ с 1996 г.) сочетались с амнистией рядовых участников незаконных формирований.

В 2001 г. большинство жителей Чеченской Республики, устав от войны и многих лет нестабильности поддерживали федеральные силы – тем более, что они демонстрировали реальную мощь. Приведенная таблица показывает отношение жителей Чечни к возвращению республики в состав РФ.

Сторонники присоединения/отделения от РФ % [14]

Варианты ответов	Место жительства			Возраст			Всего
	Горы	Предгорье	Равнина	16-29	30-49	50 и более	
Положительно	18	22	12	11	13	20	14
Отрицательно	67	66	70	69	71	53	69
Затрудняюсь ответить	15	12	18	20	26	27	17

Большинство жителей Чеченской Республики (69%) мыслили себя гражданами России. Жители предгорья показывали наибольший процент сторонников отделения (22%) и они же давали второй минимальный процент затруднившихся ответить (12%). В возрастной структуре минимальна доля сепаратистов в возрасте 30-49 лет. В этой группе преобладали лица со средним специальным и высшим образованием, которые осознавали губительность разрыва с русской культурой

и не желали жить по законам шариата. Для части респондентов (17%) переход чеченского общества к мирной созидательной жизни представлялся проблематичным.

Федеральная военная и антитеррористическая операция в Чечне прервала тенденцию повышения общественной угрозы националистического и религиозного экстремизма на Юге России, но не покончила с угрозой терроризма. Исследователи называют две причины ограниченности региональной стратегии подавления: связь местных структур политического экстремизма с международными организациями терроризма и негативные социально-экономические процессы в регионе, способствующие сохранению социальной базы экстремизма [15]. Участие России вместе с мировым сообществом в борьбе с международным терроризмом служит в перспективе ослаблению угрозы терроризма на Юге России.

Итак, в 1990-е гг. на Юге России обозначилась тенденция повышения общественной опасности экстремизма многочисленных радикальных структур, стремящихся к ослаблению или вооруженному изменению конституционного порядка. Основным показателем тенденции являлось расширение практики и географии терроризма. Повышение общественной опасности экстремизма было вызвано антиконституционным режимом Чечни, соединением национал- и религиозно-экстремистских групп с организованной преступностью, сохранением очагов межнациональной напряженности на Северном Кавказе. Вследствие роста безработицы и теневой экономики произошло расширение социальной базы политического экстремизма. В целях противодействия повышению общественной опасности политического экстремизма на Юге России федеральная власть применила стратегию его подавления. Главными тактическими средствами стали военная и антитеррористическая операция в Чечне, а также усиление уголовно-правовой ответственности и контрпропаганды. В ходе военной операции в Чечне 1999-2000 гг. были разгромлены незаконные вооруженные формирования, базы терроризма, отменена шариатская система власти и суда. Новая правительственная администрация совместно с федеральным центром стали восстанавливать светский конституционный порядок, правоохранительную систему, местные органы управления. В Чеченской республике началось восстановление экономической и бытовой инфраструктуры для возвращения беженцев.

Федеральная военная и антитеррористическая операция в Чечне прервала тенденцию повышения угрозы политического экстремизма, но не покончила с терроризмом, который до наших дней поддерживается извне. Участие России вместе с мировым сообществом в борьбе с международным терроризмом служит в перспективе ослаблению угрозы терроризма на Юге России. Этой же задаче будет способствовать устойчивое, сбалансированное и социально ориентированное развитие Юга России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Косиков И.Г., Косикова Л.С. Северный Кавказ: социально-экономический справочник. М., 1999.
2. Там же.
3. Серебрянников В.В. Война в зеркале общественного мнения // Власть. 1999. № 2.
4. Тишков В.Н. Общество в вооруженном конфликте. М., 2001.
5. Серебрянников В.В. Генералы и политика // Формирование России: от мифов к реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2000 г. М., 2001. Т. 1.
6. Тишков В.Н. Общество в вооруженном конфликте. М., 2001.
7. Акаев В. Ислам и политика (на материалах современной Чечни) // Ислам и политика на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2001. Вып. 1.
8. Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в РФ 90-х годов. М., 1996.
9. Овруцкий А.В. Чеченский конфликт: социальные представления об агрессии, образы войны // Насилие в современной России. Ростов н/Д, 1999.
10. Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Указ. соч.
11. Петрищев В.Е. Правовые и социально-политические проблемы борьбы с терроризмом // Государство и право. 1998. № 3.
12. Чернобровкин И.П. Этнонационалистический терроризм в Северо-Кавказском регионе // Кавказский регион: проблемы культурного развития и взаимодействия / отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д, 2000.
13. Сампиев И.М. О некоторых аспектах противостояния религиозному экстремизму // Ислам и политика на Северном Кавказе / отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д, 2001. Вып. 1.
14. Северо-Осетинский центр ИСПИ РАН // Реформирование России: от мифов к реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2000 году. М., 2001. Т. 1.
15. Верховский А., Папп А. Политический экстремизм в России. М., 1996; Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М., 2000; Международный терроризм как феномен XX века: эволюция форм и этапы борьбы с мировым злом // Закон и право. 1999. № 12.

УДК 94(4):94(560):94(495) «1990-2000»

Козик Константин Анатольевич

аспирант кафедры новой новейшей истории
и международных отношений, преподаватель
ИНСПО Кубанского государственного университета
тел.: (918) 453-45-30

Kozik Konstantin Anatolyevich

Postgraduate Student of the Department of Modern,
Contemporary History and International
Relations, Lecturer of the Institute of Initial and Sec-
ondary Vocational Education of Kuban State University
tel.: (918) 453-45-30

**ЕВРОПЕЙСКИЙ ФАКТОР В ТУРЕЦКО-
ГРЕЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 1990-2000-е гг.**

В статье раскрыты основные моменты и особенности взаимоотношений Турции, Греции и ЕС. Показаны различные оценки этих процессов греческими и турецкими исследователями.

Ключевые слова: ЕС, НАТО, условные санкции, эгейский вопрос, таможенный союз, саммит, кипрский вопрос.

**EUROPEAN FACTOR IN TURKISH-GREEK
RELATIONS IN 1990-2000s**

In the article the main facts and specific features of interrelations between Turkey, Greece and the EU have been presented. Different estimates of these processes presented by Greek and Turkish researches have been shown.

Key words: EU, NATO, conditional sanctions, Aegean problem, customs union, summit, Cyprus issue.

С 1990-х гг. Турция стремилась развивать более тесные институциональные отношения с ЕС. В частности через договоры о таможенном союзе и позже заявкой на членство в европейском сообществе. Со своей стороны, ЕС неоднократно напоминал Турции, что укрепление её связей с Европейским союзом зависит от разрешения её споров с Грецией [1].

В свою очередь, Греция в начале 1990-х гг., особенно при правительстве Костаса Симитиса, значительно переориентировала свою европейскую политику. Греческое правительство считало, что их страна – единственное балканское государство, являющееся членом сразу двух европейских блоков: оборонного (НАТО) и политического (ЕС). Греция отчётливо понимала, что такое одновременное членство может быть выгодно использовано в политике по отношению к другим балканским странам. Поэтому, не случайно Греция выбрала ЕС как своеобразную «арену» для решения проблем с Турцией. Можно сказать, что в это время позиция Греции по отношению к Турции трансформировалась. Новая политика, часто именуемая как «европейский выбор», постепенно переместилась от стратегии «условных санкций» до «условных поощрений» и включала два сдвига [2].

Первый сдвиг произошёл в марте 1995 г., когда Греция отменила свои возражения в отношении долгожданного таможенного союза между Турцией и ЕС, и связанным с этим финансовым протоколом. Турция стала первой страной в истории ЕС, с которой был оформлен таможенный союз без первоначального её членства в ЕС. Данный сдвиг в международной политике не привёл к улучшению турецко-греческих отношений, поскольку соглашение было связано с разрешением ЕС начать переговоры с Кипром о вступлении в эту организацию. Последнее обстоятельство вызвало большое раздражение у правящих кругов Турции, которые были категорически против вступления греческого Кипра в ЕС.

Следует отметить и то, что в это время двусторонние отношения были обострены кризисом начала 1996 г. вокруг острова Имия в Эгейском море и другими проблемами, входящими в Эгейский вопрос. Турция не удержалась от милитаристских намерений, угрожая присоединением Северного Кипра, если Кипр станет членом ЕС до решения на острове, а также пойти войной против Греции, если последняя расширит свои территориальные воды до 12 миль [3].

После саммита в Люксембурге 1997 г. стали довольно натянутыми и отношения между Турцией и ЕС. Тогда Турция не была включена в процесс расширения ЕС, но ей выделили особый статус, включающий в себя перспективу полного членства. Турция должна была следовать особой европейской стратегии, а не той что она проводила до этого. Как уже отмечалось, вероятно, вступление Кипра в ЕС вызвало глубокое чувство обиды турок [4]. Кипр был включен в так называемый «кратчайший путь», при котором переговоры о вступлении начались в ближайшем будущем. Как заявил турецкий политолог и историк Аттила Эральп: «турецкое правительство считает решения, принятые в Люксембурге, дискриминационными и сделанными под влиянием Греции... Анкара считала явным, что ЕС примет греческую сторону по кипрскому вопросу и будет действовать под влиянием Греции» [5].

Можно сказать, что до 1999 г., ЕС не удалось использовать как инструмент для решения турецко-греческих конфликтов. Существуют две причины, объясняющие эту тенденцию. Первая, что греческая и турецкая заявки на членство пришлись на то время, когда европейское сообщество было доста-

точно консервативно в своей позиции относительно решения конфликта. Они предпочитали не замечать споры между двумя государствами. В то время ЕС было больше озабочено западной ориентацией Анкары и Афин и возможностью управления их соперничеством, чем содействием в решении двусторонних споров. Когда в 1990-е гг. ЕС начал занимать активную позицию в турецко-греческих конфликтах, вопрос о членстве был уже не актуален и не эффективен. Тогда Греция уже стала членом, а Турция не воспринимала большую вероятность членства в ЕС. Второй причиной (одна из особенно предпочитаемых турецкими аналитиками) служило то обстоятельство, что, предоставив членство Греции в 1981 г. ЕС утратил свою способность применять давление на Грецию. Вместо этого, как утверждал турецкий исследователь Гувенк, ЕС был просто вовлечён в греко-турецкие противоречия. Кроме того, Греция достаточно успешно использовала ЕС как дипломатический инструмент против Турции. Это же утверждали и греческие исследователи Колумбис и Янас в 1994 г. [6]. Кроме того, с момента членства Греции, ЕС фактически потеряла свою роль «третьей стороны» в греко-турецких спорах. Однако, несмотря на эти обстоятельства, Греция так и не смогла препятствовать развитию отношений Турции и ЕС после 1986 г. Более того, она была вынуждена смягчить свою позицию в отношении Турции как свой отказ от признания бывшей Югославской республики Македонии. И, наконец, существенным проявлением процесса «европеизации» стал отказ от энозиса (объединение Греции и Кипра) как внешнеполитической цели. Это и создало платформу для второго так называемого «сдвига» в турецко-греческих отношениях.

Второй наиболее демонстративный сдвиг произошёл в декабре 1999 г. во время саммита Европейского Совета в Хельсинки. Тогда, во время обсуждения вопроса о предстоящем расширении ЕС, Греция отменила своё многолетнее вето относительно вступления Турции. Естественным результатом стало согласие саммита по статусу кандидата ЕС для Турции. В Хельсинки было заявлено, что к Турции применимы те же критерии для вступления, что и для всех остальных стран-кандидатов. Совет ЕС предложил два чётко сформулированных требования. Они включали принципы мирного урегулирования территориальных споров в соответствии с нормами ООН, и в случае неразрешённости этих противоречий, передача их в судебное разбирательство международного суда ООН не позднее 2004 г. Более того, Турции пришлось пересмотреть свою позицию в отношении Кипра. Очевидно, что разрешение территориальных споров как одно из главных условий интеграции Анкары в ЕС, выступило основным фактором в стабилизации турецко-греческих отношений. Другими словами, установление более близких отношений между ЕС и Турцией способствовало отказу последней от военных угроз и направляло к цивилизованному решению кипрского вопроса.

В качестве поддержки кандидатуры Турции была организована специальная греческая «оперативная группа» для предложения практического опыта по европейским делам турецкой стороне. В этой связи было организовано несколько семинаров и двусторонних встреч, на которых высокопоставленные должностные лица турецкой администрации были кратко информированы своими греческими коллегами по различным нормативным положениям ЕС.

Таким образом, можно отметить, что после 1999 г. инструменты ЕС существенно повлияли на фундаментальные изменения в турецко-греческих отношениях. Вместо установки прямого вызова к существующему внешнеполитическому подходу Греции в отношении Турции, ЕС осуществлял своё влияние через долгосрочную модернизацию греческой политической системы. По мнению греческого исследователя Керидиса, европейская интеграция была мощным средством для «одомашнивания» внешней политики. Кроме того, поддержка со стороны ЕС приводила к убеждению, что европейская интеграция в конечном итоге приведёт к общей внешней и оборонной политике, которая укрепит и защитит Афины в отношениях с Анкарой, в то время как политика гонки вооружений в существенной степени отражалась на греческой экономике и ослабляла Грецию в её стремлении соответствовать экономическим критериям ЕС.

Вслед за двумя тяжёлыми экономическими кризисами 2001 г. в Турции рухнуло коалиционное правительство, потребовавшее преждевременные выборы в ноябре 2002 г. Общественное недовольство политической коррупцией и несостоятельность государственного механизма покончило со старой политической элитой и привело к власти в Турции Партию справедливости и развития (ПСР). Во главе этой партии стоял Реджеп Тайип Эрдоган – умеренный исламист, выступающий за политические, конституционные и законодательные реформы.

В октябре 2004 г. комиссар по вопросам расширения ЕС выпустил долгожданные рекомендации Европейской комиссии по формальному вступлению Турции. В этом отчёте был отмечен прогресс, достигнутый с 2001 по 2004 гг. во всех аспектах, а также указаны недостатки во всех основных нормах и требованиях Евросоюза. В данном документе было указано, что внешняя политика Турции способствует стабильности в регионе. В отношении недостатков, в отчёте было отмечено, что в то время как

«процесс полного выравнивания военно-гражданских отношений совместно с практикой ЕС находится в процессе исполнения, тем не менее, вооружённые силы Турции продолжают оказывать влияние посредством серий неофициальных механизмов» [7]. Более того, как было отмечено, необратимость начатых реформ необходимо было проверять более длительное время. В качестве конечного аргумента можно отметить, что в целом рекомендации Европейской комиссии носили позитивный характер, что вселяло надежду на дальнейшие успехи европейской политики Турции.

С другой стороны, при возглавляемом Симитисом правительстве Греции был замечен положительный сдвиг в отношениях с Турцией. Несмотря на частые расколы в правящей партии Греции, даже в области внешней политики между основными политическими силами страны был достигнут консенсус в поддержку европейских перспектив Турции. Однако решающим необходимо отметить позицию нового консервативного правительства Караманлиса, которое было сформировано в марте 2004 г. После назначения нового министра иностранных дел Петроса Моливиатиса, поддерживающего линию премьер-министра, Караманлис выразил свою твёрдую приверженность активно поддерживать стремление Турции в ЕС, заявив: «Я подтверждаю поддержку греческим правительством и лично мной турецкий курс на Европу и программу реформирования господина Эрдогана» [8].

Таким образом, в 2004 г. между правительствами обеих стран было достигнуто согласие по одному из самых спорных вопросов двусторонних отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Rumelili Bahar*. The European Union's impact on the Greek-Turkish Conflict // The University of Birmingham. 2004. № 6.
2. *Michael Naoum*. The Greek-Turkish rapprochement process, 1999-2004: paradigm shift or epi-phenomenon // Naval postgraduate school. 2004.
3. *Rumelili Bahar*. Op. cit.
4. *Michael Naoum*. Op. cit.
5. *Rumelili Bahar*. Op. cit.
6. *Rumelili Bahar*. Op. cit.
7. Commission of the European Communities, Communication from the Commission to the Council and the European Parliament, Recommendation of the European Commission on Turkey's progress towards accession. Brussels. 2004. October 6. URL: http://www.europa.eu.int/comm/enlargement/report_2004/pdf/tr_recommendation_en.pdf (дата обращения 23.08.2012).
8. *Michael Naoum*. Op. cit.

УДК 94"1941/45"

Кольга Геннадий Иванович

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ямальского нефтегазового института (филиала) Тюменского государственного нефтегазового университета
тел.: (3494) 22-42-66

Kolga Gennady Ivanovich

PhD in History, Associate Professor, Head of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Yamal Oil and Gas Institute (affiliated branch) of Tyumen State Oil and Gas University
tel.: (3494) 22-42-66

ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ ГЕРМАНИИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

THE ORGANIZATION OF GERMAN AIR FORCE DURING THE WORLD WAR II

В статье на основе анализа документов германских ВВС, автором сделан вывод о том, что организация люфтваффе была недостаточно эффективной для ведения военных действий на несколько фронтов. Как только конфликт перерос в войну на нескольких фронтах, авиацию пришлось распределять между всеми воздушными флотами, в результате чего была утеряна возможность достижения необходимой концентрации сил.

Relying on the analysis of the documents concerning German Air Force, the author of the article has arrived at the conclusion that the organization of the Luftwaffe was not effective enough for conduct of warfare on several fronts. As soon as the conflict developed into the war on several fronts, they had to distribute the army-cooperated aircraft among all the Air Force and as a result the chance for concentration of the armed forces was lost.

Ключевые слова: люфтваффе, эскадрилья, группа, эскадра, воздушный флот, бомбардировщик, истребитель.

Key words: Luftwaffe, air squadron, group, squadron, air fleet, bomber, fighter.

История люфтваффе уникальна. Военно-воздушные силы Третьего рейха в короткий срок смогли стать триумфаторами концепции блицкрига. Завоевав господство в воздухе в ходе войны в Европе в 1939-1940 гг., германские военно-воздушные силы в течение последующих 4-х лет являлись надежной военно-воздушной опорой вермахта. В период коренного перелома в ходе войны, советские ВВС и авиация союзников постепенно перехватили инициативу, разгромили и уничтожили люфтваффе. Что же случилось с «Детищем Геринга»? Почему столь грозная сила в 1944-1945 гг. развалились как картонный домик под натиском союзников?

В советские времена история боевых действий авиации на советско-германском и других театрах военных действий (ТВД) практически не изучалась. Посвященные этому вопросу немногочисленные работы [1], во-первых, затрагивают боевые действия лишь советских ВВС, во-вторых, страдают пороками советской военно-исторической науки – бедностью фактического материала, бездоказательностью важнейших выводов, пропагандистской риторикой. Деятельность люфтваффе практически не изучалась; влияние на ход войны не выяснялось. Следовательно, богатейший опыт развития военно-воздушных сил одной из самых мощных военных держав в мире середины XX в. в советские времена отменялся.

В настоящее время благодаря усилиям ряда российских, украинских и белорусских историков создан серьезный задел материалов для написания научной истории боевого применения советских и немецких ВВС в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн [2, с. 9-10].

Данная статья представляет попытку изучения организационной структуры люфтваффе на оперативно-тактическом уровне, выявления степени ее эффективности в ходе Второй мировой войны.

Важными источниками по данной теме стали документы люфтваффе, воспоминания немецких авиационных командиров и летчиков, участников войны, статистические таблицы, которые позволяют выявить существенные элементы поднятых вопросов.

В годы Второй мировой войны военно-воздушные силы Германии включали авиационные соединения, части и соединения зенитной артиллерии, войска связи, соединения наземных войск «Герман Геринг», парашютные войска и авиаполевые дивизии, предназначенные для использования в качестве пехотных соединений. По сведениям белорусского историка В.Н. Шункова, к началу мировой войны германская авиация насчитывала 30 бомбардировочных групп (1 180 бомбардировщиков), 13 истребительных групп (771 истребитель), 9 групп пикирующих бомбардировщиков (336 пикировщиков), 10 групп истребителей-бомбардировщиков (408 самолетов), и 1 группу штурмовиков (40 самолетов). К этому следует прибавить 552 транспортных самолета, 23 эскадрильи дальней и 30 эскадрилий ближней разведывательной авиации (721 разведывательный самолет), а

также 14 эскадрилий береговой авиации, 2 эскадрильи корабельных и 2 эскадрильи самолетов для строившихся авианосцев (всего 240 самолетов), составлявших ядро морской авиации. Кроме того, имелось еще 55 самолетов специального назначения [3, с. 33].

Российские историки В. Гончаров, Р. Исмаилов, С. Переслегин, С. Платов в статье «Военно-воздушные силы Германии и ее противники в 1939-1945 гг.» [4, с. 730-732] приводят подробные сведения по родам немецкой авиации накануне войны. По их оценочным данным самолетный парк люфтваффе на начало войны можно оценить в 3 729 самолетов. Число боеспособных машин было меньше и составляло примерно 90% от общей численности в истребительной авиации и 75-80% в бомбардировочной и разведывательной. Приоритет отдавался строительству истребителей, пикирующих и средних бомбардировщиков при практически полном отсутствии дальней стратегической авиации. Характерной особенностью люфтваффе было также отсутствие резервных частей.

Независимо от характера выполняемых задач боевой деятельностью люфтваффе руководило Верховное командование люфтваффе (ОКЛ). Командующие воздушными флотами, командиры авиационных соединений и частей руководствовались только его приказами. Благодаря этому достигались централизация управления ВВС, удобство руководства боевыми действиями, а также их всестороннее обеспечение [5, с. 26].

По данным бывшего генерал-майора люфтваффе П. Дейхмана базовыми единицами люфтваффе были:

- пара (Rotte) – два самолета
- звено из двух пар (Schwarm) или из трех самолетов (Ketten)
- эскадрилья (Staffel) – 12 самолетов.

Следующей тактической организационной ступенью была эскадрилья (Staffel), имевшая 3 звена по 3 самолета в каждом, а также 3 запасных самолета. По штату эскадрилья состояла из 12 самолетов [6, с. 188].

Три эскадрильи составляли группу (Gruppe). Самолеты командира группы и офицеров его штаба (Gruppenstab) составляли отдельное штабное звено (Stabsschwarm). Соответственно штатная численность группы составляла до 40 самолетов. Авиационные группы обладали значительной самостоятельностью и, как правило, базировались на собственных аэродромах.

Три группы со штабной эскадрильей образовывали авиационное соединение под названием эскадра (Geschwader). Кроме того, в эскадре также могли быть другие отдельные эскадрильи, например специализированные. Эскадра имела по штату около 120-130 самолетов.

Хотя группы истребительной или бомбардировочной авиаэскадры могли действовать раздельно, штаб авиаэскадры сохранялся и состоял из командира эскадры, адъютанта, офицера по оперативным вопросам, офицера по организационным вопросам, офицера разведки, штурмана эскадры, техника эскадры, начальника связи эскадры, фотографа эскадры и офицера метеослужбы. Штаб авиаэскадры также располагал несколькими боевыми самолетами, которые использовались в соответствии с обстоятельствами.

Следующими ступенями в структуре люфтваффе были авиационная дивизия (Fliegerdivision) и авиационный корпус (Fliegerkorps). Они осуществляли оперативное руководство действиями подразделений в определенном районе, и командиры эскадр сохраняли полную тактическую самостоятельность. Количество авиадивизий, авиакорпусов и различных командований люфтваффе не было постоянным. Обычно в авиационную дивизию входили эскадрильи дальней и ближней разведки и эскадра бомбардировщиков, пикирующих бомбардировщиков, одномоторных и двухмоторных истребителей [6, с. 189].

Высшим оперативным объединением люфтваффе, способным решать оперативно-стратегические задачи и, как правило, взаимодействующим с группой армий, был воздушный флот, состоявший из нескольких авиационных корпусов. В люфтваффе во время войны действовало 8 воздушных флотов. Наряду с авиационными частями и соединениями, насчитывавшими 800-1200 самолетов, в состав воздушного флота входили также части и соединения зенитной артиллерии, а также подразделения воздушно-десантных войск, что позволяло выполнять широкий круг боевых задач. Авиадивизии имели в своем составе все типы эскадр (бомбардировочные, истребительные и разведывательные), численность самолетного парка дивизии составляла от 200-300 до 700-750 самолетов [7, с. 52-53].

В Энциклопедии К. Залесского «Люфтваффе. Военно-воздушные силы Третьего рейха» дается подробный справочный материал, посвященный организации всех 8-ми воздушных флотов люфтваффе во время Второй мировой войны [8, с. 96-97, 106-107, 169, 364-365, 396-397, 441-442, 518-519, 533]. На воздушные флоты возлагалось авиационное обеспечение сухопутных войск. С нападе-

нием на Советский Союз 1-й воздушный флот – 760 самолетов – должен был поддерживать группу армий «Север», 2-й – 1600 самолетов – группу армий «Центр», 4-й – около 1000 боевых машин – группу армий «Юг», 5-й – 240 немецких и 307 финских самолетов – армейскую группу «Норвегия». В полосе группы армий «Юг» действовали более 600 румынских и до 50 венгерских самолетов. В состав ударных сил входило 60 самолетов Хорватии, 51 – Словакии и 100 – Италии [9, с. 167].

Немалая роль в успехах немецкой авиации в кампаниях раннего этапа войны принадлежит хорошо организованной службе связи. Однако в ее системе было два слабых места. Это, во-первых, невозможность применения радиолокации, как в наступательных, так и в оборонительных целях и, во-вторых, примитивная система наведения истребителей с земли [7, с. 57].

После того как было создано Верховное командование люфтваффе (ОКЛ), его Генеральный штаб разработал руководство по боевому применению авиации, которое вышло под названием «Боевой устав авиации № 16». В нем были изложены принципы, определившие организационную структуру вновь созданных ВВС Германии, содержались положения доктрины о взаимодействии между ВВС и армией. Этот документ опубликован в книге бывшего генерал-майора люфтваффе П. Дейхмана «На острие блицкрига. Взаимодействие люфтваффе с вермахтом во Второй мировой войне» [6, с. 20].

В «Боевом уставе авиации № 16» сформулированы задачи, которые должны были выполнять люфтваффе: а) завоевание и сохранение превосходства в воздухе; б) обеспечение поддержки действий сухопутных войск; в) обеспечение поддержки действий ВМФ или ведение самостоятельных боевых действий на море; г) ведение операций с целью нарушения коммуникаций противника, таких как шоссейные и железные дороги, водные пути, которые используются для поддержания сообщения между тылом и фронтовыми районами или для обеспечения импорта, а также доставки грузов внутри страны; д) осуществление стратегических операций с целью подрыва военной мощи противника; е) удары по целям в крупных городах: правительственным и административным центрам противника, штабам и учебным центрам, по вражеским городам [6, с. 21].

Во Второй мировой войне непосредственная поддержка авиацией сухопутных войск стала главной неотъемлемой тактической схемой ведения сражения. Согласно указаниям Верховного командования вермахта (ОКВ) задачи обеспечения воздушной поддержки, как правило, возлагались на ОКЛ и далее на оперативные части ВВС. С целью выполнения директив ОКВ относительно обеспечения авиационной поддержки сухопутных войск в Министерстве авиации был создан централизованный командный орган, который отвечал за подготовку соответствующих приказов. Он определял способ обеспечения поддержки с воздуха, а также состав привлекаемых для этого сил и средств. После получения соответствующих указаний этой структуры, командование люфтваффе должно было совместно с главнокомандованием сухопутных войск принимать решение об оптимальном задействовании частей авиации в решении задач поддержки сухопутных сил. Для этого в подчинении ОКЛ находилось два типа штабов, занимающихся вопросами обеспечения поддержки сухопутных войск: штабы люфтваффе при армейских командованиях и штабы люфтваффе более высокого уровня. Для авиационной поддержки войск привлекались эскадры пикирующих бомбардировщиков (StG) Ju.87, эскадры скоростных бомбардировщиков (SKG), вооруженных двухмоторными истребителями Bf.110С в варианте бомбардировщика, а также эскадры непосредственной поддержки войск, вооруженных истребителями-бомбардировщиками Bf.109E и бомбардировщиками Hs.123A [13].

Одна из особенностей обеспечения военно-воздушными силами поддержки сухопутных операций вермахта заключалась в том, что с 1935 и по 1942 г. некоторые авиационные части входили в состав сухопутных войск на постоянной основе. Об этом говорится в параграфе 121 «Боевого устава авиации № 16»: «Прямое взаимодействие и непосредственная поддержка наземных войск являются основным назначением тех формирований люфтваффе, что приданы армии для выполнения задач разведки и ПВО. Сюда относятся разведывательные, зенитные подразделения и части, подразделения и части авиационного обнаружения, а также, если того требует ситуация, истребительные части» [6, с. 30]. Следовательно, в распоряжение командования армейскими соединениями истребительные и бомбардировочные части не передавались.

С целью координации действий вермахта и люфтваффе были созданы Штабы люфтваффе при армейских командованиях. Авиационные подразделения в составе армейских объединений и соединений принадлежали армии лишь постольку, поскольку армейские штабы определяли для них боевые задачи. Руководство же закрепленными за армейскими структурами авиационными подразделениями осуществлялось офицерами люфтваффе, которые были вправе решать, как эти задачи будут выполнены. Добиться того, чтобы с соответствующим штабом группы армий взаимодействовал только один штаб люфтваффе, удалось назначением для воздушных флотов территории ответственности, совпадающей с районом, в котором действовала эта группа армий. Но на

уровне полевых армий отсутствовала возможность привязать зону ответственности наземных частей соответствующей армии с районами действий авиации. А это часто приводило к распылению сил люфтваффе и нарушению важнейшего принципа концентрации сил и средств авиации в целях максимально эффективного ее применения [6, с. 29-30].

Начиная с 1942 г., в связи с необходимостью действовать на нескольких театрах военных действий (а не только на Востоке) представитель люфтваффе при Верховном главнокомандующем сухопутными войсками и его штабы тактической авиации были уже не в состоянии обеспечить эффективное руководство действиями подчиненных им авиационных частей. Помимо штабов люфтваффе при соответствующих армейских штабах, туда стали направлять еще и офицеров связи ВВС. Такая запутанная система двойного представительства стала причиной многих трений между представителями различных инстанций.

Поскольку главнокомандующий люфтваффе был не в состоянии обеспечить доукомплектование всех эскадрилий на Восточном фронте до штатной численности, в феврале 1942 г. подразделения авиационной разведки армейского подчинения были переданы под контроль люфтваффе. До конца зимы 1942 г. в распоряжении армии не должно было остаться ни одного авиационного подразделения. Теперь все разведывательные подразделения ВВС должны были взаимодействовать с армейскими инстанциями в том же порядке, что и остальные части и подразделения люфтваффе [6, с. 96].

Теперь задачи тактической разведки и разведки поля боя были возложены на тактические группы, сформированные путем слияния бывших эскадрилий армейского подчинения. Было сформировано всего 35 групп. Эти группы были переданы в подчинение авиационных корпусов и дивизий, которые были вооружены самолетами-истребителями, оснащенными фотоаппаратурой, однако большая часть экипажей продолжала летать на Fw.189.

После передачи авиации из армии в люфтваффе на ВВС легла ответственность по передаче полученных разведывательных данных в армейские штабы различного уровня через отделы и офицеров связи. Новая система обладала рядом серьезных недостатков:

1. Сокращение числа эскадрилий авиационной разведки не позволило, как прежде, выделять по одной эскадрилье в состав армейского корпуса или танковой дивизии. Теперь одной эскадрилье часто приходилось совершать полеты в интересах сразу нескольких штабов.

2. Эскадрилья, действующая в интересах армии, больше не могла совершать полеты с аэродрома, расположенного вблизи соответствующего штаба армии. Теперь ей приходилось действовать с аэродрома базирования группы, которая обычно находилась на более дальнем расстоянии. Это усложняло постановку задач и получение докладов об их выполнении [6, с. 98].

П. Дейхман располагает документами, в соответствии с которыми Верховное главнокомандование вермахта (ОКВ), указывая в своих директивах необходимость обеспечения авиационной поддержки армейских соединений, не уточняло, будут ли это удары, направленные на блокирование районов боевых действий, или поддержка войск непосредственно над полем боя, либо комбинация двух этих видов операций. Обычно такое решение принималось на уровне штабов воздушного флота и группы армий. Основным принципом было то, что авиация должна была применяться только на главных направлениях, своевременно, над территорией ответственности группы армий. На практике это означало, что из двух-трех армий в составе группы армий только одна могла рассчитывать, что будет обеспечена поддержкой авиации [6, с. 143-144].

На более низком уровне вырабатывались предварительные решения относительно способа осуществления поддержки наземных операций. Если принималось решение о ведении операций непосредственной поддержки войск на поле боя, штаб армии должен был проинформировать командование авиационного корпуса над районом ответственности какого из подчиненных ему армейских корпусов будут действовать самолеты. Когда такой корпус определялся, его командир при желании мог еще более сузить район применения авиации, например до одной из дивизий. После этого авиация приступала к выполнению задач авиационной поддержки, руководствуясь положениями «Боевого устава авиации № 16»: «...командир, отвечающий за выполнение наземной операции, определяет цели для действий авиации, а командование авиационного корпуса принимает конкретное решение о том, как именно будет решаться эта задача» [6, с. 144-145].

Полковник Куссероу в послевоенном исследовании, которое было издано в сентябре 1954 г. указывал, что с началом вторжений союзников 1942-1944 гг. авиацию приходилось применять одновременно на нескольких театрах военных действий (ТВД), в результате чего была утрачена возможность достижения необходимой концентрации сил. Армейское командование старалось следить за тем, чтобы авиация никогда не оставалась без дела, поэтому самолеты в некоторых случаях выполняли задания, которые с самого начала были бесперспективными с точки зрения их результатов. Армейские ко-

мандиры придерживались той политики, что постоянные авиационные налеты все равно ослабляют противника. Того же мнения придерживались и представители большинства штабов воздушных флотов. Ежедневно к концу дня они проверяли, все ли авиационные части использовались достаточно интенсивно, чтобы Главком люфтваффе «не решил забрать эти части» [15].

Обстановка достигла точки абсурда, когда тяжелые бомбардировщики He.177 (бомбовая нагрузка до 7 200 кг) стали использоваться для нанесения ударов с малых высот по атакующим советским танковым частям. В то же время истребительные подразделения, уцелевшие после выполнения задач непосредственной поддержки пехоты, должны были вести воздушные бои против превосходивших сил авиации противника [6, с. 164].

По всей видимости, германское господство в воздухе в первый период войны на Восточном фронте объясняется не внезапностью нападения, а лучшей организацией ВВС и подготовкой немецких лётчиков, которые это господство завоевали. Советская авиация была раздроблена между армиями, фронтами, флотами и авиацией дальнего действия, в то время как немцы оперировали крупными авиационными соединениями, в которых было налажено взаимодействие с наземными частями. Напротив, в советских ВВС почти не отрабатывалось взаимодействие с сухопутными частями. Тактически советские ВВС действовали примитивно: два года ушло на то, чтобы до советского руководства дошло, что тактика «роя», когда истребители летали группами по 6-8 машин и плотном боевом порядке, ущербна [2, с. 86]. Только с 1943 г. советские лётчики стали летать парами. Ко всему прочему, лётная подготовка лётчиков люфтваффе составляла 450 часов плюс солидный боевой опыт, советских – не более 180 часов. Вследствие плохой выучки и недостаточной штурманской подготовки, по наблюдениям немецких генералов, советская авиация очень редко действовала на глубине более 30 км от линии фронта (немецкая – до 300 км). К тому же у советских лётчиков не хватало карт [14, с. 71]. Даже после перелома в войне, с 1943 г., советские самолёты, имея дальность полёта до 1000 км, в основном висели над полем боя [10, с. 204].

Вместе с тем, германские ВВС, вследствие недостатка стратегических сил, были вынуждены заниматься только обеспечением поддержки сухопутных сил и, несмотря на неудачи в СССР, цеплялись за мысли о быстрой победе даже в конце 1942 г., когда потери личного состава люфтваффе и самолетов достигли критической отметки [12, прил.]. К началу 1943 г. после катастрофы под Сталинградом поддерживать эти надежды уже было невозможно, поэтому Верховное командование люфтваффе подготовило программу затяжной войны, предполагающую изменение баланса между наступательной и оборонительной стратегией в пользу оборонительной [7, с. 278].

В связи с изменением концепции воздушной войны первой организационной проблемой, которая встала перед люфтваффе, была проблема комплектования. Поражение вермахта под Сталинградом привело к кризису, и люфтваффе вынуждены были выделять личный состав для боевых действий на земле. Это решение сразу же отрицательно сказалось на выполнении авиацией своих обычных функций. Чтобы набрать необходимое количество личного состава для комплектования авиаполевых дивизий, численность личного состава части служб люфтваффе, включая службу связи, была сокращена на 10%. По мере ухудшения ситуации на Востоке половина из них была направлена на этот театр для формирования там авиаполевой дивизии. К февралю 1943 г. на Востоке уже было задействовано 20 таких дивизий. К весне 1943 г. для формирования новых авиаполевых дивизий личный состав авиации был сокращен на 200 тыс. чел. [11, с. 25-30].

Уже к маю 1943 г. стало очевидно, что постоянный отток личного состава в наземные боевые части отражается на боевой эффективности люфтваффе. Некоторые части были недоукомплектованы наземным персоналом, что приводило к ухудшению технического состояния самолетов. Была предпринята попытка сдержать падение численности личного состава за счет широкого использования в зенитной артиллерии и наземных частях иностранных добровольцев и военнопленных, однако сама по себе эта мера оказалась малоэффективной. Отток личного состава, в особенности специалистов и квалифицированных работников, которых было нелегко заменить, неминуемо сказался на мобильности и эффективности люфтваффе в целом [7, с. 279-281].

Одновременно с кадровым кризисом в люфтваффе возникли особые трудности в подготовке пилотов и экипажей. Люфтваффе вступили в войну, имея многочисленный корпус обученных лётчиков. За первый год войны на Востоке они понесли огромный урон. Особенно пострадала истребительная авиация: она исчерпала резерв опытных и обученных пилотов, а поток выпускников летных школ более не мог восполнить потери. Результат стал очевиден уже в начале лета 1942 г.: сроки обучения пилотов и экипажей были сокращены, а уровень их подготовки упал. Если в 1942 г. обязательный налет для курсантов летных школ был определен в 260 часов, то в 1943 г. он сократился до 110, в 1944 г. – до 50 часов [7, с. 43, 447].

Затем последовал развал системы обучения экипажей бомбардировщиков. В связи с нехваткой топлива возникла неравномерность потока курсантов, проходивших через систему летных школ. Однако и этот поток стал совершенно нерегулярным после того, как в конце 1942 г. Ju.52 и He.111 из состава школ, занимавшихся переучиванием летчиков, вместе с инструкторами были брошены на усиление транспортной авиации на южном участке Восточного фронта. Пилоты, направлявшиеся на обучение в бомбардировочную авиацию, проходили теперь обучение, летая вторыми пилотами на транспортных самолетах Ju.52 [7, с. 281-283]. Немецкая бомбардировочная авиация более не смогла восстановиться.

Развал фронтов в 1944 г. привел к развалу организации и командования люфтваффе. Как пишет полковник люфтваффе в отставке Греффрат «примерно в середине 1944 г. немецкая бомбардировочная авиация практически перестала существовать. Она оказалась полностью разбитой в боях над территорией Германии и над Средиземным морем... Летчики с бомбардировочных самолетов были переданы в истребительную авиацию» [12, с. 683].

Характер сокращения численности личного состава на протяжении последних четырех месяцев войны можно определить, сравнив численность на 15 декабря 1944 г. и на 1 апреля 1945 г.:

Таблица 1

Сокращение численности штата люфтваффе в конце войны [7, с. 563].

	15 декабря 1944 г.	1 апреля 1945 г.
Боевые части, административные и аэродромные службы	596 250	450 000
Зенитная артиллерия	816 200	656 000
Связь	305 000	251 000
Снабжение	109 100	62 000
Медицинская и ветеринарная службы	42 500	34 000
Рабочие команды	9 100	5 000
Пассивная ПВО	63 250	48 500
Парашютно-десантные войска	200 100	187 500
Прочие	163 000	104 500
Всего	2 304 500	1 798 500

Из таблицы видно, что сокращения сильно затронули боевые части и их обеспечение, а также зенитную артиллерию (20-25%), и в особенности службу снабжения (40%), и лишь парашютно-десантным войскам удалось более или менее сохранить численность. Сокращение личного состава само по себе до 1 апреля 1945 г. никак не сказывалось на неуклонном падении эффективности люфтваффе, связанном в основном с другими причинами.

Окончательное падение люфтваффе ярче всего проявилось в разрушении системы командования в марте и апреле 1945 г. после переправы союзников через Рейн и Одер. Прямым следствием форсирования Рейна союзниками стал отвод штабов соединений люфтваффе на Западе, который начался уже в середине марта. К 1 апреля командование этими силами уже были разделено: управление Командования «Запад» отступило на юго-запад, в Баварию, вместе с 16-й авиадивизией и приняло под свое командование 7-ю истребительную дивизию из состава воздушного флота «Рейх». Оставшиеся соединения (14-я и 15-я авиадивизии) были одновременно подчинены воздушному флоту «Рейх». Тем самым разделение истребительной авиации на стратегическую и тактическую было ликвидировано, и все части могли быть использованы для выполнения любых задач. Неразбериха на уменьшающихся территориях Рейха усугублялась тем фактом, что теперь авиация Восточного и Западного фронтов базировалась на одних и тех же или соседних аэродромах [7, с. 565-566].

Дальнейшие изменения структуры командования люфтваффе вступили в силу 14 апреля 1945 г. 6-й воздушный флот генерал-оберста фон Грейма стал отвечать за всю юго-восточную и южную часть Германии, имея в своем распоряжении: а) на юго-западе Германии: командование «Запад» с подчиненной ему 7-й авиадивизией; б) на юго-востоке Германии: 4-е командование (бывший 4-й воздушный флот) с подчиненными ему соединениями, в числе которых была 8-я истребительная дивизия, ранее входившая в состав воздушного флота «Рейх»; в) на востоке Германии: VIII авиакорпус.

25 апреля адмирал Дениц был наделен всеми полномочиями по обороне северной части. Ему был подчинен воздушный флот «Рейх» со всеми частями люфтваффе в этом районе, включая командующих силами люфтваффе в Норвегии и Дании, а также Командование люфтваффе «Курляндия» (бывший 1-й воздушный флот), продолжавшее сражаться в Латвии. На юге, после того как фон Грейм 26 апреля сменил Геринга на посту командующего люфтваффе, командующим 6-м воздушным флотом был назначен генерал-oberst Десслох.

Стремительное чередование и запутанность событий стали красноречивым свидетельством хаоса, царившего в последние часы существования люфтваффе, и изгнание Геринга завершило разгром.

Таким же образом в северной части командование принял генерал-oberst Штумпфф (командующий воздушным флотом «Рейх»). В его распоряжении оставались II авиакорпус, который действовал против советских войск, остатки 1-й и 2-й истребительных дивизий, на западе – 14-я авиадивизия.

Таблица 2

Подчинение соединений люфтваффе 14 апреля 1945 г. [7, с. 568].

Верховное командование Люфтваффе					
1-й ВФ	6-й ВФ	ВФ «Рейн»	Командующий силами люфтваффе в Норвегии	Командующий силами люфтваффе в Италии	Командующий люфтваффе в Восточной Пруссии
				Истребительное командование «Верхняя Италия»	
Воздушный флот «Рейх»					
Авиакорпус IX (J)				Командование люфтваффе «Северо-Восток»	Командующий люфтваффе в Дании
1-я истребительная дивизия	2-я истребительная дивизия	14-я авиадивизия	15-я авиадивизия		
	Истребительное командование «Дания»			6-е авиационное командование	
6-й воздушный флот					
Командование люфтваффе «Запад»	4-е командование люфтваффе (бывший 4-й воздушный флот)				
7-я истребительная дивизия		1 авиакорпус			VIII авиакорпус
	17-я авиадивизия			8-я истребительная дивизия	

В заключении следует сказать, что немецкая авиация на поле боя тактически действовала достаточно эффективно. Главными составляющими высокой эффективности были умелые действия немецкого авиакомандования на оперативно-тактическом уровне и тщательная подготовка немецких летчиков.

Главными организационными недостатками оперативного применения авиации следует считать следующие:

1. ОКВ и ОКЛ игнорировали положения основной доктрины применения ВВС, связанной с необходимостью ведения стратегических бомбардировок с целью подрыва «военной мощи противника, а также обеспечение и поддержание господства в воздухе». Вместо этого авиационные части сосредоточились в основном на обеспечении непосредственной поддержки армейских соединений.

2. Фронтовая авиация подчинялась штабу своего воздушного флота, а не штабу армейской группы армий.

3. Штаб каждого воздушного флота самостоятельно принимал субъективное решение по выделению авиации на тот или иной участок фронта.

4. Как только конфликт стал перерастать в войну на нескольких фронтах, авиацию пришлось

распределять между всеми воздушными флотами, в результате чего произошло распыление сил, была утеряна возможность достижения необходимой концентрации сил.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. История Второй мировой войны: в 12 т. М., 1972-1978.
2. *Смирнов А.* Боевая работа советской и немецкой авиации в Великой Отечественной войне. М., 2006.
3. *Шунков В.Н.* Вермахт. Минск, 2007.
4. *Гончаров В., Исмаилов Р., Переслегин С., Платов С.* Военно-воздушные силы Германии и ее противников в 1939-1945 г.г. / Манштейн Э. Утерянные победы. М.; СПб., 2003.
5. *Бобров М.А.* Стратегическое развертывание ВВС фашистской Германии накануне нападения на СССР // ВИЖ. 2002. № 3.
6. *Дейхман П.* На острие блицкрига. Взаимодействие люфтваффе с вермахтом во Второй мировой войне. М., 2010.
7. Подлинная история люфтваффе. Взлет и падение детища Геринга. М., 2006.
8. *Залесский К.А.* Люфтваффе. Военно-воздушные силы Третьего рейха. М, 2005.
9. *Литвин Г.А.* Сломанные крылья люфтваффе. М., 2005.
10. *Бешанов В.* Танковый погром 1941 года (куда исчезло 28 тысяч советских танков?). Минск, 2004.
11. *Denzel E.* Die Luftwaffen – Felddivisionen. 1942-1945. Weckargemund, 1967.
12. Мировая война 1939-1945. Выводы побежденных. М.; СПб., 2003.
13. *Зефиоров М.В.* Штурмовая авиация люфтваффе. М., 2003.
14. *Швабедиссен В.* Сталинские соколы: Анализ действий советской авиации в 1941-1945 гг. М., 2008.
15. *Куссероу.* Поддержка (Unterstützung) // Архив документов в Карлсруэ. Ф. III I.

УДК 1:316+008(470.11-22)(091)(045)

Матонин Василий Николаевич

кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Отдела докторантуры Северного Арктического федерального университета имени М.В. Ломоносова (Архангельск), главный редактор альманаха «Соловецкое море» (Архангельск-Москва)
тел.: (911) 568-33-05

**«СЕВЕРНОСТЬ»
РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ**

В статье проанализированы духовные и психологические аспекты северной русской колонизации, рассматривается феноменология концепта «северность».

Ключевые слова: колонизация, север, монашество, онтологические качества, граница, социокультурное пространство.

Matonin Vasily Nikolaevich

PhD in History, Associate Professor, Senior Research Scientist of the Department of Doctoral Studies of North Arctic Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk), Editor-in-Chief of Literary Miscellany "The Solovetsky Sea"
tel.: (911) 568-33-05

**THE CONCEPT OF "NORTH" IN
RUSSIAN CULTURE**

Spiritual and psychological aspects of the northern Russian colonization have been analyzed in the article. The phenomenology of the concept of North is studied.

Key words: colonization, North, monkhood, ontological qualities, boundary, socio-cultural space.

В XII–XVI вв. очевидны три потока русских поселенцев, осваивающих Беломорье: новгородско-псковский, владими́ро-ростово-суздальский и московский. В историографии принято различать «боярскую», «крестьянскую» и «монастырскую» колонизацию. В данной статье рассматриваются преимущественно религиозно-антропологические аспекты доместикации северного пространства.

Уместно соотнести русские и норвежские представления о «северности», потому что в представлении европейцев именно русские и норвежцы являются «северными народами». Слово «Норвегия» в переводе с древнескандинавского – «путь на север», а слово «норвежец» (nordmenn) означает – «человек севера». Главную роль в формировании самосознания норвежцев играли географические условия [1, с. 21-33]. Самосознание русских складывалось под влиянием православия. Образ «севера» первоначально имел негативное значение и отождествлялся с долгой зимой, снегом, морозом, языческими финно-угорскими племенами, населяющими чуждое пространство. В середине XVI в. «Поморьем» называли земли, простершиеся от Вологды до Северного Ледовитого океана. «Поморье» – страна «по ту сторону» земного бытия. Происхождение слова «море» и производных от него существительных восходит к индоевропейским глаголам умирания –mor, –mer.

Пассионарная устремленность русских первопроходцев на север и северо-восток не была иницирована «сверху». Она усиливалась в периоды политической и экономической нестабильности, была реакцией на апокалипсические ожидания. В начале XVII в., в «смутное время междуцарствия», когда появилась реальная возможность гибели Московской Руси, наше Отечество исподволь «прирастало» Сибирью. Примерно, в течение сорока лет был освоен Северный Морской Путь. Кочи поморов добрались до Аляски. Это было великое духовное движение русского народа на Восток («на восток», «на встречу солнцу»), который на сакрально-географической карте мира сопологался с Севером, где поморы «открывали сияющие чертоги рая и зияющие бездны ада» [2, с. 40].

Русская цивилизация имеет северный характер. Вектор отечественной культуры ориентирован с юго-востока на северо-восток. В отечественной историографии рассматриваются, как правило, социально-политические, классовые и экономические причины восточнославянской колонизации [3, с. 94]. Между тем, важнейшим мотивом движения православных христиан в земли, где восемь месяцев в году стоит морозная зима, а летом одолевают мошка и комары, были духовные основания, имеющие объяснение в православной эсхатологии.

Христианство утвердилось в Римской империи как учение «не от мира сего» не «благодаря», а «вопреки» социально-политическим и экономическим обстоятельствам. Орудиями первых христиан были желание уподобиться Христу и готовность к мученичеству. После гонений Диоклетиана и Галерия, объединивших все сословия римского общества в борьбе против христиан, общественное мнение склонилось от неприятия христиан к удивлению и благоговению перед ними: «последние стали первыми» [4, с. 67-74].

После обнародования Миланского эдикта 313 г., признававшего равенство религий в государстве, звание «христианин» было негласно признано почетным. Численность христиан неизмеримо возросла, а уровень их нравственности столь же сильно упал. Ответом Церкви Христовой на об-

мирщение паствы и внутренние разногласия стало сознательное и целенаправленное стремление меньшей части христиан к инобытийности, к иночеству. Слово «монах» (от греческого *monachos*) означает – одинокий. Монастырь как социальный институт – форма воплощения аскетического идеала, исторически сложившегося в конце III – начале IV в. в Египте и в Сирии [5, с. 290]. Пустынножители появляются в безлюдных местах на севере Африки: в Нитрийской пустыне, на островах в дельте Нила. «Фиваида» – монашеская страна самой природой была предназначена для пустынножительства. Жаркий и сухой климат, отсутствие растительности благоприятствовали стремлению иноков к спасению.

Важнейшая черта христианской аскетики – стремление к расширению экзистенциальных границ. Слово аскетизм (греч. *askesis*) – упражнение, подвиг. Это принципы поведения, при которых человек подавляет естественные желания и побуждения, отказывается от жизненных благ и удовольствий. Целью аскетизма является стремление к освобождению от земных потребностей [6, с. 330].

Православие – религия обетованного времени, но принципы христианской аскетики в ожидании конца времен открывали подвижникам путь в сторону Студеного моря-океана, где суровые климатические условия предопределили появление «Северной Фиваиды». Идея «Русского Севера» воплощает идею перехода, идеал Преображения, идеологию, принимающую ярко выраженные маргинальные формы. Жизнь в условиях восьмимесячной зимы требует трудового усилия, подвига и упования на «чудо» как явлений повседневных.

Рассмотрим онтологические качества «севера» как социокультурного пространства:

1. «Север» – понятие относительное: вечно расширяющаяся граница, требующая «мужских» поведенческих качеств. «Женское» в природе и в культуре – предполагает традиционный, консервативный, «охранительный» тип поведения.

2. Освоение «севера» требует духовных или идейных мотивировок, в любом случае – иррациональных по отношению к витальным ценностям.

3. Север – «монашеская страна». Не случайно в общественном сознании по отношению к Русскому Северу и Поморью утвердилась устойчивая духовная характеристика – «Северная Фиваида». В начале истории поселения следует искать святого подвижника, «культурного героя» или «гения места». Города и села, как правило, складываются вокруг монастырей и пустыней. Монахи бегут от «мира», а «мир» спешит за ними.

4. Пустынножители приходили на необжитые земли как «свои», чтобы остаться навсегда и умереть здесь для обретения вечной жизни, а ушкуйники – как «чужие», чтобы взять дань («ясак») и вернуться.

5. «Русский Север» разделен природными, ландшафтными, государственными, конфессиональными и экзистенциальными рубежами. Ландшафтные границы соответствуют пределам экзистенциальным, духовным, государственным, но редко совпадают с внутренним территориально-административным делением.

6. Выход за пределы освоенного пространства предполагает отказ от традиционных морально-нравственных норм – «антиповедение». В соответствии с бинарной психологической инверсией «разбойники» обретают статус первопроходцев и культурных героев, «грешники» становятся прославленными святыми.

7. Расширение освоенного пространства требует ненормированного усилия – «жертвы» или готовности к обретению нового качества через страдание и достойно пережитую опасность. «Запредельное состояние» превращается в повседневный образ жизни, в традицию, в религиозно-культурный уклад.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Машкова-Хоркина С.А.* Россия и Норвегия: путь на Север // Геоисторические и геозтнокультурные образы и символы освоения арктического пространства: материалы VII Поморских чтений по семиотике культуры. Архангельск, 2012.
2. *Теребихин Н.М.* Лукоморье. Архангельск, 1999.
3. *Булатов В.Н.* Русский Север. Книга первая. Заволочье. IX-XIV вв. Архангельск, 1997.
4. *Болотов В.В.* Лекции по истории древнерусской церкви. М., 1994. Т.1; Куломзина С.С. История православной христианской церкви. М., 2000.
5. *Христианство: словарь* / под ред. Л.Н. Митрохина. М., 1998.
6. *Яблоков И.Н.* Религиоведение. М., 1998.

УДК 94(470)"19"

Орлов Андрей Сергеевич

соискатель кафедры религиоведения и теологии
Орловского государственного университета,
преподаватель Академии ФСО России
тел.: (905) 168-95-02

**ОТ НАЦИОНАЛИЗМА К СОЦИАЛИЗМУ:
НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ ПЕРЕРОЖДЕНИЕ
М.О. МЕНЬШИКОВА**

В статье, на основании неопубликованного дневника публициста М.О. Меньшикова за 1917 г., впервые рассматривается его мировоззрение после февральской революции, его отношение к христианству, капитализму и социализму. В контексте дореволюционных взглядов публициста, являвшегося идеологом русского национализма, делается вывод о том, что, он во многом отошел от своих прежних убеждений и рассматривал социализм в качестве альтернативы капитализма и христианской этики.

Ключевые слова: дневник публициста, М.О. Меньшиков, национализм, капитализм, христианство, социализм.

Orlov Andrei Sergeevich

Postgraduate Student of the Department of Religious
Studies and Theology of Orel State University, Lecturer
of the Federal Security Guard Academy
tel.: (905) 168-95-02

**FROM NATIONALISM TO
SOCIALISM: FAILED REGENERATION
OF M.O. MENSHIKOV**

The world outlook, attitude to Christianity, capitalism and socialism of the publicist M.O. Menshikov during 1917 have been considered in the article for the first time. In the context of the pre-revolutionary views of the publicist, who was the ideologist of the Russian nationalism, it has been concluded that he changed his previous beliefs in many respects and considered socialism as an alternative to capitalism and Christian ethics.

Key words: journal of a publicist, M.O. Menshikov, nationalism, capitalism, Christianity, socialism.

Либеральные реформы середины 1860-х гг. радикальным образом повлияли на русскую журналистику. В короткое время в России появился многочисленный отряд новых читателей российской периодики, не слишком образованных, живущих далеко от столицы, но, тем не менее, живо интересующихся социально-политической обстановкой в стране. Данное обстоятельство привело к тому, что прежние общественно-литературные журналы были заметно потеснены газетами, но газетами нового типа, к числу которых в первую очередь можно отнести «Новое время». Ее редактор и издатель А.С. Суворин нарочито отказался от традиционной для прежних изданий ориентации на конкретное общественно-политическое течение, собирая в штат газеты журналистов исключительно по степени их таланта. В результате в редакции газеты уживались такие разные личности как, например, религиозный философ В.В. Розанов, брат российского премьер-министра А.А. Столыпин и одиозный критик В.П. Буренин. Особой популярностью у подписчиков «Нового времени» пользовался Михаил Осипович Меньшиков. Отставной моряк без профессионального литературного образования, но с определенным журналистским опытом, он сумел найти верный тон душевной беседы с читателем, как со своим давним знакомым, ведя в газете рубрику «Письма к ближним». В постоянно меняющихся условиях общественно-политической жизни предреволюционной России начала века, читатель-обыватель нуждался в простом и понятном объяснении происходящего. И штурман-публицист умел давать такие объяснения, основываясь, по большей части, не на научных знаниях, не на признанных авторитетах, а на житейском опыте.

М.О. Меньшиков принадлежал к тому поколению людей, которые были обязаны своим успехом реформам Александра II. «Я вышел из крайней бедности, – признавался он в своем дневнике в конце жизни, – и разбогател до степени миллионера» [1, л. 7]. Несмотря на громкую фамилию, Меньшиков происходил из незнатной семьи. По материнской линии он принадлежал к захудалому дворянскому роду. Дед его был священником, отец – мелким чиновником, за неимением средств, проживавшим вместе с семьей в крестьянской избе. Поворотным моментом в жизни Михаила Меньшикова стало поступление в Кронштадтское морское техническое училище при содействии влиятельного родственника. Еще в годы учебы у будущего публициста стал проявляться литературный талант, но он решил на профессиональную литературную деятельность только после успешной военно-морской карьеры, гарантировавшей стабильную пенсию. Выйдя в отставку в максимально возможном при его образовании чине штабс-капитана, он вскоре сделал и блестящую публицистическую карьеру.

Читатели Меньшикова находили в его статьях то, о чем подспудно думали сами. По работам публициста мы можем проследить трансформацию взглядов зарождающегося среднего класса в предреволюционной России. Особой характеристикой этого класса являлась его определенная консервативность, но консервативность особого рода. Помня, из какого тяжелого положения суме-

ли выбиться в люди они или их родители, этот класс, в отличие от других социальных групп, желал не столько улучшения жизни (как либералы) или возврата к прошлому (как крайние консерваторы), а сохранения того, что имелось на текущий момент. Но, так как ситуация в стране постоянно менялась, менялись и условия, при которых можно было сохранить такое статус-кво, следовательно, приходилось менять и свои взгляды.

М.О. Меньшиков принял как данность появление парламента и уповал на его плодотворную работу. Затем поддержал третьеиюньский переворот. Подобно своим читателям, он, то с одобрением, то с недоверием наблюдал за попытками П.А. Столыпина вести страну «на легком тормозе вперед». Как и большинство его читателей, публицист считал неприемлемыми для себя все левые партии, но, в то же время, он не был удовлетворен деятельностью имевшихся на тот момент черносотенных организаций, желавших, по его мнению, быть «больше католиками, чем сам папа». В результате он принял участие в создании новой партии, став одним из идеологов и учредителей Всероссийского национального союза. Во главу своей программы данная партия ставила не политические или экономические лозунги, а понятный и простой принцип национализма «Россия для русских», который Меньшиков назвал «лозунгом русского Возрождения» [2, с. 48, 93]. Он искренне верил в национальную идею, но когда нация стала проигрывать в войне и допустила падение монархии, он от национализма перешел к идее глобализации. В дневнике за 1918 г. он записал: «Суеверие национальности пройдет, когда все узнают, что они – смесь, амальгама разных пород, и когда убедятся, что национализм – переходная ступень для мирового человеческого типа – культурного...» [3, с. 17].

Переменчивость Меньшикова во взглядах стала притчей во языцех и вызывала нападки, как со стороны коллег-журналистов, так и товарищей по партии. Но именно этим он был близок своим читателям, выступая своеобразным барометром их настроений. Причем этого своего качества он не утратил и после того, как по требованию Временного правительства был уволен из газеты и, не имея другой работы, вынужден был уехать с семьёй на Валдай. Лишившись возможности общения с читателями, публицист вел активный диалог с самим собой посредством дневника. Среди различных тем, к которым обращался Меньшиков в последние два года своей жизни, следует отметить его размышления о причинах и последствиях февральской революции, в которых он выделял не столько политические и экономические, сколько религиозно-этические составляющие.

Оказавшись в положении большинства своих прежних читателей, наблюдая за происходящим в Петрограде со стороны, узнавая о политических событиях из газет и редких писем, Меньшиков как когда-то герой Достоевского, приходит к выводу о несостоятельности не только того политического строя, который пыталось спасти Временное правительство, но и духовной основы рушившейся политической системы – христианства. Одна из записей в его дневнике, датированная 5 августа 1917 г. по старому стилю, так и называется «Христианство не удалось».

Основные ошибки христианства (как и других мировых религий) отставной публицист видел в отсутствии практического начала и в идеализации людей. «Пророки думали, – размышлял он, – что человечество во всей своей массе способно воспринять идею любви к ближним и нравственной чистоты, и перестроить жизнь согласно этой идеи» [4, л. 9]. Между тем, по мнению Меньшикова, христианство, как и другие нравственные учения, может быть воспринято в чистом виде лишь единицами, а с таким малым числом единомышленников невозможно строить добровольной реформы, так как подавляющее большинство будет стремиться всячески ее извратить в соответствии со своими слабостями и пристрастиями. Из данных рассуждений публицист приходил к неожиданному выводу о том, что христианскую миссию способен выполнить социализм, который он определял как «великую догадку» о том, что христианство бесполезно проповедовать, его «нужно делать», подобно строительству железных дорог, воплощая его в жизнь «какой-то властной волей». Роль Мессии или Спасителя в социализме, по мнению публициста, должен выполнять сам человек, соединяющийся с другими людьми ради «великой цели общего спасения».

В своих уединенных размышлениях Меньшиков отходит от ортодоксального понимания Бога и чуда, доказывая: «Нет в мире Бога, действующего по своей или по нашей прихоти, склоняющегося к нашим мольбам, курениям и сожжению свечей... Но есть Бог, именно мир, в который мы входим, который вечно производит одни и те же естественные чудеса и в порядке естественных чудес или законов или спасает нас, или губит. От нас зависит или сброситься с крыши вниз, или спуститься по лестнице: в одном случае естественное чудо губит, в другом сохраняет человека» [5, л. 10]. Таким образом, религиозные взгляды Меньшикова этого периода могут быть расценены как пантеизм, так как он олицетворяет Бога с естественными силами природы. Бог перестает быть категорией трансцендентной и, как следствие, социализм подается как: «христианство, освободившееся от мистики». «Я глубоко уверен, – заявляет Меньшиков, что социализм есть та машина для счастливой общественности, которая

уже изобретена, но еще не введена в употребление» [6, л. 10 об.].

Такой взгляд на социализм мог бы показаться неожиданным, однако, в огромном и, как мы отметили выше, противоречивом наследии публициста в разные периоды встречались работы, позволившие некоторым современным исследователям увидеть присутствие во взглядах М.О. Меньшикова определенных социалистических ноток задолго до революционных событий 1917 г. В частности один из немногих исследователей творчества Меньшикова раннего периода Н.В. Зверев, изучая его статьи периода сотрудничества в народнической «Неделе», приходит к выводу о том, что в них, хотя и расплывчато, присутствует идея «государства социальной справедливости», которое автор полагает возможным трактовать как некий «прообраз социалистического государства» [7, с. 61].

Схожие наблюдения высказывал Ю.М. Каграманов: «Проживи Меньшиков дольше, он увидел бы, как возрождаются... элементы лелеемой им арматуры: новое всеобщее закрепощение, и “железное строение” государства, и “князь” с “металлической” фамилией...» [8, с. 20]. Заметим, что Каграманов основывался в своих рассуждениях исключительно на статьях Меньшикова, опубликованных в «Новом времени» периода третьеиюньской монархии, не прибегая к его дневниковым записям 1917 – 1918 гг., что и не позволило ему до конца решить вопрос о том, принял Меньшиков или нет грядущий социалистический строй.

В своем дневнике за 1917 г. Меньшиков предлагает определенную программу спасения, которая во многом предвосхитила лозунги большевистского правительства после октябрьской революции. Первым необходимым условием Меньшиков выдвигает сильную власть, способную заставить всех подчиниться единому закону. Он считает, что такая власть возможна при одном условии, если бедняки всего мира объединятся и откажутся: «истреблять друг друга по команде богатых, управляющих народами классов». Это условие Меньшиков объясняет тем, что, по его мнению, войны всегда были и есть источник богатства и власти, а всеобщий мир будет способствовать поддержанию всеобщего равенства как внутри, так и между государствами. Идея необходимости установления всеобщего мира появилась на страницах дневника Меньшикова еще несколькими днями раньше в ходе размышлений над причинами, побудившими Германию начать войну. Он выдвигал утопические планы: «Давайте, соединимся в общее мировое отечество! К черту Габсбургов, Гогенцоллернов, Романовых и всю эту дряхлую средневековую бутафорию власти! Учредим мировой парламент, который одно трехлетие собирался бы в Берлине, другое – в Париже, третье – в Лондоне, четвертое – в Москве и т.д. Мир миров – во что бы ни стало!» [9, л. 5 об.]. Теперь он, по сути, возлагает осуществление этих планов на будущее социалистическое правительство.

Следующим пунктом программы Меньшиков выдвигает национализацию капитала и средств производства. Далее, помня о человеческом несовершенстве, он предлагает объявить «труд и самопожертвование не добровольным, а обязательным для каждого делом». «Никогда не убедить ни народ, – пишет Меньшиков, – ни человечество зажить братской, благочестивой жизнью, но можно почти молча поставить народ и человечество в условия благочестия и братства. Для этого нужно, чтобы власть (какая – все равно) объявила о решимости поддержать насильем: средства труда – земля и машины – общие. Труд должен быть общим и обязательным. Продукты труда должны быть общими. Тогда не будет нищих и богатых, завидующих и возбуждающих зависть, угнетаемых и угнетателей» [10, л. 10-10об.]. Только при таких условиях, по мнению Меньшикова: «настанет царство Божие», под которым он понимал создание условий для совершенствования человеческого рода, который должен сам начать «свое спасение». Меньшиков предполагал, что после завершения мировой войны начнется «всеобщая перестройка», которая будет выражаться в окончательном крушении: «средневековой цивилизации» и появлению нового общественного устройства основанного «на обязательном труде на общую пользу».

В этот же день Меньшиков описал в дневнике семейный спор о социализме, где он выступил оппонентом жены и тещи, ругавших социализм, в особенности принудительный труд. Меньшиков же, напротив, уверял, что готов работать при принуждении социалистического строя за уверенность в том, что он и его семья будут иметь гарантированное пропитание. «Принуждение для меня не новость: голод и жалость к семье заставляла меня работать в старом буржуазном строе» [11, л. 7об.]. Очевидно, на данную позицию Меньшикова повлияла жизненная ситуация, в которой он оказался, и страх за будущее семьи. Обрисовывая свое положение коллеге по «Новому времени» В.В. Розанову, Меньшиков писал: «Я сижу со своей огромной семьей в валдайской щели и при реквизированном имуществе своем рассчитываю лишь протянуть до лета. А там пошел бы по миру, если бы теперь подавали. Так как не подают и даже социалистический котел с кашей показывают лишь на бумаге, то придется проделывать роль отошавших Индусов – сидеть и ждать смерти» [12, с. 265].

События октября 1917 г. заставили Меньшикова вернуться к осмыслению социализма и причи-

нам крушения буржуазного строя. Он записывает свои размышления, озаглавив их «Путь спасения». Несмотря на то, что тремя месяцами ранее Меньшиков рассуждает о социализме, как о будущей модели построения общества, теперь он отзывается о нем более сдержанно: «Весь вопрос в том, представляет ли социализм удачное изобретение, т.е. согласован ли он с условиями правды» [13, л. 25]. Чтобы ответить на этот вопрос он рекомендует сначала испытать его на маленьких государствах. Что же смущает в социализме Меньшикова? «Социализм есть возвращение к общему рабству и посредством урегулированного рабства обеспечение максимума свободы». Заметим, что Меньшиков еще в августе 1917 г. параллельно с утверждениями о готовности к подневольному труду рассуждал: «Я, человек, однажды в вечности появившийся на земле, не хочу быть рабом ни одного монарха, ни 160-миллионной массы. Я отрицаю безграничную власть, чью-бы ни было: даже всего человеческого рода» [14, л. 16]. Однако он уже видит всю невозвратность буржуазного строя, полагая, что он менее удовлетворяет требованиям народа, нежели даже крепостной. Проблема буржуазного строя, по мнению Меньшикова, заключается в том, что он снял практически непреодолимые прежде перегородки между сословиями, установив «право общего соревнования». В результате «началось великое ристалище» за возможность разбогатеть, сделать карьеру или стать миллионером: «Почти охотно мирились с наследственной аристократией, с "настоящими господами", но видеть возвышение своего же брата, притом блистательное и, казалось бы, всем доступное, это возбуждало Каинову зависть». Однако в условиях свободной конкуренции желанная победа достается единицам. Победенные чувствуют себя за бортом жизни и решаются: «Уж если мериться силами, то мериться до конца... Нас много, вас – мало. В наших руках благодаря оплошности вашей очутились штыки. Вот и посмотрим, чья возьмет» [15, л. 26]. Придя к власти, такой народ будет желать не свободы, при которой возможна конкуренция, а значит и неравенство, а равенства, регулируемого сверху. Такое равенство, по мнению Меньшикова, и может быть обеспечено социализмом.

Таким образом, дневниковые записи Меньшикова показывают неизбежность в его представлении, после февральской революции, прихода социализма, который он рассматривал не только как новый общественно-политический строй, но и как обновленную модель христианства. Однако этот вариант, несмотря на неоднозначность высказываний публициста, был для него лично внутренне неприемлем.

Меньшикову не суждено было на практике решить для себя вопрос о его совместимости с социалистическим строем. Большевики продолжали рассматривать публициста, следуя определению В.И. Ленина, «певцом черной сотни». 20 августа 1918 г. Меньшиков был расстрелян как заложник, но задним числом его обвинили в участии в несуществующем антибольшевистском заговоре [16, л. 250].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Центральный московский архив-музей личных собраний (ЦММЛС). Ф. 202. Оп. 1. Д. 41.
2. *Санькова С.М.* Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза: монография. Орел, 2006.
3. Российский архив. (История отечества в свидетельствах и документах 18–20 век). Вып. 4. М.О. Меньшиков. Материалы к биографии. М., 1993.
4. ЦММЛС. Ф. 202. Оп. 1. Д. 41.
5. Там же.
6. Там же.
7. *Зверев Н.В.* Кому нужна земля // Диалог цивилизаций: Восток-Запад. Глобализация и мультикультурализм: Россия в современном мире: материалы VII Межвуз. науч. конф. М., 2007.
8. *Каграманов Ю.В.* Меньшиков столетие спустя // Посев. 2000. № 12.
9. ЦММЛС. Ф. 202. Оп. 1. Д. 41.
10. Там же.
11. Там же.
12. Российский архив. Указ. изд.
13. ЦММЛС. Ф. 202. Оп. 1. Д. 41.
14. Там же.
15. Там же.
16. Российский архив. Указ. изд.

УДК 944.01

Тарасов Константин Николаевич

преподаватель кафедры истории России
Вятского государственного университета
тел.: (922) 943-60-05

**ПРОБЛЕМА НАРОДНОГО
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ВО ВЗГЛЯДАХ
РОССИЙСКИХ КОНСЕРВАТОРОВ
нач. XX в. (К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ
ПОТЕНЦИАЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО
КОНСЕРВАТИЗМА)**

Исследуется отражение вопроса о создании в России органов народного представительства в идеологии русского консерватизма начала XX в. Рассмотрены взгляды ведущих теоретиков отечественной консервативной мысли периода третьеиюньской монархии. Через анализ подходов идеологов к проблеме народного представительства оценивается исторический потенциал консервативной политической программы накануне революции 1917 г.

Ключевые слова: консерватизм, народное представительство, российская монархия, модернизация.

Tarasov Konstantin Nikolayevich

Lecturer of the Department of History of
Russia of Vyatka State University
tel.: (922) 943-60-05

**THE PROBLEM OF NATIONAL
REPRESENTATION IN THE VIEWS OF THE
RUSSIAN CONSERVATIVES OF THE EARLY
20TH CENTURY (ON THE QUESTION OF
HISTORICAL POTENTIAL OF
DOMESTIC CONSERVATISM)**

The reflection of the question concerning creation in Russia of national representation bodies in the ideology of the Russian conservatism of the early 20th century is investigated. The views of the leading theorists of domestic conservative thought about the period of the 3d June monarchy are considered. Through the analysis of approaches of ideologists to the problem of national representation the historical potential of the conservative political program on the eve of the revolution of 1917 is estimated.

Key words: conservatism, national representation, Russian monarchy, modernization.

На рубеже XIX – XX вв. консерватизм как направление общественной мысли занимал прочные позиции в интеллектуальном поле России. В условиях капиталистической модернизации отечественные консерваторы настойчивее других доказывали необходимость корректировать происходящие в обществе процессы с национальной спецификой страны. Вместе с тем, судьба русского консерватизма начала XX в. и его представителей оказалась трагичной.

В данной статье предпринимаются попытки оценить исторический потенциал русского консерватизма начала XX в., выделить его сильные и слабые стороны, выявить причины его исторического поражения в 1917 г. Анализ социально-политической платформы отечественного консерватизма предпринимается через изучение отражения в консервативной мысли проблемы народного представительства.

Исторические условия начала XX в. внесли существенные изменения в социально-политическую доктрину русского консерватизма. Относительно проблемы взаимодействия власти и общества через народное представительство мнения ведущих идеологов разделились. В начале XX в. лагерь консерваторов объединил как последовательных противников народовластия (В.А. Грингмут, К.Н. Пасхалов, В.П. Мещерский), так и сторонников идеи создания представительных учреждений (Л.А. Тихомиров, М.О. Меньшиков, С.Ф. Шарапов).

Первые, доказывая нецелесообразность создания в стране какого-либо представительства, фактически повторяли доводы своих предшественников пореформенной эпохи – М.Н. Каткова, К.П. Победоносцева, А.Д. Пазухина. Так, В.А. Грингмут предупреждал, что любое представительство отделяет царя от народа, препятствуя их непосредственному общению. Единственным представителем интересов своих подданных является монарх. Поэтому и создание специальных представительных учреждений излишне [1, с. 73]. Логически стройная концепция совершенно не учитывала реалий. Процесс модернизации настоятельно требовал вовлечения граждан в политическую жизнь страны. Однако, возглавивший в 1896 г. редакцию «Московских ведомостей» В.А. Грингмут, разделяя взгляды незабвенного основателя этой газеты, утверждал, что вместо представительства связь власти и общества должны осуществлять официальная печать и бюрократия. На фоне растущего антагонизма сословий, классов, социальных групп, ставшего главной причиной революции 1905 г., сторонники реакции продолжали не замечать остроты социальных конфликтов, считая их следствием происков представителей либеральной и радикальной интеллигенции [2, с. 327-330].

Сторонник представительства Л.А. Тихомиров, возглавивший в 1909 г. (через два года после смерти В.А. Грингмута) редакцию «Московских ведомостей», стремился убедить своих читателей в

гибельности реакции. Правый радикализм, отрицавший реформы, воспринимался им такой же угрозой государственному порядку, как и левый экстремизм. Автор подчёркивал, что процесс реформирования политической системы должен заключаться именно в расширении представительного начала [3, с. 136-138].

Однако если теоретические выводы Л.А. Тихомирова рассматривали политические институты в качестве надстройки над социумом, то в его конкретных предложениях и проектах субъектом изменений выступала власть [4, с. 17].

Гораздо меньше пиетета по отношению к российскому самодержавию испытывал главный идеолог Всероссийского национального союза (ВНС) М.О. Меньшиков. Он настаивал на том, что отношения между властью и обществом должны носить партнёрский характер. Их взаимодействие должно обеспечиваться через развитые представительные институты [5, с. 118]. Со временем, становящееся всё более настойчивым требование сделать Думу полноценным субъектом государственного управления свидетельствовало, скорее, о тяготении идеолога ВНС к принципам буржуазного национализма, нежели отражало внутреннюю эволюцию политической программы российского консерватизма.

В результате, анализ подходов как противников, так и сторонников народного представительства в среде консерваторов показывает их стремление и в новых условиях отстаивать положение самодержавной власти как системообразующего фактора российского общества. Иные позиции ряда консервативных авторов по данному вопросу не являлись следствием эволюции фундаментальных оснований консервативной политической доктрины, а представляли собой отход от неё в сторону буржуазного национализма (М.О. Меньшиков) или славянофильства (С.Ф. Шарапов).

Если сторонники сословной иерархии (В.А. Грингмут, К.Н. Пасхалов, В.П. Мещерский) продолжали считать поместное дворянство надёжной опорой престола и оплотом стабильности и порядка, то «менее реакционный» Л.А. Тихомиров, оставаясь верным идее превосходства сословного строя над «общегражданским», утверждал, что выражать интересы народа перед верховной властью должны наиболее заслуженные и уважаемые представители сословий, которые изнутри знают проблемы и чаяния своих социальных групп [6, с. 487]. Вместе с тем, представительство социальных групп в Думе пропорционально их действительной численности консерваторы считали невозможным. Сохранение имущественного, образовательного и (с некоторыми оговорками) сословного цензов объяснялось необходимостью обеспечить прохождение в общероссийский представительный орган наиболее достойных и компетентных граждан.

К кануну российской революции 1917 г. не подверглось существенной корректировке отношение российских консерваторов к вопросу о представительстве национальных окраин Империи. Практически в один голос идеологи заявляли, что не допустят наделения политическими правами инородцев [7, с. 337-338]. Национальный вопрос трактовался отечественными консерваторами достаточно тенденциозно, без учёта углубления межнациональных и межконфессиональных противоречий в многонациональной стране.

Модернизация российского общества привела к формированию в начале XX в. центрального народного представительства – Государственной думы Российской империи. Самодержавная монархия стала «дуалистической». Однако консервативная публицистика начала XX в. заявляла, что никакие изменения государственного строя не поколебали основ самодержавия. Раз царь своей волей издал Основные законы 1906 г., то есть сам санкционировал создание новой системы управления, то возникшие представительные учреждения не способны ограничить свободу своего создателя. Так или иначе, любая попытка консерваторов создать самостоятельный проект народного представительства неизбежно ставила вопрос о необходимости пересмотра существующего в стране порядка управления, на который сами авторы – приверженцы абсолютной монархии – не решались.

Верно отмечая отсутствие широкой социальной базы российского парламентаризма, консерваторы упускали из внимания тот факт, что и старый порядок, апологетами которого они в той или иной степени являлись, стремительно терял сторонников во всех слоях общества. Идеи конструкции, построенные на подобных заблуждениях, неверно отражали действительность и были непригодны в качестве руководства к действию. Только в последние годы существования Российской империи консерваторы с разочарованием, а подчас и негодованием, отмечали огромную пропасть между идеалом монархии и представителями правящей династии.

О кризисном состоянии российского консерватизма в преддверии революции 1917 г., его способности выработать план дальнейшего развития страны, свидетельствует, по нашему мнению, эволюция взглядов на народное представительство двух значительных фигур отечественной консервативной мысли, чьи подходы обладали немалым реформаторским потенциалом, – Л.А. Тихомирова и

М.О. Меньшикова. Первый, по сути, перешёл в стан реакционеров [8, с. 396-398], второй – постепенно склонялся к либеральным принципам, скорректированным националистическими лозунгами.

В результате, чтобы сделать идеологию более гибкой и применимой к практике, следовало пересмотреть или вовсе отказаться от некоторых краеугольных оснований консервативной доктрины (М.О. Меньшиков). И наоборот, желание сохранить чистоту идеологии обернулось стремлением подогнать действительность под отвлечённый идеал (Л.А. Тихомиров и реакционеры).

Таким образом, российские консерваторы начала XX в., понимая необходимость расширения социальной опоры власти, вовлечения граждан в управление страной, подчеркивали, что устанавливая правила взаимодействия власти и общества должно государство. Приверженность идеологов социальной иерархии делала консервативную программу слабостойчивой к социально-экономическим противоречиям. Поэтому радикализирующееся общество на предлагаемые консерваторами условия было не согласно. Их рецепты уже не соответствовали реальным потребностям страны.

Такие родовые черты отечественной консервативной мысли, как отсутствие научного анализа социально-политических процессов, излишнее морализаторство и ссылки на религиозные догматы, невнимание к практическим аспектам реализации социально-политической программы, пристрастие к идеальным схемам общественного устройства не позволили идеологам представить конструктивной оценки сложившегося государственного строя, которая кроме критики предусматривала бы ещё возможность его совершенствования.

Радикализация общественных настроений, стремление Думы играть роль оппонента самодержавия, дестабилизация общественного порядка не стали поводом к развитию социально-политической доктрины российского консерватизма. Неприятие складывавшегося положения в стране, напротив, влекло за собой радикализацию взглядов консервативных идеологов, делало их «революционерами справа», готовыми на любые меры для возвращения России к дореформенным порядкам. Те же из них, кто считали реформы неизбежными, покидали лагерь консерваторов и переходили на иные идеологические позиции.

Таким образом, накануне крушения монархии российский консерватизм не смог выработать оптимального плана по выводу страны из затянувшегося кризиса и проиграл борьбу своим более успешным конкурентам – либерализму и социализму. После 1917 г. в своей стране консерватизм оказался под запретом и продолжал существовать уже в рамках идейного поля пореволюционной эмиграции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Гринемут В.А.* История народовластия. М., 1908.
2. *Мещерский В.П.* Либеральное тихое безумие // За великую Россию. Против либерализма / сост. Ю.В. Климаков. М., 2010.
3. *Тихомиров Л.А.* Самодержавие и народное представительство // Апология Веры и Монархии. М., 1999.
4. *Тихомиров Л.А.* Единоличная власть как принцип государственного строения // Руководящие идеи русской жизни / отв. ред. О.А. Платонов. М., 2008.
5. *Меньшиков М.О.* Письма к русской нации / вст. ст. М.Б. Смолина. М., 1999.
6. *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. М., 1998.
7. *Тихомиров Л.А.* Русский или еврейский вопрос? // Христианство и политика / сост. С.М. Сергеев. М., 1999.
8. *Тихомиров Л.А.* Чрезвычайный порядок законодательства и 87 статья // Руководящие идеи русской жизни / отв. ред. О.А. Платонов. М., 2008.

***Педагогика и методика
преподавания***

УДК 316.354:351/354

Акимов Михаил Юрьевич

кандидат технических наук, доцент кафедры
эксплуатации автомобильного транспорта Тюменского
государственного нефтегазового университета
тел.: (3452) 20-93-02

**МОДЕЛЬ СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ
В УСЛОВИЯХ УНИВЕРСИТЕТСКОГО
КОМПЛЕКСА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД
К РАЗВИТИЮ СИСТЕМЫ
НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

В статье рассматривается региональный подход к развитию системы непрерывного профессионального образования. На примере университетского комплекса показана модель содержательной интеграции профессиональных образовательных программ, учитывающая потребности субъектов и объектов образования.

Ключевые слова: университетский комплекс, система социальных эффектов, содержательная интеграция.

Akimov Mikhail Yuryevich

PhD in Technical Sciences, Associate Professor of
the Department of Automobile Transport Exploitation of
Tyumen State Oil and Gas University
tel.: (3452) 20-93-02

**THE MODEL OF CONTENT INTEGRATION IN
CONDITIONS OF UNIVERSITY COMPLEX:
REGIONAL APPROACH TO THE
DEVELOPMENT OF THE SYSTEM OF
UNINTERRUPTED PROFESSIONAL
EDUCATION**

The regional approach to the development of uninterrupted professional education system is analyzed in the article. By the example of university complex the model of content integration of professional educational programs, taking into account the requirements of subjects and objects of education is presented.

Key words: university complex, system of social effects, content integration.

В утвержденной Правительством Российской Федерации в декабре 2011 г. Стратегии инновационного развития России до 2020 г. отмечается, что кроме качества образования значительную роль для будущего инновационного развития играют и формируемые у человека жизненные установки и модели поведения. К сожалению, приходится признать, что ключевые для инновационного развития страны личностные качества, такие как мобильность, потребность реализовать свой потенциал и строить свою профессиональную карьеру, повышать свой квалификационный уровень в течение всей жизни в целом недостаточно развиты у российских граждан по сравнению с населением других стран с более высокой инновационной активностью. Это подтверждается результатами исследований, проведенных Федеральной службой государственной статистики. По их данным, в России участие населения (в возрастной группе 25 – 64 г.) в непрерывном образовании в 2008 г. составило 24,8%, тогда как в Великобритании – 37,6, Германии – 41,9 и Финляндии – 77,3%» [1, с. 8]. Следовательно, обучение в течение всей жизни для граждан нашей страны является недостаточно значимым мотивом и потребностью.

Такую ситуацию можно объяснить социологическими исследованиями последних лет, посвященных изучению этого вопроса. Так, результаты проведенной работы показали, что система профессионального образования в России в значительной мере перестала выполнять функцию социального лифта и, напротив, даже в отдельных случаях стала «...инструментом консервации барьеров, значительного усиления расслоения между различными социальными группами населения...» [2, с. 63]. Появилось распространенное мнение о дисфункциональности российского профессионального образования [3], его неспособности воспроизводства социальной структуры общества, ориентированной на инновационное обновление страны. «...Если структура подготовки кадров, будет воспроизводить анахроничную социальную структуру общества, то о какой модернизации, инновационном обновлении страны может идти речь ...» [2, с. 65].

Можно констатировать, что проблема носит комплексный характер и находит выражение в следующих вызовах системе профессионального образования: отсутствие гибкого механизма профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации; недостаточное качество профессионального образования; падение престижа специальностей и направлений технического профиля и т.п.

По этому поводу можно привести мнение Г.Ф. Шафранова-Куцева Он пишет, что социально-профессиональная структура общества должна быть гибкой, подвижной, с определенным запасом прочности, чтобы своевременно отвечать на инновационные вызовы развития страны. Степень этой профессиональной гибкости, подвижности как раз и закладывается, формируется в учреждениях профессионального образования. Все развитые страны рассматривают повышение образовательного уровня населения как обязательный и главенствующий фактор обеспечения инноваци-

онного развития своего государства.

В этом контексте надо внимательно присмотреться к образовательным комплексам непрерывного профессионального образования, создание которых пока еще не вышло из стадии эксперимента и поэтому требует анализа всех его положительных и негативных тенденций [4, с. 19].

В основе создания образовательных комплексов непрерывного профессионального образования заложены базовые принципы непрерывности образования, единства учебного, научного и инновационного процессов, реализации единой системы профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров, инновационной направленности деятельности и передачи в практику наукоемких технологий, в том числе образовательных и другие [5].

Особую значимость приобретает создание образовательных комплексов в технических вузах. С этой точки зрения рассмотрим Тюменский государственный нефтегазовый университет и покажем, как воплощается на практике политика создания в нем системы непрерывного инженерного образования.

Сегодня вуз представляет собой крупный университетский комплекс, объединяющий в единую целостную систему не только образовательные, но и научные подразделения. Структура университетского комплекса включает в себя 7 учебных институтов, 14 филиалов, 2 колледжа, общеобразовательный лицей, институт дополнительного образования, институт повышения квалификации и переподготовки кадров, институт третьего возраста, центр дистанционного образования, 18 научно-исследовательских институтов и центров. Контингент обучающихся по всем образовательным программам в университете составляет более 65 тыс. чел. Общее количество программ, по которым вуз может вести подготовку, включает в себя более 640 наименований по 20 укрупненным группам специальностей высшего профессионального образования, 18 укрупненным группам среднего и 15 – начального профессионального образования, охватывающих практически все отрасли социально-экономической сферы Западно-Сибирского региона. Количество программ дополнительного профессионального образования составляет 19 наименований, программ магистерской подготовки – 29.

Отличительной особенностью университетского комплекса выступает созданная в нем система многоуровневой подготовки специалистов и рабочих кадров технического профиля; система партнерских отношений с региональными предприятиями и организациями в области подготовки высококвалифицированных специалистов технического, технологического, социально-экономического профиля; система проведения научных исследований и внедрения научных разработок, технологий в региональное промышленное производство и социальную сферу.

Рассматривая возможности университетского комплекса в развитии системы непрерывного инженерного образования, можно привести в качестве примера систему социальных эффектов, полученную от его деятельности (табл. 1). Система социальных эффектов интерпретируется как результат влияния деятельности вуза на конкретные социальные объекты или субъекты взаимодействия.

Таблица 1

Система социальных эффектов университетского комплекса

Объекты и субъекты влияния	Система социальных эффектов университетского комплекса
Региональный рынок труда	Возможность получения специалиста за короткие сроки с требуемыми квалификационными параметрами. Формирование структуры и содержания подготовки специалистов с учетом требований потенциальных работодателей. Обучение специалистов по заказам предприятий. Подбор специалистов для предприятия и подготовка их в соответствии с требованиями предприятий.
Выпускник школы	Возможность выбора образовательной траектории, удовлетворяющей интеллектуальным, социальным и экономическим потребностям выпускника. Возможность освоения основных и дополнительных профессиональных образовательных программ, получения основной и дополнительной квалификации в едином образовательном пространстве университета.
Специалист (рабочий) производства	Возможность освоения дополнительных профессиональных образовательных программ, получения основной и дополнительной квалификации с учетом требований предприятия. Возможность получения профессиональной подготовки по востребованной предприятием профессии.
Служащий	Возможность повышения квалификации, профессиональной переподготовки за счет дополнительных образовательных программ в соответствии с требованиями организации.

Незанятое население	Возможность получения новой рабочей профессии за счет опережающего обучения. Возможность получения новой специальности и квалификации.
Население «третьего возраста»	Предоставление пожилым гражданам возможности реализации права на образование. Удовлетворение потребности в дальнейшем развитии. Повышение уровня функциональной грамотности и социальной компетенции представителей старшего поколения.
Родители обучающихся	Решение проблемы адаптации молодых людей; сокращение финансовых издержек; получение востребованной специальности или рабочей профессии.
Обучающийся университета	Возможность результативного завершения образования на каждом уровне для тех, кто не готов пока получить образование более высокого уровня; возможность плавного освоения уровней образования за счет перехода с одного уровня на другой для тех, кто готов освоить следующий уровень образования; повышение конкурентоспособности выпускника через спектр дополнительных квалификаций и специальностей.

Возможность развития системы непрерывного инженерного образования в университетском комплексе обеспечивается интеграционными процессами (внутренние, внешние, содержательные, структурные и т.п.). Остановимся на содержательной интеграции и рассмотрим ее потенциал в развитии непрерывного профессионального образования в вузе.

Содержательная интеграция обозначает объединительный процесс, отражающий взаимодействие и глубокое взаимопроникновение компонентов дидактической системы, результатом которого является развитие личности учащегося [6, с. 30].

В социальном ракурсе содержательная интеграция интерпретируется как процесс формирования устойчивых взаимосвязей между процессом преобразований и отношением к нему субъектов образования, анализа их социального самочувствия.

Кроме того, ориентация на внешние потребности субъектов образования, анализа их социальных предпочтений характеризуется корпоративными взаимосвязями, которые обеспечиваются за счет привлечения к процессу формирования содержания подготовки специалиста, потенциальных работодателей. Работодатели участвуют в формировании востребованных в профессиональной сфере качеств выпускника через предложенные ими компетенции, которые отражают заданные требования к его образовательной подготовке.

В табл. 2 представлены варианты содержательной интеграции в Тюменском государственном нефтегазовом университете.

Таблица 2

Варианты содержательной интеграции профессиональных образовательных программ в университетском комплексе

Наименование уровней образовательных программ					
общеобразовательный	начальное профессиональное	среднее профессиональное	высшее профессиональное	дополнительное профессиональное	профессиональная подготовка
Очная форма обучения	Очная, очно-заочная (вечерняя) формы обучения	Очная, очно-заочная (вечерняя), заочная формы обучения	Очная, очно-заочная (вечерняя), заочная формы обучения	Очная форма обучения	Очная форма обучения
		<i>Обучение с сокращенным сроком освоения образовательной программы</i>			
		<i>Обучение с сокращенным сроком освоения образовательной программы</i>			
		<i>Параллельное обучение</i>			
<i>Параллельное обучение</i>			<i>Параллельное обучение</i>		

Ориентация на образовательные потребности студентов, предприятий и организаций региона актуализирует процесс разработки и реализации разных вариантов интеграции профессиональных

образовательных программ. Так, обучающиеся по программам начального профессионального образования могут дополнительно получить рабочую квалификацию посредством параллельного освоения программ профессиональной подготовки и освоить следующий уровень образования (среднее профессиональное) с сокращенным сроком обучения по профильной специальности. Студенты, получающие среднее профессиональное образование, могут также параллельно получить рабочую квалификацию и высшее профильное образование с сокращенным сроком освоения программы. Студенты, обучающиеся по программам высшего профессионального образования, могут параллельно освоить программы подготовки по рабочим профессиям или получить квалификацию, обучаясь по программам среднего профессионального образования. Точно такие же возможности имеют обучающиеся по программам дополнительного профессионального образования.

Содержательная интеграция в университетском комплексе проходит с учетом принципа профилизации построения образовательного пространства в вузе. Обеспечение выполнения достигается за счет максимальной концентрации профессиональных образовательных программ всех уровней (начального, среднего, высшего), объединенных одним или несколькими родственными направлениями подготовки (нефтегазовое дело, машиностроение и т.п.) в одном учебном подразделении университетского комплекса. Такой принцип в построении образовательного пространства вуза позволяет сегодня эффективно использовать кадровый потенциал учебного подразделения, его учебно-методический ресурс, осуществлять модернизацию его материально-технической базы, и что немало важно – позволяет формировать потенциальный контингент обучающихся на каждый последующий уровень профессионального образования. Сегодня в университете начинают проходить процессы содержательной реструктуризации, которая характеризуется формированием эффективных механизмов развития внутренних ресурсов университетского комплекса и внешних взаимосвязей. Содержательная реструктуризация способствует корректировке новых направлений подготовки, специальностей, профессий в соответствии с требованиями инновационной экономики региона и позволяет провести адаптацию содержания профессиональных образовательных программ.

За счет синергетического (вместе действующего) объединения преподавательских кадров и представителей предприятий-партнеров единой материально-технической базы, согласованного методического обеспечения будет обеспечено формирование востребованных компетенций.

Подводя итог сказанному, можно сделать следующий вывод: университетский комплекс способен обеспечить развитие непрерывного инженерного профессионального образования за счет содержательной интеграции профессиональных образовательных программ, тесного взаимодействия с предприятиями-партнерами. Системная организация профессионального образования опирается на потенциальные возможности каждой его ступени. Но особое место в ней занимает высшая профессиональная школа, которая связывает по вертикали и общее, и начальное, и среднее профессиональное образование, повышение квалификации работников. [2, с. 25]. Созданная в вузе система многоуровневой профессиональной подготовки обеспечит формирование востребованных инновационной экономикой компетенций, значительно повысит качество и престиж инженерного образования в регионе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227 р. URL: <http://правительство.рф/gov/results/17449/> (дата обращения 10.01.2012).
2. *Шафранов-Куцев Г.Ф.* Модернизация российского профессионального образования: проблемы и перспективы: монография. Тюмень, 2011.
3. *Шереги Ф.Э.* Дисфункциональность российского профессионального образования // Труд и социальные отношения. 2009. № 12.
4. Концепция развития профессионального образования в Тюменской области до 2020 года. Тюмень, 2010.
5. Об университетских комплексах: Постановление Правительства РФ от 17.09.2001 № 676 // СПС «Консультант Плюс».
6. *Попова Г.Г.* Интеграция содержания образования в образовательных учреждениях НПО // Профессиональное образование. Столица. 2011. № 11.

УДК 51 (07)

Алексамян Георгий Ашотович

аспирант кафедры алгебры, геометрии и методики преподавания математики Армавирской государственной педагогической академии
тел.: (906) 433-57-80

Aleksanyan Georgy Ashotovich

Postgraduate Student of the Department of Algebra, Geometry and Methods of Teaching Mathematics of the Armavir State Pedagogical Academy
tel.: (906) 433-57-80

**МОДЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ
САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СТУДЕНТОВ СПО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИКТ**

**THE MODEL OF SELF STUDY ORGANIZATION
FOR SECONDARY VOCATIONAL
EDUCATION STUDENTS USING ICT**

В статье рассматривается использование новых информационных технологий при организации самостоятельной деятельности студентов СПО, а также популярные «облачные сервисы» и распространенные интернет-ресурсы.

The article describes the use of new information technologies in the organization of self study activity of secondary vocational education students. It also considers popular "cloud services" and widespread Internet resources.

Ключевые слова: «Облачное хранилище», «облачные сервисы», самостоятельная работа, Microsoft Office, SkyDrive, UzTest, новые информационные технологии.

Key words: "cloud storage", "cloud services", self study, Microsoft Office, SkyDrive, UzTest, new information technologies.

Современное образование призвано создавать условия, при которых у учащихся формируется опыт самостоятельной деятельности, в результате чего наиболее полно раскрываются индивидуальные способности и создаются предпосылки для творческого развития будущего специалиста.

Согласно письму Министерства Образования РФ от 27.11.2002 г., № 14-55-996ИН/15 «Об активизации самостоятельной работы студентов высших учебных заведений», под самостоятельной работой студента понимается способ активного, целенаправленного приобретения студентом новых для него знаний и умений без непосредственного участия в этом процессе преподавателей.

Согласно Типовому положению об образовательном учреждении среднего профессионального образования, утвержденному постановлением Правительства Российской Федерации от 18 июля 2008 г. № 543, самостоятельная работа является одним из видов учебных занятий студентов.

Проблема эффективности самостоятельной работы студентов сохраняет свою актуальность в педагогике длительное время. Наиболее проницательные педагоги прошлого неоднократно отмечали, что, несмотря на огромную роль преподавателя, основные цели образования достигаются, прежде всего, как результат собственных усилий обучающихся. Так Я.А. Коменский в книге «Великая дидактика» призывал педагогов к изысканию и открытию такого способа, при котором: «учащие (педагоги) меньше бы учили, а учащиеся больше бы учились» [1].

Одни авторы рассматривают самостоятельную работу как метод обучения, другие – как одно из средств обучения, третьи – как форму организации познавательной деятельности.

Первые считают, что самостоятельная работа студентов, включаемая в процессе обучения, – это такая работа, которая выполняется без непосредственного участия преподавателя, но по его заданию в специально предоставленное для этого время.

Вторые отмечают, что самостоятельная работа в системе учебного процесса должна рассматриваться и как средство обучения, и как форма учебно-научного познания.

При раскрытии сущности самостоятельной работы третьи выделяют следующие признаки: «Студент ведет ее сам, без прямой посторонней помощи; он опирается на собственные знания, умения, убеждения, жизненный опыт, мировоззрения, выражая при этом личное отношение, собственную аргументацию, инициативу, творческое начало; содержание работы – образовательное, воспитательное, логически развивающее мышление и положительные качества ученика».

Самостоятельная работа студентов проводится с целью:
систематизации и закрепления полученных теоретических знаний и практических умений студентов;

углубления и расширения теоретических знаний;
формирования компетенций, умений использовать различные источники информации и специальную литературу;

развития познавательных способностей и активности студентов (творческой инициативы, самостоятельности, ответственности и организованности);

формирования самостоятельности мышления, способностей к саморазвитию, самосовершенствованию и самореализации;

развития исследовательских умений [2].

В учебном процессе среднего специального учебного заведения выделяют два вида самостоятельной работы: аудиторная и внеаудиторная.

Аудиторная самостоятельная работа по дисциплине или междисциплинарному курсу выполняется на учебных занятиях под непосредственным руководством преподавателя и по его заданию.

Внеаудиторная самостоятельная работа выполняется студентом по заданию преподавателя, но без его непосредственного участия.

Затруднение в деятельности преподавателей по организации самостоятельной работы в учебном процессе состоит в том, что многие учебные пособия еще не в полной мере содействуют успешному развитию познавательной активности учащихся, их самостоятельности. В этих пособиях в основном дано содержание учебного материала, но недостаточно количества заданий, требующих от каждого обучаемого самостоятельного наблюдения примеров, нахождения сходства и различия между сопоставляемыми явлениями, раскрытия существенных признаков, характеризующих сущность понятий, правил, законов, формулирования новых выводов. Правила, законы, выводы часто даются в готовом виде и требуют только заучивания [3].

В связи с указанными проблемами важную роль в организации самостоятельной деятельности учащихся играет использование дополнительных средств обучения: готовые или разработанные самостоятельно. Одним из наиболее эффективных методов решения данной проблемы является использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Под информационно-коммуникационными технологиями, согласно определению, представленному в государственном стандарте, понимаются информационные процессы и методы работы с информацией, осуществляемые с применением средств вычислительной техники и средств телекоммуникаций.

Использование новых информационных технологий рассмотрено многими авторами с самых разных сторон. Но, несмотря на такое разнообразие, все подходы основаны на одностороннем применении информационных технологий, как правило, ограничивающемся установленном на компьютере софтом. В то же время практически не изучены возможности применения облачных технологий, при помощи которых можно, по сути, создавать целые экосистемы для самостоятельной деятельности студентов.

Главной особенностью облачных технологий является то, что нет прямой привязки к физическим машинам. В целом, сервисы облачных вычислений представляют собой приложения, доступ к которым обеспечивается через интернет посредством браузера или других сетевых приложений. Главное отличие от привычного метода работы с программным обеспечением заключается в том, что пользователь использует не ресурсы своего компьютера или сервера своей локальной сети, а мощности, которые предоставляются ему как интернет-услуга.

Облачные сервисы позволяют переосмыслить применения интернета в учебном процессе: от получения доступа к образовательным материалам различного вида (текстовым, визуальным, мультимедийным) до выполнения работы совместно с преподавателем или группой.

Широкое внедрение новых информационных технологий, основу которых составляет компьютерная техника, влечет за собой значительные изменения методов и средств обучения различным дисциплинам в учебном процессе.

Активная работа с компьютером формирует у учащихся более высокий уровень самообразовательных навыков и умений, т.е. анализ и структурирование получаемой информации. При этом следует обратить внимание, что новые средства обучения позволяют органично сочетать информационно-коммуникативные, личностно-ориентированные технологии с методами творческой и поисковой деятельности.

Использование ИКТ при организации самостоятельной деятельности дает ряд преимуществ:

возможность дистанционного обучения и контроля;

автоматизирует организацию самостоятельной деятельности;

способствует расширению, закреплению и углублению знаний, полученных в аудитории;

развивает творческий подход к решению поставленных проблем;

формирует практические навыки в решении ситуационных задач.

Есть множество технологических средств для эффективной организации самостоятельной деятельности студентов. Но наиболее эффективным является комбинированное использование сразу нескольких продуктов и ресурсов. Приведем пример такого метода организации самостоятельной работы.

На первом этапе создается информационный сайт для студентов, где будут размещаться дополнительные материалы, презентации с лекциями, решения типовых задач, задания для самостоятельного выполнения и т.п. Сайт можно создать при помощи бесплатного сервиса **Яндекс.Народ** или сервиса **Сайты Google**. Оба варианта являются бесплатными и простыми в использовании.

Заполнение материалами сайта наиболее рационально и эффективно делать при помощи «облачного хранилища». Облачное хранилище данных – это модель «онлайн-хранилища», в котором данные хранятся на многочисленных, распределенных в сети серверах, предоставляемых в пользование клиентам, в основном третьей стороной. В противовес модели хранения данных на собственных, выделенных серверах, приобретаемых или арендуемых специально для подобных целей, количество или какая-либо внутренняя структура серверов клиенту, в общем случае, не видна. Данные хранятся и обрабатываются, в так называемом облаке, которое представляет собой, с точки зрения клиента, один большой, виртуальный сервер. Физически такие сервера могут располагаться на удалённом расстоянии друг от друга, даже на разных континентах.

Самым подходящим для заполнения сайта информацией является облачное хранилище от Microsoft SkyDrive. У данного сервиса есть неоспоримые преимущества по отношению к конкурентам Dropbox, Google Drive, Яндекс.Диск и др. Во-первых, SkyDrive имеет самый большой объем облачного пространства из всех представленных на сегодня облачных хранилищ. Во-вторых, самое главное преимущество – это бесплатное предоставление Microsoft Office 2010, что делает данный сервис незаменимым в добавлении на сайт презентаций и документов. Таким образом, используя данный сервис, можно добавлять на сайт документы, не думая о совместимости различных версий Microsoft Office и даже о наличии у конечного пользователя офисных приложений, так как все документы открываются посредством облачного сервиса SkyDrive. Это предоставляет возможность давать задания для выполнения непосредственно на данном сайте, например, построение графиков функций в Microsoft Excel. Все выполненные задания моментально сохраняются в облачном хранилище и доступны для проверки преподавателем.

Еще одним эффективным средством организации самостоятельной деятельности студентов является сайт Uztest.ru. Uztest.ru – это сайт, организованный в виде виртуального кабинета учителя, в котором размещены информационные ресурсы и интерактивные сервисы для подготовки и проведения занятий по математике. При помощи этого сайта можно создать полноценный виртуальный учебный процесс (при таком виде деятельности основной учебный процесс не замещается, а дополняется). После регистрации на сайте, появляется возможность добавления классов с учащимися.

Сайт Uztest.ru предлагает:

Учителю математики:

кабинет учителя математики (сайт организован в виде виртуального кабинета учителя, в котором размещены информационные ресурсы и интерактивные сервисы для подготовки и проведения занятий по математике);

инструкцию по применению;

учебно-методическую библиотеку;

поурочное и календарно-тематическое планирование, рабочие программы, конспекты, детальные разработки уроков, открытые уроки, презентации;

тесты и тренинги (учитель в своем кабинете подготавливает тесты и тренинги, а учащиеся заходят на сайт и выполняют эти задания, причем для каждого ученика программа сайта создает уникальный вариант);

интернет-журнал – это оценки учащихся за выполненные тесты и тренинги, автоматически фиксирующиеся в такой журнал на сайте, в который можно произвольно добавлять и другие оценки и замечания; а так же сами учащиеся (и их родители) всегда могут увидеть свои оценки;

задачник, в котором более 12600 заданий по всему школьному курсу математики и есть возможность быстро сформировать контрольное задание в несколько вариантов и распечатать;

материалы к уроку – игровые пазлы, интерактивные тесты и другие учебные ресурсы, которые удобно использовать на уроках, занятиях с учащимися.

Учащимся:

единый государственный экзамен (ЕГЭ) по математике – информация о правилах ЕГЭ, о составе экзаменационной работы по математике, мировой опыт проведения подобных экзаменов и демонстрационные варианты и ответы;

тематические тесты – это самостоятельная подготовка к экзаменам ЕГЭ, ГИА с помощью демонстрационных вариантов и тематических тестов, которые формируются согласно установленной спецификации;

конспекты по алгебре (теория чисел, алгебраические преобразования, степень, логарифм, арифметический корень, функция, графики, тригонометрия, прогрессии, производная и первообразная);

конспекты по геометрии (треугольник, многоугольник, окружность, вектор, стереометрия);

рефераты по математике (рефераты по алгебре, по геометрии, занимательные задачи, история математики) [4].

После регистрации и добавления учащихся, можно начать организовывать учебный процесс. Сайт предоставляет множество возможностей: тесты, тренинги, задачник. А также дает возможность контроля прохождения учащимися заданий и выставления оценок в журнал. Еще одно преимущество – библиотека электронных источников (дидактические материалы, поурочные планы, нестандартные уроки, элективные курсы, тренинг, внеклассная работа, мультимедиа, задания кенгуру и календарно-тематические планы). Немаловажной функцией является система общения при помощи сообщений (со встроенным редактором математических формул TeX).

Использование сайта UzTest.ru существенно повышает самостоятельную деятельность учащихся. Практически все студенты с удовольствием проходят тесты и тренинги на этом сайте, а результаты выполнения заданий мгновенно выставляются в журнал, что экономит время на ручную проверку.

Прохождение тестов и тренингов возможно не только на дому, но и непосредственно на занятии в компьютерном классе (с обязательным наличием доступа в интернет). Преимуществом этого является возможность консультации студентов по возникающим у них вопросам и разбор тем, по которым возникли проблемы. Также можно использовать ресурсы этого сайта, такие как задачник или учебник, на занятиях при прохождении новой темы.

Помимо перечисленных средств обучения существует множество других, но перечисленные средства наиболее удобны и эффективны. Их применение существенно повышает организацию и контроль самостоятельной деятельности студентов. Также растет уровень выполнения самостоятельной работы самими студентами, усвоения материала и способности применения теоретических знаний на практике.

Широкое внедрение облачных технологий качественно меняет методы организации самостоятельной деятельности студентов. Применение информационных технологий позволяет создать модель организации самостоятельной деятельности студентов, в которую будут включены как программные, технические и содержательные составляющие, так и возможность полного контроля и мониторинга самостоятельной работы. Возможности, представляемые новыми информационными технологиями, позволяют качественно повысить уровень выполнения внеаудиторной работы студентами, влияя, таким образом, на качество обучения в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Калошина И.Н.* Предпосылки нового подхода к самообразованию // Модернизация образования: проблемы и перспективы. Оренбург, 2002. Ч. 1.
2. Организация и контроль самостоятельной работы студентов: методические рекомендации / сост. Н.В. Соловова; под ред. В.П. Гарькина. Самара, 2006.
3. *Коменский, Я.А.* Великая дидактика // Избранные педагогические сочинения. М., 1955.
4. URL: <http://uztest.ru/cabinet> (дата обращения 23.10.2012).

УДК 3737

Башкатов Иван Александрович

член союза художников России, кандидат педагогических наук, доцент кафедры изобразительного искусства Липецкого государственного педагогического университета, докторант кафедры рисунка Московского педагогического государственного университета
тел.: (4742) 72-45-14

Bashkatov Ivan Aleksandrovich

Member of the Union of Artists of Russia, PhD in Pedagogy, Associated Professor of the Department of Fine Arts of Lipetsk State Pedagogical University, Doctoral Candidate of the Department of Drawing of Moscow State Pedagogical University
tel.: (4742) 72-45-14

ЗНАЧЕНИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ СКУЛЬПТУРЫ В СИСТЕМЕ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

SIGNIFICANCE OF AESTHETIC EDUCATION IN STUDYING SCULPTURE IN THE SYSTEM OF ARTISTIC AND PEDAGOGICAL EDUCATION

В статье ставится задача раскрыть значение эстетического воспитания школьников и студентов художественно-графических факультетов средствами скульптуры. В связи с этим рассматриваются особенности изучения скульптуры и её эстетических ценностей на разных ступенях художественного образования. Особое внимание при этом уделяется подготовке будущих учителей изобразительного искусства, на которых ложится ответственность формирования эстетической базы у подрастающего поколения.

The aim of the article is to analyze the significance of aesthetic education of pupils and students of the faculties of Arts and Graphics by means of sculpture. For this reason the specific character of studying sculpture and its aesthetic values at different stages of artistic education have been considered. Special attention is paid to training future arts teachers who are responsible for formation of aesthetic base of rising generation.

Ключевые слова: эстетическое воспитание, скульптура, художественно-педагогическое образование.

Key words: aesthetic education, sculpture, artistic and pedagogical education.

Термин «эстетика», вошедший во многие языки мира, происходит от греческого «aishesis», что значит ощущение, чувство, чувственное восприятие. С понятием «эстетического» связан многообразнейший круг явлений и предметов материальной и духовной жизни: прекрасное в природе, человеческой жизни, художественном творчестве. Эстетическое воспитание предполагает формирование высоких нравственных критериев, чувств и представлений. Н.Н. Ростовцев определяет эстетическое воспитание как: «воспитание у учащихся способности к полноценному восприятию прекрасного в жизни, природе, искусстве, науке и обществе» [1, с. 91].

Эстетическое воспитание в системе непрерывного художественного образования должно быть направлено не только на формирование эстетических чувств, эмоционального отношения к окружающему миру, оно активизирует мысль учащихся, развивает способность к деятельности, к творчеству. На всех ступенях художественного образования необходимо обеспечивать единство обучения и эстетического воспитания в самом характере, содержании и методике занятий, с учётом возрастных и других особенностей учащихся.

Эстетика возникла и долгое время развивалась преимущественно как общая теория искусства. Искусство отражает действительность в формах самой действительности. Предметов, лишённых формы, не существует. Воспринимая предмет, мы воспринимаем его благодаря форме. Однако не всегда существует гармония формы и содержания. Искусство является выражением гармонии формы и содержания.

Большинство людей, профессионально занимающихся искусством и людей, так или иначе соприкасающихся с ним, воспринимают произведения скульптуры, не задумываясь о значении её формы и содержания, не говоря уже о профессиональном исполнении, стиле и чувстве материала. Это связано с тем, что в общеобразовательной школе, в художественной школе и во многих высших учебных заведениях художественно-педагогического профиля не уделяется должного внимания формированию понимания пластических видов искусства. Эта проблема должна постепенно решаться на каждой ступени обучения, начиная с общеобразовательной школы.

Занятия лепкой и знакомство с произведениями скульптуры у детей развивают чувство материала и пластической формы, совершенствуют глазомер и тренируют способность к тонкой ручной работе. Занятия скульптурой, как и другими видами изобразительного искусства, воспитывают эстетический и художественный вкус детей, закладывают серьёзную основу для их дальнейшей деятельности в самых разных общественных и производственных сферах.

В процессе приобщения детей к художественному творчеству скульптура занимает своё особое место. На занятиях скульптурой фокусируется способность детей образно мыслить и образно представлять увиденное. Ведь тот или иной объект недостаточно просто правильно отобразить, необходимо и воплотить в скульптуре определённый художественный замысел, выразить своё отношение к изображаемому. В тематических заданиях важно ставить перед учащимися задачу на решение современных содержательных и актуальных тем.

Каждый детский возраст проявляет себя неповторимым образом, в специфических способностях, возможностях и потребностях. Возрастные особенности надо знать достаточно хорошо, чтобы творчески их использовать, решая разные задачи при обучении скульптуре на всех этапах художественного образования.

Чтобы то немалое количество часов в общеобразовательной школе, отведённое на занятия лепкой и приобретение теоретических знаний в области эстетики скульптуры было наиболее эффективно использовано, необходимо, прежде всего, достойно подготавливать кадры будущих художников-педагогов, которые непосредственно изучают скульптуру, как специальную дисциплину.

Курс скульптуры в педагогическом университете – неотъемлемая часть профессиональной педагогической подготовки учителя изобразительного искусства. Объёмно-пластическая форма является основным выразительным средством, изучение этой пластической формы – основная цель обучения скульптуре. В процессе лепки, рассматривая и изучая со всех сторон натуру (модель), студент составляет себе понятие о форме предмета, о его реальном объёме и месте в пространстве. Очень важно развивать умение сразу видеть результат своей работы. Это умение является драгоценным свойством каждого большого мастера. Микеланджело видел образ человека в бесформенном каменном блоке.

Изучение скульптуры в педагогическом университете начинается с классических античных образцов, которые наполнены пластическим содержанием, глубоким смыслом и простотой исполнения. Глядя на эти произведения, копируя их в глине, студенты должны научиться понимать их эстетику, их сущность и содержание.

Студенты на занятиях скульптурой при практической работе должны почувствовать, что скульптура – целая философия, целый мир, который включает в себя не только пластические характеристики строения человека, животного, но и образно-эстетическое решение, подчинённое тому или иному материалу (бронза, камень, дерево). Художественное творчество ограничено лишь внутренней задачей – выявить общее, наиболее ценное, совершенное в природных явлениях и выразить его в эстетически значимых формах. От интерпретации эстетической сущности категории мастерства во многом зависит и теоретическое понимание творческого процесса в искусстве, и основная практическая направленность всей работы художника-педагога.

Будущий учитель должен приобрести знания, умения и навыки в области скульптуры, чтобы умело организовать руководство занятиями лепкой с детьми. Все занятия скульптурой в общеобразовательной школе нужно выстроить по принципу последовательного усложнения работы – от простого к сложному. Большое место в процессе обучения необходимо уделить изучению и изображению человека – главного объекта скульптуры. Требуется не только научить детей работать с глиной и пластилином, но и научить их анализировать и понимать произведения скульптуры. А.М. Савинов пишет: «Высококвалифицированное проведение занятий ... лежит в основе качества работы по предмету вне занятий и оказывает непосредственное воздействие на содержание воспитательной работы по предмету» [2, с. 108].

Придя в школу, такой учитель непременно донесёт до учащихся смысл скульптурного произведения, его красоту, эстетику и содержание.

Методологию эстетики необходимо оптимально учитывать в процессе образования и воспитания подрастающего поколения. Не с целью сделать из всех художников-скульпторов, а научить воспринимать произведения искусства, правильно их профессионально и эстетически оценивать. Н.В. Томский отмечает, что «общение с искусством, как и общение с природой, духовно обогащает..., расширяет... кругозор, учит тоньше чувствовать» [3, с. 6].

К страшным последствиям приводят непрофессионализм, неосведомлённость большинства людей в области пластического искусства скульптуры. Таким примером может служить раскраска памятников, переодевание их в дедов морозов, снегурочек и т.д. Это свидетельствует о недостатке элементарной осведомлённости и образованности в сфере эстетического воспитания. Настораживает, что подобная тенденция проявляется в начале XXI в. А ведь культура, искусство, язык – это главные показатели духовной полноты и нравственности.

У А.С. Арсеньева написано: «Как-то один старец сказал: «Что там мудрить с воспитанием?»

Всё очень просто: наполните душу ребёнка прекрасным, и он будет воспитан». «Наполнить душу ребёнка прекрасным» – кажется такая ясная цель, но, как не просто её осуществить в современной общеобразовательной школе, в период «глобального кризиса современности» [4, с. 75].

Нельзя допускать, чтобы эстетическое воспитание на первых ступенях художественного образования превратилось в преподавание какого-то упрощённого детского искусства. Оно должно подразумевать систематическое развитие органов чувств и творческих способностей, что расширяет возможность видеть и наслаждаться красотой и создавать её, то есть готовить не только художников, но и понимающих искусство зрителей. Эстетическая методология – это наука, которая нужна всем, не только художникам профессионалам, но и широкой публике зрителей. Только при преемственности эстетического воспитания средствами скульптуры на всех ступенях обучения в системе непрерывного художественного образования учащиеся будут ориентироваться в специфике скульптурных произведений, украшающих площади городов, парки и скверы посёлков и деревень.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Ростовцев Н.Н.* Методика преподавания изобразительного искусства в школе: учебник для студентов худож.-граф. фак. пед. ин-тов. 3-е изд., доп. и перераб. М., 2000.
2. *Савинов А.М.* Структура системы преподавания академического рисунка // Известия волгоградского государственного педагогического университета: педагогические науки. 2011. № 1.
3. *Томский Н.В.* Заметки скульптора. М., 1965.
4. *Копцева Т.А.* Приобщение детей к культурно-историческому наследию на занятиях изобразительного искусства (Программа «Природа и художник») // Художественное образование и эстетическое воспитание детей и подростков на рубеже веков: матер. совм. Междунар. науч.-практ. конф. Института художественного образования РАО и Государственной Третьяковской галереи, «Роль учреждений культуры и образования в художественном воспитании детей и подростков в XX-ом веке» и «Художественное творчество и восприятие детей и подростков. Проблемы XXI века». Липецк, 2008.

УДК 378

Дендебер Игорь Анатольевич

кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории методов оценки качества общего образования Воронежского областного института повышения квалификации и переподготовки работников образования
тел.: (920) 214-020-37

Dendeber Igor Anatolievich

PhD in Pedagogy, Leading Researcher of the Laboratory of Quality Evaluation Methods of General Education of the Voronezh Regional Institute of Professional Development and Retraining of Educationalists
tel.: (920) 214-020-37

Бердник Наталья Ивановна

директор МКОУ Ольховатская СОШ, соискатель кафедры педагогики художественного и дошкольного образования Воронежского государственного педагогического университета
тел.: (47395) 40-7-82

Berdnik Natalya Ivanovna

Director of MSEI Olkhovatskaya SGES, Postgraduate Student of the Department of Pedagogy of Artistic and Pre-School Education of Voronezh State Pedagogical University
tel.: (47395) 40-7-82

Золототрубов Игорь Викторович

учитель МКОУ Русско-Гвоздевская СОШ, соискатель кафедры педагогики художественного и дошкольного образования Воронежского государственного педагогического университета
тел.: (920) 228-00-34

Zolototrubov Igor Victorovich

Teacher of MSEI Russko-Gvozdevskaya SGES, Postgraduate Student of the Department of Pedagogy of Artistic and Pre-School Education of Voronezh State Pedagogical University
tel.: (920) 228-00-34

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧИТЕЛЯ И ОБУЧАЮЩИХСЯ В РАЗВИВАЮЩЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ШКОЛЫ: ВОПРОСЫ ДИАГНОСТИКИ, АДАПТАЦИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ

TEACHER AND STUDENT ACTIVITY IN THE DEVELOPMENTAL LEARNING ENVIRONMENT OF SCHOOL: ISSUES OF DIAGNOSTICS, ADAPTATION AND SOCIAL ACTIVITY

В статье дан анализ таких понятий, как «деятельность», «субъектный опыт», «диагностика», «адаптация», «образовательная среда», «обучающиеся», «социальная активность», который позволяет авторам определить свое видение данных категорий, помочь учителю сконструировать учебный процесс под заданную цель, администрации школ организовать процесс адаптации к решению новых типов задач учащимися.

The article presents the analysis of such concepts as "activity", "subjective experience", "diagnostics", "adaptation", "learning environment", "students", "social activity" that allows the authors to define their vision of these categories; to help a teacher to design the learning process for a given purpose and the school administration to organize the process of adaptation to solving new types of tasks for students.

Ключевые слова: деятельность, субъектный опыт, диагностика, адаптация, образовательная среда, социальная активность.

Key words: activity, subjective experience, diagnostics, adaptation, learning environment, social activity.

Образовательная среда школы является основой развития познавательных способностей учащихся. Это факт, который подтверждается многолетней практикой работы в школе. Обучающиеся на основе используемых образовательных программ, технологий, средств обучения, интеллектуального и организаторского потенциала учителя приобретают знания, умения и навыки учебной деятельности. И до определенного времени, в соответствии с целевыми установками, это устраивало всех: учащихся, их родителей, учителей, потребителей выпускников школ (вузы, ссузы, НПО и др.). Но со сменой целевых установок (например, введение стандартов нового поколения или смена «знаниевой» парадигмы на «умениевую»), насыщением школ средствами обучения, имеющими практически неограниченные возможности в поиске информации, ее переработке, обобщения и представления, появилась потребность в организации среды иного качества – развивающей образовательной среды. И в данном случае, как показывает практика, существенным аспектом является неготовность учителя (а соответственно, и учащихся) конструировать учебный процесс под заданную цель или организовывать свою деятельность под заданную цель.

Прежде всего, нам необходимо разобраться с содержательной сущностью используемой терминологии, а именно с такими понятиями, как образовательная среда, ЗУН, опыт, компетентность.

Под образовательной средой, вслед за К.Г. Кречетниковым, мы будем понимать ближайшее окружение человека, во взаимодействии с которым он формирует, развивает и проявляет свои

познавательные, коммуникативные, социально направленные качества [1]. Компоненты среды обучения делятся на две части: субъекты и объекты, где субъекты образовательного процесса – обучающиеся и педагоги; объекты – средства обучения, методики, материальная база, сфера управления педагогическим процессом, способы учебной деятельности.

Учитывая, что развитие предполагает качественные изменения, происходящие в человеке, то под развивающей образовательной средой мы будем понимать такое состояние (субстанцию) среды образовательной, взаимосвязь компонентов которой позволяют человеку динамично проходить следующие фазы развития (по С.М. Годнику): объектную, субъектно-функциональную, субъектную, преобразования, тем самым, переходя из одного качественного состояния развития в другое [2].

ЗУН – это определенная осведомленность в заданной области и умение применить знания в учебных ситуациях.

Индикаторы ЗУНа определяются как умение воспринимать, понимать, воспроизводить и применять в стандартных ситуациях учебную информацию.

Примером применяемого в диагностическом инструментарии показателя является процент учащихся от общего количество учащихся в классе, умеющих пересказать, решить задачу по алгоритму и т.д.

Опыт – это обобщенные знания (в единстве с умениями), имеющие для человека личностное значение. И с учетом данных знаний он относится к своей предстоящей деятельности и поведению, стремясь к достижению цели. Опыт – это использование знаний в различных, в том числе практико-ориентированных ситуациях.

Замеряя показатели сформированности опыта, можно выделить личностную значимость и умение перенести освоенное в иную сферу деятельности. На практике – это практико-ориентированные задания. Индикаторы опыта определяются посредством выявления таких умений, как воспринимать, понимать, воспроизводить и применять в нестандартных и практико-ориентированных ситуациях поступающую информацию.

Пример применяемого в диагностическом инструментарии показателя:

- процент учащихся от общего количество учащихся в классе, умеющих пересказать, решить практико-направленную задачу, в том числе, нестандартным способом,

- процент учащихся, уяснивших для себя необходимость изучения этого учебного материала.

Проведенный анализ специализированной литературы говорит о том, что в содержательном понимании под этим термином используют компетентность. А в науке, как известно, нет синонимов.

Компетентность – это осознанное использование общеучебных умений (УУД) при решении задач (учебных, социальных, интеллектуальных и т.д.). Компетенция – это ЗУН + опыт + умения управлять или управлять деятельностью самостоятельно.

Под общеучебными умениями мы понимаем умения: анализировать, сравнивать, обобщать, классифицировать, абстрагировать, проводить синтез, подводить действие под понятие (доказывать или аргументировать), выводить следствие, находить причинно-следственные связи, делать вывод.

Пример применяемого в диагностическом инструментарии показателя: индикаторы компетентности определяются как умение конструировать процесс решения задачи, так и вид деятельности. А именно: процент учащихся от общего количество учащихся в классе, умеющих конструировать.

Учитывая, что компоненты среды обучения делятся на две части: субъекты и объекты, а под развивающей образовательной средой мы понимаем такое состояние (субстанцию) среды образовательной, взаимосвязь компонентов которой позволяют человеку динамично проходить следующие фазы развития: объектную, субъектно-функциональную, субъектную, преобразования, тем самым, переходя из одного качественного состояния развития в другое, следует более четко разобратся с понятием субъект.

Под субъектом мы понимаем человека, способного действовать самостоятельно, решая возникающие перед ним задачи. Соответственно, если речь идет об учителе, то это, прежде всего, его способность к самостоятельному конструированию и организации образовательного процесса. Если об ученике, то мы говорим о его способности самостоятельно воспринимать, понимать, воспроизводить и применять поступающую информацию.

Практика показывает, что недостаточно разработанным направлением, позволяющим организовать деятельность учителя и обучающихся в развивающей образовательной среде школы, являются вопросы диагностики, адаптации и социальной активности.

Анализ психолого-педагогической литературы, посвященной обозначенным направлениям, говорит о том, что за основу разработки индикаторов, отражающих сформированность субъектного опыта учителя и обучающихся к деятельности в развивающей образовательной среде школы (в том числе,

среде, позволяющей реализовывать задачи ФГОС нового поколения), их социальную активность мы взяли идеи деятельностного подхода в обучении (С.Л. Рубинштейн) [3], философский закон развития систем (А.Н. Аверьянов) [4], объектно-субъектное преобразование личности школьника (С.М. Годник) [2], таксономию учебных задач (Д. Толлингерова) [5].

Согласно данным положениям (см. табл. 1), каждой стадии закона развития систем, соответствует фаза развития человека и конкретное действие, совершаемое учителем при организации образовательного процесса под заданную цель и в рамках развивающей образовательной среды школы.

Таблица 1

Организация образовательного процесса под заданную цель на основе философского закона развития систем и объектно-субъектном преобразовании личности человека

Возникновение	Становление	Достижение зрелости	Преобразование
Объектная	Субъектно-функциональная	Субъектная	Преобразование
Знакомство с новым учебным материалом	Использование «нового» под руководством учителя	Самостоятельное использование «нового»	Использование «нового» в нестандартных ситуациях

Таблица 2

Организация образовательного процесса под заданную цель на основе объектно-субъектного преобразования личности человека и использования таксономии учебных задач

Фазы развития человека (С.М. Годник) / таксономия учебных задач (Д. Толлингерова)	Объектная	Субъектно-функциональная	Субъектная	Преобразования
Воспроизведение данных по памяти, узнавание	Общая осведомленность	Деятельность под руководством учителя	Самостоятельная деятельность ученика в рамках наработанных алгоритмов	Перенос ЗУН в иные сферы деятельности
Простые мыслительные операции (анализ, синтез и др.)	Общая осведомленность	Деятельность под руководством учителя	Самостоятельная деятельность ученика в рамках наработанных алгоритмов	Перенос ЗУН в иные сферы деятельности
Сложные мыслительные операции (доказательство, выведение следствия и др.)	Общая осведомленность	Деятельность под руководством учителя	Самостоятельная деятельность ученика в рамках наработанных алгоритмов	Перенос ЗУН в иные сферы деятельности
Сложные мыслительные операции с данными (описание способа достижения)	Общая осведомленность	Деятельность под руководством учителя	Самостоятельная деятельность ученика в рамках наработанных алгоритмов	Перенос ЗУН в иные сферы деятельности

Конкретизация использования данных идей, позволяющих учителю обогащать свой субъектный

опыт, отражена в табл. 2. Идея организации образовательного процесса на основе «Закона развития систем» и объектно-субъектного преобразования личности человека дополняется также идеями Д. Толлингеровой. Их суть заключается в том, что учитель организует учебный процесс на основе таксономии (конструирования и определения операционного качества задачи) учебных задач.

Говоря об универсальных учебных действиях, необходимо иметь в виду, что их основу составляют мыслительные операции и действия: анализ, синтез, сравнение, обобщение, абстракция, классификация, действия подведения под понятие (доказательство или аргументация), выведение следствия, нахождение причинно-следственных связей, постановка вывода.

Пример конструирования диагностического инструментария, определяющего сформированность овладения учащимися системой мыслительных операций и мыслительных действий, представлен в табл. 3.

Таблица 3

Система индикаторов, определяющих уровень образовательных компетенций по функциональной составляющей

<p><i>Когнитивная область</i></p> <p>1. Умение анализировать.</p> <p>2. Умение сравнивать.</p> <p>3. Умение аргументировать.</p>	<p>Доля учащихся от общего количества обследуемых, успешно выполняющих задания, основанные на мыслительной операции: анализ.</p> <p>Доля учащихся от общего количества обследуемых, успешно выполняющих задания, основанные на мыслительной операции: сравнение.</p> <p>Доля учащихся от общего количества обследуемых, успешно выполняющих задания, основанные на мыслительной операции: аргументация.</p>
<p><i>Аффективная область (индикаторы, измеряющие социальную активность учащихся)</i></p> <p>1. Мотивация учения (специализированные исследования).</p> <p>2. Умение работать в группе.</p> <p>3. Умение принимать решение.</p> <p><i>Индикаторы, определяющие уровень обретенных учащимися образовательных компетенций (по самостоятельности деятельности)</i></p> <p><i>Индикаторы, определяющие уровень обретенных учащимися образовательных компетенций (по сложности выполняемых заданий) (по классификации Д. Толлингеровой)</i></p>	<p>Доля учащихся от общего количества обследуемых, имеющих разные уровни мотивации (низкий, средний, высокий).</p> <p>Доля учащихся от общего количества обследуемых, умеющих успешно работать в группе.</p> <p>Доля учащихся от общего количества обследуемых, умеющих самостоятельно принимать решения.</p> <p>Доля учащихся, от общего количества учащихся в школе (классе), имеющих общее представление об изучаемом предмете.</p> <p>Доля учащихся, от общего количества учащихся в школе (классе), способных организовывать деятельность в избранном направлении только под чьим-либо руководством.</p> <p>Доля учащихся, от общего количества учащихся в школе (классе), способных работать самостоятельно в рамках усвоенных алгоритмов.</p> <p>Доля учащихся, от общего количества учащихся в школе (классе), способных самостоятельно осуществлять перенос ЗУН по предмету в иные сферы деятельности.</p> <p>Доля учащихся, от общего количества учащихся в школе (классе), выполняющих задания на узнавание, воспроизведение изученного материала по памяти и т.д.</p> <p>Доля учащихся, от общего количества учащихся в школе (классе), умеющих проводить анализ, сравнение, синтез и т.д.</p>

	<p>Доля учащихся, от общего количества учащихся в школе (классе), умеющих аргументировать, выводить следствие, находить причинно-следственные связи, делать вывод.</p> <p>Доля учащихся, от общего количества учащихся в школе (классе), умеющих не только аргументировать, выводить следствие, находить причинно-следственные связи, делать вывод, но и пояснять (рефлектировать) письменно или устно, как результат был достигнут</p>
--	---

Приведенная в пример деятельность в развивающей образовательной среде школы: вопросы диагностики, адаптации и социальной активности, является для большинства учителей инновацией. Для продуктивной деятельности в инновационной среде необходим этап адаптации. Как адаптировать участников образовательного процесса (и прежде всего, учителя) к развивающей образовательной среде школы?

Анализ психолого-педагогической литературы, посвященный определению сути поставленных вопросов, позволяет сказать, что «адаптация» – это аналитико-рефлексивная деятельность человека, направленная на освоение им окружающей среды (социальной, профессиональной, культурной, интеллектуальной и т.д.). Зачастую эта деятельность явно не осознается человеком и проходит на интуитивном уровне. Но, тем не менее, ее выделение важно для организации процесса адаптации.

Учитывая, что учебный (образовательный) процесс обладает своей спецификой, мы выделяем в нем специфический вид адаптации – интеллектуальную адаптацию.

Под интеллектуальной адаптацией мы понимаем аналитико-рефлексивную деятельность человека, направленную на освоение им образовательной среды (новой темы, новых технологий, новых социальных условий и т.д.).

Результатом интеллектуальной адаптации является сформированность таких умений, которые позволяют на базе имеющегося опыта решения задач в одной среде провести взаимосвязь с другой незнакомой средой; найти в ней знакомые черты, выявить недостающие для решения задачи части, превращая тем самым незнакомую образовательную среду в знакомую.

Анализ структуры различных видов адаптации позволяет выявить и структуру интеллектуальной адаптации. Ее основные этапы:

1. Предварительный. Он состоит из четырех действий:
 - привлечь внимание. И в этом его основная цель;
 - заострить внимание. Цель данного действия – обратить внимание ученика на особенность, привлекательность предлагаемого действия;
 - ввести в информационно-интеллектуальную среду, то есть обрисовать рамки функционального пространства, в котором предстоит действовать;
 - удержать внимание учащихся.
2. Восприятие – знакомство с новым информационно-интеллектуальным пространством.
3. Оценка – анализ как нового информационно-интеллектуального пространства, так и собственных возможностей деятельности в данном пространстве.
4. Ориентация – выбор вариантов решения поставленной задачи. На основе собственного опыта определяются варианты использования нового.
5. Принятие решения – постановка некоторого промежуточного вывода по деятельности в новом информационно-интеллектуальном пространстве. Это тот момент, когда определено, что пространство знакомо с точки зрения функциональности, и в нем можно действовать.

Анализируя процессуальность хода адаптации, можно отметить, что она схожа с этапами процесса решения задачи. Но у этих процессов разные цели.

Цель процесса решения задачи – достичь запланированного результата.

Цель интеллектуальной адаптации – сделать незнакомую образовательную среду знакомой, и данная цель достигнута тогда, когда человек начал действовать самостоятельно. Пусть медленно, осторожно, но без посторонней помощи.

Облегчить процесс адаптации учащихся к развивающей образовательной среде школы возможно, используя определенные шаги (действия). Первое необходимое условие для этого – понимание учителем того факта, что новая функционально незнакомая среда (среда, находящаяся вне зоны ближайшего развития учащегося) для ученика является инновационной. Второе необходимое

условие – использовать для этого адаптивные ситуации, адаптивные тексты, адаптивные задания, адаптивные тесты. Третье необходимое условие – перевести изучаемую на уроках информацию в ранг личностной значимости для учащегося. Четвертое необходимое условие – использовать рефлексивную образовательную среду.

Показанные в статье приемы, влияющие на адаптацию человека к новой для него среде, можно и, как показывает практика, нужно использовать, учитывая субъектный и субъективный опыт человека. Если у человека при вхождении в незнакомую для него среду есть схемы, позволяющие ему в определенной степени действовать, процесс адаптации организуется на основе ассимиляции (по Ж.Ж. Пиаже) [6, 7]; если таких схем нет, то процесс адаптации организуется на основе аккомодации.

Таким образом, с изменением целевых установок в работе школы появилась потребность в организации развивающей образовательной среды. Данная среда имеет свою структуру, специфику, особенности и является инновационной. Практика показывает, что для продуктивной деятельности в этой инновационной среде необходимы особые условия и на первом этапе – адаптация. Этому способствует четкая постановка целей и планируемых результатов, социальная активность, перевод изучаемой на уроках информации в ранг личностной значимости для учащегося, использование рефлексивной образовательной среды, адаптивных ситуаций, текстов, заданий, тестов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Кречетников К.Г.* Креативная образовательная среда на основе информационных и телекоммуникационных технологий как фактор саморазвития личности // Интернет-журнал «Эйдос». 2004.
URL: <http://www.eidos.ru/journal/2004/0622-10.htm> (дата обращения 22 июня 2012).
2. *Годник С.М.* Процесс преемственности высшей и средней школы. Воронеж, 1981.
3. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. М., 1989.
4. *Аверьянов А.Н.* Категория «система» в диалектическом материализме. М., 1974.
5. *Толлингерова Д.* Психология проектирования умственного развития детей. М.-Прага, 1994.
6. *Крайг Г.* Психология развития. СПб, 2000.
7. *Piaget S.* Plays, dreams and imitation. New York, 1962.

УДК 001.8:278

Ивановская Марина Николаевна

Соискатель ученой степени кандидата педагогических наук, преподаватель кафедры информатики филиала Южно-Уральского государственного университета в г. Озерске
тел.: (963) 475-03-75

Ivanovskaya Marina Nikolaevna

Postgraduate Student, Lecturer of the Department of Information Science of Southern Ural State University (affiliated branch in Ozersk)
tel.: (963) 475-03-75

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТЕРМИНА «ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ»

Исследованы исторические предпосылки и условия возникновения проблемы формирования информационно-коммуникационной компетентности. Приведены основные характеристики этапа возникновения и развития проблемы формирования информационно-коммуникационной компетентности.

Ключевые слова: информационно-коммуникационная компетентность, компетентность, компетенция, информационное общество, информационная революция.

HISTORY OF THE ORIGIN OF THE TERM "INFORMATION AND COMMUNICATION COMPETENCE"

Historical preconditions and conditions of emergence of the problem of information and communication competence formation are investigated. The main characteristics of the stage of emergence and development of the problem of information and communication competence formation are provided.

Key words: information and communication competence, competence, competency, information society, information revolution.

Информационно-коммуникационная компетентность для выпускников учебных заведений является важным ресурсом их дальнейшего социального и профессионального роста, обеспечивает мобильность и конкурентоспособность на рынке труда.

Определяющей составляющей термина «информационно-коммуникационная компетентность» является слово «компетентность», остальное же несет уточняющую, конкретизирующую нагрузку, указывающую на характер и вид деятельности. Опираясь на сказанное, можно рассмотреть историю возникновения термина с момента начала использования понятия «компетентность» применительно к образованию.

Отметим, что весь предыдущий период исторического развития нами рассматривается как подготовительный, в рамках которого сложился ряд предпосылок, определивших возможности для становления проблемы формирования информационно-коммуникационной компетентности выпускников ВПО: составляющие понятие «информационно-коммуникационная компетентность» использовались в российской и зарубежной практике еще до 1960-х гг.

Понятие информации рассматривалось ещё античными философами. До начала промышленной революции определение сути информации оставалось прерогативой преимущественно философов, затем рассматривать вопросы теории информации стала новая на то время наука кибернетика.

Использование научного понятия «коммуникация» начинается с античности как предмета изучения двух древнейших научных дисциплин – логики и лингвистики [1].

Уэбстеровский словарь утверждает, что само слово competence в английском языке появилось еще в 1596 г.

Понятия «компетенция», «компетентность» и производное «компетентный» в России и до 1960-х гг. широко использовались в быту, литературе, толкование приводилось в словарях. Например, в «Кратком словаре иностранных слов» [2] приводится следующее определение: «компетентный (лат. competens, competentis – надлежащий, способный) – знающий, сведущий в определенной области; имеющий право по своим знаниям или полномочиям делать или решать что-либо, судить о чем-либо» [3].

Сложились предпосылки для формирования информационного общества, основанием которых принято считать произошедшие в истории развития цивилизации информационные революции. Их следствием явились:

новое качество человеческого общества, предполагающее возможность передачи знаний от поколения к поколению в связи с изобретением письменности (I информационная революция);

изобретение книгопечатания, радикально изменившее индустриальное общество, культуру и организацию деятельности в середине XVI в. (II информационная революция);

изобретение электричества, появление телеграфа, телефона, радио, что позволило оперативно передавать и накапливать информацию (III информационная революция);

изобретение микропроцессорной технологии и появление компьютера, компьютерных сетей и систем передачи данных (IV информационная революция).

Таким образом, начало становления исследуемой нами проблемы охарактеризовано использованием в обществе понятий «информация», «коммуникация» и «компетентность» в значениях, не имеющих отношения к образованию, техническим прогрессом вследствие произошедших информационных революций и возникновением информационного общества.

К 1960-м гг. уже устоявшиеся понятия компетенция-компетентность приобретают новое значение и находят применение в новых областях деятельности. По версии Е. Зачесовой [4] в середине XX в. появился компетентностный подход в бизнесе, когда в 1959 г. Р. Уайт (R. White) в книге «Motivation reconsidered: the concept of competence (Пересмотр понятия мотивации: концепция компетентности)» использовал этот термин для описания особенностей, связанных с превосходным выполнением работы и высокой мотивацией отдельных лиц. По мнению Р. Уайта успешные и эффективные исполнители отличаются от менее успешных не только и не столько знаниями, сколько эффективной саморегуляцией, самосознанием и развитыми социальными навыками. Социолингвисты Р. Уайт и присоединившийся к нему Р. Кэмпбел определяют понятие «коммуникативной компетенции как способности правильно использовать язык в разнообразных социально детерминированных ситуациях» [5, с. 20].

В 1965 г. Н. Хомский (Массачусетский университет), ссылаясь на Вильгельма Гумбольда, применил понятие «компетенция» к теории языка, обозначив им «способность, необходимую для выполнения определенной, преимущественно языковой деятельности в родном языке». Н. Хомский связал его с навыками и опытом человека.

Вскоре после того, как Н. Хомский ввел термин «компетенция» и определил его сущность в контексте психолингвистических исследований, данный термин стал использоваться и в педагогическом аспекте, в Америке начало формироваться ориентированное на компетенции образование (competence-based education – CBE), целью которого было готовить специалистов, способных успешно конкурировать на рынке труда [6].

В конце 1960-х – нач. 1970-х гг. в Японии была сформулирована идея информационного общества. Основные его характеристики были определены в отчетах, представленных японскому правительству рядом организаций, где отмечалось, что существенные изменения коснутся в основном только производства, в результате чего продукт будет более информационно емким. Основными чертами информационной цивилизации считались следующие: источник производительности и роста находится в знании, распространяемом на все области экономической деятельности через обработку информации; экономическая деятельность смещается от производства товаров к предоставлению услуг; в новой экономике будет расти значение профессий, связанных с высокой насыщенностью их представителей информацией и знаниями.

В этот период основное внимание исследователей было сосредоточено на трактовке терминов «компетенция» и «компетентность». В педагогической науке появляются работы ученых Н. Хомского, Р. Уайта, Дж. Равена, Н.В. Кузьминой, А.К. Марковой, Э.Ф. Зеера, В.Н. Куницыной, Г.Э. Белицкой, Л.И. Берестовой, В.И. Байденко, А.В. Хуторского, Н.А. Гришанова и др.

Таким образом, основными характеристиками периода возникновения и развития термина «информационно-коммуникационная компетентность» стали следующие:

- 1) впервые понятия компетентность-компетенция были применены в области образования;
- 2) возникло информационное общество;
- 3) произошло осмысление понятий «компетенция» и «компетентность» ученым сообществом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Шумилова Е.А.* Концепция формирования социально-коммуникативной компетентности будущих педагогов в вузе: монография. Челябинск, 2011.
2. Краткий словарь иностранных слов / под ред. И. Лехин, Ф. Петров. М., 1952.
3. *Зимняя И.А.* Ключевые компетенции – новая парадигма результата современного образования // Интернет-журнал «Эйдос». 2006. 5 мая. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2006/0505.htm> (дата обращения 31.10.2010 г.)
4. *Зачесова Е.* Ручка от сундука. Компетентностный подход в образовании // Учительская газета. 2007. № 17. URL: <http://www.ug.ru/archive/17950> (дата обращения 15.01.2012 г.)
5. *Шолохович В.Ф.* Дидактические основы информационных технологий обучения в образовательных учреждениях: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Екатеринбург, 1995.
6. *Разуваева Т.А.* Компетентностный подход к образованию: краткий теоретический анализ. Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2010. № 1. Т. 16.

УДК 37:001.895

Иващенко Ирина Николаевна

кандидат технических наук, ст. преподаватель кафедры дизайна костюма, факультета архитектуры и дизайна Кубанского государственного университета
тел.: (961) 580-26-44

ПРИМЕНЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В МЕТОДОЛОГИИ ПРЕПОДАВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДИСЦИПЛИН

Рассматриваются возможности совершенствования деятельности преподавателя на основе инновационных технологий проектирования костюма в методологии преподавания дисциплин профессионального цикла.

Ключевые слова: дизайн, проектирование, костюм, теплоизоляция, образовательный процесс, инновационные технологии, программа.

Ivaschenko Irina Nikolaevna

PhD in Technical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Costume Design of the Faculty of Architecture and Design of Kuban State University
tel.: (961) 580-26-44

THE APPLICATION OF INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN THE METHODOLOGY OF TEACHING PROFESSIONAL DISCIPLINES

The possibilities of improving the activity of a teacher on the basis of innovative technologies of costume design in the methodology of teaching disciplines of the professional cycle.

Key words: designing, design, costume, insulation, educational process, innovative technologies, program.

Современная методология преподавания дисциплин профессионального цикла основной образовательной программы предполагает активное применение инновационных технологий в обучении выпускников.

Эффективность подготовки специалистов зависит от внедрения научно-исследовательской деятельности в процесс образования на основе современных инновационных технологий, что позволит успешно вести проектную деятельность в области дизайна костюма.

Необходимость проектирования надежной теплозащитной одежды обусловлена многообразием факторов жизнедеятельности человека. Освоение новых климатогеографических районов (шельфов северных морей, арктических природно-климатических условий), рост инфекционных и простудных заболеваний в результате появления новых видов досуга на открытом воздухе, различные по своей природе и степени воздействия вредные производственные факторы, усиливающиеся под влиянием холода, – все это требует совершенствования проектных решений.

Физическая активность и способность сопротивляться простудным заболеваниям значительно зависят от теплового состояния организма человека. Исследования [1] показали, что в условиях теплового комфорта труд более производительен, менее утомителен, а отдых эффективнее. Физиологический аппарат терморегуляции испытывает меньшее напряжение, одежда становится барьером, изолирующим организм человека от низкой температуры, предотвращает излишнюю теплоотдачу и обеспечивает сохранение здоровья и работоспособность.

Важнейшая физиологическая функция одежды – поддержание теплового равновесия между организмом человека и окружающей средой [2]. Длительное ощущение человеком теплового комфорта в пододежном пространстве обычно соответствует устойчивому тепловому равновесию теплопотерь и теплопродукции.

Исследователями ОАО «ЦНИИШП», НИИ медицины труда установлены климатические зоны РФ и средние теплофизические параметры одежды в соответствующих метеорологических условиях. Однако изменились районирование климатических зон и их параметры, а расчет теплоизоляции одежды представляет собой трудоемкое занятие.

Проведенные исследования механизмов теплоизоляции создали предпосылки для разработки и регистрации инновационной технологии и программного обеспечения для решения задач проектирования рациональной одежды, согласованной с механизмами теплоизоляции.

В программу вводятся следующие данные: температура воздуха, скорость ветра, энерготраты работающего, воздухопроницаемость пакета материалов (см. рисунок). Введенные данные мобильно рассчитываются для получения теплофизических показателей в условиях ветра и без него: теплоизоляции одежды, необходимой толщины пакета материалов для изготовления изделия и времени допустимого непрерывного пребывания в такой одежде на открытом воздухе.

Температура поверхности тела человека на различных его участках неодинакова и зависит от их кровоснабжения. Для обеспечения необходимой равномерной защиты всех областей тела

человека от охлаждения определяется толщина пакета материалов и теплоизоляция комплекта на различных его участках.

На основании расчетов теплофизических параметров можно определить комплектность одежды с учетом интенсивности движений человека, теплоизоляцию и толщину комплекта на различных участках поверхности тела с целью обеспечения равномерной защиты всего тела.

Интерфейс программы по расчету теплоизоляции одежды

С увеличением толщины пакета материалов увеличивается его теплоизоляционная способность [3]. При толщине пакета материалов комплекта до 15 мм его теплоизоляция резко возрастает. Однако дальнейшее увеличение толщины пакета материалов не приводит к значительному увеличению теплоизоляции одежды, а при толщине пакета материалов более 25 мм ее увеличение прекращается. Экспоненциальный характер зависимости теплоизоляции от толщины комплекта и температуры окружающего воздуха, вопреки теоретическим утверждениям, объясняется наличием воздушных прослоек между слоями пакета материалов.

Расчет толщины материалов теплозащитной одежды позволяет установить конструкцию пакета материалов с необходимой теплоизоляцией и возможность ее регулирования съемными деталями.

Программа учитывает значительно изменившиеся климатические и производственные условия. Расчет необходимой теплоизоляции защитной одежды требует определения видов теплопотерь, длительности допустимого непрерывного пребывания на холоде с учетом воздействия ветра и воздухопроницаемости внешнего слоя одежды на основе их теплофизических свойств. Программа выявляет участки тела человека, нуждающиеся в наибольшей защите утеплителями и конструктивными элементами.

Исследования показали, что теплоизоляционная способность одежды существенно зависит от воздействия факторов различной природы: условий эксплуатации, физической активности человека, выбора пакета материалов, конструктивных элементов – ей принадлежит основная роль в поддержании равновесного теплового состояния системы «человек–одежда–среда».

Применение в процессе обучения инновационных технологий, объединяющих как техническую, так и художественную сторону, актуализирует подготовку специалистов-дизайнеров новой формации, которые обладают высокими профессиональными и общекультурными компетенциями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Иващенко И.Н., Беляева С.А. Проектирование теплозащитной специальной одежды для работников нефтедобывающей отрасли. Краснодар, 2012.
2. Делль Р.А., Афанасьева Р.Ф. Гигиена одежды: учеб. пособие. М., 1991.
3. Колесников П.А. Основы проектирования теплозащитной одежды: автореф. дис. ... д-ра техн. наук. М., 1971.

УДК 378:51

Ксендзова Галина Федоровна

кандидат педагогических наук, заведующая Центром развития ребёнка «Алёнушка» (Республика Саха Якутия) тел.: (411) 444-73-87

Ksendzova Galina Fedorovna

PhD in Pedagogy, Head of the Children Development Centre "Alenushka" (the Republic of Sakha Yakutia) tel.: (411) 444-73-87

СОДЕРЖАНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ МАРКЕТИНГОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

В статье раскрыты содержание и направления маркетинговых исследований в образовательных учреждениях. Рассмотрены стратегии маркетинга, используемые в высших учебных заведениях. Проведенное маркетинговое исследование позволило сформировать программу образовательного учреждения с учетом особенностей потребительского поведения на рынке образовательных услуг.

Ключевые слова: маркетинговое исследование, маркетинговая программа образовательного учреждения, рынок образовательных услуг.

CONTENTS AND DIRECTIONS OF MARKET RESEARCHES IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS

The article presents the contents and the directions of market researches in educational institutions. The marketing strategies used in higher educational institutions are considered. The carried-out market research has allowed to create the program of educational institution taking into account the specific features of consumer behaviour in the market for educational services.

Key words: market research, marketing program of educational institution, market of educational services.

В новой информационной эпохе рынок образовательных услуг становится одной из наиболее динамично развивающихся сфер экономики. Современное образовательное учреждение – это уже полноценный субъект рыночных отношений, находящийся в условиях ужесточения конкуренции, развития демографического кризиса, снижения платежеспособности населения. Все это заставляет искать новые методы и технологии управления вузом. Многочисленные отечественные исследования и обширный опыт иностранных образовательных учреждений достаточно убедительно доказывают, что наиболее эффективно в данном случае развитие маркетингового планирования в управлении образовательным учреждением, поскольку центральное место в концепции маркетинга занимает потребитель, его потребности, желания, мотивы поведения.

Образовательные учреждения сталкиваются с серьезными проблемами:

1) ухудшение демографического положения в стране (первые 15–20 лет третьего тысячелетия население России будет уменьшаться; по оценкам Госкомстата, в 2015 г. численность населения России составит около 138,1 млн чел.);

2) неблагоприятный социально-экономический климат, что выражается в опережающих темпах роста цен по сравнению с ростом заработной платы населения [1] (это особенно сказывается на социально не защищенных слоях населения, не способных оплатить обучение в вузе, цена которого постоянно увеличивается, и платное обучение начинает возобладать над бесплатным).

Сегодня становится актуальным вопрос управления образовательными учреждениями в целях обеспечения устойчивого их функционирования в неблагоприятных, кризисных экономических условиях.

Одним из параметров устойчивого функционирования образовательного учреждения является его привлекательность для абитуриентов. Анализ отечественной и западной литературы выявил, что не существует единства мнений в трактовке категории «привлекательность» [2]. Также это понятие не имеет общепринятой трактовки в применении к образовательному учреждению. В существующих публикациях не уделено достаточно внимания методическим подходам к оценке привлекательности образовательных учреждений.

Количественная оценка привлекательности образовательных учреждений на рынке образовательных услуг находится из выражения:

$$P_p = \sum_{i=1}^n B_j P_j$$

где P_p – количественная оценка привлекательности; B_j – вес показателя привлекатель-

ности; P_j – частота показателя привлекательности (количество упоминаний респондентом того или иного показателя привлекательности); $i \in I \div n$ – число качественных показателей привлекательности образовательного учреждения.

Вес показателя привлекательности образовательного учреждения находится как обратно пропорциональная зависимость от места размещения показателя в процессе ранжирования, исходя из условия

$$\sum_{i=1}^n B_j = 1,0$$

где n – число качественных показателей привлекательности.

Частотная характеристика показателя привлекательности P_i определяется по формуле:

$$P_i = \frac{n}{N},$$

где n – число опрошенных, выделивших i -й показатель привлекательности; N – общее число опрошенных.

Привлекательность образовательного учреждения является интегральным показателем всей его деятельности.

Маркетинговая политика образовательного учреждения сильно влияет на его привлекательность. Выявленные основные мотиваторы выбора образовательного учреждения дают возможность, основываясь на них, выстраивать политику управления привлекательностью образовательного учреждения [3].

Маркетинговые исследования предусматривают систематический сбор, классификацию и анализ данных по различным аспектам маркетинговой деятельности. Цель маркетинговых исследований состоит в определении перспективных потребителей, оценке степени их удовлетворения и прогнозировании потребительского поведения. Маркетинговые исследования служат связующим звеном между образовательным учреждением и потребителями, конкурентами, а также другими элементами маркетинговой среды [4]. Таким образом, маркетинговые исследования позволяют сформировать ассортимент образовательных услуг, способных привлечь в образовательное учреждение целевую группу потребителей.

В ходе маркетингового исследования можно получить результаты, которые позволят хорошо изучить потенциальных потребителей, выявить решающие мотивы в выборе дополнительных услуг, каналы получения информации, которыми обычно пользуются опрашиваемые, а также выяснить, какие дополнительные услуги хотели бы получить потенциальные потребители.

Анкетирование можно проводить с использованием маркетинговых методик изучения лояльности и удовлетворенности: 1) мультиатрибутивной модели М. Фишбайна; 2) методики оценки лояльности Ф. Райхельда; 3) методики оценки качества услуг SERVQUAL; 4) дополнительного индикатора лояльности – самоидентификации [5].

С целью изучения поведения потребителей на рынке образовательных услуг пос. Мохсоглох автором в течение последних трех лет проводился опрос. Анкетированием было охвачено 500 респондентов в возрасте от 16 до 29 лет включительно, так как данная категория является основным массивом профессионального самоопределения.

Первоначально была получена информация, позволившая охарактеризовать жизненную ситуацию потребителей образовательных услуг. Так, анкетирование показало, что в момент принятия решения о профессиональном самоопределении только у 29,8% респондентов все хорошо в жизни, у 63% есть сложности респондентов, 5,4% оценили ситуацию как плохую и 1,8% затруднились ответить. Наибольшую обеспокоенность у потребителей образовательных услуг вызывают следующие проблемы: материальные (28,6%), высокая степень неопределенности будущего (20,6%), проблемы с трудоустройством (15,4%) и др. Учитывая то, что большинство образовательных услуг платные, материальные проблемы, хотя и вполне объяснимы, служат негативным фактором при принятии решения о выборе учебного заведения, формы обучения, специальности. В большей степени потребители образовательных услуг не удовлетворены материальным положением (51%). Необходимо отметить, что основную массу (наиболее активную часть потребителей образовательных услуг) социально активной части населения беспокоят глобальные изменения, происходящие в стране. Наибольшую обеспокоен-

ность вызывает экономическая ситуация в стране, экология, терроризм.

Так как многие респонденты осознают совокупность социально-экономических проблем в своей жизни, подавляющее большинство хотели бы изменить свою жизнь. Так, на вопрос «Хотели бы Вы изменить свою жизнь?» были получены следующие ответы (рис. 5). Безусловно, получение качественного образования – одна из основных возможностей не просто для изменения, но и улучшения жизни. На данном этапе исследования можно предположить, что степень осознания потребности в использовании образовательной услуги очень велика (71,1% выборки). Большинство респондентов жизненные планы (получение высокооплачиваемой работы, карьерный рост и даже, возможно, будущий брак) так или иначе связывают с получением высшего образования. С позиции концепции маркетинга данные респонденты эквивалентны величине активного спроса на образовательные услуги. Следует отметить, что выбор образовательной услуги, профессии настолько важен в жизни молодых людей, что во многом определяет не только профессиональное самоопределение, но и всю дальнейшую жизнь (выбор партнера по браку или сам факт брака, место жительства, социальный статус и др.).

Опрос показал, что большинство респондентов планируют стратегические изменения в жизни, но в то же время не используют долгосрочных планов, т.е. не выстраивают жизненную стратегию, а принимают решения на один-два года жизни. Большой интерес с маркетинговой точки зрения представляет тот факт, что 30,6% потребителей затруднились с ответом. Согласно маркетинговой концепции данные респонденты соответствуют объему потенциального спроса на образовательные услуги, поэтому данный спрос необходимо «разбудить» с помощью различных маркетинговых инструментов, таких как цена на образовательные услуги, реклама, ассортимент данных услуг и др.

Учитывая высокую степень неопределенности, сопутствующей современной рыночной ситуации, а также рискованность как один из факторов потребительского поведения на рынке образовательных услуг, рассмотрим отношение потребителя к риску. Так, подавляющее число респондентов согласны с утверждением, что современное общество характеризуется высокой степенью риска (66,8%). В большей степени на принимаемые решения оказывают влияние повседневные профессиональные риски (30,6%), связанные со страхом не найти или потерять работу, быть пониженным в должности, столкнуться с половой дискриминацией или сексуальными домогательствами на работе. Многие респонденты рискуют и в повседневной семейной жизни потерять здоровье (33,4%), столкнуться с непониманием родителей или своего партнера. Вызывают обеспокоенность потребителей и глобальные риски (22,6%), особенно экономические, политические. Осознавая в достаточной степени величину риска при принятии решений, все-таки 49% потребителей испытывают беспокойство, особенно если речь идет о серьезных жизненных вопросах, таких, например, как получение образования, а 19% часто в ситуации риска испытывают панику. Только 17,8% респондентов собраны и решительны в момент принятия решений в ситуации риска. Тем не менее готовы рисковать 29% респондентов в любой жизненной ситуации и 42,4% готовы рискнуть в зависимости от ситуации.

Таким образом, проведенный опрос позволил дать развернутый портрет потребителя образовательных услуг. Потребители образовательной услуги – молодые люди 16–30 лет, жизнь которых характеризуется комплексом взаимосвязанных проблем: материальных, личных, семейных, профессиональных. Они осознают потребность в изменении своей жизни и стремятся ее изменить, в том числе и за счет получения качественного образования. Многие девушки связывают эти изменения с удачным браком, а многие молодые люди – с карьерой.

К основным ценностям потребители относят (по мере снижения значимости): семью, деньги, стабильность в обществе, свободу выбора. Наиболее важными личными качествами респонденты считают: профессионализм, трудолюбие, предприимчивость, ответственность, индивидуальность, общую культуру. Большинство из них необходимы для карьерного роста, к которому так стремятся молодые люди. Вместе с тем большинство потребителей образовательных услуг не планируют заранее даже такие важные, стратегические решения в жизни, как выбор будущей профессии. Планы зачастую не распространяются далее одного-трех лет.

Мотивацией при выборе учебного заведения служат (по мере снижения значимости): престиж учебного заведения, профессиональный состав преподавателей, качество и ассортимент предоставляемых образовательных услуг, атмосфера в процессе получения образовательной услуги, цена. Основное влияние на выбор учебного заведения, формы обучения, специальности на потребителей оказывают родители, родственники и друзья. На помощь государства респонденты практически не рассчитывают. Помощь же при выборе образовательной услуги необходима, так как решения принимаются в условиях неопределенности и риска, и молодые люди осознают это. Большинство потребителей испытывают беспокойство и даже панику в условиях риска (особенно девушки), что еще больше затрудняет выбор.

На основании проведенных исследований было выделено три типа потребительского поведения на рынке образовательных услуг региона.

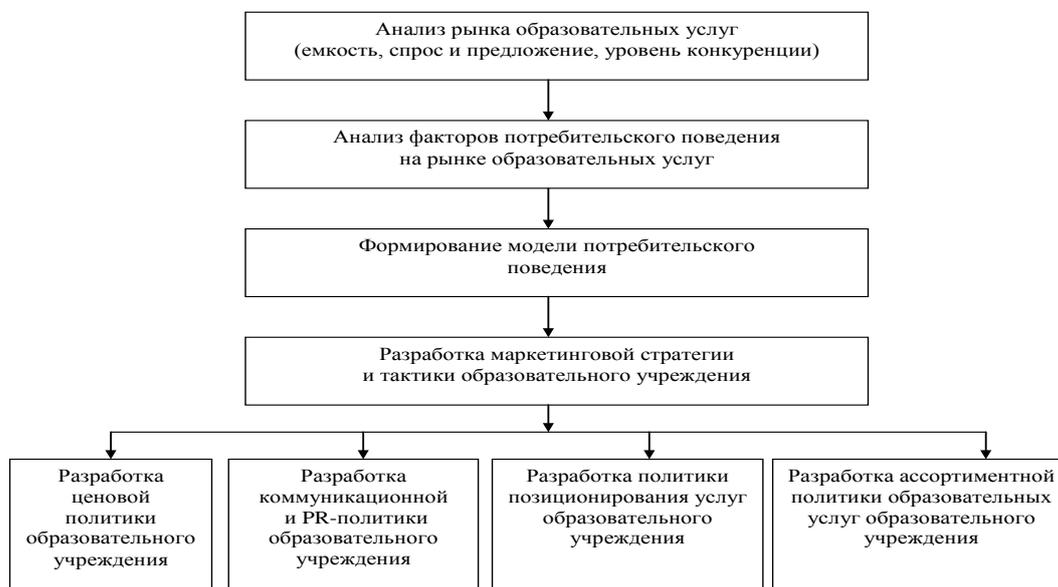
Эмоциональное поведение. Основой принятия решений являются эмоции и переживания. Потребности формируются ситуационно, на их формирование оказывает влияние большое количество случайных факторов, начиная с личных переживаний и заканчивая случайным стечением обстоятельств. Такое поведение хуже всего прогнозируется, но легче всего поддается маркетинговому воздействию.

Рациональное поведение. Основа принятия решения – логический расчет, сопоставление возможных неудач и выгод. Потребности формируются осознанно, учитывается большое количество факторов, начиная с места расположения образовательного учреждения и заканчивая возможностью последующего трудоустройства. Такое поведение прогнозируется довольно легко, но незначительно может быть скорректировано с помощью маркетинговых инструментов воздействия на потребителей.

Традиционное поведение. Основа принятия решения – традиции, в том числе семейные, привычки потребителя, стереотипы поведения. Потребности в выборе образовательной услуги формируются постепенно, по мере необходимости. Основными факторами потребительского выбора являются престиж учебного заведения, атмосфера в процессе обучения и цена [6].

Все три типа потребительского поведения в той или иной степени поддаются маркетинговому воздействию со стороны учебного заведения, а значит, они должны учитываться при принятии управленческих решений на всех уровнях управления образовательным учреждением. Данные исследования могут помочь сформировать наиболее действенную маркетинговую программу образовательного учреждения, в том числе по основным маркетинговым политикам: ценовой, продвижения, ассортимента услуг.

Маркетинговая программа образовательного учреждения – это разработанный на основе комплекса маркетинговых исследований стратегический план-рекомендация относительно коммерческой деятельности вуза на определенный период времени, призванный обеспечить оптимальный результат ее будущего развития с учетом запросов потребителей образовательных услуг и согласно выдвинутым целям и стратегии. Процесс разработки маркетинговой программы образовательного учреждения с учетом особенностей поведения потребителей образовательных услуг можно представить в виде схемы (см. рисунок).

Процесс формирования маркетинговой программы образовательного учреждения с учетом особенностей потребительского поведения на рынке образовательных услуг

При планировании маркетинговой программы важно учитывать, что ситуация на рынке образовательных услуг довольно динамична. Для принятия обоснованных маркетинговых и других управленческих решений руководители должны не только обладать данными, характеризующими текущую ры-

ночную ситуацию, но и понимать динамику основных процессов на рынке образовательных услуг, учитывать рыночный прогноз. Поведение потребителей, как и факторы, влияющие на это поведение, также могут меняться. Поэтому модель потребительского поведения должна периодически корректироваться. На основании анализа рыночной ситуации и с учетом особенностей поведения потребителей разрабатывается маркетинговая стратегия, которая должна стать ориентиром для основных маркетинговых политик. Выбранные маркетинговые политики должны быть взаимосвязаны между собой. Так, например, определенный уровень цен на образовательные услуги должен быть правильно позиционирован на определенную группу потребителей на рынке. Для этого необходима обоснованная коммуникационная политика. Для каждой группы потребителей с учетом типов их поведения должен осуществляться выбор средства распространения рекламы и время выхода рекламного объявления. По-разному должны звучать мотивы рекламного обращения. Для «традиционных» потребителей образовательных услуг лейтмотивом должна стать репутация и продолжительность существования образовательного учреждения, для «рациональных» потребителей важна цена, а для «эмоциональных» потребителей – эмоциональная окраска самого обращения.

Таким образом, систематические исследования поведения потребителей на рынке образовательных услуг и использование их результатов в маркетинговом планировании позволят руководителям вуза решить ряд коммерческих задач, нереализуемых в других подразделениях: разработать эффективную целенаправленную маркетинговую стратегию, сформировать основные маркетинговые политики и снизить неопределенность при принятии других управленческих решений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Васильева М.В.* Макроуровневые параметры и ориентиры ре-ализации концепции социально-экономического развития России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2009. № 17.
2. *Азгальдов Г.Г., Костин А.В.* Модернизация российской системы образования // Миссия образования в формирующейся новой экономике: тез. докл. Междунар. науч. конф. Нижний Тагил, 2009.
3. *Беквит Г.* Четыре ключа к маркетингу услуг: пер с англ. М., 2012.
4. *Котлер Ф., Келлер К.* Маркетинг менеджмент. 12-е изд. СПб., 2007.
5. *Балаян Я.* Тебя рекомендуют – значит путь правильный // Маркетинг PRO. 2007. № 5.
6. *Маркетинг взаимоотношений: учеб. пособие / под ред. Б.А. Соловьева. М., 2010.*

УДК 377.018.48

Лапина Елена Владимировна

кандидат педагогических наук, декан факультета дошкольного и начального общего образования института повышения квалификации и переподготовки работников образования Воронежской области
тел.: (473-2)-35-24-99

Lapina Elena Vladimirovna

PhD in Pedagogy, Dean of the Faculty of Preschool and Primary General Education of the Institute for Professional Development and Retraining of Educationalists of Voronezh Region
tel.: (473-2)-35-24-99

Обухова Людмила Александровна

доктор педагогических наук, профессор, проректор по научно-методической работе института повышения квалификации и переподготовки работников образования Воронежской области
тел.: (473-2)-35-21-13

Obukhova Lyudmila Aleksandrovna

Doctor of Pedagogy, Professor, Vice-Rector for Science and Methods of Teaching of the Institute for Professional Development and Retraining of Educationalists of Voronezh Region
tel.: (473-2)-35-21-13

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ ПЕДАГОГА К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

FORMATION OF VALUE ATTITUDE OF A TEACHER TO PROFESSIONAL WORK IN THE SYSTEM OF ADDITIONAL TEACHER TRAINING

В статье представлены критерии, показатели и уровни сформированности ценностного отношения педагогов к профессиональной деятельности в сфере дополнительного педагогического образования Воронежского областного института повышения квалификации и переподготовки работников образования.

The criteria, indicators and levels of formation of value attitude of teachers to their professional activity in the sphere of additional pedagogical education of the Voronezh Regional Institute for Professional Development and Retraining of Educationalists have been presented in the article.

Ключевые слова: ценность, педагогические ценности, ценностное отношение педагога к профессиональной деятельности.

Key words: value, educational values, value attitude of a teacher to professional activity.

На современном этапе развития образования возрастает приоритет человеческого фактора, усиливается внимание к личности учителя, необходим педагог, ориентированный на базовые ценности своей профессиональной деятельности и способный к такому проектированию образовательной среды, которая предполагает возможность самоопределения, как для учащихся, так и для самого учителя. Таким образом, проблема изучения ценностной сферы личности в настоящее время приобретает комплексный характер, являясь предметом изучения различных наук, и представляет собой важную область исследований, расположенную на стыке различных отраслей знания о человеке.

Если обратиться к научным исследованиям, то можно отметить, что проблема воспитания ценностных основ личности является одним из направлений многочисленных исследований ученых различных областей как исторически складывающегося научного знания о человеке, так и современного человекознания (философов, психологов, педагогов, социологов и т.д.). Проблеме ценностного развития личности посвящен целый ряд работ выдающихся мыслителей – это Т. Мор, И. Кант, М. Шелер и многие другие [1, с. 341].

В настоящее время нет единого представления о сущности понятия «ценность» (насчитывается около ста различных его определений). При этом большинство современных трактовок понятия «ценность» сводятся, как правило, к позитивной значимости чего-либо для субъекта. Именно такое его определение дал еще в 1860-е гг. немецкий философ Герман Лотц. Формирование ценностей педагогической деятельности особенно актуально на стадии профессиональной самореализации педагога. Педагогические ценности представляют собой нормы, регламентирующие педагогическую деятельность и выступающие как познавательно-действующая система, которая служит опосредующим и связующим звеном между сложившимся общественным мировоззрением в области образования и деятельностью педагога [2, с. 830].

Ценностное отношение педагога к профессиональной деятельности в системе дополнительного педагогического образования определяется нами, как многоуровневое личностное образование в структуре сознания личности специалиста. Оно состоит из нескольких взаимосвязанных компонентов:

- ценностно-мотивационный: интерес к профессии, стремление добиться успеха в профес-

сиональной деятельности; понимание значимости принимаемых профессиональных решений, совершаемых действий; побуждение активно участвовать в социальной жизни; профессионализм, постоянный профессиональный рост, повышение квалификации, самообразование и саморазвитие, творчество, интеллектуальная и эмоциональная гибкость, успешная адаптация к постоянно меняющимся условиям, коммуникабельность;

- когнитивный: объединяет в себе знания, умения, навыки, квалификацию, присущие специалисту, благодаря которым он проявляет умение понимать профессиональные задачи, оценивать их значимость, составлять и реализовывать программу личностного и профессионального самообразования и развития;

- содержательно-деятельностный: включает совокупность профессиональных умений и навыков ориентирования в информационном потоке, анализа информации, владения современными методами и средствами связи;

- оценочно-рефлексивный: предусматривает системный подход при анализе результатов деятельности образовательного процесса, навыков аналитического мышления, прогнозирования результатов деятельности; наличие умений научно-практической диагностики и коррекции образовательного процесса, общения и взаимодействия.

Для выявления уровня сформированности ценностного отношения педагогов к профессиональной деятельности нами были разработаны соответствующие критерии, показатели и уровни прогнозируемого результата.

Таблица

Критерии, показатели и уровни сформированности ценностного отношения педагогов к профессиональной деятельности

критерии	показатели	уровни	баллы
ценностно-мотивационный	сформированные мотивы и ценности профессионального успеха (профессионализм, профессиональный рост)	проявляется в полной мере	5-7
		проявляется частично	3-4
		проявляется незначительно или не проявляется	0-2
когнитивный	объем знаний в профессиональной сфере (уровень методологических, психолого-педагогических и специальных знаний, формулировка профессиональных затруднений)	полные	5-7
		не достаточно полные	3-4
		фрагментарные	0-2
содержательно-деятельностный	профессиональный рост, повышение квалификации (активное участие в различных проектах, семинарах, конференциях)	в течение всей профессиональной деятельности	5-7
		в рамках курсовой подготовки	3-4
		не всегда	0-2
оценочно-рефлексивный	оценка своей педагогической деятельности (умение анализировать изменения условий профессиональной деятельности, оценивать соотношение возможностей педагога и внешних условий, анализировать ситуацию, корректировать программу собственного развития)	адекватная	5-7
		адекватная не всегда	3-4
		не адекватная	0-2

В соответствии с выделенными критериями и показателями нами определены уровни ценностного отношения педагогов к профессиональной деятельности в системе дополнительного педагогического образования: высокий, средний и низкий.

Высокий уровень (20-28 баллов) характеризуется глубокими и систематизированными знаниями в профессиональной сфере; сформированными умениями устанавливать эмоциональный контакт с коллегами, детьми и их родителями; сформированной системой ценностей, нравственных и других социальных норм, принципов, идеалов, установок к профессиональному росту повышению квалификации; стремлением профессионально развиваться и совершенствоваться; высоким уровнем умений выбирать и использовать формы, навыки и методы социальной работы; активным участием в профессионально направленных мероприятиях, проводимых в ВОИПКиПРО и за его пределами, по собственной инициативе; умением оценивать свои возможности (как специалиста). Мотивация отличается высокой силой: увлеченность, настойчивость, целеустремленность. Педагоги устанавливают высокий порог требований, предъявляемых в качестве самооценки соб-

ственной педагогической деятельности, осознается значимость профессионального мастерства.

Средний уровень (12-16 баллов) характеризуется проявлением стремления профессионально развиваться и совершенствоваться, хорошими знаниями в профессиональной сфере; средним уровнем развития коммуникативных способностей, участием в профессионально направленных мероприятиях (в ВОИПКПРО и за его пределами, в том числе, по собственной инициативе); анализ внешних условий. Творческая активность проявляется в рамках курсов повышения квалификации. В структуре мотивации участия в семинарах, конференциях присутствуют побуждения разного плана. Оценка педагогической деятельности не является постоянной. Интерес к профессиональному росту ситуативный.

Низкий уровень (0-8) характеризуется фрагментарностью знаний в профессиональной сфере; несформированный интерес к профессиональному росту, повышению квалификации; несформированная система ценностных ориентаций и низкая нацеленность на успех; не принимается участие в профессионально направленных мероприятиях по собственной инициативе; низкие навыки сотрудничества, общения; не принята необходимость актуализации самообразования, не замечаются условия педагогической деятельности. Наблюдается неразвитость мотивации в профессиональной сфере, о чем свидетельствует отсутствие соответствующих мотивов, либо наличие одного-двух мотивов, не представляющих социальной ценности.

Представленный процесс формирования ценностного отношения педагогов к профессиональной деятельности используется в сфере дополнительного педагогического образования Воронежского областного института повышения квалификации и переподготовки работников образования в рамках реализации инновационных подходов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Шелер М. Избранные произведения. М., 1994.
2. Современный философский словарь / под общ. ред. В.Е. Кемерова. М., 2004.

УДК 316.354:351/354

Ларченко Ирина Николаевна

кандидат педагогических наук, директор нефтегазового колледжа имени Ю.Г. Эрвье Тюменского государственного нефтегазового университета
тел.: (3452) 20-52-16

Larchenko Irina Nikolaevna

PhD in Pedagogy, Director of Oil and Gas College named after Y-R.G. Ervier of Tyumen State Oil and Gas University
tel.: (3452) 20-52-16

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ
СОЦИАЛЬНО-УПРАВЛЕНЧЕСКИХ
ПРЕОБРАЗОВАНИЙ
В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

**THE USE OF TECHNOLOGY OF SOCIAL
AND ADMINISTRATIVE REORGANIZATION
IN CONDITIONS OF TRANSFORMATION OF
PROFESSIONAL EDUCATION**

В статье рассматривается подход к изменению проявлений «дисфункциональности» в системе профессионального образования. Высказывается предположение о возможных способах устранения дисфункциональных проявлений посредством использования технологии социально-управленческих преобразований.

The approach to the change of dysfunctionality manifestation in the system of professional education is considered in the article. The supposition about possible ways of dysfunctional manifestations elimination by means of technology of social and administrative reorganizations is presented.

Ключевые слова: дисфункциональность профессионального образования, функциональность профессионального образования, трансформация, технология социально-управленческих преобразований.

Key words: dysfunctionality of professional education, functionality of professional education, transformation, technology of social and administrative reorganizations.

Профессиональное образование, как и любой другой социальный институт, выполняет в обществе определенные функции, посредством которых отчетливо выражается сущность той сферы жизнедеятельности, которую этот институт представляет. Успешное выполнение профессиональным образованием своих функций в структуре общественных отношений, направленных на обеспечение удовлетворения людьми и общественными институтами их образовательных потребностей и интересов, можно охарактеризовать как процесс проявления его функциональности. В противном случае, если наблюдается процесс рассогласования функций, а также отклонение их от первоначально заданных параметров, приводящих к серьезным нарушениям в деятельности всей системы, то уместно говорить о проявлении дисфункциональности в профессиональном образовании [1, с. 6].

Поясним, что термин дисфункциональность (от лат. *dis* – нарушение, расстройство, утрата чего-либо, и *functio* – деятельность) в буквальном смысле слова означает нарушение, изменение деятельности. К сожалению, сегодня многие ученые, специалисты-практики, бизнесмены больше говорят и пишут о проявлениях дисфункциональности в профессиональном образовании.

Рассмотрим это утверждение на примере анализа некоторых функций профессионального образования, обратившись к социологическим исследованиям М.К. Горшкова [2], Г.Е. Зборовского [3], Г.Ф. Шафранова-Куцева [4], Ф.Э. Шереги [1], авторской статье В.В. Путина «Строительство справедливости. Социальная политика для России» [5], стратегии инновационного развития Российской Федерации до 2010 г. [6] и представим результаты в виде таблиц 1 и 2.

Таблица 1

**Анализ экономической функции профессионального образования
с позиции ее функциональности и дисфункциональности**

Проявления функциональности экономической функции	Проявления дисфункциональности экономической функции
Возможность выбора выпускниками школ образовательных учреждений, профессий, специальностей, форм обучения в зависимости от личных предпочтений.	<ol style="list-style-type: none"> 1. Перепроизводство специалистов по отдельным профессиональным направлениям. 2. Развитие ситуации, характеризующейся несбалансированностью спроса и предложения квалифицированных кадров на рынке труда. 3. Предпочтение населения высшего профессионального образования в противовес среднему профессиональному и начальному профессиональному образованию. 4. Отсутствие престижа обучения прикладным квалификациям.

<p>1. Сформированная структура специальностей, профессий, направлений подготовки в образовательных учреждениях профессионального образования на основе потребностей региональных предприятий и организаций.</p> <p>2. Сформирована специфика требований, предъявляемых к квалифицированным рабочим, специалистам среднего звена и высшего профессионального образования в различных сферах профессиональной деятельности со стороны работодателей.</p> <p>3. Развитие системы образовательных услуг в соответствии с запросом рынка труда</p> <p>4. Развитие системы дополнительного профессионального образования, дополнительных квалификаций, профессиональной подготовки и т.п.</p>	<p>1. Несоответствие структуры бюджетных мест и реальных потребностей рынка труда.</p> <p>2. Отсутствие системы гарантированного трудоустройства выпускников. «Мы не можем сохранять положение, когда выпускник вуза заведомо не находит работу (а часто не ищет) работы по профилю подготовки и идет работать туда, где ему заново приходится овладевать знаниями и навыками. Причина этого - несоответствие структуры бюджетных мест и реальных потребностей рынка труда...» [5, с. 5]. Абитуриенты видят такое несоответствие, пишет В. Путин, поэтому на избыточные бюджетные места поступают те, кто не собирается работать по специальности – а часто и не имеет для этого специальной подготовки и т.п.</p> <p>3. Отсутствие гибкой системы профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации работающего населения в соответствии с запросами рынка труда.</p> <p>4. Низкое качество образовательных услуг.</p> <p>5. Количественное и качественное состояние трудового потенциала, объемы, структура и качество подготовки кадров неадекватны состоянию экономики страны.</p>
<p>1. Развитие моделей непрерывного профессионального образования.</p> <p>2. Снижение потенциального давления на экономику страны со стороны трудоизбыточной части населения за счет создания условий для непрерывного профессионального образования.</p>	<p>1. Низкий процент участия населения в непрерывном образовании (в возрастной группе 25-64 г. в России в 2008 г. составил 24,8%, тогда как в Великобритании – 37, 6, Германии – 41,9 и Финляндии – 77,3%) [6, с. 8].</p> <p>2. Экономически активное население, которое занято в производственной и непроизводственной сферах и составляет всего 65,6 млн чел. [1, с. 24].</p>
<p>Доля специалистов с высокой квалификацией (руководители, ученые, врачи и др.) составляет 26,6%, средней квалификации (технические специалисты, вспомогательные специалисты интеллектуального труда, рабочие высокой квалификации) 29%, рабочие и обслуживающий персонал низкой квалификации – 44,4% [1, с. 26].</p>	<p>В целом работники средней и низкой квалификации составляют 73,4%, что явно не свидетельствует о прогрессивной квалификационной структуре населения, ...которая сегодня вряд ли привлекательна для молодежи...» [1, с. 26]. В США она равна 43%, в Германии – 56, во Франции – 38%.</p>

Таблица 2

Анализ социальной функции профессионального образования с позиции ее функциональности и дисфункциональности

Проявления функциональности социальной функции	Проявления дисфункциональности социальной функции
<p>1. Стимулирование работы социальных лифтов «равного старта» и продвижения человека на основе его способностей и таланта.</p> <p>2. Формирование в общественном сознании представлений о государственной и социальной значимости карьерной перспективности начального и среднего профессионального образования.</p> <p>3. Повышение престижа профессиональной подготовки и мотивации молодежи к ее получению</p> <p>4. Необходимость приоритетного и опережающего развития систем начального и среднего профессионального образования связана с наличием устойчивого стремления молодежи к обучению в колледжах, техникумах, училищах. Многие молодые люди независимо от уровня материальной обеспеченности в семье считают эти уровни профессионального образова-</p>	<p>1. Многие граждане не могут реализовать свои профессиональные знания, найти такую работу, которая позволяла бы иметь достойную заработную плату и развиваться, строить карьеру... эта проблема значительно обострилась в последние годы, когда большинство молодых работников, входящих на рынок труда, окончили вузы [5, с. 1].</p> <p>2. Наличие высшего профессионального образования не является условием успешного социального продвижения.</p> <p>3. Отсутствие доступа у некоторых слоев населения к получению качественного образования.</p> <p>4. Большая дифференциация доходов, каждый восьмой гражданин России все еще живет за официальной чертой бедности [5, с. 1].</p> <p>5. Приведенная социальная структура российского общества следующая: высший класс – 7%, средний класс – 20, рабочий класс – 73% [1, с. 27].</p> <p>6. «...доля специалистов с высокой квалификацией (руководители, ученые, врачи и др.) составляет 26,6%, пишет Ф.Э. Шереги, средней квалификации (технические специа-</p>

<p>ния привлекательными, позволяющими быстро обрести самостоятельность. Именно поэтому эти уровни образования рассматривают в качестве важных факторов социального развития общества.</p>	<p>листы, вспомогательные специалисты интеллектуального труда, рабочие высокой квалификации) – 29, рабочие и обслуживающий персонал низкой квалификации – 44,4%. В целом работники средней и низкой квалификации составляют 73,4%, что явно не свидетельствует прогрессивной квалификационной структуре населения, ... которая сегодня вряд ли привлекательна для молодежи...» [1, с. 26]. Выпускникам профессионального образования предстоит занять место 73,5% работников большей частью средней и низкой квалификации, а ежегодный выпуск специалистов с высшим профессиональным образованием более 50% приводит к вынужденной смене квалификаций.</p>
<p>Степень профессиональной гибкости, подвижности, мобильности у молодежи формируется в учреждениях профессионального образования, которые призваны формировать специальные востребованные компетенции для занятия профессиями, которых сегодня пока еще нет в наличии [4, с. 65-66].</p>	<p>1. Подготовка молодых людей в образовательных учреждениях системы профессионального образования не носит опережающий, прогрессивный, чем социальная структура общества, в духе вызовов инновационного развития характер.</p> <p>2. Подготовка молодежи в системе профессионального образования ориентирована на воспроизводство иждивенческой социальной структуры. Так, общая социальная структура, определяемая по критерию дохода, дает следующее представление. Экономически активное население: работники сельского, лесного хозяйства и рыболовства – 7,85%; в сфере производства энергии и строительства – 29,4; розничной и оптовой торговли, финансов, общественного питания и гостиниц, транспорта, операций с недвижимостью, коммунальных услуг – 38,8; государственного управления и обеспечения военной безопасности – 7,2; образования и здравоохранения – 16,8%... Эту структуру целесообразно упростить, пишет автор до двух составных частей: те, кто производит прибавочный продукт, - 37,2% и те, кто потребляет прибавочный продукт, - 62,8%. Такая диспропорция, указывает автор, явно носит паразитический характер [1, с. 25].</p>
<p>Восстановление правового и социального статуса начинающего рабочего, специалиста среднего и высшего звена.</p>	<p>Отсутствие подходов в инвестирование вложений в формирование необходимого социального капитала.</p>
<p>1. Обеспечение социального равенства в получении профессионального образования. 2. Возможность для ребят из сельской местности, из отдаленных территорий, из семей с разным уровнем достатка продолжить обучение в лучших региональных и федеральных университетах [5, с. 5]. 3. Нивелировка территориального и социального неравенства, возникающего в результате обучения в средней школе посредством Единого государственного экзамена.</p>	<p>1. Низкое качество образования, школа перестает выполнять функцию социального лифта, начинает воспроизводить и закреплять социальную дифференциацию [5, с. 5]. 2. Усиление социального неравенства. Формирование социальных антагонизмов. «...на престижные специальности в вузах поступают в основном выпускники городских школ – дети образованных и обеспеченных родителей...фактически тем самым профессионального образование становится мощным фактором социального расслоения населения...» [4, с. 64]. 3. Нарушение прав человека в получении добротных знаний за счет большого количества вузов [6, с. 5]. 4. «Урбанистическую структуру населения с позиции потенциала образа и стиля жизни уместно составить из четырех элементов: жители аграрно-провинциальных поселков – 44,5%; жители провинциальных городов – 17,7; жители крупных административно промышленных городов – 27,2; жители столичных городов – 10,6%, тем самым доминирование аграрно-провинциального массового сознания характерно для 62,2%, промышленно-урбанистического – для 27,2, индустриально-столичного для 10,6%. Такая урбанистическая структура не является прогрессивной с позиции современного индустриального общества... предполагающего доминирование рационального массового сознания...» [1, с. 27].</p>

Таким образом, приведенное выше сравнение свидетельствует о подверженности системы профессионального образования процессу дисфункциональных проявлений. Их наличие свидетельствуют о сформированных противоречиях внутри самой системы профессионального образования, а также между ее возможностями и потребностями рынка труда и квалификаций. Областью «дисфункциональных» проявлений выступает структура, содержание и качество предоставляемых образовательных услуг; взаимодействие с партнерами-предприятиями; непрерывность, преемственность уровней профессионального образования; подготовка, переподготовка и повышение квалификации работающего населения в соответствии с запросами рынка труда, а также условия реализации образовательных программ. В таких условиях структура подготовки кадров будет воспроизводить анахроничную социально-профессиональную структуру общества, ведь степень профессиональной гибкости, подвижности, как раз и закладывается, формируется в учреждениях системы профессионального образования [4, с. 65].

Возможным условием устранения «дисфункциональных» проявлений в профессиональном образовании могут выступать процессы трансформаций. В ситуации комплексных изменений российской действительности процессы трансформаций в профессиональном образовании способны преобразовать социальную реальность.

Поясним, что термин трансформация в переводе с лат. *transformatio* интерпретируется как преобразование, превращение, изменение формы или переход через форму. Можно придерживаться мнения В.В. Локосова считающего, что трансформация есть процесс изменения системы, который характеризуется качественными преобразованиями системообразующих элементов, многовекторностью и относительно высоким темпом их реализации, а также повышенным влиянием субъективных факторов [7, с. 147-150]. Следовательно, основой трансформаций выступает процесс пересмотра прежних ценностей с целью определения позиции на будущее в условиях ограниченной рациональности, неопределенности и риска.

Если воспользоваться неопределенностью, в которой оказалась сегодня система профессионального образования, то можно рассмотреть возможности структурных, функциональных и институциональных изменений в ней как трансформационный процесс. Тогда в этом случае, трансформационная активность перемещается от государственных и образовательных институтов к активным субъектам образовательного процесса, как важному ресурсу формирования новой инновационной стратегии развития страны.

Основой механизма трансформации структуры профессионального образования будут выступать процессы приведения ее в соответствие с потребностями граждан и общества в профессиональных кадрах. Основой функциональной трансформации становятся процессы изменения парадигмы содержания и метода обучения в профессиональном образовании – «...получения общенаучного образования, профессиональной подготовки и повышения квалификации в течение всей активной жизни человека...» [6, с. 293]. Функциональная трансформация будет условием становления активного субъекта образовательного процесса, конструирующего содержание профессионального образования сообразно индивидуальным потребностям и ориентациям на требования рынка труда и квалификаций. Основой механизма институциональной трансформации становятся условия повышения самостоятельности и одновременно ответственности субъектов профессионального образования за результаты своей деятельности.

В этом ракурсе можно рассмотреть технологии социально-управленческих преобразований для обозначения проводимых действий в отношении социальных субъектов профессионального образования. Предложенные технологии социально-управленческих преобразований позволяют учитывать в полной мере один очень важный аспект, которому сегодня уделяют недостаточно много внимания, а именно актуализации роли непосредственных участников образовательного процесса, к которым перемещается субъектная активность.

Характеризуются технологии социально-управленческих преобразований как система целенаправленных управленческих воздействий на социальные субъекты профессионального образования (обучающиеся, педагогические работники, руководители, педагогические коллективы) с целью достижения желаемого социального результата и создания условий, определяющие трансформационный характер структурных, функциональных и институциональных изменений.

В качестве содержания используемых технологий выступают специально подобранные методы, приемы, системы последовательных операций, процедур целенаправленного воздействия и осуществления, ранее намеченных планов, программ, проектов и других действий, которые реализуются через элементы управленческого цикла.

В качестве примера можно предложить для обсуждения примерный вариант использования

технологии социально-управленческих преобразований в практике работы, направленной на устранение некоторых областей дисфункциональных проявлений в профессиональном образовании: структуры, содержания и качества предоставляемых услуг; взаимодействия с партнерами-предприятиями; непрерывность, преемственность уровней профессионального образования в виде табл. 3. В ней приведен возможный прогнозируемый социальный результат, полученный в результате использования технологии.

Таблица 3

**Примерный вариант
технологий социально-управленческих преобразований**

Область проявления дисфункциональности профессионального образования	Возможные варианты преобразований для устранения дисфункциональных проявлений	Возможные варианты технологий социально-управленческих преобразований	Прогнозируемый социальный результат
Структура, содержание и качество предоставляемых образовательных услуг.	<ol style="list-style-type: none"> 1. Внедрение методов комплексного планирования объемов и структуры подготовки кадров. 2. Введение в практику работы системного анализа изучения сбалансированности спроса и предложения на рынке труда и квалификаций, прогноза кадровой потребности. 3. Формирование структуры предоставляемых образовательных услуг, ориентированной на подготовку специалистов и рабочих кадров в соответствии с потребностями рынка труда и квалификаций. 3. Финансирование профессионального образования за счет региональных бюджетов в форме государственного заказа на подготовку кадров (для специалистов среднего звена, рабочих кадров) с учетом актуальных потребностей граждан. 4. Совершенствование содержания стандартов профессионального образования. Регулярное обновление требований к условиям и структуре образовательных программ. 3. Устранение коммерциализации профессионального образования. 4. Введение независимой государственно-общественной системы управления качеством профессионального образования и т.п. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Формирование кадрового потенциала (профессиональный отбор и перераспределение), способного обеспечить развитие у обучающихся компетенций к инновационной деятельности. 2. Создание условий для освоения педагогическими работниками методов и технологий обучения (преподавания), ориентированных на формирование и развитие навыков и компетенций, необходимых для инновационной деятельности. 2. Освоение педагогическими работниками организационно-методического инструментария мониторинга различных составляющих компетенций. 3. Создание условий для консультационно-методического сопровождения профессиональной деятельности педагогических работников. 4. Создание системы мотивации к освоению и продвижению инновационных образовательных технологий 4. Разработка механизмов регулярной ротации руководящего состава и т.п. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Сформированные навыки и компетенции к инновационной деятельности. 2. Востребованные инновационной экономикой и социальной сферой квалификации. 3. Сформированная способность управления индивидуальным компетентностным развитием. 4. Обеспеченная доступность выбора расширенного перечня образовательных программ. 5. Информированность о структуре, содержанию и качестве предоставляемых образовательных услуг. 6. Полученная информация о востребованности и успешности полученных квалификаций. 6. Обеспеченная возможность повышения квалификации и стажировок и т.п.
Взаимодействие с партнерами-предприятиями.	<ol style="list-style-type: none"> 1. Переориентация образовательных организаций на нужды перспективных производств. 2. Повышение требований к квалификационному содержанию профессий и специальностей. 3. Развитие механизмов поддержки кооперации образовательных организаций с компаниями инновационного сектора. 4. Создание на базе партнеров- 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Внедрение диалоговой формы сотрудничества с работодателями. 2. Совместное проектирование требований к качеству подготовки специалистов и рабочих кадров. 2. Использование механизмов оценки деятельности педагогического коллектива с привлечением предприятий соответствующих секто- 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Освоение актуальных производственных технологий непосредственно на рабочем месте в процессе практического обучения. 2. Возможность личного участия в планировании производственной карьеры. 3. Гарантированное трудоустройство после

	<p>предприятий учебных и научных подразделений.</p> <p>5. Внедрение моделей и механизмов разработки и экспертизы образовательных программ всех видов и типов с прямым участием работодателей.</p> <p>6. Формирование независимой системы оценки качества профессионального образования, включая оценку и сертификацию выпускников совместно с партнерами-предприятиями и т.п.</p>	<p>ров экономики и социальной сферы.</p> <p>3. Привлечение работников производства к деятельности в образовательных организациях и т.п.</p>	<p>получения профессии, специальности и т.п.</p>
<p>Непрерывность, преемственность уровней профессионального образования.</p>	<p>1. Формирование целостной системы непрерывного образования, отвечающее требованиям, предъявляемым инновационной экономикой.</p> <p>2. Развитие сетевых форм реализации образовательных программ и т.п.</p> <p>3. Реструктуризация сети образовательных организаций для реализации содержательной и структурной интеграции различных уровней профессионального образования и т.п.</p>	<p>1. Обеспечение перехода педагогических работников к использованию современных методов и технологий обучения.</p> <p>2. Создание организационно-педагогических условий для реализации содержательной интеграции в рамках одного образовательного пространства.</p> <p>3. Создание организационно-управленческих условий для реализации структурной интеграции в рамках одного образовательного пространства.</p> <p>4. Создание благоприятных социально-психологических условий для реализации творческого потенциала педагогических работников т.п.</p>	<p>1. Обеспеченный доступ к получению непрерывного профессионального образования.</p> <p>2. Возможность применения индивидуальных образовательных траекторий в зависимости от личных потребностей и предпочтений.</p> <p>3. Приобретение сквозных компетенций в рамках одного образовательного пространства.</p> <p>4. Обеспеченная возможность продвижения на основе способностей и таланта.</p> <p>5. Возможность сочетания различных форм получения образования и форм обучения и т.п.</p>

Таким образом, современный этап преобразований в системе профессионального образования адекватен современным условиям трансформируемой экономики России. Возможность технологии социально-управленческих преобразований как одного из способов преобразований позволяет в отношении социальных субъектов профессионального образования сформировать условия для их развития, что в итоге позволит изменить дисфункциональные проявления в профессиональном образовании.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Шереги Ф.Э.* Дисфункциональность российского профессионального образования // Труд и социальные отношения. 2009. № 12.
2. *Горшков М.К.* Социальные факторы модернизации российского общества с позиций социологической науки // Социологические исследования. 2010. № 12.
3. *Зборовский Г.Е.* Модернизация образования сквозь призму социальной политики // Журнал исследований социальной политики. 2010. № 1. Т. 8.
4. *Шафранов-Куцев Г.Ф.* Модернизация российского профессионального образования: проблемы и перспективы: монография. Тюмень, 2011.
5. *Путин В.В.* Строительство справедливости. Социальная политика для России // Российская газета. 2012. URL: <http://www.rg.ru/printable/2012/02/13/putin-statya.html> (дата обращения 15.05.2012).
6. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р. URL: <http://правительство.рф/gov/results/17449/> (дата обращения 10.01.2012).
7. *Локосов В.В.* Трансформация социальных систем (опыт реформ в современной России): автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Челябинск, 2002.

УДК 378: 34

Нелунова Елена Денисовна

доктор педагогических наук, профессор кафедры преподавания иностранных языков Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова
nelunovaed@mail.ru

МУЛЬТИМЕДИЙНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ПОСТРОЕНИЯ ОТКРЫТОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

В статье рассматривается возможность построения образовательной среды в обучении иностранному языку с использованием интерактивных технологий. Содержательным компонентом выступают образовательные веб-сайты, мультимедийные обучающие программы, подкасты и другие интернет-ресурсы, которые обеспечивают открытость среды. При этом мультимедиа как педагогическая технология лежит в основе обучения иностранным языкам.

Ключевые слова: мультимедийное обучение, многоязычие, поликультурная среда, подкасты, языковая личность, лингво-ориентирующая функция.

Nelunova Elena Denisovna

Doctor of Pedagogy, Professor of the Department of Foreign Languages Teaching of the Institute of Foreign Philology and Regional Studies of North-Eastern Federal University named after M.K Ammosov
nelunovaed@mail.ru

MULTIMEDIA TRAINING AS A MEANS OF OPEN LEARNING ENVIRONMENT CREATION

The article considers multimedia as an opportunity for building up an open learning environment for teaching foreign languages with the use of interactive technologies. The content component of education is presented by means of web-sites, multimedia educational programs, podcasts and other Internet-resources, which guarantee the openness of the environment. In this case multimedia as an educational technology is the basis for teaching foreign languages.

Key words: multimedia education, multilingualism, multicultural environment, podcasts, language personality, linguo-orientation function.

Модернизация системы высшего образования в России связана с интеграцией и глобализацией развития общества и образования, в рамках которого планируется создание единого образовательного пространства, предполагающее конструирование многовариантных и многообразных моделей высшего образования, возникновение новых образовательных сред, предоставляющих обучающимся возможность быть субъектами собственного развития.

Стратегической миссией созданного на базе Якутского государственного университета имени М.К. Аммосова Северо-Восточного федерального университета (СВФУ) является возвращение конкурентоспособной саморазвивающейся личности, умеющей самостоятельно добывать знания и ориентироваться в информационном пространстве (национальный проект «Образование»).

В этом контексте приоритетным становится создание среды образования, которая не только предоставила бы условия для развития, но и обеспечила бы поддержку прогрессивных изменений в образовании конкретных субъектов – преподавателей и учителей, обучающихся. В этой связи целесообразно представить некоторые существенные характеристики открытой образовательной среды.

Как отмечает В.А. Козырев, важнейшей характеристикой среды, которая, в первую очередь, относится к концентрируемому в ней содержанию образования, является интегративность. Именно это свойство должно стать определяющим в построении образовательного процесса и характеризовать образовательную среду. Следующий исследователь А.Х. Ардеев предполагает образование человека как случайный процесс, находящийся под влиянием двух основных факторов: индивидуальности (определенной природными задатками и последовательно формирующимися новообразованиями) и образовательной среды. Он уверяет, что результаты образования нельзя гарантировать, можно лишь повышать вероятность их достижения за счет облагораживания образовательной среды. А.В. Хуторской представляет под «образовательной средой» естественное или искусственно создаваемое социокультурное окружение ученика, включающее различные виды средств и содержания образования, способные обеспечивать продуктивную деятельность ученика. По мнению А.В. Хуторского, формирование образовательной среды в условиях двуязычия (многоязычия) носит развивающий характер и требует постоянного анализа процессов, протекающих внутри этой среды. Такая среда является поликультурной, ибо она ею наполнена посредством «вездесущих языков» разных народов [2; 5; 8].

Отмечается, что образовательная среда информационно насыщена, независимо от того, как она сформирована – естественно или искусственно. Образовательная среда в условиях многоязычия всегда является поликультурной. Эта среда изменяема благодаря своей информативности. По О.А. Ключиной, поликультурная образовательная среда характеризуется интеграцией языков.

Их мнения не расходятся, когда исследователи говорят о том, что при построении образовательной среды необходимо придерживаться следующих принципов:

- принцип полноты: содержание образования должно составлять полную систему, позволяющую выпускнику начать самостоятельную достойную и уверенную жизнь в соответствии с устройством современного ему мира и нормами жизни общества;

- принцип минимума: ядро содержания образования составляют необходимые элементы культуры;

- принцип деятельности: содержание образования формируется на основе анализа ведущих видов и способов человеческой деятельности.

В педагогическом образовании главное место имеет язык как средство общения и механизм рефлексии. При этом внутренняя речь активизирует силовые движения к саморефлексии, которая является мостом по пути саморазвития языковой личности. Подмечено, что образовательная среда имеет не только интегративную, расширительную и функцию фундаментализации, но и лингвоориентирующую как ее стратегическое направление развития [4; 6].

В этой связи язык как фактор развития представляется основополагающим средством образовательной среды. Указанными исследователями признано, что образовательная среда всегда была открыта благодаря лингво-ориентирующей функции. Вместе с тем, образовательная среда, качество содержания которой во многом зависит от темпа развития информационных и коммуникационных технологий (ИКТ), является открытой не столько благодаря данной функции, сколько применению ИКТ.

Важным для мультимедийного обучения является создание учебной среды на базе ИКТ. Средством построения такой среды представляется инновационное мультимедийное обучение, решающее задачи, связанные с изучением системы отношений, возникающих в инновационной образовательной деятельности по отношению к личностному становлению и развитию ученика и учителя [7].

По определению К. Халм-Караденица, под мультимедийным обучением подразумевается одна из приоритетных современных форм образования, предполагающая применение информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) и мультимедиа с целью достижения саморазвития личности в процессе самостоятельной работы обучающихся на базе мультимедиа-средств, повышения качества обучения и улучшения управления учебным процессом. Вместе с тем, мультимедийное обучение выступает содержательным элементом образовательной среды в педагогической системе открытого образования [9].

Под мультимедийной образовательной средой (МОС) мы понимаем учебно-информационную среду, где осуществляется взаимодействие субъектов (студентов и учащихся, педагогов) с внешним миром через открытые интеллектуальные системы (всемирная сеть Интернет, учебно-информационные среды – обучающие системы для создания Интернет-проектов, дистанционные образовательные курсы и т.д.), которые во многом основываются на технологии мультимедиа.

В нашем исследовании мультимедийное обучение рассматривается как возможность, предоставляемая человеку пользоваться интеллектуальным результатом техно-социокультурного развития общества, и не только. В понятие «мультимедийное обучение» мы вкладываем и смысл «открытого» на основании того, что «мультимедиа» как технология лежит в основе открытого образования.

Во-первых, мультимедийные обучающие программы личностно-ориентированы, интегративны, более того, они могут обогатить коммуникативный характер обучения языкам через связанные между собой диалоги на основе принципа ситуативности. Они могут неплохо справляться с ролью средства развивающего обучения, так как интенсификация перефразирования и развитие способности комбинировать речевые единицы в условиях применения компьютерной технологии достигается через построение правильной фразы из множества данных на мониторе.

Во-вторых, тщательно подобранное содержание учебного материала, используемых аутентичных текстов, представленных в информационной среде, придают мультимедийному обучению этнопедагогический, духовно-нравственный контекст.

В-третьих, виды и формы представления информации раскрывают богатый спектр технологии и реализуют принцип «незамкнутости» открытых самоорганизующихся систем.

В-четвертых, мультимедийное обучение как новшество является инновационным. Инновационное обучение стимулирует изменения в существующей культуре и социальной среде, в целом, образовании. «Вочеловеченность» и «незамкнутость» как сущностная характеристика открытого образования определяют содержание мультимедиа технологии адаптивной для удовлетворения человеческих потребностей и отвечающей требованиям жизнедеятельности, в том числе и образовательной [1].

Остановимся на учебно-методическом обеспечении мультимедийной образовательной среды. Как сказано выше, образовательная среда создается естественно или искусственно (мы соли-

дарны с А.В. Хуторским) в условиях открытости образования. В нашем случае – это мультимедийная образовательная среда, построенная посредством мультимедийного обучения, содержание которого обеспечивается, отчасти, интернет-ресурсами (подкастами, образовательными сайтами и т.д.). Иначе говоря, средства ИКТ дают возможность каждому преподавателю (учителю) построить свою образовательную среду.

Достоверность высказанных положений доказывается на практических занятиях в образовательных учреждениях Республики Саха (Якутия). Ниже представляем один из примеров использования интернет-ресурсов в обучении английскому языку в средней общеобразовательной школе № 5 г. Якутска. Учителем английского языка работает Егорова Александра Васильевна, отличник образования РС(Я), куратор педагогической практики студентов Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета.

В Интернете существует множество образовательных веб-сайтов, каждый из которых по своему интересен, полезен для обучения и оригинален. Мы остановили свой выбор на сайте, который находится по адресу: www.LinguaLeo.ru. От тысяч подобных сайтов LinguaLeo отличается не совсем обычным подходом к мотивации пользователей. Сайт делится на четыре тесно взаимодействующих раздела. Первый называется «Джунгли» и представляет собой коллекцию медиаконтента на английском языке. Здесь находятся видео, песни, аудиокниги и просто тексты, которые удобно и приятно изучать. Все незнакомые слова из того или иного материала будут переведены, помечены и включены в состав тренировок.

Следующий раздел – личный словарь обучаемого, где можно отслеживать, какие слова помечены как новые. Их закрепление осуществляется в «Тренировках», где материал приводится в контексте. Всю статистику – новые слова, успехи в их изучении, времени, проведенного на сервисе и другие параметры можно найти в персональном «Журнале развития».

На сайте подбирается программа, которая соответствует уровню и интересам учащегося. Программы включают в себя не только разговорный материал, но и упражнения на расширение словарного запаса, а также упражнения по грамматике. Некоторые программы перекликаются с материалом тех учебников, которые используются на уроках, другие являются самостоятельным лингвистическим пособием.

С учетом возникающих технических трудностей использования веб-сайтов на уроках, предлагаем применять некоторые элементы сайта. Для успешности подготовки к урокам с применением данного веб-сайта нами разработана технологическая карта урока, которую приводим в качестве примера. Составленная нами технологическая карта способствовала ускорению процесса подготовки к урокам и помогала вносить коррективы в организацию уроков английского языка. Карта, приведенная в табл. 1 универсальна для применения, так как ее можно использовать на всех ступенях обучения иностранному языку.

Подача материала осуществляется через видео и аудиофайлы с текстом.

Использование компьютера помогает охватить все названные аспекты. Это можно увидеть на примерах следующих компьютерных упражнений:

1. Упражнения на отработку формы слова.

Звуковая форма. Экран дисплея разделен на 3 столбика, в которых написаны звуки /i:/, /a:/, /il/; справа даются слова, в которых есть один из этих звуков: rich, field, classroom, green, finish, dark, tree, dinner, eagle, heart. Учащимся предлагается распределить эти слова по столбикам.

2. Графические упражнения. На экране дан набор букв, например, i, l, k, e. Учащимся предлагается составить из данных букв английское слово.

3. Грамматические упражнения. Перед учащимися группа слов английского языка. Перемещая слова из рамки в соответствующий столбик, учащиеся должны сгруппировать эти слова в три столбика по их принадлежности к разным частям речи, например: существительные – letter, bird, blackboard; прилагательные – blue, hungry, big, beautiful; глаголы – give, take, know

4. Упражнения для отработки значения слова: распределение слов по тематическим группам в зависимости от их значения (vegetables: tomato, potato, cabbage, carrot; fruits: orange, lemon, apple; animals: fox, dog, elephant, tiger, cat, mouse).

5. Упражнения на тренировку в употреблении слов, например, предложив учащимся составить предложение из данных слов: is, a, big, there, window, bedroom, in, my – There is a big window in my bedroom.

Возможность перемещать слова с дисплея компьютера в рабочую тетрадь способствует их запоминанию, формированию произвольного внимания учащихся, повышению устойчивости их внимания, управляемости восприятия. В условиях использования интернет-ресурса ученик гораз-

до быстрее усваивает материал, если он связан непосредственно с действием, которое он видит или выполняет сам.

Таблица

Технологическая карта урока с использованием образовательного веб-сайта LinguaLeo.ru в 11 классе

№	Названия этапов урока	Языковой и речевой материал урока	Оборудование	Формы взаимодействия и приемы обучения
1.	Орг. момент	I'm on duty today Is/are present/ absent The weather is...		Ответы на вопросы учителя
2.	Фонетическая зарядка	Звуки из предыдущего урока и вновь вводимые	Компьютер с колонками	Хоровая, индивидуальная и фронтальная формы работы
3.	Речевая зарядка	Закрепление речевых образцов, фраз предыдущего урока	Компьютер с колонками	Работа в диадах, триадах, кольцевая цепочка по рядам или группам
4.	Введение новой лексики	Объяснение, показ новых слов и выражений по теме урока	Компьютер с колонками или видеопроектор	Учитель – класс Ученик – компьютер.
5.	Активизация лексики	Упражнения по закреплению лексики	Компьютер с колонками	Ученик-компьютер, ученик-ученик.
6.	Этап повышения коммуникативной активности	Прослушивание подкастов, чтение статей, инициация дискуссий.		Хоровая, индивидуальная и фронтальная формы работы Работа в диадах, триадах, кольцевая цепочка по рядам или группам
7.	Распределение домашнего задания		Компьютер	Индивидуальная работа
8.	Подведение итогов урока	Создание учителем психологической комфортности для последующей работы		

На этапе тренировки и применения лексики для продуктивной деятельности определяющими будут операции по соединению слов исходя из их употребления. С целью формирования продуктивных лексических навыков компьютер создает возможности для тренировки операции сочетания лексических единиц. Примером упражнения для отработки этой операции может служить следующее задание: скажи, какими могут быть перечисленные предметы (envelope, stamp, paper, letter). Ученик должен правильно составить словосочетания из предложенных ему прилагательных (thick, thin, big, small, new, old) и названных существительных, перемещая слова из соответствующих столбиков на строчки снизу. При этом количество незаполненных строчек подсказывает ученику, что есть другие возможные словосочетания, которые он еще не составил. Учащийся, который составил больше словосочетаний, получает большее число баллов. Поскольку все ученики работают одновременно, компьютер сразу же сообщает имя победителя и заносит результаты каждого ученика в журнал успеваемости.

Таким образом, использование образовательных веб-сайтов в обучении иностранному языку всегда сопровождается учетом ведущей деятельности возраста и жизненного опыта учащихся. У каждого преподавателя есть возможность построить свою траекторию образовательной среды. Это может быть мультимедийная образовательная среда, состоящая из веб-сайтов и подкастов Интернета. Такой подход к обучению является открытым, инновационным, в основе которого лежит мультимедиа технология. Мультимедийное обучение не только содержательно обогащает учебный материал, делает его интерактивным, интересным, открытым благодаря Интернет-ресурсам, но и представляет обучение как инновационную педагогическую деятельность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Абрамов А.А.* К программе обновления содержания общего среднего образования. URL: <http://www.informika.ru> (дата обращения 23.10.2012).
2. *Ардеев А.Х.* Теория и методика профессионального образования: дис. ... канд. педагог. наук. Ставрополь, 2004.
3. *Аршинов В.И., Буданов В.Г.* Синергетика наблюдения как познавательный процесс // *Философия, наука, цивилизация: к 65-летию В. С. Степина*. М., 1999.
4. *Городецкий Б.Ю., Кобзева И.М., Сабурова И.Г.* Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения // *Новое в зарубежной лингвистике: сб.* М., 1989.
5. *Козырев В.А.* Построение модели гуманитарной образовательной среды. URL: <http://www.informika.ru> (дата обращения 23.10.2012).
6. *Клюгина О.А.* Поликультурная среда образования школы как ресурс развития ценностно-смысловой компетентности учащихся. URL: <http://www.informika.ru> (дата обращения 23.10.2012).
7. *Крестинский И.С.* Формирование интегративного подхода к обучению иностранным языкам в западноевропейской педагогике второй половины XX века: дис. ... канд. педагог. наук. М., 2007 г.
8. *Хуторской А.В.* Педагогическая инноватика: методология, теория, практика. М., 2008.
9. *Halm-Karadeniz Katja.* Das Internet: Ideales Medium fuer DaF und Landeskunde. In: *Info DaF* 28, 4 (2001).

УДК 378-057.87:7.017.4

Фатима Мустафа Обари

преподаватель факультета архитектуры и дизайна
Кубанского Государственного университета
тел.: (861) 299-04-15

Fatima Mustafa Obari

Lecturer of the Faculty of Architecture
and Design of Kuban State University
tel.: (861) 299-04-15

**ОСОБЕННОСТИ КОЛОРИСТИЧЕСКОГО
ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ
СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

**PECULIARITIES OF COLOUR INFLUENCE
IN THE PROCESS OF TEACHING STUDENTS
IN THE CONTEXT OF HIGHER
PROFESSIONAL EDUCATION**

В статье рассматриваются основные понятия формирования и развития чувства цвета в системе высшего профессионального образования.

The article considers the main concepts of formation and development of the sense of colour in the system of higher professional education.

Ключевые слова: колористическое восприятие, художественные способности, эстетическое воспитание.

Key words: colour perception, artistic abilities, aesthetic education.

Развитие науки о цвете в истории и теории искусства приводит к более глубокому и всестороннему анализу понятия «колорит».

Термин «колорит» вошел в художественный лексикон не ранее XVIII в. Он происходит от латинского слова «color», означающее в переводе «цвет», «краска». Это слово было заимствовано впоследствии многими европейскими языками. В XVIII в. оно появилось в русском лексиконе и употреблялось, как правило, в качестве синонима слову «цвет» [1, с. 126].

Цвет в истории всех культур всегда использовался как средство эмоционального воздействия, что способствовало формированию определенных цветовых символов в разных культурах.

Язык цвета неоднозначен, и вместе с тем в сознании большинства людей прочно живут стереотипы его восприятия. И вероятно, первый из них заключается в том, что определенные цвета вызывают у разных людей одни и те же эмоции, чувства, ассоциации. Если бы представления о чувствах, пробуждаемые разными цветами, у людей не были бы унифицированы, то художник с его индивидуальным подходом к выражению через цвет своих замыслов был бы просто недоступен и непонятен другим [2, с. 101].

Поэтому развитие чувства цвета, цветовой культуры специалистов по цвету представляется не менее важной задачей, чем развитие их проектных умений. В этом смысле обучение цвету в вузе уже не может быть сведено только к художественной технике владения цветом и изучением его характеристик. Цель любого профессионального обучения заключается в том, чтобы студент приобрел способность к самостоятельной деятельности и саморазвитию, поэтому требуется поиск новых путей обучения цвету, в условиях новых современных исследований педагогов и психологов.

Художественное воспитание – неотъемлемая часть эстетического воспитания личности. Его целью является развитие художественной культуры личности, что может рассматриваться как часть ее общей эстетической культуры. Основные задачи художественного воспитания состоят в следующем:

- формирование художественных интересов и потребностей;
- развитие художественных вкусов и идеалов.

Становление художественного опыта личности (создание и восприятие произведений искусства) и наконец, воспитание и совершенствование художественных способностей [2, с. 98].

Между тем формирование художественных способностей невозможно без развития восприятия, одной из основных форм которого является колористическое восприятие. Оно же является и основой художественного творчества.

Восприятие цвета – сложный процесс, обусловленный физическими и психологическими стимулами. С одной стороны, известно, что ощущение цвета вызывается волнами определенной длины, существующими объективно и независимо от нас; с другой стороны – восприятие цвета невозможно без посредничества глаза. Это создает впечатление, будто цвет существует лишь в восприятии [1, с. 65].

Понятие цвет неразрывно связано с деятельностью воображения дизайнера, поскольку невозможно создавать объекты и образы, лишённые цвета. Следовательно, цвет в профессиональном образовании, это не только ощущение или средство деятельности в обучении. Прежде всего в

процессе обучения студент приобретает способность к восприятию и отражению цвета, в силу наличия у нас чувства цвета.

Развитие понимания искусства, художественных способностей и вкуса – важнейшие составные части эстетического воспитания. Но к ним не сводится его сущность. Самое главное в эстетическом воспитании – формирование посредством искусства всей совокупности творческих способностей и сил человека, всестороннее развитие его психики и его личности. Именно искусство обладает таким воздействием на человека, что формирует и развивает его всесторонне, влияет на его духовный мир в целом. [3, с. 18]

Таким образом, уровень владения цветом определяется на основе точности образного выражения профессиональных понятий в рамках учебной дисциплины – умение свободно владеть цветом в рамках различных учебных дисциплин, при выполнении проектных заданий.

Умение работать с цветом имеет огромное значение в профессии дизайнера. Когда это умение сформировано, о нем говорят, что у него хорошее чувство цвета, цветовая культура, вкус.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Зайцев А.С.* Наука о цвете и живопись. М., 1986.
2. *Савенков А.И.* Педагогическая психология: учебник для высш. учеб. заведений. В 2 т. М., 2009. Т. 2.
3. *Ванслов В.В.* Всестороннее развитие личности и виды искусства. М., 1966.

УДК 37.032.2

Рубан Алексей Васильевич

Соискатель Филиала Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани
mal7439@yandex.ru

Ruban Alexey Vasilyevich

Postgraduate Student of the affiliated branch of Kuban State University in the city of Slavyansk-on-Kuban
mal7439@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ У КУРСАНТОВ ВОЕННЫХ ВУЗОВ

Проведен анализ структуры ценностей курсантов военного вуза. Дано обоснование необходимости формирования ценностных ориентаций будущих офицеров на этапе обучения в вузе. Рассмотрены мероприятия, способствующие повышению эффективности формирования у курсантов ценностных ориентаций в процессе их обучения и воспитания в военном вузе.

Ключевые слова: ценностные ориентации, курсанты, военный вуз, система мероприятий по организационно-педагогическому обеспечению оптимизации процесса воспитания и развития ценностных ориентаций.

VALUE ORIENTATIONS FORMATION OF STUDENTS OF MILITARY HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

The analysis of the value structure of students of a military higher education institution has been carried out. The substantiation of the necessity of value orientations formation of future officers at the level of studying at a higher education institution has been presented. The activities promoting the increase of the efficiency of value orientations formation of military students in the course of their education in a military higher education institution have been considered.

Key words: value orientations, military students, military higher education institution, system of activities for organizational and educational provision of optimization of the process of education and development of value orientations.

Современный этап военного строительства в России детерминирован принципиально новыми процессами, происходящими в экономической, политической, социальной, духовной и идеологической сферах общественной жизни. Наряду с выработкой военной политики, ориентацией на качественные параметры материально-технического оснащения войск, их комплектованием, в Вооруженных Силах особое значение приобретают проблемы, связанные с формированием и развитием ценностных ориентаций военнослужащих. Высокие требования предъявляются к эффективности образовательного процесса в высших военно-учебных заведениях.

Российское общество переживает сложные социально-психологические процессы, когда в нем в целом не выработана единая государственная идеология и не определены приоритеты развития, а ценностные ориентации большинства граждан размыты. В общественном сознании людей, прежде всего, молодежи, усиливаются проявления духовной и нравственной опустошенности. Все это негативно влияет на процесс формирования мировоззрения курсантов, становление и развитие личности защитника Отечества. Для многих молодых людей, поступающих в военные вузы, характерен нарастающий прагматизм, не подкрепленный чувством патриотизма. Специфика военно-профессиональных мотивов курсантов военных вузов на современном этапе развития российского общества связана с ухудшением отношения молодежи к военной службе, что сделало ее менее престижной и существенно затруднило процесс комплектования силовых структур Российской Федерации офицерским составом [1, с. 2].

Изучение сложившейся системы подготовки курсантов показывает, что она не в полной мере отвечает социальному заказу формирования личности будущих офицеров.

В результате проведенного в военном вузе изучения структуры ценностных ориентаций и учебной мотивации курсантов первого курса обучения, было выявлено, что у 91% респондентов в иерархической структуре ценностей доминируют ценности, которые являются «базисными» (первичными, низшими) и характеризуют направленность личности на защиту собственной физической жизни, материальное благополучие, а также обеспечение взаимодействия с внешней средой.

У 4% обучаемых наблюдается выраженность ценностей, которые отражают значимость для личности свободы от ограничений, желание не придерживаться установленных норм и правил, стремление к самоутверждению за счет независимости от регламентирующих обстоятельств.

И только у 5% испытуемых первое место в иерархической структуре ценностей занимают ценности, которые характеризуют направленность личности на профессиональное совершенствование и творческое саморазвитие. Для данной группы курсантов характерно стремление к творческой деятельности, расширению своего образования, кругозора и интеллектуального развития.

Такое соотношение противоречит целям и ценностям, присущим силовым структурам. Таким образом, в настоящее время назрела потребность поиска новых подходов и способов формирования в сознании курсантов адекватной предназначению военнослужащего системы расстановки приоритетов и профессионально-важных ценностных ориентаций, в том числе, с точки зрения более полного использования потенциала воспитательной работы.

Процесс формирования и развития ценностных ориентаций курсантов является очень многоплановым. Поэтому важным требованием, предъявляемым к данному процессу, является целостность, т.е. наличие устойчивых взаимосвязей между его элементами, а также специализированных качеств, присущих педагогическому процессу в целом. Для придания целостного характера процессу профессиональной подготовки следует, прежде всего, упорядочить его структуру, т.е. совокупность комплекса присущих ему элементов и взаимосвязей между ними [2].

Разработанная структурно-содержательная модель представляет собой совокупность следующих компонентов: целей, задач, содержания, деятельности и результатов процесса формирования ценностных ориентаций, а также форм и методов его организации. Выделение данных структурных компонентов достаточно условно, так как четко выраженных границ между звеньями данного процесса практически не существует. На практике все они взаимосвязаны и взаимодействуют одно с другим, хотя специфика каждого из них проявляется в процессе профессиональной подготовки курсантов.

Кроме того, нами была разработана система мероприятий по организационно-педагогическому обеспечению оптимизации процесса воспитания и развития ценностных ориентаций у курсантов.

Данная система включает комплекс мер, направленных на решение единой проблемы, отличающейся особой сложностью и требующей объединения усилий исполнителей. Ее основным назначением и достоинством является упорядочение действий всех субъектов образовательного процесса с ориентацией на конечный результат.

В качестве основных мероприятий, способствующих повышению эффективности формирования у курсантов ценностных ориентаций в процессе их обучения и воспитания в военном вузе, мы выделяем следующие:

- внедрение в деятельность военного вуза системы психолого-педагогического сопровождения;
- включение курсантов в активную социально-значимую деятельность в качестве субъектов образовательного процесса;
- построение профессиональной психолого-педагогической подготовки преподавателей института как непрерывно развивающейся системы, в соответствии с особенностями педагогического процесса в высшей военной школе;
- повышение уровня профессионально-педагогической культуры командного состава военного вуза, развитие качеств, необходимых для обеспечения эффективности учебно-воспитательного процесса;
- организация деятельности нештатных офицеров-кураторов;
- создание и поддержание особой духовно-нравственной атмосферы, формирование положительных традиций;
- организация и проведение мероприятий по военно-профессиональной ориентации кандидатов на обучение в военном вузе по соответствующим специальностям;
- внедрение методики рейтинговой оценки курсантов, совершенствование системы распределения выпускников с учетом их подготовленности, структуры и направленности мотивации, целей на предстоящую службу и др.;
- организация диагностики и мониторинга процесса формирования учебной и военно-профессиональной мотивации курсантов и целенаправленное управление данным процессом.

Внедрение в деятельность военных вузов данной системы мероприятий позволяет повысить эффективность процесса формирования ценностных ориентаций у курсантов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Улыбин С.В. Динамика развития военно-профессиональной мотивации у курсантов военных институтов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2010.
2. Веретин С.В., Тымчук О.Н. Формирование профессиональной культуры у курсантов высших военно-учебных заведений. Ульяновск, 2010.

УДК 372.854

Турчен Дмитрий Николаевич

кандидат химических наук, докторант кафедры
химического и экологического образования Российского
государственного педагогического университета
им. А.И. Герцена
тел.: (908) 135-55-06

НОВАЯ МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ РЕШЕНИЮ РАСЧЕТНЫХ ЗАДАЧ ПО ХИМИИ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Решение задач в средней школе – один из основных способов формирования универсальных учебных действий. В статье предлагается новая методика обучения решению задач. Для этого проведена классификация школьных расчетных задач с точки зрения логических алгоритмов решения. Выделены три основных логических алгоритма: последовательно-разветвленный, встречный, альтернативный.

Ключевые слова: задача, алгоритм, обучение, школа, универсальные учебные действия.

Turchen Dmitry Nikolaevich

PhD in Chemistry, Doctoral Candidate
of the Department of Chemical and
Ecological Education of Herzen
State Pedagogical University of Russia,
tel.: (908) 135-55-06

NEW TRAINING TECHNIQUES FOR SOLUTION OF RATING CHEMISTRY TASKS IN SECONDARY SCHOOL

The solution of tasks in secondary schools is one of the main ways of formation of universal educational actions. The article suggests a new training technique for teaching the task solution. For that purpose the classification of school rating tasks is undertaken from the viewpoint of the logical algorithms solutions. Three main algorithms are emphasized. They are consecutive-ramified, oncoming and alternative.

Key words: task, algorithm, teaching, school, universal educational activities.

Одним из основных критериев компетентности современного специалиста является умение найти, верифицировать информацию и использовать ее для решения конкретных практических задач. Начальные умения и навыки в решении реальных практических задач приобретаются посредством решения учебных задач в процессе обучения. Именно учебная задача, как модель реальной проблемной ситуации, делает фактические знания востребованными, развивает мышление, формирует универсальные учебные действия, межпредметные и метапредметные связи. Но в последнее время, особенно в школьном естественнонаучном образовании наметилась тенденция исключения из процесса обучения расчетных задач. В российском образовательном процессе происходит увеличение количества фактических знаний, которые плохо усваиваются и без использования очень быстро теряются. Такая негативная тенденция проявляется и в содержательной части вопросов ЕГЭ. Так среди 43 заданий каждого варианта по химии лишь 5 расчетных задач. Причем оцениваются они обычно ниже, чем другие вопросы того же уровня сложности. Такая структура содержательной части также заставляет учащихся направлять свои усилия на усвоение фактических знаний.

В последнее время наметилась тенденция к изменению сложившейся ситуации. В конце 2010 г. был принят новый ФГОС, в основе которого лежит системно-деятельностный подход, предполагающий формирование универсальных учебных действий. Одним из основных инструментов такого формирования являются учебные задачи, которые, в свою очередь, представляют собой прообраз реальных жизненных задач. Системность подхода предполагает как систематизацию самой деятельности, так и подробную систематизацию изучаемого материала. В основе же любой систематизации лежит классификация объектов. Таким образом, классификация учебных задач играет очень важную роль в формировании универсальных учебных действий учащихся. Большинство учебных задач встречается на предметах естественно-научного направления, одним из которых является химия.

Существует значительное количество классификаций задач по различным критериям. Каждая из этих классификаций вносит структурную ясность в безбрежное море разнообразных задач и помогает в обучении их решения и, в некоторых случаях, при самом решении. Существует несколько вариантов классификации школьных химических задач [1, с. 7]. Но знакомство школьников с данными видами классификаций мало помогает в деле решения самих задач. Это происходит потому, что в основу известных классификаций положены критерии, не связанные с решениями. Наибольшего эффекта в процессе обучения решению задач можно ожидать при использовании классификации, базирующейся не на условиях, а на ходе их решения. Одним из таких критериев можно выбрать направление осуществления действий при решении. По этому признаку удалось разделить все школьные химические задачи на три типа:

- 1) задачи, решаемые по **последовательно-разветвленному** алгоритму;
- 2) задачи, при решении которых используется **встречный** алгоритм;

3) задачи, схема решения которых содержит **альтернативные** участки. Рассмотрим каждый из этих типов отдельно.

Последовательно-разветвленный алгоритм решения.

Отличительной чертой данного вида алгоритма является прямая последовательность действий от исходных данных к ответу. Степень разветвленности алгоритма зависит от сложности задачи и количества исходных данных в ней. Для простейших задач, в условии которых лишь одно числовое данное и требуется найти только одну величину, этот алгоритм принимает последовательный характер без разветвлений. При усложнении условия и увеличении количества исходных данных в условии увеличивается количество необходимых действий и часто растет разветвленность алгоритма. Пример последовательно-разветвленного алгоритма задачи представлен на рис. 1.

Задача. В горячей воде растворили пероксид натрия массой 5,85 г, при этом выделился кислород и образовался 4% раствор щелочи. В каком объеме воды был растворен пероксид натрия?

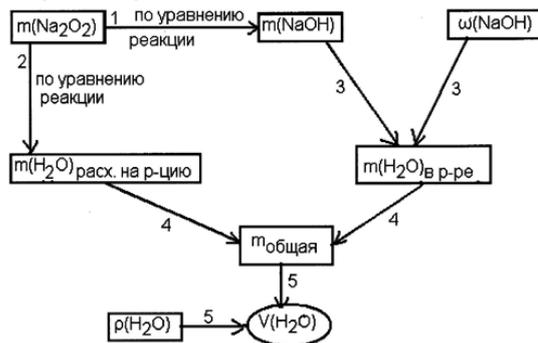

Рис 1. Последовательно-разветвленный алгоритм.

Встречный алгоритм.

Встречный алгоритм используется, когда последовательно-разветвленный алгоритм слишком сложен, либо не применим вовсе. Его отличительной чертой является составление и решение одного или нескольких математических уравнений. При использовании такого типа алгоритма обычно искомая величина обозначается в буквенном виде. Далее, используя эту величину как известную, выражаем один из параметров системы двумя путями, используя при этом обязательно разные числовые данные из условия задачи. Приравнивая друг другу полученные разными путями значения одного параметра, получаем математическое уравнение (точка встречи), решение которого дает значение исходно введенной величины.

Схематично в общем виде встречный алгоритм представлен на рис. 2.

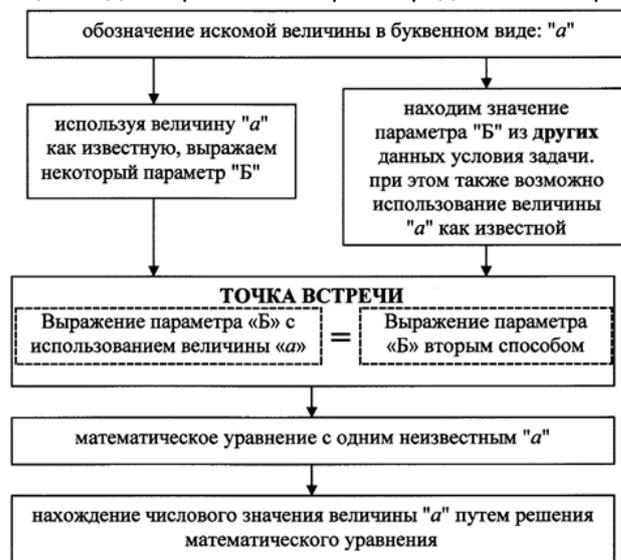

Рисунок 2. Общий вид встречного алгоритма.

Здесь параметр "Б" является точкой встречи.

Например, решение следующей задачи возможно только по встречному алгоритму, изображенному на рис. 3.

Задача. Определите массу 3% водного раствора NaOH, который необходимо добавить к 2 граммам Na для получения 7% раствора NaOH в воде.

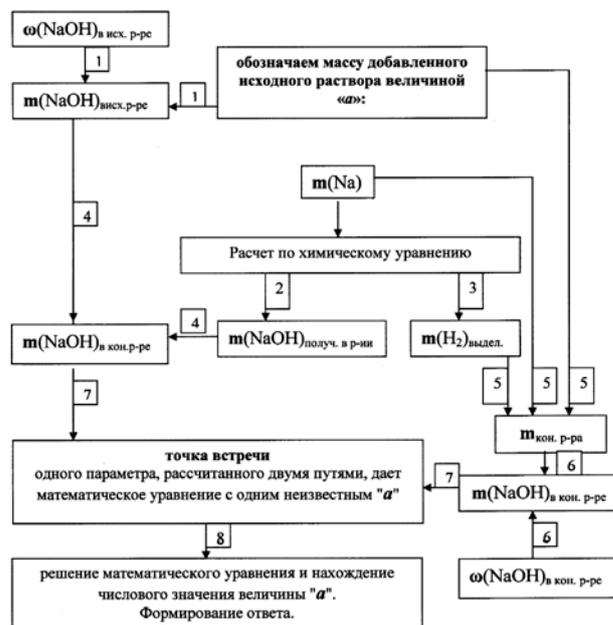

Рисунок 3. Встречный алгоритм решения задачи.

Альтернативный алгоритм.

В большинстве реальных задач такой вид алгоритма является частью более сложного. Основная его особенность – наличие альтернативных путей решения, из которых лишь один приводит к верному ответу. основополагающим данный тип алгоритма является для задач на определение избытка-недостатка. Пример задачи, при решении которой требуется встречный алгоритм, приведен на рис. 4.

Задача. Определите объем газа (н.у.), который получится, если 8 г алюминия поместить в 200 г 8% раствора соляной кислоты.

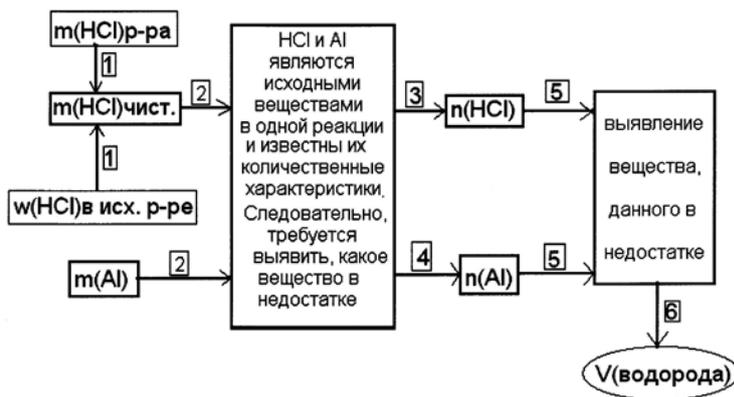

Рисунок 4. Альтернативный алгоритм.

При анализе условия данной задачи обнаруживаются два альтернативных друг другу варианта: рассчитать объем водорода по алюминию или по хлороводороду. Причем лишь один из этих вариантов ведет к верному ответу. Дальнейший ход решения зависит от выявления вещества, взятого в избытке.

Альтернативный алгоритм не является принадлежностью только одного типа задач. В сложных

многоходовых задачах он может выступать в качестве составной части более крупного алгоритма. Причем таких альтернативных участков в более сложном алгоритме может быть несколько, но не больше количества разных уравнений реакций, описанных в условии.

Для того чтобы данная классификация помогала учащимся при решении задач, необходимо выявить признаки, по которым можно определить ее тип. Для этого предлагается следующая последовательность действий.

1. В первую очередь, условие задачи анализируется на предмет альтернативного алгоритма решения. В большинстве случаев это задача на определение избытка-недостатка. Поэтому в качестве основного признака альтернативного алгоритма является наличие в условии задачи данных, позволяющих определить количество вещества для двух или более веществ, участвующих в одной химической реакции в качестве исходных компонентов. Причем, с точки зрения этого критерия необходимо проанализировать все реакции, описанные в условии. Таким образом, условия задач, при решении которых используется альтернативный алгоритм, содержат на первый взгляд избыточные данные.

2. Далее необходимо составить полную графическую схему, представляющую собой план решения задачи [2]. Для этого используют как синтетический путь (рассуждение от исходных данных к ответу), так и аналитический путь (поиск решения от ответа к исходным данным). Для этого условно обозначают все исходные данные и то, что требуется найти. После этого пытаются выстроить между ними последовательно-разветвленную схему решения. При этом следует учитывать возможность наличия в схеме участков альтернативного алгоритма, которые были выявлены на первом этапе поиска решения задачи. В случае если исходных данных в условии окажется достаточно для последовательного перехода от них к ответу, задача решается по последовательно-разветвленному алгоритму.

3. Если исходных данных в условии недостаточно для построения последовательно-разветвленного алгоритма решения, необходимо использовать встречный алгоритм с введением буквенной переменной и составлением математического уравнения.

Таким образом, основным признаком, позволяющим определить при анализе условия, к какому типу по направлению осуществления действий относится задача, является избыточность, достаточность или условная недостаточность данных в ее условии.

Классификация задач по признаку направления осуществления действий значительно облегчает составление плана решения. Большинство учащихся при решении задач, требующих большого количества логических действий в первую очередь пытаются составить последовательный или последовательно-разветвленный алгоритм ее решения. В случае невозможности решения задачи по последовательно-разветвленной схеме многие учащиеся, незнакомые со встречным типом алгоритма, отказываются от решения.

Проведенный в нескольких школах эксперимент выявил следующие закономерности:

1) знакомство с классификацией алгоритмов решений по признаку направления осуществления действий приводит к повышению успешности в решении задач;

2) введение требования, составлять план решения в виде графических схем, дало результаты только в том случае если у учащихся формировалось данное умение с самого начала обучения химии. Введение данного требования на заключительном этапе обучения химии в школе оказалось малоэффективным.

Таким образом, основные положения новой методики обучения школьников решению расчетных задач можно сформулировать следующим образом.

1. У учащихся необходимо формировать умение представлять условие задачи как методические рекомендации к практическому действию, представлять и отображать в виде схем и рисунков все действия описанные в условии задачи.

2. До начала этапа вычислений составлять графическую схему плана решения задачи.

3. Ознакомить учащихся с классификацией алгоритмов решения задач по направлению осуществления действий и при составлении графической схемы решения каждой конкретной задачи обращать их внимание на тип алгоритма согласно данной классификации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ерыгин Д.П., Шишкин Е.А. Методика решения задач по химии. М., 1989.
2. Турчен Д.Н. Графические схемы при решении расчетных задач // Химия в школе. 2010. № 6.

УДК 304.2

Фомин Михаил Матвеевич

доктор педагогических наук, профессор-исследователь
кафедры преподавания иностранных языков
Института зарубежной филологии и регионоведения
Северо-Восточного федерального
университета им. М.К. Аммосова
m.fomin@mail.ru

**ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОМПЕТЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ
ДИАЛОГА КУЛЬТУР**

Анализируется опыт межкультурного обучения иностранным языкам в рамках формирования поликультурной языковой личности. Представлено теоретическое осмысление опыта межкультурного обучения иностранным языкам.

Ключевые слова: межкультурная компетенция, диалог культур, поликультурная языковая личность.

Fomin Mikhail Matveevich

Doctor of Pedagogy, Research Professor of
the Department of Foreign Languages Teaching of
the Institute of Foreign Philology and Regional Studies
of North-Eastern Federal University
named after M.K Ammosov
m.fomin@mail.ru

**FORMATION OF CROSS-CULTURAL
COMPETENCE UNDER CONDITIONS OF
DIALOGUE OF CULTURES**

The article analyses the experience of cross-cultural teaching foreign languages in the framework of formation of polycultural language personality. The theoretical understanding of the experience of cross-cultural teaching foreign languages has been presented.

Key words: cross-cultural competence, dialogue of cultures, polycultural language personality.

В связи с интеграцией и глобализацией в мировом сообществе сегодня особую актуальность приобретает проблема формирования межкультурной компетенции. Данная проблема рассматривается в исследованиях отечественных и зарубежных авторов (Н.Д. Гальсковой, Е.Ф. Тарасова, А.П. Садохина, С.Г. Тер-Минасовой, И.И. Халеевой, М. Беннет, Э. Холла, Г. Хофстеде и др.).

Как отмечает Е.Ф. Тарасов, «чужая культура воспринимается как отклоняющаяся от нормы, при этом нормой считаются образы своей культуры, и чужая культура постигается путем приведения чужих образов сознания к образам своей культуры» [10, с. 172].

Реальный диалог культур может происходить в сознании носителя конкретной культуры, которому удалось постигнуть образы сознания другой (чужой) культуры. При этом различия национальных сознаний коммуникантов является главной причиной непонимания при межкультурном общении.

В Республике Саха (Якутия) в условиях двуязычия и многоязычия реализуется межкультурное обучение иностранным языкам в школах и вузах. При этом осуществляется подготовка молодого поколения к межкультурной коммуникации и диалогу культур.

Межкультурное обучение иностранным языкам осуществляется в рамках модели формирования поликультурной языковой личности. Данная модель основана на теории деятельности Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, а также на теории речевой деятельности И.А. Зимней.

На мотивационно-побудительном этапе формируется установка на осознание различий между культурами на основе контрастивного лингвистического анализа. При этом формируются межкультурные знания. На аналитико-синтетическом этапе модели формируются навыки межкультурного общения на основе компаративного-культуроведческого анализа с использованием карты межкультурного взаимодействия. Осуществляется межкультурный анализ текста. На реализующем-контрольном этапе модели формируются умения по межкультурному общению в моделируемых ситуациях межкультурного взаимодействия.

Анализ трудов по проблеме межкультурной коммуникации отечественных и зарубежных авторов показывает, что обучаемые сначала осознают различия культур, затем учатся понимать культурные корни негативной реакции инокультурных партнеров общения и только затем учатся преодолевать эту негативную реакцию.

В период системного кризиса, который переживает наше общество, становится актуальной проблема разрешения возникшего противоречия между меняющимися общественными условиями и воспитанием подрастающего поколения. Воспитание как процесс обучения должно исходить из сложившейся общественной ситуации и в то же время само влиять на эту ситуацию.

В современном интеграционном процессе мирового сообщества можно выделить две основные тенденции: с одной стороны, идет ориентация на использование единого языка общения, приобщение к одной ведущей культуре; с другой стороны, стремление к сохранению языкового и культурного многообразия мира, к межкультурному общению, межкультурной коммуникации, диалогу культур.

Эти две тенденции взаимосвязаны, взаимодополняют друг друга и обеспечивают всеобщий прогресс мирового сообщества.

Как отмечает А.П. Садохин, «своеобразие культуры какого-либо народа получает свое завершение в культурной картине мира, которая одновременно формируется в процессе возникновения и развития самой культуры. Культурная картина мира является результатом различного мировосприятия, поскольку в разных культурах люди воспринимают, чувствуют и переживают мир по-своему и тем самым создают свой неповторимый образ мира совокупное представление о мире, получившее в науке название «картина мира» [7, с. 26].

Как отмечают Т.Г. Грушевицкая, В.Д. Попков, А.П. Садохин, «в отечественной науке и системе образования инициаторами изучения межкультурной коммуникации стали преподаватели иностранных языков, которые первыми осознали, что для эффективного общения с представителями других культур недостаточно одного владения иностранным языком. Практика общения с иностранцами доказала, что даже глубокие знания иностранного языка не исключают непонимания и конфликтов с носителями этого языка. Сегодня стало очевидным, что успешные и эффективные контакты с представителями других культур невозможно без практических навыков в межкультурном общении» [4, с. 12].

В Республике Саха (Якутия) можно выделить четыре типа билингвизма, по классификации Н.В. Имедадзе: субординативный билингвизм 1 с доминантной системой родного языка и системой неродного языка, подверженной интерференции; субординативный билингвизм 2 с двумя взаимоинтерферирующими языковыми системами; координативный билингвизм 1 с доминантной системой родного языка и с системой неродного языка, неподверженной интерференции; координативный билингвизм с приближающимися к моноглоту двумя системами.

При этом реализуются четыре стратегии аккультурации (приобщения к другой культуре): ассимиляция (человек полностью принимает ценности и нормы культуры другого народа, отказываясь при этом от норм и ценностей культуры своего народа). Сепарация (отрицание чужой культуры при сохранении идентификации с культурой своего народа и отсутствие идентичности с культурой большинства), интеграция (идентификация как с культурой своего народа, так и с новой культурой) [4, с. 254].

Что касается развития речевой деятельности на изучаемых языках, то имеет место три уровня формирования и формулирования мысли, по классификации И.А. Зимней [5, с. 20]: а) формирование мысли средствами родного языка с последующим переводом на изучаемый язык; б) формирование мысли средствами родного языка с последующим формулированием мысли средствами изучаемого языка; в) формирование и формулирование мысли средствами изучаемого языка.

В нашей республике межкультурное обучение иностранным языкам началось с середины 1990-х гг. Диссертационные работы аспирантов кафедры методики преподавания иностранных языков были посвящены реализации новой парадигмы обучения иностранным языкам – межкультурной парадигмы. Всего было защищено 12 диссертаций по формированию межкультурной компетенции у обучаемых. За этот период с 1996 по 2009 г. выпущено 5 сборников, 9 учебных пособий по межкультурному обучению иностранным языкам, выиграно 12 международных грантов, разработаны программы по курсу межкультурной коммуникации для учебных заведений.

Согласно Н.Д. Гальсковой и Н.И. Гез [3], Россия полилингвоэтнокультурное государство, и это дает колоссальные дополнительные возможности для реализации целей и задач межкультурного обучения и межкультурной компетенции.

В республике Саха (Якутия) в условиях двуязычия обучение иностранным языкам обеспечивает формирование поликультурной языковой личности, при исследовании данного процесса нами учитываются следующие основные параметры: тип билингвизма, стратегия аккультурации, уровни формирования и формулирования мысли при реализации иноязычной речевой деятельности и ориентации личности.

Первый параметр включает четыре типа билингвизма: субординативный билингвизм 1 с доминантной системой родного языка и системой неродного языка, подверженной интерференции; субординативный билингвизм 2, с двумя взаимоинтерферирующими языковыми системами; координативный билингвизм 1 с доминантной системой родного языка с системой неродного языка, неподверженной интерференции; координативный билингвизм 2 – совершенный координированный билингвизм, с приближающимися к моноглоту двумя системами [11].

Второй параметр включает четыре стратегии аккультурации: ассимиляцию (человек полностью принимает ценности и нормы культуры другого народа, отказываясь при этом от норм и ценностей) культуры своего народа; сепарацию (отрицание чужой культуры при сохранении идентификации с культурой своего народа); маргинализацию (потеря идентичности с культурой своего народа и отсутствие идентичности с культурой большинства); интеграцию (идентификация как с

культурой своего народа, так с новой культурой) [4].

Третий параметр включает три уровня развития речевой деятельности на изучаемом языке: а) формирование и формулирование мысли средствами родного языка с последующим переводом на изучаемый язык; б) формирование мысли средствами родного языка с последующим формулированием мысли средствами изучаемого языка; в) формирование и формулирование мысли средствами изучаемого языка [11].

Четвертый параметр включает три типа ориентации личности: а) ориентация на общение, б) ориентация на дело, в) ориентация на себя.

Формирование поликультурной языковой личности происходит в учебно-воспитательном процессе в школе и вузе, а также в семейном воспитании в билингвальных билингвальных семьях.

Нами исследуются 6 типов билингвальных билингвальных семей:

Первый тип «Один человек – один язык». У родителей разные родные языки. Родной язык одного из родителей является основным языком общения данной среды, стратегия – каждый из родителей говорит с ребенком только на своем родном языке с самого рождения ребенка).

Второй тип «Один язык – одна среда». Второстепенный язык домашнего общения, у родителей разные родные языки, родной язык одного из родителей является основным языком общения данной среды, стратегия – оба родителя общаются дома с ребенком только на второстепенном языке домашнего общения. Ребенок вне дома общается только на основном языке среды.

Третий тип «Второстепенный язык домашнего общения без поддержки со стороны среды». У родителей один и тот же родной язык, среда – основной язык общения среды – неродной язык родителей, стратегия – родители общаются с ребенком на своем родном языке.

Четвертый тип «Два второстепенных языка домашнего общения без поддержки со стороны среды». У родителей два разных языка, среда – основной язык среды не является родным языком обоих родителей, стратегия – родители говорят с ребенком каждый на своем родном языке с самого рождения ребенка.

Пятый тип «Родитель, говорящий не на родном языке». Родители говорят на одном и том же языке, среда – основной язык среды – язык, на котором говорят родители, стратегия – один из родителей говорит с ребенком не на своем родном языке.

Шестой тип «Смешанные языки». Родители оба говорят на двух языках, среда или часть среды также говорит на двух языках.

Сегодня с позиций теории межкультурной коммуникации национальные языки рассматриваются как принципиально равнозначные динамические образования [9]. При этом понятие культуры рассматривается широко – оно включает все жизненные пространства людей, т.е. все продукты человеческой деятельности.

Опыт Европейского сообщества, где успешно внедряется концепция многоязычного мультикультурного образования, представляет интерес. С первого класса в школах Европы начинается изучение любого из девяти основных западно-европейских языков, через пять лет – второго языка и еще через четыре года – третьего языка. При этом изучение языков не является самоцелью, а лишь средством приобщения обучаемых к культуре своих соседей по европейскому дому. При этом обучение языкам ведется на уровне, обеспечивающем свободное владение ими.

В Республике Саха концепция многоязычного мультикультурного образования реализуется в двух основных аспектах – в возрождении языков и культуры народов Севера, а также в реализации обучения межкультурной коммуникации в контексте обучения якутскому, русскому и иностранным языкам и культурам. Эти два аспекта взаимосвязаны и взаимовлияют друг на друга.

Модель формирования поликультурной языковой личности в вузе и школе разработана на основе теории деятельности Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева и имеет трехуровневую структуру.

На мотивационно-побудительном уровне модели формирования поликультурной языковой личности создаются мотивы, связанные с получением удовольствия от занятий, ориентация на оценку преподавателя, стремление к конечному результату. При этом целью учебной деятельности являются формирование языковых и межкультурных знаний.

В связи с этим учебный материал включает безэквивалентную, коннотативную и фоновую лексику, а также пословицы и поговорки, фразеологизмы.

В данном случае учебная деятельность представлена перцептивно-репродуктивными упражнениями. Формирование межкультурной компетенции начинается с установки на осознание различий между культурами разных народов на основе реализации контрастивного лингвистического анализа.

На аналитико-синтетическом уровне модели целью учебной деятельности становится фор-

мирование речевых навыков наряду с формированием навыков межкультурного общения. В качестве учебного материала на этом уровне выступают аутентичные тексты, содержащие ситуации межкультурной коммуникации, тексты о традициях, обычаях, обрядах, нравах и праздниках. Работа с текстами осуществляется на уровне предречевых упражнений (репродуктивно-продуктивные упражнения). На этом уровне реализуется компаративно-культуроведческий анализ на основе карт межкультурного взаимодействия. Обсуждение текстов сопровождается диалогической и монологической речью обучаемых в моделируемых ситуациях межкультурного общения.

На этом уровне на основе компаративного культуроведческого анализа формируются навыки межкультурного взаимодействия и понимание культурных корней отрицательных реакций инокультурных партнеров.

На реализующе-контрольном уровне модели целью учебной деятельности становится выполнение продуктивно-творческих упражнений при осуществлении деловых игр, круглых столов и презентаций проектов (реализация речевых умений и умений по межкультурной коммуникации, умений по преодолению негативных реакций инокультурных партнеров). На данном уровне обучаемые должны проявить такие качества, как: толерантность, уважение к представителям другой культуры, добродушие и милосердие.

Анализ трудов по проблеме межкультурной коммуникации отечественных и зарубежных авторов показывает, что чужая культура воспринимается как отклоняющаяся от нормы, образов родной культуры. Эти авторы считают, что обучаемые должны, во-первых, осознавать различия между культурами, во-вторых, научиться понимать культурные корни негативной реакции инокультурных партнеров общения, в третьих, обучаемые должны преодолевать эту негативную реакцию.

В период системного кризиса, который переживает наше общество, становится актуальным проблема разрешения возникшего противоречия между меняющимися общественными условиями и воспитанием подрастающего поколения. Воспитание, как процесс обучения, должно исходить из сложившейся общественной ситуации и в то же время само влиять на эту ситуацию.

Подготовка молодого поколения к межкультурной коммуникации имеет целью духовно-нравственного возрождения и становление гражданского общества в нашей стране, конечная цель его – становление России полноправным партнером межкультурной коммуникации, диалога культур в мировом сообществе.

В современном интеграционном процессе в мировое сообщество можно выделить две основные тенденции. Ориентация на использование единого языка общения, приобщение к одной ведущей культуре и стремление к межкультурной коммуникации, к диалогу культур, к сохранению языкового и культурного многообразия мира.

Эти две тенденции взаимосвязаны, взаимодополняют друг друга и обеспечивают, стимулируют всеобщий прогресс мирового сообщества. Когда контакты между представителями разных культур становятся повседневным явлением подготовка студентов вузов, учащихся школ становится приоритетной задачей.

Межкультурная коммуникация, по определению Е.Ф. Тарасова [10], – это среда взаимодействия двух коммуникативных партнеров, принадлежащих к разным культурным обществам, и, как следствие, взаимодействие национальных сознаний, причем чужая действительность познается при помощи образов родной культуры, которая осознается и переосмысливается в процессе познания. При этом, как отмечает Е.Ф. Тарасов, процесс коммуникации является предпосылкой для возникновения реального диалога культур в сознании отдельного индивида.

Формирование поликультурной личности имеет место в условиях диалога культур Запада и Востока. Анализ основных черт их традиционных культур показывает, что если западные культуры больше ориентированы на внешний мир, преобразование окружающей среды, то восточные культуры больше ориентированы на внутренний мир человека, на самосовершенствование человека. На западе человек рассматривается как хозяин Природы, доминирует покорение природы, на востоке он рассматривается как дитя Природы, и здесь доминирует стремление жить в гармонии с Природой. На западе мы наблюдаем интенсивную индустриализацию, доминирование общения-коммуникации, активную деятельность, а на востоке мы наблюдаем доминирование сельского хозяйства, релаксацию, медитацию, интуицию и эмпатию. В западных странах – приоритет материальных ценностей, в восточных странах – приоритет духовных ценностей. На западе популярна концепция одной жизни (человек живет один раз), а на востоке широко распространена концепция инкарнации (человек живет много раз). Отсюда – разные отношения к жизни, разные мировоззрения и разные культуры.

Таким образом, поликультурная языковая личность, владея межкультурной компетенцией, которая рассматривается как компонент общей коммуникативной компетенции, способен анализи-

ровать различия культур запада и востока и активно участвует в диалоге культур.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология. М., 1997.
2. *Гальскова Н.Д.* Межкультурное обучение иностранным языкам // ИЯШ. 2004. № 3.
3. *Гальскова Н.Д., Гез Н.И.* Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика. М., 2004.
4. *Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П.* Основы межкультурной коммуникации. Воронеж, 2003.
5. *Зимняя И.А.* Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке: пособие для учителей средней школы. М., 1978.
6. *Милосердова Е.В.* Национально-культурные стереотипы и проблемы межкультурной коммуникации. // ИЯШ. 2004. № 3.
7. *Садохин А.П.* Теория и практика межкультурной коммуникации: учебное пособие для вузов. М., 2004.
8. *Сафонова В.В.* Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. Воронеж, 1996.
9. *Тарасов Е.Ф.* Межкультурное общение – новая онтология анализа Языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания / под ред. Н.В. Уфимцевой. М., 1996.
10. *Филлипова Н.Н.* Методика обучения национально-маркированной лексике на основе межкультурного подхода в языковом вузе: автореф. дис. ... канд. педагог. наук. Улан-Удэ, 2002.
11. *Фомин М.М.* Обучение иностранному языку в условиях многоязычия (двуязычия). М., 1998.
12. Актуальные проблемы межкультурной коммуникации: сб. науч. трудов МГЛУ / под ред. И.И. Халеевой. 1999. Вып. 444.
13. *Хохлова В.В., Хохлова Ю.В.* Особенности восприятия культуры страны изучаемого языка // ИЯШ. 2004. № 3.
14. *Hall E.* Deyond Culture. New York; London, 1989.
15. *Hofstede G.* Lokales Denken, globales Handeln. Kulturen, Zusammenarbeit und Vfnagement. C.H. Beck, Munchen, 1997.

Политические науки

УДК 07 0002

Водяницкий Владимир Андреевич

аспирант кафедры отечественной истории
Русской христианской Гуманитарной
академии (г. Санкт-Петербург)
тел.: (905) 278-85-69

Vodyanitsky Vladimir Andreevich

Postgraduate Student of the Department of Russian
History of the Russian Christian Humanitarian
Academy (St. Petersburg)
tel.: (905) 278-85-69

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ПРЕЗИДЕНТСТВА В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)

Статья посвящена становлению института президентства в Республике Саха (Якутия), так как в настоящее время практически остается неизученным этот институт в республиках в составе Российской Федерации. Этой теме мало посвящено исследовательских работ и это обстоятельство негативно сказывается на развитии института президентства не только в Республике Саха (Якутия), но и в других республиках в составе Российской Федерации.

Ключевые слова: президент, институт, демократическое государство, выборы, Республика Саха (Якутия), государство, власть.

THE FORMATION OF THE PRESIDENCY IN THE SAKHA REPUBLIC (YAKUTIA)

The article is devoted to the formation of the Presidency in the Sakha Republic (Yakutia) as this institution is currently practically unstudied in the republics of the Russian Federation. There are not enough research works based on the following aspect and it negatively influences the formation of the Presidency in the Sakha Republic (Yakutia) as well as other Republics of the Russian Federation.

Key words: president, institution, democratic state, elections, Sakha Republic (Yakutia), state, power.

Вопрос о формировании в регионах России новой системы государственной власти решался уже давно.

В 1988 – 1989 гг. в Конституции СССР и РСФСР были внесены изменения и дополнения, являвшиеся юридической базой обновления конституций автономных республик. Республики получили право самостоятельно определять структуру государственной власти. Новые редакции Основных законов СССР и РСФСР были связаны с надеждой на совершенствование в стране федеративного устройства, обновление законодательства по вопросам прав человека и оздоровление национальных отношений [1, с. 92-95].

Президент СССР М.С. Горбачёв говорил о том, что предметом особой заботы президентской власти должно стать принятие мер по укреплению суверенитета союзных республик, их экономической и политической самостоятельности, повышение статуса автономных республик, других национально-территориальных образований [2].

26 апреля 1990 г., Верховным Советом СССР, указанные рекомендации были учтены и был принят Закон СССР «О разграничении полномочий между Союзом СССР и субъектами федерации» [3].

Рассматриваемый закон СССР содержал три важных положения: во-первых, автономная республика признается государством; во-вторых, она является субъектом СССР; в-третьих, в соответствии с ч. II ст. 4 «в области экономического и социально-культурного строительства на своей территории автономной республики имеет те же права, что и союзная республика, за исключением тех, которые по соглашению между ними относятся к ведению союзной республики». Закон не содержал признания суверенитета автономных республик, но именно он стал правовым основанием для принятия ими соответствующих деклараций [4, с. 116]. Этот Закон значительно усилил политико-правовой статус автономий, находящихся в составе союзных республик.

В Декларации о государственном суверенитете РСФСР, принятой Первым Съездом народных депутатов 12 июня 1990 г. говорилось, что «Суверенитет РСФСР – естественное и необходимое условие существования государственности России, имеющей многовековую историю, культуру и сложившиеся традиции. Носителем суверенитета и источником государственной власти в РСФСР является её многонациональный народ. Народ осуществляет государственную власть непосредственно и через представительные органы на основе Конституции РСФСР» [5]. Декларация также предоставляла каждому народу неотъемлемое право на самоопределение в избранных им национально-государственных и национально-культурных формах [6].

Таким образом, Декларация является важным документом, утверждающим суверенитет субъекта-государства в составе Федерации.

Инициатива Председателя Верховного Совета России Б.Н. Ельцина о принятии Федератив-

ного договора в России в противовес горбачёвскому Союзному договору, было важным политическим шагом и по мнению А. Арина: «С того момента в процессе парада суверенитетов определялись два направления: одновременное движение бывших автономий к Союзному и Федеративному договорам» [7, с. 52]. Фраза, произнесённая Председателем Верховного Совета России Б.Н. Ельциным в августе 1991 г. «Возьмите ту долю власти, которую сами сможете проглотить» [8], стала девизом суверенизации автономий.

31 марта 1992 г. Федеральный договор был подписан представителями 87 субъектов федерации. Фактически он состоял из трёх договоров, заключённых с «суверенными республиками», краями, областями и городами Москвой и Петербургом, Еврейской автономной областью и автономными кругами. Республики были поставлены договором в привилегированное положение по сравнению с обычными субъектами федерации. Они, в частности, получили право принять собственные конституции. Им предоставлялось право участвовать в «международных и внешнеэкономических соглашениях», если это не противоречило Конституции и законам Российской Федерации...» [9, с. 654].

Надо отметить, что данный договор предотвратил распад России, но полностью не решил проблем её экономической и политической интеграции.

Существенное значение имело Постановление Верховного Совета РСФСР от 11 октября 1991 г. «О главах исполнительной власти республик в составе РСФСР» [10], в котором признавалась легитимность президентства: «глава исполнительной власти (президент) республики в составе РСФСР входит в единую систему исполнительной власти РСФСР, возглавляемую Президентом РСФСР, и выступает гарантом прав и свобод личности, соблюдения Конституции и законодательства РСФСР, Конституции и законов республики в составе РСФСР, защищает суверенитет, экономические и политические интересы РСФСР и республик в составе РСФСР». В постановлении устанавливалось следующее положение: «компетенция главы исполнительной власти (президента) республики в составе РСФСР устанавливается республикой самостоятельно в рамках полномочий, закреплённых в главах 15 и 16 Конституции РСФСР и в соответствующих статьях Конституции республики в составе РСФСР, исходя из того, что глава исполнительной власти (Президент) республики в составе РСФСР является высшим должностным лицом республики, возглавляет Правительство республики [11, с. 45].

На уровне РСФСР это положение было закреплено законодательно 1.10.1991 г., когда V Съездом народных депутатов РСФСР, в Конституцию (основной закон) РСФСР 1978 г. была включена глава 15 [1] «Глава исполнительной власти (Президент) республики в составе РСФСР», согласно которой президент республики объявлялся высшим должностным лицом республики и главой исполнительной власти в республике в составе РСФСР [12].

А.Б. Диков по этому поводу отмечает, что постановление изменило существующий баланс распределения полномочий, наделив статусом высшего должностного лица главу не законодательной, а исполнительной ветви власти (президента), избираемого на всеобщих выборах. Предлагаемое в постановлении совмещение постов высшего должностного лица и главы правительства, вошло в противоречие с многолетней практикой, когда на руководящие должности в республиках назначались представители разных национальностей. В соответствии с советской традицией первый секретарь обкома КПСС, Председатель Верховного Совета и руководитель правительства того или иного автономного образования, как правило, относились к разным этносам, тем самым, обеспечивая их представительство в органах государственной власти [13, с. 54].

Можно констатировать, что данным Постановлением закреплялось положение о том, что президентом республики является глава исполнительной власти республики в составе РСФСР. Таким образом, дальнейшее развитие института президентства в республиках в составе РСФСР, определило данное постановление и в дальнейшем, закрепление этого института шло путём внесения в конституцию изменений и принятия закона о выборах Президента Республики.

Одной из первых республик РСФСР, установивших пост Президента республики, была Якутская-Саха ССР. Становление института президентства в ней, в целом, напоминало его становление в других республиках РСФСР [14, с. 46]. Так, 27 сентября 1990 г. Верховный Совет Якутской-Саха ССР двенадцатого созыва принял, как и все автономные образования РСФСР, Декларацию о государственном суверенитете [15].

Формирование института президентства в субъектах Российской Федерации, в том числе в Якутской-Саха ССР осуществлялось в период проведения общегосударственных реформ, направленных на укрепление основополагающих принципов национально-территориального устройства в стране.

Одним из факторов, и это необходимо отметить, который существенно повлиял на введение института президентства в национальных республиках, является рост национального самосозна-

ния в условиях демократизации общества.

Также на введение института президентства повлиял пример РСФСР, где этот институт прошёл по результатам референдума. Немаловажное значение имело Постановление Верховного Совета РСФСР от 11.10.1991 г. «О главах исполнительной власти республик в составе РСФСР», и введение в Конституцию (Основной Закон) РСФСР 1978 г. главы 15(1) «Глава исполнительной власти (Президент) республики в составе РСФСР» [16, с. 47].

С Президентом Якутской-Саха ССР связывали укрепления государственности и исполнительной власти в республике [17], некоторые в этом видели возможность стабилизации ситуации в республике [18].

Общественную потребность в лидере сформировали условия развития республики. Массовое национально-возрожденческое и экономическое движение, направленное на борьбу за экономическую самостоятельность и повышение статуса республики в условиях политической нестабильности нуждалось в лидере.

В этих условиях стал вопрос об учреждении поста президента в Якутской-Саха ССР. Относительно введения поста президента обнаружилось два подхода: одни депутаты предлагали вынести этот вопрос на референдум, другие высказывались против института президентства, мотивируя это тем, что это «подкоп» под Советскую власть [19]. Однако депутаты сторонники введения института президентства отмечали, что это приведёт к координации и исполнению принятых законов [20, с. 2]. То есть положительными факторами президентской республики являются разделение властей и быстрое принятие рациональных решений и их реализация.

26 февраля 1991 г. председатель Верховного Совета Якутской-Саха ССР Михаил Николаев подписал закон о государственном статусе Якутской-Саха ССР, который действовал до принятия конституции Якутской-Саха ССР в 1992 г. [21]. Этот закон установил новый государственный статус республики, подняв его до уровня статуса суверенной республики в составе РСФСР и СССР.

17 октября 1991 г. в связи учреждением поста Президента Якутской-Саха ССР были приняты законы «О Президенте Якутской-Саха ССР» и «О выборах Президента Якутской-Саха ССР» [22, с. 162]. Выборы президента в Якутии проходили 20 декабря 1991 г. в сложной обстановке: производство продолжало падать, инфляция набирала темпы, критика института президентства не прекращалась, и, несмотря на это, они состоялись [23, с. 66].

Уже 27 декабря 1991 г. на сессии Верховного Совета Якутской-Саха ССР был заслушан доклад Президента Республики «О Кабинете министров Якутской-Саха ССР и об основных направлениях его деятельности». В этом выступлении Президент Якутской-Саха был охарактеризован как глава государства [24, с. 27]. 28 декабря 1991 г. Якутская-Саха ССР была переименована в Республику Саха (Якутия).

4 апреля 1992 г. на внеочередной XI сессии Верховного Совета Якутской-Саха ССР двенадцатого созыва была принята новая Конституция Республики Саха (Якутия) [25], которая вступила в действие 27 апреля 1992 г. Президент Якутии в соответствии с Конституцией Республики Саха (Якутия) являлся высшим должностным лицом и главой исполнительной власти в республике.

С принятием 12 декабря 1993 г. на всенародно состоявшемся референдуме Конституции России, начался новый этап становления института президентства в Республике Саха (Якутия). Здесь необходимо отметить, что Конституция 1993 г. имеет лишь общие положения, относящиеся к системе высших органов государственной власти субъектов РФ. Так, Конституции РФ предусматривает, что «система органов государственной власти республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов устанавливается субъектами РФ самостоятельно в соответствии с основами конституционного строя Российской Федерации и общими принципами организации представительных и исполнительных органов государственной власти, установленных федеральным законом» [26].

На этом этапе основным направлением в развитии института президентства Республики Саха (Якутия) было совершенствование и принятие новых законодательных актов, регламентирующих статус президента республики с учетом требований Конституции РФ 1993 г. и существующего опыта президентской власти в регионе. В Конституцию Республики Саха (Якутия) в 1994 г. были внесены изменения и дополнения [27]. В результате этих изменений вместо Верховного Совета Республики Саха (Якутия) учреждался новый высший представительный законодательный орган – Государственное собрание (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия), состоящее из верхней – Палаты Республики и нижней – Палаты Представителей.

В результате этих изменений и дополнений Президент Республики Саха (Якутия), в первых, был наделен правом отлагательного вето на законы, принятые палатами Государственно-

го собрания. Во-вторых, произошло совмещение интересов палат парламента и главы исполнительной власти по кадровым вопросам. Президент с предварительного согласия Палаты Республики стал назначать Председателя Правительства, его заместителей, министров внутренних дел, финансов, внешних связей, председателя национального банка, директора Департамента налоговой полиции, председателя Комитета по драгоценным металлам и камням. На назначение и освобождение от должности других министров и руководителей государственных комитетов стало необходимым получение предварительного согласия Палаты Представителей. В-третьих, изменился порядок отрешения президента от должности. В-четвертых, изменена формулировка Президентом отставки Правительства. Ранее речь шла о Кабинете министров и о том, что его отставка проводится с согласия Верховного Совета. Отставка Правительства должна приниматься в установленном законом порядке [28, с. 55-56].

Конституция Республики Саха (Якутия) признала за президентом право издания нормативных указов, право на создание администрации. В ней говорится, что президент возглавляет систему органов государственного управления, многие ключевые посты находятся в прямом ему подчинении [29, с. 56].

Порядок выборов президента сохранился: президент избирается народом (избирателями) путем прямых выборов. Не изменился и порядок замещения должности президента в случае его досрочного ухода с поста. В случае отставки, смерти президента, его полномочия до вступления в должность вновь избранного президента республики исполняет вице-президент. Конституция не регулирует вопросы, связанные с возникновением препятствий к исполнению своих обязанностей [30, с. 56].

Но этот порядок был изменен принятием Федерального закона № 159-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов российской Федерации» [31], принятого 11 декабря 2004 г., который отменил прямые выборы глав регионов и на основании этого закона наделение гражданина полномочиями Президента Республики Саха (Якутия) осуществлялся Государственным Собранием (Ил Тумэн) по представлению Президента РФ. Президент России своим Указом от 27 декабря 2004 г. № 1603 [32] утвердил положение о порядке рассмотрения кандидатур на должность Президента Республики Саха (Якутия). В этом положении предусматривалось, что кандидатуры на должность высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта Российской Федерации представляются Президенту Российской Федерации Руководителем Администрации Президента Российской Федерации. Предложения по кандидатурам на должность высшего должностного лица субъекта Российской Федерации вносятся Руководителю Администрации Президента Российской Федерации полномочным представителем Президента Российской Федерации в соответствующем федеральном округе [33]. В данном Положении отмечается, что при внесении предложений по кандидатурам учитывается их авторитет и деловая репутация, опыт публичной (государственной и общественной) деятельности, а также результаты предварительных консультаций с общественными объединениями соответствующего субъекта Российской Федерации [34].

Таким образом, в соответствии с указанным Положением, руководителем Администрации Президента Российской Федерации представляются Президенту Российской Федерации кандидатуры на должность Президента.

Нельзя не согласиться с мнением ряда учёных, которые утверждают, что существующая процедура назначения высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти) игнорирует принципы народовластия и участия народа в управлении государственными делами, так как избрание данного должностного лица региональным парламентом носит формальный характер. На деле может быть избрана только кандидатура, устраивающая Президента страны [35]. В.В. Гончаров утверждает, что в связи с этим высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации не избирается ни населением региона непосредственно, ни избранным народом региональным парламентом. Данное обстоятельство привело к тому, что высшими должностными лицами региона (руководителями высшего исполнительного органа государственной власти) стали избираться лица, ранее никогда не проживающие на его территории и не знающие специфики развития данного субъекта Российской Федерации [36].

Необходимо отметить, что избрание высшего должностного лица непосредственно населением соответствующего субъекта Федерации – не единственный путь замещения этой должности. В мировой практике представлены разнообразные модели замещения соответствующих должностей в различных государствах. Действительно, в ряде федеративных государств, прежде всего

американского континента, глава исполнительной власти субъекта федерации избирается непосредственно населением соответствующего субъекта. Однако в других федерациях, например в ФРГ и Австрии, глава исполнительной власти субъекта федерации избирается представительным органом соответствующего субъекта федерации. Такой порядок избрания направлен на усиление представительной власти в соответствующих государствах и имеет в Европе весомый опыт демократических традиций формирования региональных органов государственной власти [37, с. 83-84].

В настоящее время, в связи с непрекращающимся развитием института президентства, изменен существующий порядок наделения полномочиями высшего должностного лица субъекта Российской Федерации и по-прежнему, избрание руководителя региона проводится в ходе демократических выборов.

Так, в соответствии с Федеральным законом «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав на участие в референдуме граждан Российской Федерации» первые выборы высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации) на основе Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 1840ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (в редакции настоящего Федерального закона) проводятся во второе воскресенье октября 2012 г. Указанные выборы проводятся в субъектах Российской Федерации, срок полномочий высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) которых истекает в период со дня вступления в силу настоящего Федерального закона по 31 декабря 2012 г. включительно. В 2013 г. и в последующие годы выборы высшего должностного субъекта российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) проводятся в день голосования, установленный Федеральным законом от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», года, в котором истекает срок полномочий высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации), наделенного указанными полномочиями в день вступления в силу настоящего Федерального закона [38].

Таким образом, в соответствии с указанным нормативным актом, высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) избирается гражданами Российской Федерации, проживающими на территории данного субъекта Российской Федерации и обладающими в соответствии с федеральным законом активным избирательным правом, на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

Возникновение института президентства в Республике Саха (Якутия) было связано с различными проблемами правового, политического и организационного характера. Этот институт сыграл важную роль в становлении и обеспечении стабильности гражданского мира в республике, особенно в период политических катаклизмов 1990-х гг. Дальнейшее продолжение реформы привело к отмене использования существующего порядка наделения полномочиями Президента республики и в настоящее время он избирается в процессе демократических выборов, что свидетельствует о дальнейшем развитии гражданского общества в Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Топорнин Б.Н.* Конституционная реформа – путь к правовому государству // Государство и право. 1990. № 4; *Самигуллин В.К.* Конституционное развитие Башкирии. Уфа, 1991.
2. Речь Президента СССР М. Горбачёва на внеочередном III Съезде народных депутатов СССР 15 марта 1990 г. // Правда. 1990. 16 марта.
3. Новые законы СССР. М.: 1990. Вып. 2.
4. *Максимов К.Н.* Калмыкия – субъект Российской Федерации. М., 1995.
5. Декларация Совета Народных Депутатов РСФСР от 12.06.1990 №22-1 «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» // Ведомости Совета Народных Депутатов и Верховного Совета РСФСР, 1990. № 2.
6. Там же.
7. Федерализм власти и власть федерализма / под ред. Губогло М.Н. М., 1997.
8. Выступление Б. Ельцина на встрече с общественностью г. Уфы // Советская Башкирия. 1990. 14 августа.
9. История России. XX век: 1939-2007 / под ред. А.Б. Зубова. М., 2010.
10. Ведомости Совета Народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. 42. Ст. 1328.

11. *Мордкович С.В., Мещеряков А.Н.* Конституционно-правовая характеристика института президентства в Российской Федерации. Челябинск, 2003.
12. Советская Чувашия. 1991. 3 февраля.
13. *Диков А.Б.* Институт президентства (глав исполнительной власти) республик в составе Российской Федерации: политологический анализ: дис. ... канд. полит. наук. М., 2004.
14. *Мордкович С.В., Мещеряков А.Н.* Указ соч.
15. Декларация о государственном суверенитете Якутской-Саха Советской Социалистической Республики: принята второй сессией Верховного Совета ЯАССР двенадцатого созыва 27 сентября 1990 г. №226 – XII; введена в действие постановлением Верховного Совета ЯАССР от 27 сентября 1990 г. №227 – XII // Социалистическая Якутия. 1990. 30 сентября.
16. *Мордкович С.В., Мещеряков А.Н.* Указ соч.
17. Советы Якутии. 1991. 13 ноября.
18. Советы Якутии. 1991. 17 декабря.
19. Якутия. 1991. 17 октября.
20. *Федоров М.* В интересах народов наших // Советы Якутии. 1991. 5 декабря.
21. Закон Якутской-Саха ССР от 26.02.91 № 386-XII О Государственном статусе Якутской-Саха Советской Социалистической Республики. URL: <http://pravo.evonevsky.org/bazazru/texts/25/tht25557/htm> (дата обращения 23.10.2012).
22. *Мионов Д.Н.* Конституционно-правовой статус Республики Саха (Якутия) как субъект Российской Федерации. Новосибирск, 1996.
23. Там же.
24. Заседания Верховного Совета Республики Саха (Якутия) двенадцатого созыва. Десятая сессия: стенографический отчёт. Якутск. 1992. Ч. 3.
25. Конституция (Основной закон) Республики Саха (Якутия): принята на XI сессии Верховного Совета Республики Саха (Якутия) 4 апреля 1992 г. и вступила в силу 27 апреля 1992 г. // Якутские ведомости. 1992. 26 апреля.
26. Конституция Российской Федерации 1993 г. Ст.77. ч. 1. М., 2012.
27. О внесении изменений и дополнений в Конституцию (основной закон) Республики Саха (Якутия): закон Республики Саха (Якутия) от 26 января 1994 г. 3. № 1-1: принят постановлением Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) от 26 января 1994 г. 3 № 2-1 // Сборник законов Республики Саха (Якутия): 1994-1995 гг. Т. 3; Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Республики Саха (Якутия); Закон Республики Саха (Якутия) от 20 апреля 1994 г. 3 № 5-1: принят постановлением Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) от 20 апреля 1994 г. 3 № 6-1.
28. *Мордкович С.В., Мещеряков А.Н.* Указ. соч.
29. Там же.
30. Там же.
31. О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»: Федеральный закон Российской Федерации от 11 декабря 2004 г. №159-ФЗ: принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 3 декабря 2004 г.: одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 8 декабря 2010 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 50. Ст. 4950.
32. Указ Президента Российской Федерации от 27.12.2004 № 1603 «О порядке рассмотрения кандидатур на должность высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта российской Федерации» // Российская газета. № 289. 29.12.2004.
33. Указ Президента Российской Федерации от 27.12.2004 № 1603 «О порядке рассмотрения кандидатур на должность высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта российской Федерации» // Российская газета. 2004. 29 декабря.
34. Там же.
35. *Гончаров В.В., Жипин С.М.* Проблемы взаимодействия и совершенствования президентской и законодательной (представительной) власти в Российской Федерации // Современное право. 2010. № 2.
36. *Гончаров В.В.* Участие граждан России в управлении государственными делами как принцип формирования и функционирования исполнительной власти // Юрист-правовед. 2007. № 4.
37. *Мишин А.А.* Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М., 1996.
38. Федеральный закон от 02.05.2012 № 40-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав на участие в референдуме граждан российской Федерации» // Российская газета. 2012. 4 мая.

УДК 316 (075)

Зекрист Рида Ирековна

кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Костанайского филиала Челябинского государственного университета (Республика Казахстан) тел.: (714) 222-06-25

Zekrist Rida Irekovna

PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Social, Humanitarian and Natural Science Disciplines of Kostanay affiliated branch of Chelyabinsk State University (Republic of Kazakhstan) tel.: (714) 222-06-25

ВЛАСТЬ: СУЩНОСТЬ И СТРУКТУРА

В статье анализируются некоторые подходы к пониманию сущности власти и ее структуры. Автор в данной работе, пользуясь заявленным подходом, предлагает преодолеть проблемы, создаваемые такой множественностью.

Ключевые слова: власть, отношение, властеотношение, властеосуществление, связь-отношение, субъект-объектное отношение, семіозис власти.

POWER: ESSENCE AND STRUCTURE

The article analyses some of the approaches to understanding the essence of power and its structure. In the paper the author proposes to overcome the problems created by such a multiplicity using the stated approach.

Key words: power, relation, power relation, power realization, communication relation, subject-object relation, semiosis of power.

Проблема сущности, структуры и типологии власти продолжает оставаться дискуссионной. Существует множество точек зрения, многие из которых являются взаимоисключающими. Если смотреть обобщённо, то все концепции власти можно свести к двум основным. Согласно одним, власть – это универсально-онтологический феномен, согласно другим, она является исключительно социальным феноменом. Мы придерживаемся этой второй точки зрения. Но и среди сторонников этой точки зрения понимание сущности, структуры и типологии власти существенно различаются между собой. Мы, опираясь на некоторые из них, предлагаем своё истолкование этих вопросов.

Многие авторы считают, что понятие власти следует определять через понятие отношения. Так, например, П.А. Сапронов пишет: «Исходный пункт для последующего рассмотрения власти можно попытаться найти в констатации того несомненного обстоятельства, что власть – это отношение. Его наличие требует как минимум двух начал, одно из которых господствует, другое – подчиняется, одно – властвующее, другое подвластное» [1, с. 219]. Оставим пока в стороне его характеристики сторон данного отношения.

Как известно, в 1960-е гг. в советской философии началось интенсивное штудирование сочинений К. Маркса 1860-х гг., включающих не только «Капитал», но и целую серию подготовительных работ к нему. Ряд исследователей (Э.В. Ильенков, Г.С. Батищев, А.П. Огурцов и др.) обратили внимание на некачественность переводов этих сочинений на русский язык. «По этим переводам, – пишет, к примеру, А. А. Хамидов, – нелегко усмотреть философское содержание “Капитала” и того, что было названо “подготовительными работами” к нему. Столь низкий уровень переводов во многом был обусловлен тем, что в “Капитале” и серии примыкающих к нему работ усматривали исключительно политико-экономическое произведение, в котором-де кое-где встречаются философские вкрапления. И потому не стремились утруждать себя вникновением в существо этих “вкраплений”» [2, с. 98]. Как показали исследования, неадекватно переведены многие понятия, характеризующие разные аспекты сущности человека и его деятельности, а также понятия, посредством которых выражена Марксова концепция отчуждения.

Конечно, речь отнюдь не идёт о соответствии или несоответствии перевода немецко-русскому словарю. Речь идёт о концептуальном смысле слова, который, возможно, не значится ни в одном словаре. В таких случаях один и тот же термин может оказываться носителем разных значений. Примером может быть немецкий термин «Identität». В работах по онтологии, теории познания, диалектике он переводится на русский язык как «тождество» (например: тождество противоположностей). В работах же по социальной философии, социологии, социальной философии и т.д. его необходимо переводить как «идентичность» (проблема идентичности, как известно, в последние десятилетия – одна из важных проблем этих наук). Существуют ситуации, когда разные термины переводят одним и тем же словом, которое становится носителем одного и того же понятия. При этом существуют такие исследовательские ситуации, когда такое понятие можно брать в его абстрактной форме и это не наносит концептуального ущерба исследованию или интерпретации той или иной концепции.

В данном случае мы столкнулись с ситуацией, когда уже нельзя два разных термина рассматри-

вать как носители одного и того же концептуального смысла, одного и того же понятия. Речь идёт опять же о текстах К. Маркса. В этих текстах встречаются, с одной стороны, термины «Beziehung» – «связь» и «Zusammenhang» – «взаимосвязь», а с другой стороны – термин «Verhältnis» («отношение»). В русских переводах эти термины фигурируют то как «связь», то как «отношение». В.Н. Песенко обратил внимание на то, что сам К. Маркс строго их различает. Следовательно, он установил, что необходимо развести понятия «связь» и «отношение» и дал им следующую интерпретацию. Согласно ему, «социальную связь...можно охарактеризовать как общественно направленную форму деятельности человека, в которой она соотносится с деятельностью других людей. По своей природе она указывает лишь на направленность действия и выступает как односторонне направленное действие» [3, с. 117]. И ещё: «Под связью понимается такая взаимосвязь предметов, явлений, свойств, при которой изменение одного предмета, явления, свойства ведёт к изменению другого» [4, с. 118].

Нам представляется, что следует признать интерпретацию данного автора недостаточной. Мы считаем, что в понятии «связь» превалирует элемент необходимости и до некоторой степени независимости от воли тех, кто находится в связи. Отношение же включает в себя элемент свободы и элемент сознательной интенции. В «Немецкой идеологии» сказано: «Там, где существует какое-нибудь отношение, оно существует для меня; животное не относится ни к чему и вообще не относится; для животного его отношение к другим не существует как отношение» [5, с. 29]. Животное логикой естественной необходимости связано с природной средой и с особями своего вида и потому, по Марксу, не имеет к ним отношения (сегодня мы знаем, что многие высшие животные обладают начатками сознания). Приведём ещё одно высказывание К. Маркса. В «Экономической рукописи 1861 – 1863 годов» он писал о том, что «общественные отношения между людьми возможны лишь в той мере, в какой люди мыслят и обладают... способностью абстрагироваться от чувственных деталей и случайностей» [6, с. 249]. Таким образом, между людьми существуют как связи, так и отношения.

С учётом сказанного следует откорректировать тезис о том, что в случае с властью имеет место отношение сторон, или полюсов, – властвующей и подвластной. Речь, считаем мы, должна идти о соотношении, или сосуществовании этих сторон, или полюсов. В свете различия связи и отношения можно сказать, что соотношении властных сторон двуедино: в нём всегда присутствует единство социальной связи как зависимости, взаимозависимости и социального отношения; оно есть специфическая связь-отношение, или же связь-и-отношение. Можно употребить уже встречающийся в литературе термин властеотношение, но, имея при этом в виду, что речь идёт о его двуединой сущности, т.е. не только об «отношении», но и о связи. Характер соотношения связи и отношения во властеотношении определяется типом последнего: в нём может преобладать связь, а может и отношение. Содержанием этой связи-отношения являются те его атрибуты, которые определяются его функцией в социокультурном целом. Но о них будет сказано ниже.

Первое, что можно сказать о властеотношении – то, что оно есть единство противоположностей и, значит, в нём выполняется диалектика соотношения противоположностей. Понятие «противоположность», как известно, применяется в двух значениях: 1) как специфическое соотношение сторон и 2) как сторона такого соотношения. Это различие значений, однако, не мешает пониманию того смысла, в котором они каждый раз употребляются; всё ясно из смыслового контекста. Любые противоположности неразрывно сосуществуют друг с другом и определяются в качестве таковых именно через это сосуществование. Правое определяется через левое, и наоборот. Одна противоположность, противоположность «сама по себе» невозможна. Следовательно, всегда имеет место единство противоположностей. Но это единство на деле является двуединством. Одним моментом его является взаимное полагание противоположностями друг друга: правое предполагает наличие левого, и наоборот. Тем самым противоположности взаимно утверждают друг друга. Другим моментом единства противоположностей является их взаимоисключение, следовательно, взаимное отрицание друг друга. Та или другая противоположность существует лишь постольку, поскольку она отталкивается от другой противоположности.

Этой логике подчиняются любые противоположности. Но существуют различные виды противоположностей. Есть противоположности, существующие на поверхности явлений (таковы верх и низ, правое и левое и т.д.), а существуют и такие, которые коренятся в сущности явлений. Отношение таких противоположностей Гегель называл рефлексивным, а сами эти противоположности – рефлексивными определениями (Reflexionsbestimmungen). Он писал, что на уровне сущности «определения суть рефлексивные определения, положенные самой сущностью и сохраняющиеся в ней как снятые» [7, с. 9]. На уровне сущности противоположности отнюдь не противостоят друг другу внешним образом, дуалистически (как, например, противостоят друг другу верх и низ), а взаимопроникают. К. Маркс писал о соотношении относительной и эквивалентной форм стоимости как

о рефлексивных определениях (в русском переводе стоит слово «соотносительных») [8, с. 67].

Все условия соотношения противоположностей – противоположностей как рефлексивных определений – применимы к соотношению власти и подвластности, к властеотношению. Власть и подвластность – отнюдь не поверхностные противоположности, не затрагивающие сущностное измерение социокультурной действительности. Напротив, они суть именно сущностные противоположности или, выражаясь языком Гегеля и Маркса, рефлексивные определения. «В рефлексивном определении, – пишет Гегель, – имеются... две стороны...» [9, с. 27]. Однако говорить о противоположностях властеотношения как о его «сторонах» или «полюсах» – значит допускать концептуальную нестрогость. Но, конечно, могут существовать и реально существуют в истории социума такие ситуации, когда такие термины к ним вполне применимы, хотя и с оговорками. Власть логически предполагает подвластность и определяется через соотношение с ней. Точно так же обстоит и с подвластностью: она определяется в качестве таковой именно через соотнесение её с властью. Но своим наличным бытием и функционированием власть отрицает подвластность, точно так же и подвластность своим наличным бытием и своим функционированием отрицает власть. Власть – это не-подвластность, а подвластность – это не-власть. Они взаимозависимы друг от друга и существовать друг без друга не могут.

Для властеотношения существенно то, что оно построено по вертикали. Власть занимает здесь верхнюю позицию, подвластность – нижнюю. Вектор власти направлен на подвластность сверху – вниз. Следовательно, властеотношение – это с самого начала есть одна из форм социального неравенства. Оно, как выражаются некоторые авторы, асимметрично. У власти и подвластности неравные возможности и полномочия. И это неравенство укоренено в наличном социуме. Властеотношение, отметили мы, есть единство связи и отношения. Но на деле тут имеется два вида отношений: 1) отношение власти к подвластности и 2) отношение подвластности к власти. У власти и у подвластности не только различные, но и противоположные функции и интересы. Поэтому властеотношение по своей форме может быть как паритетным, так и конфликтным и даже конфликтным. К сказанному необходимо добавить следующее. Под отношениями власти к подвластности и подвластности к власти лежит их связь, точнее, взаимосвязь. Она есть также зависимость их друг от друга, то есть взаимозависимость. Однако в обиходе обычно подразумевается зависимость чего-то (или кого-то) от чего-то (или кого-то). И эта зависимость чаще всего понимается как власть над этим чем-то и кем-то. На это надо заметить, что не всякая зависимость есть испытывание давления со стороны именно власти. Скажем, зависимость человека от климатических условий вовсе не есть власть этих условий над человеком; зависимость водителя от установленных правил дорожного движения не есть власть этих правил над водителем; и т.д. Хотя для образного, поэтического мышления она может представляться таковой.

Система власти – подвластности укоренена в социуме. Она обусловлена социальной необходимостью и потому является социально санкционированной. Власть отнюдь не цель социума (или конкретной общности); она – всецело средство, выполняющее в системе социума (или общности) вполне конкретные функции, которые никто, кроме неё, выполнять не может. Основная цель всякого социума – сохранение его целостности. Для этого оно не должно быть хаотично функционирующим. Следовательно, социальные процессы должны как-то управляться и регулироваться. Какие-то процессы должны стимулироваться, а какие-то регламентироваться или даже пресекаться. Вот эту функцию объективно и призвана осуществлять система власти, состоящая, как уже сказано, из связи-отношения «власть – подвластность». Следовательно, самая общая функция системы власти – управленчески-регулятивная. В этом её назначение и в этом её оправдание, её легитимность.

Очень многие исследователи феномена власти трактуют соотношение власти и подвластности как субъект-объектное отношение: субъект, согласно им, находится на стороне власти, а объект – на стороне подвластности. Приведём лишь два примера. Согласно В.Г. Ледяеву, «основными структурными элементами властного отношения являются субъект власти – агент, выступающий причиной изменения (возможного изменения) действий другого агента (объекта) – и объект власти – агент, изменение деятельности (сознания) которого является следствием каузального отношения» [10, с. 120-121]. О.М. Ледяева пишет: «Субъект власти осуществляет подчинение, он подчиняет, процесс власти есть процесс подчинения. Со стороны объекта власти наблюдается подчинение, он подчиняется» [11, с. 17]. В том, что В.Г. Ледяев называет участников властеотношения агентами, имеется глубокий смысл, хотя сам автор о нём, скорее всего, и не догадывается.

Вопреки процитированным и всем иным авторам, мыслящих властеотношение в терминах субъекта и объекта, человек по своей сущности не является объектом. М.М. Бахтин верно отмечает, что «личность не объект, а другой субъект» [12, с. 326] и что «человек существует в форме я и другого...»

[13, с. 319]. Между людьми как субъектами существуют диалогические, полифонические связи и отношения, чего не может иметь места в отношении субъекта к объекту. «К объекту, – пишет М. М. Бахтин, – не может быть диалогического отношения...» [14, с. 290]. А объектом для человека может выступать только то, что по своему онтологическому уровню находится ниже его, то есть любой природный феномен. В.Г. Ледяев же, толкуя властеотношение как каузальное отношение, тем самым – неявно для самого себя – изображает подвластную сторону как низший вид объекта – как вещь.

Конечно, в истории не раз случалось, что человек системой социального устройства ставился в положение, которое достойно только объекта. Таково, например, положение раба в рабовладельческих формациях, положение наёмного рабочего на ранних стадиях капитализма, узника советского ГУЛАГа или фашистского концлагеря и т.п. Но ведь – что характерно – и тот, кто ставит его в такое положение, тоже не может считаться действительным субъектом. Ведь он относится к нему как объект (очень мощный объект!) к объекту же. Десубъектизация в данном случае захватывает обоих, хотя и по-разному.

Но значит ли это, что исполняющий властные функции и исполняющий функции подвластности – в равной мере являются субъектами и что, следовательно, властеотношение есть вид субъект-субъектного отношения? На данный вопрос следует ответить отрицательно и вот почему. Положение и того и другого определяется теми функциями, которые им соответственно предписаны социумом. Их бытие, их поведение – каждого на своём месте – всецело функциональное, исполнительское. В то общественно определённое время, когда они функционируют в качестве таковых, они лишь отчасти субъекты, а по преимуществу – агенты (тут именно термин В.Г. Ледяева уместен) властеотношения. Сюда же подходит и термин «носитель» (по-немецки – Träger). По ту сторону данного отношения, в своей приватной жизни как один, так и другой являются (или могут являться – в зависимости от обстоятельств) субъектами.

Теперь нам следует перейти к основному вопросу настоящей статьи – к вопросу об атрибутах власти и подвластности. Попутно обратим внимание на то, что почти во всех концепциях специально не анализируется подвластность, что всё внимание сосредоточивается, в основном, на власти как моменте властеотношения. Можно также отметить, что в подавляющем большинстве концепций сама власть предстаёт в редуцированном виде: она редуцируется к какому-то одному её моменту (реже – к нескольким), который и выдаётся за власть как таковую. А это уже редуccionизм.

Г.С. Батищев отмечает, что «в специально-научных исследованиях... без временных, преходящих и ограниченных редуccion и шагу не шагнёшь! Не может быть никаких оснований для огульного осуждения всякого редуccionизма и отрицания его положительного значения в строго локальных предметных границах. Но что касается философского, притязającego на универсальность, а главное – на необратимость, всеобще-методологического и ценностного редуccionизма, то он обнаруживает свою весьма серьёзную опасность...» [15, с. 178]. Опасность эта состоит в том, что философия в целом, социальная философия как её раздел – в частности, по своему статусу претендует на выработку мировоззренческих и основанных на них методологических ориентиров для положительных, специально-научных исследований. И если на мировоззренческом уровне осуществляются редуccion, то они соответственно будут редуccionистски ориентировать и конкретно-научные исследования – политологические, социологические и иные. Следовательно, мы должны – по возможности – избежать редуccionизма.

Многие авторы в качестве одного из атрибутов властеотношения называют активный характер власти и пассивный характер подвластности. Приведём одно определение власти. Оно принадлежит О.М. Ледяевой. «Власть, – пишет она, – оказывается, с одной стороны, “властью для”, обеспечивающей сам процесс осуществления совместной деятельности, т.е. функционирующей в интересах социальных субъектов, а с другой стороны – “властью над”, ограничивающей те или иные интересы субъектов с той же целью – реализовать саму возможность их совместной деятельности. В определённых обстоятельствах одна из сторон власти может превалировать над другой, но никогда власть не может быть только “для” или “над”: она всегда и то, и другое» [16, с. 23]. На данное определение можно ответить следующее. Власть действительно осуществляется «над» – над тем, кто находится в положении подвластности, ибо властеотношение, как отмечено выше, построено по социальной вертикали. Что же касается тезиса о том, что власть осуществляется «для», непосредственно в интересах обеих сторон властеотношения, то это не так. В отношении агента, носителя власти это может быть справедливым и то в том случае, если он, так или иначе, эксплуатирует властную функцию, предписанную ему социумом. В отношении же агента подвластности это «для» имеет лишь опосредствованный смысл. Ведь власть функционирует в интересах целого, а значит, в конечном счёте, и для него.

Вернёмся к вопросу активности – пассивности. Активность – это характеристика человеческой деятельности. Связана ли власть с деятельностью? Э. Гидденс, к примеру, считает, что «деятельность логически подразумевает власть, понимаемую как способность к преобразованиям» [17, с. 56]. Но как при этом понимается деятельность? Гидденс и сам задаёт такой вопрос: «Что же можно сказать о природе и сущности деятельности?» [18, с. 47] и даёт на него такой ответ: «Говоря о деятельности, мы имеем в виду не только намерения людей сделать что-то, но и их способность сделать это в первую очередь (именно поэтому понятие деятельности подразумевает власть...)» [19, с. 49]. Это, надо сказать, довольно примитивное понимание сущности деятельности. Человеческая деятельность – это предметная деятельность. Она есть способ бытия как самого человека, так и создаваемого им социокультурного мира. Человек развивает и совершенствует свою деятельность по мере освоения и преобразования им природы и накопленной культуры. Активность деятельности вырабатывается в процессе этого освоения и преобразования. «Человеческая деятельность, – отмечает Г. С. Батищев, – настолько активна, насколько она развита как предметная, насколько она обогащена предметностью» [20, с. 83]. Приписывать власть, как это делает Э. Гидденс, любому акту так понимаемой деятельности – по меньшей мере, некорректно.

Теперь об активности власти по отношению к подвластности. Если бы речь шла о полноценном взаимоотношении людей как субъектов, то активность имела бы следующую форму (М.М. Бахтин в данном случае пишет об активности «в отношении чужого живого и полноправного сознания»; но это применимо и к целостному человеку): «Это активность вопрошающая, провоцирующая, отвечающая, соглашающаяся, возражающая и т.п., то есть диалогическая активность, не менее активная, чем активность завершающая, овеществляющая, каузально объясняющая и умерщвляющая, заглушающая чужой голос бессмысленными аргументами» [21, с. 310]. Но именно такую – субъект-объектную – форму активности подразумевает подавляющее большинство исследователей власти. Так, польский философ Е. Вятр пишет: «Власть – это возможность приказывать в условиях, когда тот, кому приказывают, обязан повиноваться» [22, с. 159].

Но обратим внимание на ту деятельность, которую осуществляет агент, или носитель, власти. Он осуществляет регулятивно-управленческие действия в отношении носителей подвластности. Это функциональные действия. Он, в границах исполнения предписанной ему социумом функции, не может находиться с агентом, или носителем, подвластности в субъект-субъектных отношениях, как и последний – с ним. Следовательно, и деятельность агента власти не является целостной; она – частична. И такова же его активность. На поверхности социальной действительности кажется, будто власть исключительно активна, а подвластность всецело пассивна. Но это совсем не так. Агент подвластности также осуществляет деятельность, предписанную властью, а, следовательно, также активен. Но деятелен и активен тоже лишь в границах предписанного ему, в границах исполнительства. На поверхности социальной действительности возникает видимость, будто социально-онтологически первичной является власть, а подвластность только потому-де и существует, что есть инстанция власти. В действительности же дело обстоит как раз наоборот: подобно тому, как в соотношении относительной и эквивалентной форм стоимости определяющей является первая. Как отмечает К. Маркс, «все товары отличаются от денег (всеобщего эквивалента – Р.З.) только формально; деньги являются лишь особой формой существования товаров, которую товары принимают в обращении и для обращения» [23, с. 31]. Товары исторгают из своей среды один товар и наделяют его особым статусом. И начинают относиться к нему соответственно этому статусу как к не-товару. «При этом создаётся впечатление, будто не данный товар становится деньгами только потому, что в нём выражают свои стоимости все другие товары, а, наоборот, будто бы эти последние выражают в нём свои стоимости потому, что он – деньги» [24, с. 102]. В ходе развития товарного производства происходит обособление денег относительно мира простых товаров. «Деньги существуют... как меновая стоимость всех товаров наряду с ними и вне их» [25, с. 132]. Но определяющим началом обладают не деньги, как бы это ни казалось некритическому сознанию, а простые товары. Точно так же обстоит и с властью. Социум выделяет особую функцию и закрепляет за ней отдельного индивида или группу индивидов. Власть и осуществляющие её индивиды теперь существуют не просто вне остальных индивидов, но и над ними. «Например, – пишет К. Маркс, – этот человек король лишь потому, что другие люди относятся к нему как подданные. Между тем они думают, наоборот, что они – подданные потому, что он король» [26, с. 67].

Выше мы говорили о том, что власть есть единство многообразных её моментов, или элементов, которые в своей совокупности обеспечивают её целостность. В литературе принято говорить о структуре власти. Существуют на этот счёт самые разные взгляды. Не обращаясь к ним ввиду ограниченности объёма статьи, мы предлагаем своё понимание структуры, как власти, так и подвластности. Сна-

чала рассмотрим структуру власти как стороны властеотношения. На наш взгляд, структура власти, или властной инстанции, включает три класса элементов: 1) атрибуты власти как стороны властеотношения; 2) методы осуществления власти; 3) средства осуществления власти; 4) уровни социальной дислокации власти. Начнём с атрибутов. Это элементы власти, которые характеризуют власть как власть, власть вообще. Мы считаем, что атрибутами, или элементами, власти как власти являются следующие: 1) функция власти (назначение её в социуме); 2) сфера и границы властеосуществления, заданные социумом; 3) возможность и способность осуществлять власть, властные полномочия (говоря словами В.Г. Ледяева, «право распоряжаться, повелевать, управлять»), легитимность власти; 4) воля к господству и подчинению (кого?); 5) стратегия властеосуществления.

Методами, обеспечивающими осуществление стратегии власти, или тактикой властеосуществления, являются следующие: 1) диктат, 2) насилие, 3) принуждение, 4) убеждение, 5) авторитет, 6) манипуляция сознанием подвластной стороны, 7) регламентация поведения и действий подвластной стороны, 8) набор санкций. Здесь перечислены все возможные; они далеко не всегда имеют место в той или иной форме осуществления власти (к примеру, авторитет и насилие несовместимы). М. Фуко пишет, что «власть скорее отправляется, нежели принадлежит...», что «отправляемая власть понимается не как достояние, а как стратегия...» и что «надо видеть в ней сеть неизменно напряжённых, активных отношений, а не привилегию, которой можно обладать» [27, с. 41]. Что касается стратегии, то, как мы отметили выше, это не сама власть, а один из её моментов. Говорить же о всякой власти, которая «отправляется», подобно культу, то это применимо, очевидно, лишь к каким-то архаическим формам религии, так как о монотеистических мировых религиях этого сказать нельзя. Слова же Фуко о том, что власть не может принадлежать, что ею нельзя обладать и что она не может быть привилегией, то некоторые авторы выделяют такой феномен, как власть-собственность [28, с. 119-131]. Субъективно некоторые агенты власти могут считать её привилегией, поскольку могут её эксплуатировать в личных интересах. Средствами, или ресурсами, осуществления власти являются идеологическая индоктринация сознания подвластной стороны, пропаганда, семиозис власти. Семиозис – это знаковая, означающая и (или) символизирующая деятельность, оформляющая атрибуты власти, её методы и средства. К примеру, скипетр короля, корона царя, тиара папы римского и т.д. – это семиотические атрибуты власти.

В вопросе об уровнях социальной дислокации власти мы опираемся на И.И. Кравченко, который выделил, правда, преимущественно применительно к политической власти, три уровня последней: 1) макроуровень, характеризующий высшие властные инстанции; 2) микроуровень (различные виды власти на уровне малых групп и индивидов); 3) мезоуровень, т.е. средний уровень, который «связывает эти два крайних и весьма различных уровня политических и властных отношений» [29, с. 6]. Эта трёхуровневая структура включает все охарактеризованные выше три класса элементов власти. Причём на каждом из уровней эти элементы функционируют в специфической форме, а некоторые из них отсутствуют на мезо- и особенно на микроуровне.

Подвластность также имеет свою структуру. Эта структура намного проще, чем структура властной инстанции. Некоторые элементы этой структуры аналогичны тем же, что и у власти, но, так сказать, с противоположным знаком, как бы «антиэлементы». Основная функция подвластности – властеисполнение, подчинение (кому?), исполнение распоряжений властной инстанции. У власти и у подвластности разные степени свободы. Волевой элемент в структуре подвластности тоже существует. Он противостоит властной воле, противится ей или же целесообразно согласуется с ней. Этот элемент ограничивается, блокируется, и даже подавляется властной инстанцией, поскольку конечные, то есть непосредственные, интересы у власти и у подвластности не только различны, но и взаимоисключающи. Методами и средствами, которые здесь фактически совпадают, могут быть повинование, исполнительство, рабское положение, противостояние, конфликт, агрессия, бунт. С точки зрения общественного интереса соотношение власти и подвластности призвано быть таким, чтобы в социуме соблюдалась его устойчивость, динамическое равновесие.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Сапронов П.А. Власть как метафизическая и историческая реальность. СПб., 2000.
2. Хамидов А.А. Путь открытий как открытие пути: философские искания Г.С. Батищева // Генрих Степанович Батищев. М., 2009.
3. Песенко В.Н. Системно-исторический подход в анализе социальных связей и отношений // Проблема человека в «Экономических рукописях 1857 – 1859 годов» К. Маркса. Ростов-н/Д, 1977.
4. Там же.

5. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице её представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Шtirнера и немецкого социализма в лице его различных пророков // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е. М., 1955. Т. 3.
6. *Маркс К.* Экономическая рукопись 1861 – 1863 годов. Процесс производства капитала // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е. М., 1973. Т. 47.
7. *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. В 3-х т. М., 1971. Т. 2.
8. См.: *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии: процесс производства капитала // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е. М., 1960. Т. 23.
9. *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. В 3-х т. М.: Мысль, 1971. Т. 2.
10. *Ледяев В.Г.* Власть: концептуальный анализ. М., 2001.
11. *Ледяева О.М.* Понятие власти // Власть многолика. М., 1992.
12. *Бахтин М.М.* К переработке книги о Достоевском // *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
13. Там же.
14. *Бахтин М.М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
15. *Батищев Г.С.* Диалектика перед лицом глобально-экологической ситуации // Взаимодействие общества и природы. Философско-методологические аспекты экологической проблемы. М., 1986.
16. *Ледяева О.М.* Указ. соч.
17. *Гидденс Э.* Устройство общества. Очерк теории структуриации. М., 2003.
18. Там же.
19. Там же.
20. *Батищев Г.С.* Деятельностная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии. М., 1969.
21. *Бахтин М.М.* К переработке книги о Достоевском. М., 1961.
22. *Вятр Е.* Социология политических отношений. М., 1979.
23. *Маркс К.* Экономическая рукопись 1861 – 1863 годов. Процесс производства капитала // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е. М., 1973. Т. 47.
24. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии: процесс производства капитала // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е. М., 1960. Т. 23.
25. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857 – 1859 годов. (Первоначальный вариант «Капитала»). Ч. 1 // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е. М., 1968. Т. 46. Ч. I.
26. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. I: Процесс производства капитала. Примеч. 21.
27. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.
28. *Васильев Л.С.* Возникновение и формирование китайского государства // Китай: история, культура и историография. М., 1977; См., напр.: *Цирель С.В.* «Власть-собственность» в трудах российских историков и экономистов // Общественные науки и современность. 2006. № 3.
29. *Кравченко И.И.* Средний («мезо») уровень политической и неполитической власти. Вопросы типологии и структуры власти // Власть. Философско-политические аспекты. М., 1989.

УДК 323

Юрченко Инна Вадимовна

доктор политических наук, доцент, главный научный сотрудник Института социально-экономических и гуманитарных исследований Российской Академии наук
тел.: (918) 447-58-88

Yurchenko Inna Vadimovna

Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Principal Researcher of the Institute of Socio-Economic and Humanitarian Research of the Russian Academy of Sciences
tel.: (918) 447-58-88

Юрченко Наталья Николаевна

кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета
тел.: (918) 333-07-28

Yurchenko Natalia Nikolaevna

PhD in Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science and Political Management of Kuban State University
tel.: (918) 333-07-28

**ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДЕСТРУКТИВНЫМ
ТЕНДЕНЦИЯМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ
ПОЛИЭТНИЧНОГО СОЦИУМА**

**INFORMATION TECHNOLOGIES OF
RESISTANCE TO DESTRUCTIVE
TENDENCIES IN THE POLITICAL SPHERE
OF MULTI-ETHNIC SOCIETY**

Статья посвящена рассмотрению информационных технологий противодействия деструктивным проявлениям в сфере политики, проблемам диагностирования состояния информационной среды полиэтничного региона в условиях возрастания роли отношений социально-сетевого характера.

The article considers the information technologies of resistance to destructive manifestations in the sphere of politics; problems of diagnosis of the state of information environment of the multi-ethnic region in terms of increasing the role of relationships of network and social character.

Ключевые слова: информационные технологии, политико-информационное пространство, информационные угрозы деструктивного характера, полиэтничный регион, информационная среда региона.

Key words: information technologies, political information space, information threats of destructive character, multi-ethnic region, information environment of the region.

Статья выполнена в рамках работы над проектом: «Технологии противодействия идеологии экстремизма в политико-информационном пространстве (на материалах Юга России)» по программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг. № 8561.

Переход к информационному обществу вызывает необходимость учёта того, что прежние формы государственности становятся проницаемыми и уязвимыми, а новые – нестабильными. Социально-политические взаимодействия XX в. сменяются конфликтом цивилизаций, конкуренцией конфессий, этнополитическими коллизиями, усилением влияния фундаментализма и сецессионистских группировок внутри отдельных стран. В процессе глобализации постепенно возрастает роль внетерриториальных и трансграничных отношений сетевого характера [1, с. 189]. Информационно-технологическая революция создаёт целый ряд опасных периферийных угроз, способных вызвать реальные дестабилизирующие процессы в любом современном обществе. В качестве ответов на новые социально-техногенные вызовы политическая элита вынуждена создавать технологии противодействия деструктивно-экстремистским силам. По мнению А.С. Панарина, «технологическое отношение к миру появляется тогда, когда возникает ощущение того, что мир устроен неправильно, что человеку ничего в нем не гарантировано изначально и потому он вправе сам о себе позаботиться...» [2, с. 29]. Политические технологии основываются на теоретическом анализе взаимодействия политических субъектов и содержат методологические ориентиры эффективного решения политических проблем и достижения определенных политических целей [3, с. 84]; поэтому в системе методов и процедур сегодня на первое место выходят информационные механизмы и способы, которые используют субъекты в практике политической жизни.

Информационные ресурсы российского общества в процессе интенсивных социальных трансформаций парадоксальным образом в условиях так называемого «демократического транзита» претерпели существенные изменения. В 1990-х гг. они постепенно приобрели характер информационно-финансового тоталитаризма... как способа эксплуатации населения со стороны транснациональных корпораций, поэтому в 2000-2001 гг. основные усилия были сосредоточены на разрушении сло-

жившихся олигархических медиаимперий [4, с. 10, 14]. Чтобы обеспечить необходимый уровень безопасности в условиях нестабильности и непредсказуемости социальных процессов, с 2000-х гг. в Российской Федерации началась системная аналитическая переоценка происшедших изменений в стране и определение опасностей, угроз и новых вызовов, которые ставили под сомнение само выживание Российского государства. Наиболее значимым фактором в условиях мировой информационно-коммуникативной революции является бесконтрольное воздействие на сознание и настроения населения страны, которые способны вызвать самые непредсказуемые негативные последствия – от кратковременной политической дестабилизации до полного разрушения фундаментальных, социокультурных, цивилизационных основ государственности. Использование информационно-сетевых технологий в деструктивных антисоциальных целях стало реальностью в мировой политике, что привлекло пристальное внимание к этой проблеме научного сообщества, все более осознающего актуальность новых, интегративных, синергетических политико-управленческих подходов к выявлению предпосылок возникновения коллективных актов агрессии, насилия и экстремизма.

Данная проблематика, традиционно занимающая одно из центральных мест в психологических дисциплинах, становится ключевой проблемой политической науки, актуализирующей стратегические аспекты теорий развития и безопасности, движения от пассивного приспособления к построению системы продуктивного взаимодействия личности с социальной и природной средой в контексте гуманитарного измерения политики. Информация, превращаясь в стратегический ресурс, лежит в основе качественного коммуникативно-синергического целостного процесса формирования противоречивого жизненного мира, изучение которого предполагает рассмотрение двух взаимосвязанных понятий, находящихся в определенной степени соподчинения, – это глобализация и регионализация, предопределяющие качественные параметры нового типа сообщества и политических субъектов. Наиболее значимыми вопросами с точки зрения социальной безопасности являются вопросы об источниках угроз в полиэтничном социуме. Этничность как принадлежность человека к определенной общности, культурной группе – это комплексное понятие, имеющее культурный подтекст. Полиэтничность есть проявление многосоставного характера современного общества как в глобальном, так и в региональном измерениях.

Так, наиболее актуальной проблемой для современного российского общества является сохранение стабильной ситуации на Юге страны и в особенности рост экстремистской активности на Северном Кавказе – самом многонациональном макрорегионе Российской Федерации, где компактно проживают представители различных народов. В 2006 г. Южный научный центр РАН впервые представил свой взгляд на основные социально-политические и экономические проблемы, угрозы и риски Юга России. Были предложены четыре сценария развития Южного макрорегиона: силовой, с введением чрезвычайного положения и использованием войск для обеспечения и поддержания безопасности страны; инерционный, или консервативно-бюрократический, со ставкой на констатацию слабых мест современного общества и предостережением от худшей перспективы; бессистемный, исходящий из возможности сохранения существующих институтов государства и общества посредством воздействия на них отдельных программ; предпочтительный, базирующийся на признании необходимости реализации комплексной программы радикальных преобразований во всех значимых сферах жизни макрорегиона [5, с. 7]. Принятая на сегодняшний день стратегия развития СКФО, по оценке Г.Г. Матишова, свидетельствует об инерционном, или консервативно-бюрократическом, пути развития региона [6, с. 9]. Однако, угрозы деструктивного характера, в том числе связанные с так называемым «информационным империализмом» [7, с. 110] особенно резко проявляющиеся в полиэтничном пространстве, вызывают необходимость разработки гуманитарных технологий противодействия негативным процессам в социокультурной сфере.

В этой связи важно подчеркнуть, что проблемой обеспечения информационной безопасности является зависимость соотношения сил не только от объективных факторов и от случайностей, что вполне естественно в связи неустойчивостью и изменчивостью информационного пространства, но и от свободы воли политических лидеров, деятельности влиятельных микро- и макрогрупп. Как отмечал И. Пригожин, современная наука настаивает на том, что природа созидательна на всех уровнях ее организации, и будущее не дано нам заранее, а «мир есть конструкция, в построении которой мы все можем принимать участие» [8, с. 25]. Обращаясь к исследователям, изучающим «сложность мира», И. Пригожин призывал к достижению определенного методологического согласия между естественными и гуманитарными науками. «Флуктуации на микроскопическом уровне ответственны за выбор той ветви, которая возникнет после точки бифуркации, и, стало быть, определяют то событие, которое произойдет» [9, с. 17]. Флуктуации являются следствием индивидуальных действий, а событие представляет собой возникновение новой социальной структуры после прохождения бифуркации.

Процессы самоорганизации информационной среды в первую очередь обусловлены ментальностью, упорядочивающей роль сознания, и могут рассматриваться в аспекте как синергетической парадигмы, так и в рамках социального поля и габитуса, т.е. на основе концепции П. Бурдьё. Агенты, занимающие определенные позиции в рамках социального поля, проводят разнообразные стратегии, используя имеющиеся у них ресурсы (культурный капитал, социальный капитал, символический капитал, политический капитал). «Социальное поле, – отмечал П. Бурдьё, – является местом действий и противодействий, совершаемых агентами, обладающими постоянными диспозициями, которые некоторым образом усвоены в ходе опыта нахождения в данном поле» [10, с. 109]. То есть понятие «поле» является инструментом исследования информационного пространства, позволяющим обеспечить диалектическую взаимосвязь между объективными структурами и субъективными явлениями.

Конфессиональная, этническая, идеологическая неоднородность региональной социальной общности приводит к противоречивым, неоднозначным оценкам процессов и происходящих событий. Особенно велика роль образовательных технологий в противодействии деструктивным тенденциям в полиэтничном социуме [11]. Системно-функциональный анализ структурных элементов исследуемой региональной общности позволит обнаружить источники дисфункциональности и латентного течения конфликтов низкой интенсивности, чреватых перерастанием в жесткую конфронтацию политических акторов, способную разрушить стабильность, целостность и динамическое равновесие государственных институтов. Поиск конструктивных механизмов формирования эффективных управленческих технологий с ориентацией на условия открытости информационного пространства, предполагает внедрение административных практик [12, с. 226], оптимизированных с помощью современных электронных ресурсов.

Таким образом, формирование эффективных технологий противодействия деструктивным проявлениям происходит под влиянием не только локально-региональных и глобальных процессов, а в сложном взаимодействии внутренних и внешних факторов, под воздействием макро- и микросреды, в информационном противоборстве различных политических сегментов. Серьезной угрозой информационной системе является снижение степени управляемости ею вследствие роста ее сложности, проявляющейся прежде всего в когнитивных стилях социальной деятельности. Реальный источник революционной энергии необходимо искать в процессах социальной депривации, фрустрации и агрессии, которые выявляют сущность протестных движений, экстремизма и радикализма.

Интегральной характеристикой эффективной информационной политики является управляемость, которая означает ту степень контроля, который управляющая подсистема осуществляет по отношению к управляемой, и определенную степень автономии, которую управляемая подсистема сохраняет по отношению к управляющей. Границы управляемости подвижны, они зависят от сложности управляемого объекта, влияния внешних и внутренних факторов на динамизм и целостность системы. Обеспечение управляемости информационных потоков в полиэтничном социуме показывает, что политика – это не только наука, но и искусство, что также во многом доказывает определяющую роль элиты в обществе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Юрченко И.В.* Адаптационные аспекты социальной безопасности в условиях глобализации // Теория и практика общественного развития. 2011. № 4.
2. *Панарин А.С.* Политология. О мире политики на Востоке и на Западе. М., 1999.
3. Проблемы устойчивого развития региона: информационная безопасность полиэтничного социума (на материалах Юга России). Краснодар, 2011.
4. *Морозов И.Л., Ефимов Н.В.* Информационные технологии в политике. Волгоград, 2001.
5. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России / под ред. акад. Г.Г. Матишова. Ростов н/Д, 2006.
6. *Матишов Г.Г.* Проблемы обновления многоукладного региона и задачи фундаментальной науки // Реалии многоукладного макрорегиона: потенциал обновления и препятствия развитию. Ростов н/Д, 2012.
7. *Боташева А.К.* Терроризм как феномен современной политической реальности. Ставрополь, 2009.
8. *Пригожин И.* Кость еще не брошена // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. М., 2002.
9. *Пригожин И.* Указ. соч.
10. *Бурдьё П.* Поле политики, поле социальных наук, поле журналистики // Социоанализ Пьера Бурдьё: Альманах российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. М.; СПб., 2001.
11. См. Образование против экстремизма. Махачкала, 2011.
12. *Юрченко Н.Н.* Аналитический прогноз эволюции административных практик в аспекте локально-региональной проекции по материалам Юга России // Вестник Адыгейского государственного университета. 2012. Вып. 2.

Социология и психология

УДК 316.723

Антипьев Анатолий Григорьевич

доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и политологии Пермского национально-исследовательского университета
тел.: (342) 236-12-79

Antipyev Anatoly Grigoryevich

Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sociology and Political Science of Perm State National Research University
tel.: (342) 236-12-79

Захаров Николай Николаевич

кандидат философских наук, профессор, ректор Прикамского социального института
тел.: (342) 261-80-06

Zakharov Nikolay Nikolayevich

PhD in Philosophy, Professor, Rector of the Prikamskiy Social Institute
tel.: (342) 261-80-06

**СОЦИАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ
РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ:
СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ**

**SOCIALIZATION OF MODERN
RUSSIAN YOUTH:
CONDITION AND PROBLEMS**

В статье рассмотрены основные проблемы социализации современной молодежи, выделены циклы социализации, а также обозначены пути и методы совершенствования работы с молодежью.

The article considers the main problems of socialization of modern young people. The authors have pointed out the cycles of socialization and have defined the ways and methods for improving the work with young people.

Ключевые слова: социализация, молодежь, циклы социализации, институты и факторы социализации.

Key words: socialization, young people, cycles of socialization, institutions and factors of socialization.

В научных подходах и оценках проблем современной российской молодежи нет единодушия. Одни исследователи и практики считают, что в социальном развитии молодежи в последние годы наметились позитивные тенденции. Многие острейшие ее проблемы частично или даже полностью решены. Такой оптимизм базируется прежде всего на определенных успехах в развитии экономики, проведении политической реформы, принятии и реализации национальных проектов по образованию, здравоохранению, жилищной, военной и ряду других направлений. В силу этого, по мнению представителей данной группы ученых и практиков, в изучении социальных проблем молодежи следует перейти от катастрофического подхода к анализу позитивных процессов и явлений, происходящих в молодежной среде.

Как нам представляется, истина находится где-то посередине: между катастрофическим и позитивным подходом.

Данное положение обоснуем в ходе изучения проблем социализации современной российской молодежи.

Известно, что социализация – это процесс, посредством которого индивид усваивает основные элементы культуры: символы, смыслы, ценности, нормы. На основе этого усвоения в ходе социализации происходит формирование социальных качеств, свойств, социальных норм и ценностей, благодаря которым человек становится субъектом общественной жизни.

Социализация – это процесс формирования в человеке социального «Я». Именно по уровню социализации молодежи во многом можно судить о степени решенности ее социальных проблем в современном российском обществе.

В социологической и педагогической литературе, среди практиков страны идет острая дискуссия о ядре социализации детей и молодежи. Одни видят ее в воспитании гражданственности, начиная с дошкольного возраста, но без авторизации и догматизма. Другие полагают, что таким ядром является здоровый образ жизни, законопослушность, уважение к личности, обществу и государству, высокая социальная активность и ответственность.

В данной работе мы придерживаемся второй позиции.

Переход современного российского общества на новую модель развития существенно осложнил социализацию молодежи. Сегодня усвоение человеком социальных норм и ценностей происходит в условиях анонии, характеризующейся отсутствием духовно-нравственной, да и в ряде случаев, правовой регуляции поведения и ведущей к дезинтеграции общества.

Причин такого положения много. Есть они и в экономике, и в политике, и в культуре, и в социальной сфере. Человек не может существовать, социализироваться без идеологии. В нашем обществе нет сильной социальной идеи, которая бы стимулировала развитие не только молодежи,

но и других социальных групп и институтов общества.

Опыт показал, что смена одной доминирующей идеологии – коммунистической, на неолиберальную не принесла позитивного результата, не способствовала формированию социальных ценностей и норм, отвечающих современным требованиям.

Ученые Института социологии РАН на основе, проведенных исследований в 2006 г. пришли к выводу о том, что «молодежь убедили, что реформы делались для нее. Сейчас она разочарована» [1, с. 7]. Это положение не опровергнуто жизнью и сегодня, что свидетельствует о неблагоприятном положении в обществе, о наличии серьезных проблем социализации молодежи.

В центре и на местах разработано множество программ и концепций, посвященных социализации молодежи. По этой тематике проведено большое количество исследований, защищены сотни кандидатских и докторских диссертаций. Однако реалии свидетельствуют, что их наличие почти не оказывает позитивного влияния на подрастающее поколение.

Такое положение объясняется рядом причин.

Во-первых, любая, сколько-нибудь крупная социальная проблема не может быть решена без учета общего состояния социума. Современное российское общество при некоторых позитивных тенденциях до сих пор остается «архаичным», т.е. отсталым [2].

При этом, как показывают исследования, позиции по целому ряду важнейших показателей с 1985 г. не улучшаются, а ухудшаются [3, с. 7]. Эта отсталость неизбежно отрицательно влияет на социализацию молодежи. Проблемы социализации молодежи в любом обществе, при любых условиях и обстоятельствах целесообразно рассматривать в трех направлениях:

- что общество может дать молодежи для ее развития и гражданского становления;
- что сама молодежь способна и может дать обществу для его прогрессивного развития;
- как полнее использовать потенциал молодежи в интересах ее собственной самореализации и развития всего общества.

Во-вторых, работа с молодежью строится преимущественно по отраслевому принципу. В ней участвуют структуры Министерства образования и науки РФ, Министерство здравоохранения и социального развития, Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей, МВД, прокуратура, многочисленные советы и комиссии, органы местного самоуправления. Их деятельность плохо скоординирована, слабо финансово обеспечена и чаще всего не эффективна.

В-третьих, социализация и воспитание детей и молодежи сегодня во многом оторвана от традиций и богатейшей истории своего народа. Учитель гимназии, писатель, философ В.В. Розанов в конце XIX в. в своей книге «Сумерки просвещения» справедливо писал, что одной из существенных причин, снижающих эффект воспитания является такая система воспитания, которая стоит «вне традиций своего народа, вне смысла своей религии, вне целого движения двухтысячелетней истории» [4, с. 12].

В-четвертых, молодежь как специфическая общественная группа крайне неоднородна в социальном отношении. Стартовые возможности различных молодежных групп зачастую несопоставимы. Для них характерно запредельное социальное расслоение. В силу отсутствия в обществе четкой стратегии развития, молодые люди ориентированы на разные социальные нормы и ценности, которые вступают в конфликт между собой. Мероприятия, проводимые государством, муниципальными структурами, политическими партиями, общественными организациями слабо учитывают это обстоятельство.

В-пятых, недостатки социализации молодежи во многом кроются в недооценке обществом и государством заботы о детях и молодежи. Возьмем, например состояние их здоровья. По данным Минздравсоцразвития РФ каждый год у нас умирает «от естественных причин» 15 тыс. детей в возрасте до 14 лет, а независимые эксперты называют – около 35 тыс. чел. Специалисты утверждают, что самый главный фактор нездоровья детей – плохое питание. О какой социализации может идти речь, когда молодой человек лишен самого ценного элемента – здоровья.

Показательная в этом плане комплексная программа «Дети России». В 2007 г. на ее реализацию был заложен 1 млрд р. Из них 800 млн – на строительство, причем по десяткам объектов. 200 млн выделено на медицинские профилактические меры. Получается в среднем 7 руб. в год на ребенка [4, с. 3]. Аналогичное положение просматривается и с молодежью.

Как следствие такой политики – большой процент нездоровой молодежи. Но это только одна из немногочисленных проблем.

Социализация молодежи происходит во всех сферах жизни общества. На молодежный возраст приходятся главные социальные и демографические события в жизненном цикле человека: завершение общего образования, выбор профессии и получение профессионального образования; начало трудовой деятельности; создание семьи; духовно-нравственное развитие.

Эти и другие циклы в жизни молодого человека непосредственно связаны с его социализацией, с утверждением своего «Я». Понятно, что такая последовательность в значительной степени носит условный характер, т.к., например, духовно-нравственное развитие человека, образно говоря, «вплетено» практически во все другие жизненные циклы индивида.

Рассмотрим проблемы социализации в рамках обозначенных циклов.

Первый цикл – это получение образования, в том числе профессионального.

Школа, после семьи, понимаемая в широком смысле этого слова, является важнейшим институтом социализации детей и молодежи, ведущим фактором социальной дифференциации и интеграции общества, воспроизводства и его устойчивого развития. Роль этого фактора возрастает.

В XXI в. рассчитывать на лидерство могут лишь страны и общества тотально образованные. Совершенно не случайно в развитых странах образование носит непрерывный характер. Оно стоит в центре внимания государства и общества.

К сожалению, наше государство долгие годы фактически отсутствовало в образовании, что не могло сказаться на нынешнем его состоянии. Согласно оценкам Министерства образования и науки РФ, в настоящее время 15% молодежи не получают полного среднего образования. Между тем, в конце 1990-х гг. Министерство давало цифру 3-4%.

В настоящее время образование провозглашено приоритетом в государственной политике. В этой области реализуется национальный проект. Позитивные плоды этого проекта уже проявляются в реальной жизни. Существенно выросли ассигнования, повысились требования к качеству образования, внедряются инновации в подготовке специалистов и многое другое. Все это, безусловно, способствует более успешной социализации молодежи.

Однако в системе образования есть еще существенные проблемы, которые требуют от государства и общества гораздо больших усилий и средств. Несмотря на широко разрекламированный национальный проект «Образование» и наличие некоторых положительных тенденций, предстоит еще очень много сделать.

Еще явно недостаточно финансирование системы образования. Так, в настоящее время за свое образование платят 53% студентов, что составляет 2,5 млн чел. Судя по выступлениям Министра образования и науки России Д.В. Ливанова, государство уйдет от всеобщего бесплатного высшего образования [5, с. 12]. Под угрозой финансирования со стороны государства находится и среднее образование. В развитых странах наблюдается иная тенденция.

Резкая социальная дифференциация между различными социальными группами привела к тому, что молодые люди имеют разные шансы в получении качественного образования, трудоустройства, жизненного успеха и доступа к инфраструктуре досуга.

Сокращается доля студентов – жителей села. Их шансы поступить в вуз в сравнении с шансами выпускников из крупных городов – во много раз ниже. Государство должно содействовать выравниванию стартовых возможностей различных категорий молодежи.

Модернизация образования не должна заключаться только в увеличении финансовой составляющей, что наблюдается ныне. Акцент должен быть сделан на повышение качества образования, на инновационные методы обучения, на разработку новых образовательных стандартов, основанных на рыночном спросе.

Российская власть признает, что государству не хватает собственных денег и организационных возможностей для реализации национальных проектов, в том числе в сфере образования. Поэтому призывает бизнесменов вкладывать средства не только в отдельные элитарные вузы, но и в развитие средних специальных учебных учреждений, школ и ПТУ.

Однако реакция на этот призыв со стороны бизнеса проявляется очень слабо. Модернизация образования почти не затронула систему дошкольного образования и воспитания. С вхождением в рыночные отношения произошло резкое сокращение детских дошкольных учреждений, что не может отрицательно не сказаться на социализации подрастающего поколения.

Вторым циклом в жизни молодого человека является трудоустройство и начало профессиональной деятельности.

С развитием рыночных отношений у молодежи появилось больше возможностей проявить себя, развить свои способности в трудовой, в том числе в предпринимательской деятельности.

Однако социализация в труде для значительной части молодежи является серьезной проблемой. Связано это с целым комплексом нерешенных вопросов, среди них: отсутствие должного количества рабочих мест, высокий уровень отчужденности от труда, слабая связь рынка труда с образованием и другие.

Как в масштабах страны, так и на региональном уровне, отсутствует обоснованный прогноз раз-

вития рынка труда, вследствие чего Министерство образования и науки РФ, его региональные структуры вынуждены принимать решения об утверждении контрольных цифр подготовки специалистов только на основании собственного анализа ситуации. В результате более половины выпускников профессиональных учебных учреждений работают не по специальности или не работают вообще. В силу этого общество и значительная часть молодежи не реализует свой потенциал.

Реальная жизнь требует максимального соответствия структуры профессионально-образовательного процесса на всех уровнях к потребностям рынка труда для того, чтобы избежать перепроизводства одних специалистов и недостатка в других. Там, где молодежь не находит возможности реализовать свои способности трудно ее мотивировать на учебу и труд. Здесь есть еще одна проблема. Многие выпускники профессиональных учебных учреждений не всегда способны защитить себя от произвола работодателей. В учебных заведениях их никто этому не учит. Не отработан механизм квотирования рабочих мест для выпускников профессиональных учебных учреждений. Этому мешает закрытость бизнеса и образования. Для их открытия нет соответствующей законодательной базы. Многие годы в стране идут разговоры о необходимости социального заказа на подготовку кадров, однако по большому счету до сих пор нет. Отсутствует реальное эффективное взаимодействие профессиональной системы образования с работодателями. Они четко не представляют, в чем именно заключается такое взаимодействие. И государство, и предпринимательское сообщество, и школа не уделяют должного внимания профориентации молодежи. А опыт в этом деле есть, как в развитых странах, так и в недавнем прошлом нашей страны – СССР. С высоты сегодняшнего времени с полным основанием можно утверждать, что при всех недостатках профориентации в советское время, была создана достаточно эффективная система подготовки молодежи к выбору профессии [6]. По нашему мнению, часть этого опыта с учетом новых условий может быть использована и ныне. Однако без государственной поддержки, мотивированности бизнеса эффективная система профориентации невозможна.

Практика и последние социологические опросы показывают: сегодня работодателям нужны не просто знающие специалисты, а специалисты с дополнительной подготовкой по иностранному языку, информационным технологиям. Нужны коммуникабельные, физически развитые профессионалы.

Естественно, развитию этих качеств в системе образования необходимо больше уделять внимания, в том числе формировать трудовую этику. Ее суть сводится к простому и понятному правилу: хочешь жить хорошо – трудись эффективно.

Следует также в корне менять психологию и управленческую культуру наших государственных и муниципальных деятелей и бизнесменов. В преуспевающих фирмах Запада давно руководствуются принципом: сначала производим квалифицированных людей, а потом продукцию.

В социализации молодежи в труде необходимо учесть и другие требования, которые могут проявиться в ближайшее время, среди них: вхождение нашей страны в ВТО, рост количеств мигрантов и как следствие повышение конкуренции на рынке труда. По данным специалистов в нашей стране сейчас уже более 12 млн. мигрантов. В этом мы уступаем только США.

Но дело не только в усилении конкуренции на рынке труда. Удастся ли россиянам (и не только русским) защитить тот образ жизни, уровень культуры и демократии, который был выстрадан ценой огромных жертв и лишений. Опыт современной Франции, ФРГ, Англии и других развитых стран показывает, что процесс вживания иммигрантов, преимущественно молодежи, в иное общество, в иную культуру происходит крайне сложно и конфликтно. Нашей стране есть возможность учесть негативный опыт и не допустить возникновения аналогичной ситуации, тем более примеры подобного характера, в нашем обществе уже есть.

Третий цикл в жизни молодого человека и его социализация связана с семьей. К сожалению, сегодня этот важнейший институт социализации находится в кризисе. Он теряет свое доминирующее влияние на подрастающее поколение. Это очень опасная тенденция. Вот почему российское государство и общество стремится переломить эту тенденцию. На уровне федерального центра и регионов приняты программы по поддержке молодых семей, обеспечение их землей и жильем. Начала работать ипотека. Есть и другие позитивные изменения в семейно-бытовой политике государства. Однако проблемы в этой области есть и они существенные.

Четвертый цикл в жизни молодого человека – это духовно-нравственное его развитие. К сожалению, эта важнейшая сфера жизни общества в большей степени подвержена негативному влиянию, тогда как ее значимость в жизни не только молодого поколения, но и всего общества чрезвычайно велика.

Сегодня в средствах массовой информации сняты практически все запреты, а без них мы теряем такое важное понятие как культура. Культура – это самоограничение, она защищает обще-

ство от упадка, от ослабления души. Частично этим можно объяснить рост девиантного поведения среди практически всех социальных групп, особенно ярко это проявляется среди молодежи, что свидетельствует о глубоком кризисе ценностных оснований общества, конфликте между личными и общественными интересами. Достаточно большой удельный вес преступлений совершаемых в стране приходится на молодежь.

Культ грубой физической силы, насилие для определенной части подрастающего поколения становится нормой сегодняшней жизни.

Уже многие годы беспрепятственно утверждается культ «независимого индивида»: молодое поколение и не только оно, одержимо персональным финансовым успехом, порой любой ценой.

В работе с детьми и молодежью пока нет системы комплексности, нет профилактики. Чаще всего она начинается только с совершения преступления и постановки на учет в органах милиции. Среди молодежи растет число маргиналов. Высок показатель самоубийств. Не уменьшается число детей – «социальных сирот», инвалидов, безнадзорных. Велик процент наркоманов, алкоголиков, проституток. В стране отсутствует единая база данных по детям и молодым людям, которые нуждаются в помощи со стороны государства и общества. Такую ситуацию нормальной, конечно, считать нельзя.

Резкий рост девиаций среди детей и в молодежной среде социально обусловлен. Нельзя не разделить позицию известного кинорежиссера А. Кончаловского, который «вынужден с горечью констатировать, что равнодушие нации к миллиону искалеченных русских детских душ – самый позорный факт для нашего народа и государства» [7, с. 10].

В заключение данной статьи можно сделать ряд выводов.

Молодежь сама по себе является важным фактором и индикатором общественного развития. Но молодежные проблемы надо искать не только внутри этой социальной группы, но и за ней, в обществе и государстве.

Пока же трансформационные процессы, происходящие в российском обществе, обуславливают значительную неопределенность жизненных ориентиров и приоритетов современной молодежи, что препятствует ее успешной социализации. Необходимо модернизировать старые социальные институты, не отвечающие требованиям времени, сформировать новые. При этом следует учитывать процессы снижения целенаправленного влияния государства и общества и усиления стихийных факторов на социализацию подрастающего поколения. Весомую роль здесь начинают играть Интернет и другие массовые коммуникации.

Перспективы развития молодежи, ее успешная социализация в значительной степени зависят от регулирования со стороны государства. От его сильной молодежной политики.

Сейчас сетовать на невнимание государства к молодежи вроде бы нельзя. Есть федеральные программы «Молодежь России», «Дети России». Аналогичные программы разработаны в большинстве субъектов Федерации. Совершенствуется правовая база. Идет работа по реформированию системы образования, семейной политики. И вместе с тем нельзя не видеть, что практически все без исключения программы и законы выполняются плохо, слабо контролируются. Они, как правило, ни финансово, ни организационно и ни информационно не обеспечены.

Так, еще почти два десятка лет бывший Президент РФ Б. Ельцин в своем Послании Федеральному Собранию России отметил, что «многие россияне до сих пор не знают, как в новых условиях отстаивать свои законные интересы – куда пойти, к кому обратиться, что рискованно, а что надежно; что можно, а чего нельзя. Они не знают, каковы обязанности различных государственных органов по защите прав граждан. Помочь людям приспособиться к быстро меняющимся условиям жизни – задача не менее важная, чем изменения этих условий» [8, с. 3]. Это трудный, очень долгий процесс. И начинать его следует с детского сада, как, впрочем, и весь процесс социализации молодого поколения.

Что изменилось за прошедшие годы?

Практически ничего. Скорее, риторика осталась прежней. По крайней мере, в правовом просвещении. Низкий уровень правовой культуры является еще одним фактором снижающим уровень социализации молодежи. По-прежнему наши реформаторы не понимают, что невозможно реализовать ту или иную идею без поддержки, понимания ее смысла и механизма людьми, которым предстоит ее реализовывать на практике.

В настоящей статье рассмотрены только некоторые проблемы социализации российской молодежи. В реальной жизни их гораздо больше. За рамками статьи остались такие проблемы, как политическая социализация молодежи, субкультуры и их влияние на становление молодых людей в качестве активных субъектов, влияние Интернета на молодое поколение. Заслуживает внимание исследователей и проблема политической социализации молодежи в мультикультурном обществе в условиях глобализации. Важно не только изучать эти и другие проблемы, но и вырабатывать наиболее эффектив-

ные пути и методы их решения. В этом деле должны быть объединены усилия государства, общества, различных общественных организаций, педагогов, ученых и др. Нужна коренная перестройка всех социальных институтов и агентов, обеспечивающих социализацию детей и молодежи, создание условий, мотивирующих молодежь на самосоциализацию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Баранов А. Права ребенка нарушаются уже в утробе матери // Аргументы недели. 2006.
2. Антипов А.Г. «Архаичное» общество и проблемы его модернизации // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 6; *Его же*. Российское общество: пути модернизации и инновации // Проблемы теории и практики управления. 2011. № 5.
3. Зыкова Т., Шадрин Т. Код успешности России // Российская газета. 2012. 22 мая.
4. Розанов В.В. Сумерки просвещения. М., 1990.
5. Ивойлова И. Физика твердого тела // Российская газета. 2012. 22 мая.
6. Антипов А.Г. [и др.] Профактиву о профориентации молодежи. М., 1978; Захаров Н.Н. [и др.] Система профориентационной работы в предпрофильной подготовке и профильной ориентации: монография. Пермь, 2005.
7. Кончаловский А.С. Позор России // Аргументы недели. 2006. № 12.
8. Ельцин Б.Н. Нет задачи важнее, чем утверждение в нашей стране авторства права // Российская газета. 1995. 17 февр.

УДК 070.1:316.3

Васильев Сергей Сергеевич

кандидат исторических наук, профессор кафедры социальных и гуманитарных дисциплин Северо-Кубанского гуманитарно-технологического института
editor@hist-edu.ru

ЗВУЧАЩИЕ СМИ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: АСПЕКТЫ ВЕРБАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

В статье с социально-философских позиций рассматривается развитие языкового сознания как части общественного сознания. Основное внимание уделяется изучению форм языка звучащих СМИ и их применению в различных произведениях массовой культуры. Проводится анализ последствий и результатов их влияния на массовое сознание за последние 20 лет.

Ключевые слова: звучащие СМИ, язык, сознание, информация, информационное общество, информационные технологии, влияние.

Vasiliev Sergei Sergeevich

PhD in History, Professor of the Department of Social Sciences and Humanities of the North-Kuban Institute of Humanities and Technology
editor@hist-edu.ru

SOUNDING MASS MEDIA IN THE SYSTEM OF LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF MODERN SOCIETY: ASPECTS OF VERBAL ACTIVITY OF MASS MEDIA WORKS AND THEIR INFLUENCE ON MASS CONSCIOUSNESS

The article considers the development of linguistic consciousness as part of public conscience from the point of view of social and philosophical positions. The main emphasis has been put on the study of linguistic forms of sounding mass media and their application in various works of mass culture. The analysis of consequences and results of their influence on mass consciousness during the last 20 years has been performed.

Key words: sounding mass media, language, consciousness, information, information society, information technologies, influence.

К анализу феномена языкового сознания как части общественного сознания в современном информационном обществе можно приступать, предварительно рассмотрев основные социально-философские категории данного процесса: «сознание», «информация», «информационное общество», «информационные технологии», «язык», «влияние», которые представляют собой общее направление – современные звучащие средства массовой информации.

Факты речи российских звучащих СМИ [1, с. 38-53], представленные в статье, могут на первый взгляд показаться не вполне однородными и объединяемыми лишь сферой их использования. Однако при внимательном наблюдении между ними обнаруживается связь. Так, официозный «постновояз», насыщенный косноязычием и двусмысленностями, вроде «контролировать ситуацию», щедро разбавленный сверхчастотным сленгом, как бы фантомизирующим действительность и предназначенным якобы для деидеологизации, а на деле – для реидеологизации, смыкается с субстандартной лексикой. Употребление ее символизирует освобождение от тяжелых оков тоталитаризма, победу общечеловеческих ценностей и, главное, – торжество этики и морали (понятий), выражающихся уголовным жаргоном. Вследствие внедрения жаргонизмов в массовое сознание носителей языка происходит широкое распространение и даже некая элитаризация вульгарной брани [2, с. 23-31].

К этим новациям примыкает поток американско-английских заимствований; они выступают проводником чуждых российскому менталитету культурных ценностей, более или менее явно при этом декларируя миф о нецивилизованности России, и ее реальное, совсем не завидное современное положение. Это сопровождается безапелляционной негативизацией и дискредитацией всего русского. Обилие рефлексивов не только показывает попытки говорящих конкретизировать содержание своих высказываний, но и сигнализирует о неустойчивости семантики и прагматики многих слов, соответственно – о зыбкости и слабой определенности картины мира. При этом нарушения норм и правил русского (нецивилизованного) языка – видимо, тоже как свидетельство окончательного преодоления пережитков мрачного тоталитаризма и благотворного раскрепощения – столь многочисленны, что, по сути, узус СМИ играет роль нормы.

В наше время русский литературный язык испытывает, с одной стороны, серьезное давление ненормированной речевой стихии. Наблюдается мощный напор жаргонной речи и детабуизация грубопросторечной, инвективной лексики и фразеологии. С другой стороны, отмечается наплыв иноязычной лексики, преимущественно английского происхождения, немотивированное и неумеренное использование такого рода слов главным образом из сферы финансов, торговли,

шоу-бизнеса, спорта, политики, особенно в текстах СМИ и рекламы.

В последние годы все чаще высказываются мнения, о необходимости регистрации фактов словоупотребления в телевизионной речи в целях их дальнейшей лексикографической обработки. Полезным было бы введение спецкурсов соответствующей тематики на филологических и телевизионных факультетах. Насущной потребностью является работа по повышению грамотности будущих журналистов. Это предполагаемые фрагменты большой и сложной деятельности, предусматриваемой федеральной целевой программой «Русский язык» [3, с. 101], положения которой, принятые еще в 1997 г., были, безусловно, актуальны, поэтому их осуществление должно было бы получать достойный общественный резонанс, в том числе и через средства массовой информации, однако не получило.

Принципиально важно, проводя культурологические и социологические наблюдения над языковой жизнью современного общества, стремиться выявить тенденции в использовании языковых средств, в их функционировании в повседневной речевой коммуникации, в различных ее сферах – социокультурных (в речевом обиходе тех или иных социальных групп, слоев), функционально-стилистических, жанрово-тематических [4, с. 115-117]. И конечно, прежде всего – в рамках литературного языка, организуемого системой общелитературных и стилевых норм, глубокими традициями национальной речевой культуры.

Не менее существенно выяснить (на базе анализа «поведения» языковых средств в реальной речевой коммуникации) проявления, действие эволюционных процессов, присущих языку вообще и конкретному (русскому) национальному языку на протяжении ряда эпох или в предшествующий период.

И здесь мы подходим к главному методологическому требованию при изучении языкового сознания, современной речи, процессов, протекающих в современном языке, в первую очередь – в современном литературном языке. Это требование состоит в обязательности исторического подхода к исследуемым явлениям «живой материи» языка. Ведь язык как часть сознания находится в постоянном движении. Он непрерывно обновляется, что прослеживается в средствах выражения мысли и эмоций, в передаче информации в результате его функционирования в обществе, благодаря его употреблению членами соответствующего социума – носителя языка в процессе их совместной жизни, сотрудничества, взаимодействия буквально во всех областях деятельности – общественной, хозяйственной, духовной...

Когда мы говорим «язык», имеем в виду конкретные языки, а в новой и новейшей истории – национальные языки, в первую очередь их существование в обыденном или массовом сознании. Наиболее репрезентативная форма реализации, форма социального, культурно-исторического существования – литературный язык, в нашем случае – русский литературный язык. Обращение к истории русского литературного языка, особенно в ее послепушкинский период, убедительно показывает, что наш литературный язык имеет исторически сложившуюся гибкую систему общелитературных, стилевых, жанрово-текстовых норм, в конечном счете оптимально приспособившуюся к новой языковой ситуации, к новым культурно-историческим обстоятельствам, в которых функционирует литературный язык в известный период его развития. Большую стабилизирующую роль в устойчивости этой системы и в ее «мягкой» перестройке под влиянием внешних воздействий играют стилистические нормы. Именно благодаря им речевые новации, попадая в литературные тексты, подвергаются влиянию устоявшихся, укоренившихся в литературном языке речевых средств и правил их использования в типических контекстах и ситуациях общения. Совершается сложный, во многом противоречивый процесс, с одной стороны, притирки варваризмов к сложившимся литературным нормам, и с другой – модификации литературных средств выражения под влиянием новых явлений, актуальных тенденций в использовании языковых средств в современной речевой коммуникации. В качестве примера можно привести пришедшие из жаргонов слова «беспредел» и «чернуха» [5, с. 63-67].

Философско-исторический взгляд на новые явления в современной русской речи убеждает, что многие подобные явления имели место в прошлом: наплыв иноязычных слов и выражений в петровскую эпоху и первую треть XIX в., две волны жаргонизмов в советское время, увлечение канцеляризмами в 1950–1960-е гг., пристрастие к диалектизмам во второй половине XIX в., возрожденное в СССР в 1920-х – начале 1930-х гг. [6, с. 12].

Литературный язык из перечисленных и аналогичных ситуаций выходит обновленным. Отбросив ненужное, наносное, социально ограниченное, узкопровинциальное, он совершенствуется прежде всего в синонимическом отношении, вырастает словарь, усложняется лексическая и грамматическая семантика, углубляется стилистическая структура литературного языка. Однако вни-

матерный взгляд на современные речевые новации убеждает, что эти новации в той или иной степени представлены в предшествующем периоде развития литературного языка. Во многих случаях их активизация обусловлена резко изменившимися условиями социального существования русского литературного языка в последние 20–25 лет [7, с. 290-298].

Высказанные соображения относительно языковой эволюции сознания подводят к мысли о том, что изменения в языке – естественный процесс, протекающий менее или более активно, даже бурно (последнее характерно для нашего времени, как, впрочем, и для 1920-х гг.). Новшества, грубо, резко нарушающие сложившиеся литературные нормы, приводят к нежелательным помехам в восприятии литературных текстов, к неоднозначному пониманию их интеллектуального и эмоционального содержания, смысловых и экспрессивных оттенков всего спектра языковых средств: слов, выражений, фраз, синтагм и их вариантов. Заботой о высоком уровне национальной речевой культуры как одного из основных факторов, формирующих языковое сознание современного человека, о правильности речи, обеспечивающей верность передачи информации, смысла и адекватность понимания текста при интеллектуальной и экспрессивной выразительности сказанного и написанного (особенно в СМИ), можно объяснить необходимость изучения новых явлений и процессов, наблюдаемых в современной речи, и просветительской работы в области лингвистического воспитания носителей русского языка [8, с. 117].

Мониторинг уровня языковой культуры российских звучащих СМИ, основанный на материале социологических исследований, проведенных в 2000 г. группой ученых ВЦИОМ, представляет социально-философские механизмы звучащей устной речи, особенности ее применения в СМИ [9, с. 38-53]. Главная задача мониторинга – заострить внимание на наиболее недопустимых или распространенных речевых ошибках и нарушениях литературных норм, а также представить возможные причины их активного внедрения в современную языковую действительность.

Итоги исследований языковой культуры звучащих СМИ, полученные в результате мониторинга, позволяют сделать ряд выводов:

1. Необходимо признать неизбежность ошибок в спонтанной речи. Сознательным нарушением этических и эстетических канонов являются инвективы и нарочитая грубость выражений в публичной речи. Это уродливое порождение примитивно понятой «демократизации» литературного языка. Статистически допустимый процент нарушений грамматической, лексической и стилистической правильности речи, от которых не застрахован даже носитель элитарной речевой культуры, составляют ошибки, связанные с особенностями речемыслительного процесса, когда говорящему приходится делать выбор между соперничающими в его сознании и одинаково возможными «планами артикуляции» или когда ситуация устного общения вынуждает его строить слишком длинную и сложную фразу, синтаксическая глубина которой превышает порог оперативной памяти.

Образно-ассоциативная основа речемыслительного процесса, в ходе которого мысль значительно опережает артикуляцию, приводит к тому, что смысл высказывания подчас передается им препозиционно, указанием основных смысловнесущих составляющих, без окончательного грамматического их оформления. Доминантой развертывания речи является также последовательное логическое выстраивание аргументации, направленной на агитацию и убеждение слушателей.

На речь любого говорящего выразительный отпечаток накладывает основная сфера его профессиональных занятий. Так, словоформы с ударением «прибылЕй, кондитерАм, дОговор, наготовЕ», как и штампы канцелярита типа «голодать по этому направлению, думаю, не придется...», характеризуют специалиста в области социально-экономической деятельности, привыкшего к языку хозяйственных отчетов. Но как бы осознавая эту свою особенность, говорящий, в целом хорошо владеющий литературной речью, хочет отчасти компенсировать канцеляритно-отчетную тональность стремлением придать некоторым своим высказываниям образно-афористическую форму. Таким образом, если персонология речевых ошибок и не может быть развернута на имеющемся материале в той же мере, что их апология и типология, направление подобного анализа вырисовывается довольно определенно [10].

2. Слово СМИ по-прежнему весомо. Особенно это касается издающихся долгое время (еще со времен СССР) и зарекомендовавших себя печатных изданий. Доверие к нему населения значительно выше, чем к слову, услышанному по телевидению, радио или увиденному в Интернете, которые нередко воспринимаются как средства развлечения. Однако и на радио, и на телевидении существуют систематически выходящие в эфир информационно-аналитические и публицистические передачи, слову которых люди доверяют. В результате слово и, возможно, его новое понимание или неправильное толкование и произношение закрепляются за определенными сферами употребления, создается традиция, идет последующее привыкание к необычному или непривыч-

ному выражению. Следовательно, СМИ искусственным образом закрепляют в сознании общества языковые модели, штампы и создают мифы.

В условиях информационной глобализации состояние языкового сознания и языка как его основной составляющей – это состояние говорящих на нем людей, те преобразования, которые происходят в речевом поведении носителей языка. Сегодня в России официальным языком по-прежнему является русский. По данным комиссии Совета по русскому языку при Правительстве РФ, сегодня около 285 млн чел. считают русский язык родным или вторым родным языком.

Состояние русского языка в социальной структуре общества за последние десятилетия резко изменилось. Существенные изменения происходят и в деятельности звучащих средств массовой информации, вектор динамики их развития значительно либерализован, снизилась ответственность за выпускаемый в эфир информационный продукт. Изменилось национальное языковое сознание, изменились и условия функционирования языка как его активной составляющей. Прежде всего это касается устной публичной речи. Расширение рамок публичной речи (телевидение, радио, митинги, собрания) дало возможность приобщить к ней новые слои населения. Кроме того, стал другим сам характер речи. В языке теперь проявляются личность, характер, своя мысль. Отсюда наличие ошибок, стилистических, синтаксических и пр.

Эпоха перестройки и последовавшие за ней 1990-е гг. по своим последствиям были подобны новой информационной революции. Переломные времена всегда вызывают сдвиги в языке. И несомненно, что исчезновение государства-деспота, ритуальной партийной риторики, идеологического насилия над языком в средствах массовой информации не могло не привести к изменениям в языке. М.С. Горбачев стал первым не читающим, а говорящим лидером. Понятно, что говорил он с шероховатостями и ошибками. Но его знаменитые «нАчать», «мышление», с ударением на первом слоге было свидетельством ранее невозможного. Раньше в тексте для выступления на телевидении ему бы расставили ударения в обязательном порядке, за этим следили специально обученные люди [11, с. 90].

Язык таков, каково общество, на нем говорящее. А российское общество в последние десятилетия пережило значительные либеральные изменения. Это коснулось и языкового сознания. Оно изменилось и во многом под влиянием СМИ. Здесь уместным будет предположить, что зеркало состояния русского языка – это коммуникативные возможности языка и речи СМИ.

В социальной философии существует разграничение между понятиями «коммуникация», «язык» и «речь».

Коммуникация – это путь сообщения, форма связи, акт общения между индивидуумами; общение информации одним лицом другому или ряду лиц. Ее основная роль социальная и техническая [12, с. 29].

Язык, по определению С. Ожегова, – это исторически сложившаяся система звуковых словарных и грамматических средств, объективирующая работу мышления и являющаяся орудием общения, обмена мыслями и взаимного понимания людей в обществе [13].

В Философском словаре понятие «язык» определяется следующим образом: «Язык – важнейшее средство человеческого общения. Язык неразрывно связан с мышлением; является социальным средством хранения и передачи информации, одним из средств управления человеческим поведением. Реализуется и существует в речи» [14, с. 764].

В современной социальной философии проводится четкое разграничение форм и функций коммуникации, языка и речи. Коммуникация исполняет социальную и техническую функцию в процессе передачи информации. Язык существует в языковом сознании говорящих, а речь имеет звуковую или письменную форму.

Речь каждый ведет о своем и по-своему, и у кого-то речь может быть безграмотной или косноязычной. Многие наши соотечественники считают, что настоящего русского языка уже нет, что он погиб под натиском иностранных слов и блатного жаргона. По мнению Л.Д. Реймана, тот факт, что среди наших современников много безграмотных людей, очевиден, но ведь так было всегда. Человек, который постоянно пересыпает свою речь иностранными словами или нецензурными выражениями, канцелярскими оборотами или словами-паразитами, засоряет именно свою речь, делает ее неприятной или невразумительной, но язык здесь не при чем, пока есть другие люди, умеющие им пользоваться. Язык – явление социальное, а не индивидуальное [15, с. 5-6].

Современное развитие языкового сознания проходит под влиянием двух конфликтующих сил. С одной стороны, отчетливо прослеживается активная линия воздействия на языковую литературную норму со стороны освобожденного потенциала разговорной речи с продвижением этой разговорной речи в публичную сферу, в массовое общение. С другой – существует не менее силь-

ное воздействие на литературный язык норм языковых стандартов государственного языка времен тоталитаризма. Эти две силы символизируют две разнонаправленные тенденции: эволюцию и диссолюцию современного языка [16].

Можно выделить три группы фактов: системные, культурно-речевые и этические, объясняющие отступления от литературных норм. Наибольшее число языковых ошибок связано, по мнению специалистов, с нарушением исторически сложившихся и устоявшихся этических и эстетических аспектов культуры речи [17].

Состояние русского языка в СМИ в последнее десятилетие вызывает серьезную обеспокоенность. Газеты, радио, телевидение, Интернет составляют сегодня основную сферу, в которой «живет» современный русский язык. За прошедшее десятилетие облик русского литературного языка в СМИ изменился. Наиболее заметны эти перемены в таких его разновидностях, как язык политики, публицистики, художественной литературы. Иной облик языку придает, прежде всего, новая лексика, бурным потоком хлынувшая на страницы газет, в теле- и радиоэфир.

С одной стороны, ясно, что сегодня сама тематика обсуждаемых проблем заставляет вникать в суть новых явлений, которые не были раньше предметом общественного диалога, требующих новых именовании и оценок. С другой – в политику, во власть, в СМИ пришли новые люди, которые по-новому ставят проблемы и по-новому их решают, по-новому устанавливают планку нормативности (литературности) использования языковых средств. Очевидно, единственным способом соблюдения разумного баланса между необходимым и допустимым в условиях действия обоих факторов (т.е. «новые проблемы» плюс «новые люди») остается целенаправленная работа по формированию нового уровня феномена языкового сознания тех, кто говорит с нами с телеэкрана, в радиоэфире.

С первого десятилетия XXI в. языковое сознание русского человека под воздействием кардинальных социальных сдвигов в России переживает активно развивающиеся процессы демократизации и либерализации. Эти процессы, освобождая творческую энергию языка, расширяя использование его эстетических и смысловых ресурсов, способствуют обогащению его выразительных возможностей и одновременно дают простор раскрытию коммуникативного потенциала говорящих. Однако нельзя умолчать о том, что под знаком неосознанного протеста против жестко предписываемых нормой правил словоупотребления и построения речи произошло снятие запретов на использование в средствах массовых коммуникаций стилистически сниженных, эстетически безобразных слов и выражений. Насыщение публичной речи вульгарными выражениями превратилось в признак доверительного общения, языковая раскованность приблизилась к языковой распущенности [18, с. 23-31].

Сегодня многие журналисты, комментаторы и ведущие, пришедшие на смену профессиональным дикторам, слишком смело «обогащают» русский язык новой лексикой и фразеологией, произношением, ударением и интонацией. Манипуляции с культурной и эстетически значимой составляющей публичной речи ослабили внимание публично говорящих и пишущих к правилам, порожденным объективными законами строения и функционирования русского языка.

Нужно подчеркнуть исключительно важную роль родного языка в процессе формирования мировоззрения и сознания человека, его приобщения к национальной культуре. СМИ, особенно электронные, создают благодатную почву для неуважительного отношения к русскому языку, оказывая непосредственное влияние на языковое сознание общества. А ситуация должна быть как в нормальной семье, где существует несколько книжных полок и где находится место для литературы любого жанра. Это и детективы, это и фантастика, но это и классика, и это толковые словари, литературные словари, которые обязательно, когда это потребуется, надо иметь под рукой. Стремление к тому, чтобы русская речь в СМИ приближалась к образцовой, – главный вектор позитивного развития. Достижение этой цели возможно лишь при кропотливой работе по возрождению культуры родной русской речи с опорой как на долгосрочную программу языкового воспитания общества, так и на конкретные, оперативные меры, направленные на повышение речевой культуры в СМИ. Долгосрочная программа Правительства РФ предполагает принципиальное изменение содержания преподавания русского языка в школе, которое должно строиться на обучении законам правильной, точной и выразительной речи [19], однако и спустя 15 лет с момента принятия многие ее положения так и не были внедрены в образовательный процесс.

При решении оперативных задач повышения культуры русской речи необходимо стимулировать работу педагогов-речевиков, лингвистов по развертыванию языковой критики – направления, целью которого стал бы анализ текущей языковой жизни общества, условий языкового взаимодействия личности и социума, языка СМИ. На радио и телевидении целесообразно организовать кон-

сультационную службу, в задачи которой входила бы языковая подготовка журналистов, выходящих в эфир. Следует также создать условия, при которых ведущие и комментаторы были бы заинтересованы в повышении индивидуальной речевой культуры и научились бы строго следить за собственной речью в теле- и радиоэфире.

Влияние звучащих СМИ на процессы формирования языкового сознания трудно переоценить, они способны как формировать языковое сознание человека, так и деформировать его. На арене русского языка сейчас разворачиваются драматические события. Стремительно нарастает словесный вал. Усиливается его эмоциональное и ментальное воздействие. Все новые позиции отвоевывает себе разговорная речь. Это гораздо далее идущий процесс, чем демократизация языка художественной литературы и газеты. Теперь язык прессы и звучащих СМИ все менее смыкается с книжно-письменным типом литературного языка, которому по-прежнему остаются верны лишь письменная, научная и отчасти деловая речь. Этот тип сокращает сферу своего распространения и во многих областях терпит вторжение ранее чуждых ему элементов, которые приходят на смену прежнему эволюционному его формированию и развитию.

Ситуация сопровождается сильнейшим раскачиванием и расшатыванием общепринятой литературной нормы. Ведь она изначально ориентирована на книжно-письменный тип, а если его языковые средства вовлекаются в область функционирования устной литературной речи, которая не была специально ориентирована на стандартную кодифицированную норму, то они легко подвергаются отстранению от нее. Информационная и официальная телевизионная речь испытывают огромное по силе воздействие устно-речевой стихии. Норма остается неизменной лишь тогда, когда диктор или ведущий зачитывает письменное сообщение. В остальных случаях она подвергается этому воздействию и реагирует на такую стихию нормативными колебаниями и отступлениями, которые могут доходить до полного несоблюдения нормы, т. е. речевых ошибок. Что касается свободно говорящих с телеэкрана многочисленных носителей литературного языка – непрофессионалов телевидения, то в их речи прослеживаются два явления: отход от стандартной литературной нормы и проявление визуальной устно-литературной нормы, которой они владеют и пользуются в обычных условиях.

Все же при выступлении по телевидению, по крайней мере в идеале, необходимо владение стандартной нормой, и это осознается говорящим. Поэтому многие не решаются говорить публично – они не уверены в своих возможностях следовать кодифицированной норме, особенно книжно-письменной. В то же время в телевизионной речи все более необязательным становится точный выбор языкового средства и все более обязательным обращение к устно-литературной норме, которая с кодифицированной не совпадает. Этот процесс становится все более принципиальным, все более определяющим облик современной телеречи.

Итак, в реальном функционировании современного русского литературного языка как основы для формирования языкового сознания личности, наряду с его основными коммуникативными сферами, все более возрастающее распространение получает область публичных речевых коммуникаций. Эта речь интеллектуализированного характера, на которой ведется общение с широкой аудиторией, речь, звучащая сегодня с учебной и научной кафедры, на конференциях и собраниях, по радио и телевидению, направлена в адрес широкой аудитории – коллективной или массовой. Она имеет важные задачи содержательного плана, соотносимые с теми, которые выполняются с соответствующими письменными текстами – научными, публицистическими, отчасти деловыми и художественными. В то же время устная форма ее осуществления делает ее соотносимой и с живой разговорной речью бытового характера. Этот тип литературной речи еще не получил всестороннего описания в исследовательском плане. Функционирующий литературный язык обслуживает коллектив пользующихся им говорящих применительно к самым разнообразным нуждам коммуникации. Чем более развито общество, тем многообразнее потребности общения. Утверждаясь общественной практикой, эти потребности постепенно ведут к возникновению определенных сфер общения, которые обычно обнаруживают тенденцию к исторической консолидации. Число таких сфер общения стремится полностью удовлетворить нужды коммуникации и поэтому увеличивается по мере их роста.

Как отвечает структура литературного языка этим процессам? Наблюдается ли однозначное соответствие: сфера общения – функциональная разновидность литературного языка, обслуживающая эту сферу? Такое положение просто и непосредственно соответствовало бы потребностям языкового общения: за каждой сферой была бы закреплена соответствующая область литературного языка.

Таким образом, перед нами противоборствующие тенденции дифференциации и интеграции литературного языка: растущие и расширяющиеся нужды общения требуют закрепления за соот-

ветствующими сферами своих языковых средств, определяющих структуры развития языкового сознания, а интересы нации требуют языкового единства. Если бы тенденции к дифференциации не противостояла тенденция к интеграции, произошел бы распад литературного языка. Между тем исторически обычно наблюдается обратное положение – рост, развитие и упрочение нации в государственности ведет к обогащению и развитию национального литературного языка, к упрочению его позиций, при этом СМИ выступают ключевым инструментом такого процесса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Мониторинг ВЦИОМ. 2000 г., июнь. М., 2000.
2. Земская Е.А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания. 1996. № 3.
3. Федеральная целевая программа «Русский язык». М., 1997.
4. Киселева Т.В. Коммуникативная корректность в языковой картине мира // Языковая семантика и образ мира. Казань, 1997. Кн. 1.
5. Булацкий Г.В., Прилюк Ю.Д. Социология общения: Журналистам о социальной природе и политических функциях общения. Минск, 1987.
6. Колин К. Угол падения, или Почему нравственность должна опережать научно-технический прогресс // Патриот. 2000. № 10.
7. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2002.
8. Почепцов Г.Г. Теория и практика коммуникации: от речей президентов до переговоров с террористами. М., 1998.
9. Мониторинг ВЦИОМ. 2000 г., июнь. М., 2000.
10. Там же.
11. Розанова Ю.М. [и др.] Публичная сфера и государственная публичная политика в современной России (Круглый стол) // Социологические исследования. 2000. № 10.
12. Основы теории коммуникации. М., 2003.
13. Философская энциклопедия: в 6 т. М., 1967. Т. 4.
14. Философский энциклопедический словарь / под ред. Л.Ф. Ильичева и др. М., 1983.
15. Рейман Л.Д. Информационное общество и роль телекоммуникаций в его становлении // Вопросы философии. 2001. № 3.
16. Почепцов Г.Г. Психологические войны. М., 2000.
17. Поляков В.И. Анализ сознания общества: социально-философский аспект: дис. ... канд. филос. наук. М., 2002.
18. Земская Е.А. Указ.соч.
19. Федеральная целевая программа «Русский язык». М., 1997.

УДК 101.1:316

Каракуц Карина Игоревна

соискатель кафедры философии Кубанского государственного технологического университета, ведущий консультант отдела информационного сопровождения (пресс-секретарь) Министерства курортов и туризма Краснодарского края
тел.: (918) 167-82-83

ПРОЦЕСС СОЗДАНИЯ И ПОНИМАНИЯ ИМПЛИЦИТНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ИНТЕРНЕТ-СРЕДЕ

В статье рассмотрено явление скрытого смысла как средства привлечения к восприятию PR-текста на примере интернет-среды. Выявлены механизмы понимания и определена специфика имплицитной информации, которая позволяет сформировать необходимые «ложные» умозаключения и тем самым манипулировать пониманием получателя. Для создания PR-кампании и формирования верного понимания продукта необходимо пройти ряд этапов изучения PR-объекта.

Ключевые слова: понимание, PR-текст, интернет-среда, PR-кампания, имплицитная информация.

Karakuts Karina Igorevna

Postgraduate Students of the Department of Philosophy of Kuban State Technological University; Leading Consultant of the Department of Information Support (Press-secretary) of the Ministry of Resorts and Tourism of Krasnodar Region
tel.: (918) 167-82-83

THE PROCESS OF CREATING AND UNDERSTANDING IMPLICIT INFORMATION ON THE INTERNET

The article considers the phenomenon of hidden meaning as a means of attracting the perception of PR-text based on the example of the Internet. The mechanisms of understanding have been singled out and specific implicit information, which allows to create the necessary "false" conclusions and thus manipulate the understanding of the recipient has been defined. To create a PR-campaign and to form proper understanding of the product a series of stages of studying PR-object must be undergone.

Key words: understanding, PR-text, Internet, PR-campaign, implicit information.

Сегодня мир невозможно представить без информации. «Кто владеет информацией – тот владеет миром» – был убежден премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль. И вряд ли с ним можно не согласиться. Наша среда настолько информационно насыщена и глубока, что порой задаешься вопросом: как это все один человек может понять? Каждый человек личность, индивид в обществе и у него есть свое понимание, свои стереотипы, предрассудки, своя культура и многое другое, что непосредственно может влиять на его понимание. И к чему это все может привести? В век новых технологий это имеет особое значение. Ежедневно мы сталкиваемся с определенного рода информацией: одна нас заставляет задуматься, другая проходит мимо, третья оседает у нас в голове и не дает нам спокойно жить, приводя, в конечном счете, к покупке (если эта информация была рекламного характера). PR-информация всегда служит целям коммуникативного воздействия на адресата. Основная цель коммуникативных стратегий в PR-кампании состоит в том, чтобы выделить объект среди конкурентных объектов и акцентировать или даже искусственно сконструировать его привлекательные для адресата свойства (реальные и/или символические). Таким образом, этот объект, его отличительные от других характеристики, формируют наше понимание.

Смысловая емкость рекламного текста, желание раскодировать глубинный, подтекстовый смысл являются сильной мотивацией, определяющей отношение к PR-объекту. Можно выделить явление скрытого смысла как средство привлечения к восприятию PR-текста, выявить механизмы понимания и определить специфику. Имплицитная информация позволяет сформировать необходимые «ложные» умозаключения и тем самым манипулировать пониманием получателя. Путем заинтересованности, вовлечения получателя в игру, загадку, привлечь его к завершеному восприятию и декодированию рекламных сообщений. Все это делает сам процесс понимания получателем приятным для самого себя, он вовлечен в декодирование и чувствует себя главным участником [1, с. 36].

Проведение скрытых PR-кампаний, которые позволяют создать полное понимание услуги у адресата, становится все более популярным в таком ресурсе информации, как интернет. Современная скрытая реклама имеет множество форм. Для каждого рекламируемого ресурса можно подобрать наиболее эффективный метод с учетом территориального признака, целевой аудитории, а также тематики. Товар или услугу важно представить потребителю таким образом, чтобы у него возникло понимание необходимости и исключительности данной услуги. Разворачивая дискуссии на форумах, в интернет-сообществах, на популярных блогах и, конечно же в социальных сетях, незаметно формируется понимание о товаре непосредственно у потенциального потребителя. Но отметим, что при этом не используется никаких рекламных роликов, баннеров и т.п. Для создания

PR-кампании и, соответственно, формирования верного понимания продукта необходимо пройти ряд этапов изучения PR-объекта.

Рассмотрим процесс создания и понимания PR-сообщений на примере интернет-ресурса. Во-первых, изучаем сам PR-объект, веб-сайт, сферу деятельности. Выявляем сильные черты «раскручиваемого» предприятия, определяем слоган, фирменный стиль, которыми будем руководствоваться при проведении PR-кампании. Этот этап важный и ответственный, так как слоганы будут использоваться в рекламных материалах, при проведении PR-кампаний на тематических форумах, популярных блогах и сообществах. Понимание сущности PR-объекта начинается именно со слогана. Например, в рекламном слогане «Что делает сигареты «N» особенными?» имплицитная информация подчинена стратегии дифференциации. Мы неявно понимаем суждение «Сигареты «N» являются особенными». Или другая фраза, используемая финансовой организацией, «Мы не строим пирамиды», подразумевает, что успех других предприятий этой сферы деятельности, возможно, основан на использовании финансовых пирамид, и поэтому этой финансовой организации больше оснований доверять. У адресата на уровне подсознания возникает понимание, при котором сравнивается один PR-объект с другим. Имплицитная информация часто используется в рекламной и PR-коммуникации также для присвоения объекту оценочных значений и повышения этой оценки. Например, «Почему "Волшебный" особенно полезен?» (реклама йогурта); «Что делает видеомэгафоны "Akai" такими замечательными?». Все эти вопросы имплицитно содержат оценочные суждения «"Волшебный" особенно полезен»; «"Akai" такие замечательные». Таким образом, можно создать тон PR-сообщения уже с первых строк [2].

Для формирования понимания PR-объекта у адресата, правильного составления PR-кампании необходимо провести анализ конкурентной среды. Практически у любого бизнеса есть конкуренция. Поэтому, прежде чем начинать проводить PR-кампанию, изучаем деятельность предприятий-конкурентов. И на основании сделанных выводов о продукции (услуге) конкурентов определяем рычаги влияния на потенциальную аудиторию, то есть формируем понимание у адресата, что продукция «А» лучше, качественнее, надежнее, чем другие. Таким образом, в ненавязчивых интернет-дискуссиях будет делаться упор на то, что эта фирма лучше конкурентной, основываясь на фактах и формируя понимание потребителя. В цепочке понимания: коммуникатор (фирма) – сообщение – адресат (аудитория) – понимание – коммуникатор (в лучшем случае, при понимании PR-сообщения). Исследование целевой аудитории является определяющим, которое впоследствии сможет помочь составить верное PR-сообщение, а, следовательно, понимание адресатом. Этот этап включает в себя две части работ: определение целевой аудитории исследования этой целевой аудитории (прежде всего это численность, социально-демографический и образовательный портреты, географическое распределение, квалификация, степень активности, наличие интересов и пристрастий). Данный этап PR-кампании призван определить параметры и формы воздействия на целевую аудиторию. Полученные в ходе проведенных исследований данные будут использоваться непосредственно при проведении PR-кампании. В случае большой продолжительности кампании эти исследования будут повторяться, сопоставляя новые данные с полученными ранее. Это позволит определить динамику изменения исследуемых параметров, что может быть использовано для более точного и долгосрочного планирования, а также для корректировки проводимых в рамках кампании действий. Стоит отметить, что пониманию мешают стереотипы, культурное и религиозное воспитание, социальный статус адресата [3, с 52]. Все это в совокупности может формировать неверное понимание и сводит эффективность PR-кампании к нулю. Итак, изучена целевая аудитория, сформированы «зацепки» для адресата в PR-сообщении, время приступить к проведению PR-кампании в интернет-ресурсе. Для этого используются самые посещаемые тематические форумы или подфорумы, популярные блоги, сообщества, социальные сети. Создание подходящей смысловой темы или поиск уже созданной, где ведется активное общение участников форума: ненавязчивая беседа с реальными участниками форума – неявная реклама в форме дискуссии. И, в конечном счете, дается ссылка-рекомендация. Сообщения должны быть уникальны, они не должны повторяться на последующих площадках. Понимание сообщений не выглядит как явно рекламное, они несут характер ненавязчивого общения простых посетителей форума. Идея имплицитных сообщений – заинтересовать посетителей форума именно Вашей продукцией (услугами) на примере личных положительных впечатлений от приобретенной продукции, пользования услугами и т.д. Люди больше доверяют товарищу, который посоветовал какой-либо товар или услуги, нежели навязчивым баннерам, контекстной рекламе и явной рекламе, которых полно в интернете. Именно, исходя из этого уже устоявшегося понимания у аудитории, PR-кампания такого плана является наиболее успешной.

PR-кампания в интернет-ресурсе – это наиболее специфический метод формирования понима-

ния у целевой аудитории. Интерпретация информации адресатом может быть непредсказуемой. Понимание может быть неадекватным. Ведь мы не видим человека по ту сторону монитора. Порой прямая реклама в форумах и в социальных сетях раздражает и тем самым вызывает искаженное понимание о товаре или услуге. Ссылка на другие ресурсы только лишь портит имидж компании и заставляет все это отправить в спам. Это в большинстве случаев только лишь вредит имиджу компании. ИмPLICITные PR-кампании в интернете дают позитивную информацию о товарах и услугах, тем самым создавая положительный имидж компании. Стоит отметить, что хорошо организованные PR-кампании не выглядят как реклама, они естественным образом вписаны в информационную среду, что ведет к заинтересованности потенциальных клиентов и к определенному их потоку.

Созданное в интернет-среде «сарафанное радио» дает определенные результаты. Информация о товаре начинает распространяться естественными путями – формируются своего рода отзывы в интернете о компании. Например, представители туристической фирмы завязывают беседу с посетителем и рассказывают о социальном проекте поддержки туризма студентов, инициаторами которого они являются. Посетитель — не студент, но и речь идет о будущем проекте, то есть путевку купить все равно еще нельзя. Социальный проект остается в памяти и понимание об этой туристической фирме уже формируется совсем другое – надежная, социально ответственная компания. Это пример «живого» завязывания контакта – по своему смыслу типичный пример PR- акции.

Таким образом, можно ненавязчиво начать беседу на форуме и внести свое понимание продукта. Предоставить аргументы, рассказать о преимуществах, указать несколько недостатков, но при этом выделить, что это продукт лучше, тем самым рассеяв уже имеющиеся стереотипы у реципиента. И в итоге, адресат уже имеет свое понимание о товаре и склонен к приобретению продукта именно этой торговой марки. Понимание в PR-кампании имеет решающее значение и показывает эффективность приложенных усилий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Шейнов В.П.* Эффективная реклама. Секреты успеха. М., 2003.
2. URL: <http://www.psycho.ru/library/190> (дата обращения: 07.11.2012).
3. *Воробьева О.П.* Текстовые категории и фактор адресата. Киев, 1992.

УДК 159.923

Квасова Ольга Григорьевна

старший преподаватель кафедры экстремальной психологии и психологической помощи
МГУ им. М.В. Ломоносова
тел.: (495) 629-41-67

К СОВРЕМЕННОМУ СОСТОЯНИЮ ПРОБЛЕМЫ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИЧНОСТИ

Изложены направления исследования временной перспективы личности последних десятилетий и дана попытка их переинтерпретации в рамках культурно-деятельностного подхода к личности человека в рамках определения временной перспективы как единства прошлого, настоящего и будущего в истории жизни личности в контексте темпорально-смысловой работы личности по конструированию опыта, идентичности человека в многообразном мире.

Ключевые слова: временная перспектива, темпоральная работа личности, темпоральная форма, конструирование опыта, нарративный анализ.

Kvasova Olga Grigoryevna

Senior Lecturer of the Department of Extreme Psychology and Psychological Help of Moscow State University named after M.V. Lomonosov
tel.: (495) 629-41-67

ON THE CURRENT STATE OF THE PROBLEM OF PERSONALITY TIME PERSPECTIVE

The directions in the research of time perspective of personality during the last two decades and the attempt of their reinterpretation in the framework of cultural and activity approach to personality in the framework of defining time perspective as the unity of the past, present and future in the life of personality in the context of temporal and content work of personality concerning design of experience, personality identity in the diverse world has been presented.

Key words: time perspective, temporal work of personality, experience design, temporal form, narrative analysis.

Парадигмальная трансформация современной науки от классической рациональности к неклассической, постнеклассической не в последнюю очередь затрагивает проблему понимания времени. В философии время даже в классических трактовках рассматривалось как априорная форма организации человеческого опыта [1]. В психологии только в последние годы наметился переход от структурно-морфологической трактовки психической деятельности к темпорально-динамической трактовке деятельности и других психических явлений. Наконец, нестабильность, неустойчивость динамических систем, которые становятся предметом современной науки, имеет множество альтернатив своего развития и требует пересмотра концепции линейной темпоральности, распространенной сегодня в научной литературе. Особое место в темпоральной структуре личности, психической деятельности занимает временная перспектива, прояснение и уточнение определения которой в связи с отмеченным парадигмальным сдвигом в современной психологии и стало основной целью данной статьи.

Изучение проблемы времени в психологии имеет длительную историю. В философии она занимает особое место в изучении переживания длительности у А. Бергсона, внутреннего сознания времени у Э. Гуссерля. Существуют авторитетные классификации изучения различных аспектов психологического времени [2; 3], рамки которых можно было бы раздвинуть. Так, в работах Н.Н. Брагиной, Т.А. Доброхотовой, Ю.М. Забродина, Л.В. Бороздиной, П. Фресса, Е.Е. Соколова, Д.Г. Элькина, Т.М. Козиной, Д.Н. Узнадзе отражены результаты исследований процессуально-динамических объективных временных характеристик психики, таких как скорость запоминания, скорость реакций, темпы, ритмы психофизиологических особенностей временной организации человека. С.Л. Рубинштейн, П. Фресс, Ж. Пиаже [4], Б.И. Цуканов и ряд других авторов изучали субъективное отражение объективного времени в виде образа длительности, врожденного чувства времени, способности к осознанной оценке времени. Все это показывает, что оценка времени при восприятии объективных длительностей, временных интервалов не является собственно субъективным отражением переживания времени, но свидетельствует о процессах конструирования и внутренней работы с этими темпоральными переживаниями. Например, в трактовке «временного кругозора» П. Фресса [5] предполагается способность личности к организации воспоминаний и предвосхищению будущего; в выделенных Б.И. Цукановым тау-индексах [6] существует индивидуальная мера переживания длительности, и человек меряет длительность самим собой.

Наибольший интерес у исследователей 2000-х гг. вызывает проблематика временно-пространственных ценностных отношений личности с миром. Вслед за С.Л. Рубинштейном, занимавшимся разработкой временной перспективы, о динамике жизни, ценностно-временной ориентации жизни писал в своих трудах В.Н. Мясичев, об общественно-исторической детерминации

жизни человека – Б.Г. Ананьев, о закономерностях в смене фаз жизни и доминирующих тенденциях Ш. Бюллер. В последнее двадцатилетие в работах К.А. Абульханова-Славской, Т.Н. Березиной, Л. Кублицкене, В.Ф. Серенковой исследуется личностная организация времени жизни и деятельности и времени жизненного пути, «личностного времени». Обсуждаются вопросы продолжительных интервалов времени в причинно-целевой концепции Е.И. Головахи и А.А. Кроника, конструкт трансспективы как способности соединять настоящее, перспективу и ретроспективу, предложенной В.И. Ковалевым, и собственно временной перспективы разрабатывается в работах Л.С. Франка, К. Левина, Ж. Нюттена, П. Балтес, Р. Кастенбаума. Ряд исследователей работают в рамках мотивационных, возрастных, психобиографических подходов.

Проблема временной перспективы занимает сегодня особое место в психологических исследованиях человеческого поведения, мотивации личности, когнитивных аспектов Я-концепции, динамических параметров, изучаются разнообразные характеристики и параметры временной перспективы. Наличие в структуре Я-концепции определенных временных модусов традиционно для психологических исследований личности. В работах У. Джемса в понятии Я-концепции присутствует не только актуальная самопрезентация, но и то, как сам индивид оценивает возможности своего развития в будущем, своего идеального Я.

Несмотря на интерес исследователей к проблеме изменения временной перспективы в кризисные периоды развития [7] (изучение временной трансспективы субъекта и ее возрастных изменений, связанных с разным ощущением течения времени, которое может субъективно ускоряться и замедляться, сжиматься и растягиваться, было показано в исследованиях Л.В. Бороздиной и И.А. Спиридонова, А.К. Болотовой и В.А. Штроо, Т.В. Березиной), а также в экстремальных жизненных ситуациях [8–12], эта область остается пока малоизученной и представляет собой изолированные друг от друга теоретические обобщения о психологии времени, разрозненные эмпирические факты и их обыденные интерпретации о «сгущении, сокращении, замедлении, ускорении», требующие дальнейшей тщательной проверки.

В связи с этим мы предприняли попытку обратиться к иным трактовкам в рамках подхода к времени как конструированию опыта жизни человека в темпоральной конструктивной работе личности. Рассмотрим, как различные аспекты изучения временной перспективы могут быть переинтерпретированы в соответствии с данным подходом.

Сегодня в ряде исследований отмечается и экспериментально подтверждается роль «прошлых» и «будущих» образов Я как непосредственных мотивационных составляющих социального поведения человека, рассмотренных, в частности, в работах Альфреда Шуца. Поскольку формирование Я-концепции рассматривается через призму идентичности, то основное внимание уделяется представлениям человека о своем ближайшем социальном будущем, например, как желание обретения позитивной социальной идентичности (в частности, в концепциях Г. Тэджфела и Дж. Тэрнера). Экспериментально авторами обнаружены временные различия в характере самоописаний, когда Я воспринимается как Другой. При описании человеком своих внутренних состояний его прошлые и будущие Я оказываются более бедными, нежели настоящие Я, что демонстрирует различие видов работы с опытом, которые использует человек, отчуждая нечто негативное в своем опыте, повторяя позитивные тенденции или же нацеливаясь на укрепление тенденций стойкости к бедствию. Н. Дубровина, выделяя специфические условия для формирования временной перспективы, при сравнении временной перспективы подростков, воспитывающихся в детских домах, где детское развитие происходит в более фрустрированной с точки зрения основных социальных потребностей среде, и российских школьников, воспитывающихся в благополучных семьях, обнаружила, что временная перспектива у них глубже и в ней присутствуют мотивы, связанные с реализацией более отдаленных целей, чем у их сверстников из детского дома, у которых преобладают мотивы ближайшего будущего.

Многие ученые одним из психологических последствий социальных кризисов считают нарушение временной перспективы личности, крушение жизненных планов и временную дезориентацию субъекта. Часто для этого используются обыденные представления и художественные метафоры. Например, указывается, что темпоральные характеристики предельных, экстремальных «модусов существования» включают в себя феномены: «обрыва временной перспективы», ее «сужения» или «жизни в отсутствие будущего» с отказом от ее планирования. Так, при исследовании особенностей жизненной перспективы у ветеранов войны в Афганистане и ликвидаторов аварии на Чернобыльской атомной станции, страдающих посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР) и не имеющих такового [13], изучена качественная структура изменения представлений о жизненной перспективе при психологической травме различного генеза. Рассматривались

эмоциональный компонент субъективной картины будущего – образ будущего и чувства, связанные с ним, а также когнитивный компонент – способность индивида проявлять активность по отношению к жизни, строить планы и их реализовывать. Тенденция к искажению перспективы усугубляется с ростом показателей травматизации. Обнаружено, что в случае военной травмы больше деформируется эмоциональный компонент перспективы будущего.

При анализе временной перспективы и отношения к прошлому, настоящему и будущему у различных социальных групп в условиях экономического кризиса в России [14] выявлено, что у большей части россиян временная перспектива сильно сокращена или не определена; значительное количество людей испытывают временную дезориентацию (преимущественная ориентация на прошлое и неопределенность временной ориентации); настоящее время оценивается как исключительно негативное, а прошлое – как позитивное. Люди, ориентированные на настоящее и будущее, выбирают эффективные стратегии совладания с трудностями, а ориентированные на прошлое – неэффективные стратегии.

Исследования подобного рода показывают, что линейный и однонаправленный характер трактовки временной перспективы сводит ее к так называемой стреле времени либо смещает на проблему фиксации на прошлом или будущем и подчеркивает позитивную роль ориентации на будущее, как делают многие авторы, в том числе ученики Ж. Ньютона, такие как В. Ленс и Т. Гьесме, выделяя ориентацию на будущее как центральный конструкт временной перспективы и тем самым ограничивая ее понимание.

Исследования Я-концепции и временной перспективы через призму автобиографической памяти также имеет определенную популярность. Получаемые в этом направлении феномены выросли из когнитивной трактовки, в рамках которой зародились. Так, в коллективном исследовании В. Нурковой, О. Митиной, Е. Янченко [15] изучается эффект «пика воспоминаний», заключающийся в непропорционально высоком количестве личных воспоминаний, относящихся к возрасту 15–30 лет, когда во временной организации культурно типичных жизненных сценариев выявляется событийное «сгущение». Наряду с этим в субъективной картине прошлого обнаруживается и индивидуальная конфигурация наиболее воспроизводимых автобиографических событий, которые группируются вокруг воспоминаний о переломных событиях жизни. Представляется, что выявленный факт может свидетельствовать о том, что жизненные события личности, в том числе автобиографические события, размещены в темпорально-смысловой структуре жизненного мира и располагаются в зависимости от смыслового содержания события, характеристик дискретности или связанности, направления, психологической близости, наличия переходных феноменов, конструктивной работы с опытом согласно трансформационной концепции темпоральной работы личности М.Ш. Магомед-Эминова [16; 17]. Тогда автобиографические воспоминания, связанные с желательными характеристиками для сохранения позитивного Я-образа, можно объяснить в терминах конструктивной темпоральной работы личности, направленной на конструирование историй, нарративов, автобиографий и наконец на конструирование идентичности личности.

Всевозможные искажения в воспроизведении событий жизни исследуются традиционно как экспериментально созданные ложные автобиографические взгляды, воспоминания и интерпретируются с точки зрения пристрастий человеческого сознания [18]. В исследовании роли влияния темпорального фокуса на интенсивность аффективных пристрастий в восприятии будущих ожидаемых событий изучались ожидаемые позитивные и негативные реакции на будущие и уже произошедшие события. Предполагалось, что чем больше человек фиксирован на ожидаемом событии и больше отрицает прошлый опыт, тем более ожидаемые реакции от будущего события кажутся интенсивными, и чем больше ожидаемые события рассматриваются через призму прошлого опыта, тем в меньшей степени прогноз этих событий будет интенсивно эмоционально оцениваться и переживаться [19]. Изучение отношения, взгляда человека на свое будущее и прошлое происходит часто путем побуждения людей в экспериментальной ситуации припомнить значимые эпизоды своей жизни [20]. Так, авторы показывают, что люди легко припоминают прошлые эпизоды, содержащие и взлеты, и падения, но склонны вообразить будущее как целиком позитивное, не уделяя большого внимания негативным аспектам будущего. При попытке воспроизвести будущие возможные события позитивные воспроизводились сразу, а негативные требовали на это больше времени [21].

Для объяснения подобных феноменов продуктивной представляется концепция темпоральности как деятельности человека по конструированию, порождению временной формы. Временная форма рассматривается четырехмерно: три модуса времени связываются в протяженную целостность. Если следовать этому подходу, то временную перспективу следует дифференцировать на временную форму и конструирование человеком временной формы, т.е. временной перспективы.

Временная перспектива с точки зрения различных аспектов ее традиционного изучения (динамическая Я-концепция, автобиографические воспоминания, а также протяженность, структурированность, плотность, экспансивность временной перспективы, соотношение ее с различными возрастными этапами и т.д.) также может быть подвергнута дифференциации. Например, темпоральную идентичность человека, а также «автобиографическую» идентичность личности необходимо отличать от темпоральной работы личности, в которой эта идентичность конструируется. Следовательно, во временной перспективе отмечается размещение бывшей, настоящей и будущей идентичности. Очевидно, что без признания темпоральной работы связывания в темпоральной протяженности этих темпоральных форм идентичности мы не можем объяснить целостность человека.

Конструирование опыта в процессе темпоральной, смысловой работы личности можно проиллюстрировать феноменами, обнаруженными при анализе воспоминаний ветеранов Чеченской военной кампании (1994–2000 г.), с которыми шла работа на базе кафедры экстремальной психологии и психологической помощи факультета психологии МГУ [22]. Исследования показали, что часто собственные воспоминания ветеранов начинают перемежаться с воспоминаниями их товарищей, членов их семьи – матери, брата, сестры, т.е. происходит изменение ткани самого текста повествований, дополнение чужими историями в результате работы со своим и чужим опытом, что в большей степени можно считать конструированием этого опыта и воспоминаний, нежели его простым воспроизведением. В процессе практической работы с «афганцами» и участниками боевых действий в Чечне было обнаружено, что описания своего опыта, своих переживаний, надежд, опасений, мыслей о прошлом и будущем изобилуют смещениями грамматических временных форм, устоявшихся в русском языке, инверсиями типа: настоящее в прошлом, прошлое в настоящем, будущее в прошлом, подтвержденными содержанием заполненных неоконченных предложений, где имеются высказывания типа: «Когда я думаю о прошлом, я думаю о будущем».

Исследуя, как люди оценивают переживания негативных и позитивных переломных (транзитных) периодов своей жизни, автор выявила, что при описании своих мыслей, чувств, действий не все склонны экстремальные, социально нежелательные события оценивать как оказавшие отрицательное влияние на их жизнь, а наоборот, демонстрируют, что такие события могут вызывать в настоящем положительные воспоминания и иметь позитивный смысл [23]. Превращение несчастья в личностный рост у человека, пережившего экстремальную ситуацию, согласуется с концепцией трехфакторной модели расстройство–стойкость–рост после травмы, когда человек кризисные драматичные переходные периоды своей жизни превращает во внутренней работе в значимые для своей личности позитивные накопления. Так, женщина, уцелевшая во время взрыва в 2010 г., описывая два негативных события, повлиявших на последующую ее жизнь, признается: «Впоследствии они превратились в крайне благоприятные события и оказали, пожалуй, самое значимое влияние не только на физическую жизнь, но и на структуру личности, индивидуальные характеристики». В подобных случаях позитивного исхода транзитных травматических событий у людей замечено преобладание факторов гармоничной временной перспективы (согласно выделенному оптимальному характеру этого показателя по опроснику ZPTI Ф. Зимбардо в адаптации А. Сырцовой [24]): «гедонистическое настоящее», «будущее», «позитивное прошлое».

Для дальнейшего обобщения и анализа понятия временной перспективы сформулируем следующее определение: временная перспектива – это темпоральное единство модусов прошлого, настоящего и будущего в истории жизни личности. Конструирование истории бытия личности происходит в темпоральной работе личности: опыт может приобщаться и отчуждаться, размещаться в жизненном мире человека в соответствии со смысловой работой. Опыт жизни не просто вспоминается, а конструируется в работе личности и размещается в пространстве жизненного мира в единстве модусов настоящего, прошлого и будущего.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Сочинения: в 6 т. М., 1966.
2. Абульханова К.А., Березина Т.Н. Время личности и время жизни. СПб., 2001.
3. Болотова А.К. Психология организации времени. М., 2006.
4. Фресс П., Плаже Ж. Экспериментальная психология. Вып. 6: Восприятие. М., 1978.
5. Джеймс У. Психология. М., 1991.
6. Цуканов Б.И. Время в психике человека. Одесса, 2000.
7. Толстых Н.Н. Хронотоп: культура и онтогенез. Смоленск; М., 2009.
8. Магомед-Эминов М.Ш. Позитивная психология. М., 2008. Т. 1.
9. Квасова О.Г. Трансформация временной перспективы личности в экстремальной ситуации // Конструирование психической травмы. 2-е изд. М., 2011.

10. Миско Е.А., Тарабрина Н.В. Особенности жизненной перспективы у ветеранов войны в Афганистане и ликвидаторов аварии ЧАЭС // Психологический журнал. 2004. № 3.
11. Муздыбаев К. Переживание времени в период кризисов // Психологический журнал. 2000. № 4.
12. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / под ред. Д.А. Леонтьева. М., 2004.
13. Миско Е.А., Тарабрина Н.В. Указ. соч.
14. Муздыбаев К. Указ. соч.
15. Нуркова В.В., Митина О.В., Янченко Е.В. Автобиографическая память: «сгущения» в субъективной картине прошлого // Психологический журнал. 2005. № 2.
16. Магомед-Эминов М.Ш. Позитивная психология. Т. 1.
17. Магомед-Эминов М.Ш. Трансформация личности. М., 1998.
18. Mazzoni G., Vannucci M. Hindsight bias, the misinformation effect, and false autobiographical memories // Social Cognition. 2007. Vol. 25.
19. Buehler R., McFarland C. Intensity bias in affective forecasting the role of temporal focus // Personality and Social Psychology Bulletin. 2001. Vol. 27.
20. Newby-Clark I.R., Ross M. Conceiving the past and future // Personality and Social Psychology Bulletin. 2003. Vol. 29.
21. Sanitioso R.B. Motivated self and recall: visual perspectives in remembering past behaviors // European Journal of Social Psychology. 2008. Vol. 38.
22. Магомед-Эминов М.Ш. Позитивная психология. Т. 1.
23. Квасова О.Г. Указ. соч.
24. Сырцова А., Соколова Е.Т., Митина О.В. Методика Зимбардо по временной перспективе // Психологическая диагностика. 2007. № 1.

УДК 316.2

Кощеев Эдуард Борисович

старший преподаватель кафедры социологии
и политологии Пермского национального
исследовательского политехнического университета
тел.: (902) 634-78-29

Koscheev Eduard Borisovich

Senior Lecturer of the Department of Sociology
and Political Science of Perm National Research
Polytechnic University
tel.: (902) 634-78-29

ТЕОРИЯ РАЦИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА В ИСТОРИИ СОЦИОЛОГИИ

В статье рассмотрена история социологии как науки, находящейся на стыке с другими, прежде всего, социальными науками. Условность сложившихся междисциплинарных границ обнаруживается при соотнесении теории рационального выбора с известными социологическими традициями. Социология в своей истории оказывается интереснее и богаче тех привычных схем, которые используют для ее конструирования. В такой интерпретации теория рационального выбора была и остается одной из движущих сил обновления социологической программы исследования.

Ключевые слова: теория рационального выбора, социологические традиции, рациональность, утилитаризм, дисциплинарные границы.

RATIONAL CHOICE THEORY IN THE HISTORY OF SOCIOLOGY

The article considers the history of sociology as a science at the border with other, in the first place, social sciences. The conventionality of the established interdisciplinary boundaries is revealed by correlating the rational choice theory with famous sociological traditions. Sociology in its history is more interesting and richer than the standard schemes that are used for its construction. In this interpretation the rational choice theory has been and remains one of the driving forces for renovation of sociological research program.

Key words: rational choice theory, sociological traditions, rationality, utilitarianism, disciplinary boundaries.

Если мы обратим внимание на современное состояние теории рационального выбора (ТРВ), то увидим, что в строгом смысле никакой единой стройной теории не существует. Мы интуитивно относим к ТРВ тех авторов, чьи рассуждения опираются на понятия «общественный/публичный выбор», «полная/ограниченная рациональность», «затраты/выгода», «полезность» и т.д. А между тем в работах этих авторов могут быть представлены разные подходы в социальных науках, отсылающие нас к таким известным ярлыкам, как «экономический империализм» или «парадигма рациональности». Представители «экономического ведомства» делают ссылки на классиков социологии и, наоборот, социологи все больше предпочитают высказываться в терминах экономической теории. В то же время кажется неразрешимым противопоставление «homo economicus» и «homo sociologicus». Все это неминуемо вносит путаницу в вопрос о том, что же такое ТРВ и каково ее место в социологии.

Мы будем говорить о ТРВ как теоретико-методологическом подходе в социальных науках, который опирается на ряд посылок, образующих его интеллектуальное ядро. Самая общая посылка звучит следующим образом: люди действуют рационально. Сегодня можно смело утверждать, что такие представители ТРВ, как Дж. Коулмен, Й. Элстер внесли свой вклад в социологию аналогично тому, как Г. Беккер и его ученики внесли вклад в экономическую науку, а Э. Даунс, М. Олсон – в политическую. При этом их всех объединяет не столько приверженность некоему постулату рациональности, сколько ориентация на преодоление, пересечение дисциплинарных границ, что неизбежно приводит к смене наших представлений о предметных и методологических особенностях социальных наук. Невольно задаешься вопросом: может быть нет и никогда не было никаких границ, а только неуверенные попытки их утверждения?

ТРВ встрянула все этажи социального знания, заставив нас задуматься о хрупкости научных традиций. Цель данной статьи сводится к тому, чтобы сделать набросок к реконструкции социологических традиций и тем самым показать условность сложившихся трактовок и прочтений истории социологии. Социология всегда была открытой наукой, опирающейся на широкий интеллектуальный ресурс из разных научных областей. Всякие попытки свести историю социологии к ограниченному набору «сюжетных линий», очистить ее от «чужеродных» имен и теорий кажутся сегодня неуместными. Ключом к реконструкции истории социологии для нас станет ТРВ или то, что Рэндалл Коллинз называет рациональной/утилитарной традицией [1]. Научную работу Коллинза, посвященную четырем социологическим традициям, мы используем в качестве главного ориентира в собственном исследовании.

Для начала отметим, что диапазон мнений и позиций по поводу продуктивности ТРВ в соци-

альных науках чрезвычайно широк: от принятия и защиты основных постулатов ТРВ [2] до неприятия, которое часто маскируется дежурными фразами о признании научного вклада ТРВ [3]. Можно встретить и конструктивную критику, характеризующую ситуацию с ТРВ как «головокружение от успехов» [4]. Мы не будем спорить о мнимых и явных завоеваниях ТРВ. Наша первоочередная задача – внимательно присмотреться к следующему тезису Р. Коллинза: «Строго говоря, рациональная/утилитарная традиция вообще не является социологической. Она пересекается с некоторыми разделами социологии и противостоит другим. Эта традиция была вовлечена в процесс формирования социальных наук как специализированных дисциплин, но в течение столетий она то входила, то выходила из моды» [5, с. 133-134].

Фактически, по мнению Коллинза, социология никогда не была связана с утилитаризмом, по крайней мере, с самого начала, пока она еще не выделилась в отдельную дисциплину. Г. Спенсер и У. Самнер в какой-то степени обращались к контрактам и рынкам, но ведущие теоретики социологии Э. Дюркгейм, М. Вебер, Дж. Мид, Т. Парсонс рассуждали совершенно в другой парадигме и часто начинали именно с того, что по их мнению было упущено утилитаристами. Коллинз старается показать, что социологический подход в корне отличается от всех версий утилитаризма и что ключом к пониманию самого этого подхода является социология Дюркгейма, поскольку именно Дюркгейм заложил свои принципы социологии в контексте полемики с утилитаристскими утверждениями. Моральные связи среди людей более фундаментальны, чем обмены на рынке – вот основной урок выдающегося француза.

В этом пункте Коллинзу вторят и российские социологи. В частности, В. Култыгин делает акцент на противоречии разных версий ТРВ и классических теорий в социологии. Он подчеркивает, что, следуя Дюркгейму, одна из главных задач новой науки социологии состоит в том, чтобы четко дистанцироваться от психологии и экономики не только с точки зрения изучаемого предмета, но и в терминах теоретических подходов. В противовес индивидуалистическим подходам общество должно рассматриваться социологией как общность сама по себе (*sui generis*), а не просто как агрегат из составных частей. Более того, рационально рассчитываемые подходы ограничены специфическими сферами социальной жизни, и даже в тех случаях, когда эти установки превалируют, обязательным условием их существования считаются разделяемые нормы и ценности [6, с. 27]. По мысли И. Девятко, размежевание социологического подхода с утилитарной традицией и как следствие с экономической логикой рационального выбора человека было неизбежно [7, с. 204-205].

Казалось бы, такая трактовка не может вызывать у нас серьезных нареканий. Но вот одна странность. Что делать с Максом Вебером? Коллинз, например, ничего не сообщает о двойственности теоретического вклада М. Вебера в социальные науки. Девятко же изначально относит Вебера к классикам интерпретативной теории деятельности, которая с очевидностью противостоит теориям практической рациональности (в том числе и ТРВ). Она же остерегает нас от переоценки существующих различий между социологическими теориями целенаправленной деятельности и инструментальной рациональности. По ее мнению, это в первую очередь телеологические теории, соответствующие метатеоретической объяснительной модели рационального социального действия и восходящие, в той или иной мере, к аристотелевскому «практическому силлогизму» и веберовской (!) программе исследования социального действия. Неудивительно, что многие сторонники последних версий утилитаризма, прежде всего теоретики рационального выбора, предпочитают возводить свою теоретическую родословную не столько к «экономическому империализму», сколько к веберовской инструментальной рациональности [8, с. 208]. Таким образом, мы сталкиваемся с любопытным научным и теоретическим фактом ретроспективного обновления. Сторонники современных версий ТРВ оказались вынуждены переосмысливать и переопределять их теоретические основы в надежде обогатить объяснительные модели.

Получается, что инструментальная рациональность Макса Вебера стала общим местом не только для интерпретативных теорий деятельности в социологии, но и для теорий практической рациональности. В качестве аргумента такой двойственности могут выступать типология социального действия, а также типы формальной и материальной рациональности, образующие стержень социологии Вебера. И. Девятко признает, что связь веберовской рациональности с теоретической политэкономией и моделью «экономического человека» несомненна. Философский утилитаризм и экономическая формализация идеи максимизации полезности повлияли и на взгляды Вебера в этом вопросе, и на формирование современной ТРВ.

Можно легко запутаться в том, как складывались теоретические традиции социальных наук, и, как следствие, вновь предпочесть упрощенную линейную, «ящичную» модель эволюции идей и взглядов. По нашему мнению, нет ничего противоестественного в том, что социология Макса Ве-

бера стала узловым пунктом для прошлых и будущих теорий, пусть даже и противостоящих друг другу. Вебер по-прежнему остается частью социологической традиции, как, впрочем, и Дюркгейм.

Рэндалл Коллинз умалчивает еще об одной фигуре, чью роль в истории социологии также нельзя назвать однозначной. Речь идет о Вильфредо Парето. Подчеркнем, что, с точки зрения большинства экспертов, современные версии ТРВ более всего обязаны идеям философского утилитаризма И. Бенгата и Дж. Милля, а также теориям классической политэкономии. Вклад утилитаризма заключался, прежде всего, в создании адекватного дескриптивного понятия для обозначения индивидуального, преимущественно материального, интереса, мотивирующего поступки людей. Этот интерес был обозначен как «полезность» и интерпретирован как свойство объектов удовлетворять желания индивидов [9, с. 209]. Парето, объединив в себе профессиональные роли экономиста и социолога, принял более умеренную идею полезности и первым подошел к формулировке теории рационального выбора, известной сегодня в теории социального выбора и общественных благ как Парето-оптимальность. Таким образом, теории «общественной полезности», а также «нелогического действия» Вильфредо Парето оказались связующим звеном между экономикой и социологией, между утилитарным и другими подходами в истории социологии.

Следующая фигура, на которой мы остановимся – Дж. Хоманс. Р. Коллинз признает влияние Хоманса и его вклад в рациональную традицию, одновременно противопоставляя его социологизму Дюркгейма и рациональному нормативизму Парсонса. Теорию обмена Джорджа Хоманса принято выводить из бихевиористских посылок. Индивидуальные поведенческие реакции, по Хомансу, являются универсальными психологическими посредниками между социальными фактами. Таким образом, в теории обмена сочетаются методологический индивидуализм и редукционизм – сведения «социального» к фундаментальным принципам психологии [10, с. 233]. Все это, правда, не мешает Хомансу называть в качестве своих предшественников Г. Зиммеля, М. Мосса и того же В. Парето. Неудивительно тогда, что социология, по его мнению, должна отойти от концепций, сформулированных для абстрактных социальных систем, которых никто никогда не видел, поскольку она уже накопила солидную основу для исследований человеческого взаимодействия.

Дж. Хоманс для нас интересен тем, что его теория строится на «трех китах»: экономической теории рациональности – психологической теории поведения – теории социального взаимодействия. При этом важно, что последняя теория в этом ряду выполняет роль «методологической стремянки» к объяснению социальной структуры – предметной области социологии.

Последний автор, к которому мы обратимся, – Джеймс Коулмен. Обсуждая теорию солидарности Хехтера-Коулмена, Коллинз указывает на сходство их решений со взглядами на солидарность Дюркгейма. Из этого следует, что утилитарная традиция, представленная современными версиями ТРВ, и традиция Дюркгейма, которая для многих синонимична самой социологии, долгое время спорили друг с другом: Дюркгейм против Спенсера, Хоманс против Парсонса, но в итоге пришли к общим основаниям [11, с. 174–175]. Справедливости ради отметим, что в устах Коллинза это не констатация факта, а лишь возможный (от себя добавим – весьма вероятный) сценарий. Однако, подчеркивает Коллинз, нельзя забывать, что Коулмен стоит на позициях ТРВ, считая, что социальные институты есть результат рациональных интересов деятелей, которые его сформировали.

И. Девятко связывает теорию Коулмена с парсоновским проектом общей теории структур социального действия [12, с. 253–255]. Иными словами, Коулмен взялся за проблему социального порядка и попытался с опорой на рационального индивида внести ясность в вопросе взаимодействия микро- и макроуровней социальной реальности. Сходство теоретических программ Парсонса и Коулмена заставляет нас вспомнить о фигуре Т. Гоббса как общей отправной точке тех научных традиций, которые впоследствии были несправедливо локализованы и противопоставлены друг другу. Любопытно, что Коллинз признает связь между теорией общественного договора Гоббса и парадоксом безбилетника, изложенным в разных версиях ТРВ [13, с. 137].

Таким образом, Р. Коллинз застывает в нерешительности. С одной стороны, он признает, что утилитарная традиция влияла на социологическую и входила в ее состав, но при этом никогда не была доминирующей, определяющей. И если их сближение неизбежно, то только на равной основе, в русле новых синтетических объяснительных моделей. С другой стороны, Коллинз отвергает разработки ТРВ в силу их объяснительной несостоятельности применительно к социальным явлениям. Он считает, что рациональные утилитаристы потерпели поражение в своих попытках объяснить коллективное действие, беря за основу изолированного индивида, преследующего собственные интересы.

Наша позиция состоит в том, что так называемая утилитарная традиция всегда была неотъемлемой частью истории социологии, как, впрочем, и экономики. И в этом нет никакого противоре-

чия. Проникая в социологию через работы М. Вебера, В. Парето, Дж. Хоманса, Дж. Коулмена и других авторов, она создавала то познавательное напряжение, благодаря которому состоялись известные нам социологические подходы и школы, которые в свою очередь дали толчок к появлению современных версий ТРВ. Последние никогда не были за пределами социологии. Так же как никогда не существовало истории социологии – автономной, замкнутой на социологическом (читай дюркгеймовском, парсоновском, любом другом) подходе, отвергающем посягательства со стороны бихевиоризма, психоанализа, утилитаризма или биологического эволюционизма.

Аксиомой в социологии (это же можно сказать и о науке вообще) является положение о том, что социальная реальность сложнее и многообразнее тех теорий, которые призваны ее описывать. История социологии – фрагмент той же самой реальности. Плохо не то, что, пытаясь внести ясность в этом вопросе, мы неизбежно конструируем ту или иную «историю» науки. Плохо то, что такие конструкции, приобретая статус привилегированных, священных традиций, могут помешать поиску новых научных решений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Коллинз Р. Четыре социологических традиции. М., 2009.
2. Цибелис Д. В защиту теории рационального выбора // Современная сравнительная политология: хрестоматия. М., 1997.
3. Култыгин В.П. Теория рационального выбора: возникновение и современное состояние // Социологические исследования. 2004. № 1.
4. Грин Д., Шапиро И. Объяснение политики с позиции теории рационального выбора: почему так мало удалось узнать? // Политические исследования. 1994. № 3.
5. Коллинз Р. Указ. соч.
6. Култыгин В.П. Указ. соч.
7. Девятко И.Ф. Социологическая теория деятельности и практической рациональности. М., 2003.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. Коллинз Р. Указ. соч.
12. Девятко И.Ф. Указ. соч.
13. Коллинз Р. Указ. соч.

УДК 316.4.066

Кривопусков Виктор Владимирович

кандидат философских наук,
заведующий сектором ЮРФИС РАН
rossotr.am@gmail.com

Krivopuskov Victor Vladimirovich

PhD in Philosophy, Head of the Sector of the South
Russian Affiliated Branch of the Institute of Sociology
of the Russian Academy of Sciences
rossotr.am@gmail.com

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

THEORETICAL PROBLEMS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH ON CONSOLIDATION OF RUSSIAN SOCIETY

В статье рассматривается ключевая проблема современного российского социума, а, следовательно, и отечественной социологии, – консолидации общества. Дезинтеграционные процессы на постсоветском пространстве России, вызванные распадом единой идеологии, самого государства и институциональной целостности с ее аксиологической составляющей, необходимо остановить на основе единения всех народов, населяющих многонациональную Россию. Однако в социологической науке теория консолидации еще не обрела единые концептуальные рамки. Поэтому в данной статье автор обосновывает необходимость систематизации и концептуализации социологической теории консолидации.

The article considers consolidation of society as the key-problem of the modern Russian society and, consequently, the Russian sociology. Disintegration processes in the Post-Soviet space of Russia caused by the collapse of ideology, the state itself and the institutional integrity with its axiological component, are necessary to be stopped on the basis of the unity of all the peoples of multinational Russia. However, in the social science the theory of consolidation has not yet found integrating conceptual frameworks. Therefore, in the article, the author proves the necessity of systematization and conceptualization of the sociological theory of consolidation.

Ключевые слова: российское общество, консолидация, доверие, безопасность, солидарность.

Key words: Russian society, consolidation, confidence, security, solidarity.

Доверие как продукт общественного развития и эволюции мировоззрения человечества в ходе социальной динамики отражает запрос общества на консолидацию, единение социальных сил и ресурсов, так и способствует достижению общих социальных целей в различных сферах общественной деятельности. В истории человечества встречались и присутствуют до сих пор различные отношения – власти и подчинения, согласия и конфликта, насилия и доброй воли. И всегда одним из важнейших вопросов выступал вопрос о том, как разрешить различные противоречия и конфликты в обществе, порождаемые самой природой организации общественной жизни, т.е. как предотвратить распад общества гибель цивилизации, сохранив тот или иной социальный порядок.

Точно суть данной проблемы отразил в своей работе Норберт Элиас: «Сегодня мы в самой социальной жизни обречены беспрестанно сталкиваться с вопросом, возможен ли, и если да, то как, порядок совместной жизни людей, который позволяет достичь, с одной стороны, согласия между различными потребностями и наклонностями, а с другой – всеми теми требованиями, которые ставит перед индивидами их совместная работа по поддержанию и функционированию социального целого» [1, с. 21].

Терроризм, насилие, жестокость, агрессивность принявшие масштабный характер в современном глобальном мире, вновь обострили проблему устойчивого развития и такого социального порядка, в котором не будет места таким, угрожающим безопасности общества, явлениям. Возможность формирования такого социального порядка, во многом, определяется мерой доверия, скрепляющей общественные и межличностные отношения и позволяющей им развиваться в русле консолидации общих усилий, на основе сплоченности, сходства базовых ценностных ориентаций.

Несмотря на то, что проблема консолидации общества является ключевой для современного дезинтегрированного и кризисного российского социума, утратившего единые ценностно-нормативные регулятивы, следовательно, и отечественной социологии, теория консолидации еще не обрела единые концептуальные рамки в социологическом знании. Сам термин «консолидация» в социологии встречается не так часто, как этого можно было бы ожидать в условиях разобщенности, атомизированности современного, и не только российского, общества, а также с учетом этимологии данного понятия (от лат. *consolido*), подразумевающего упрочение, укрепление, поддержку, объединение группы людей, организаций для усиления деятельности, борьбы за общие цели [2, с. 193]. Другими словами, этим понятием можно смело обозначать разновидность объединительных процессов в обществе.

О том, что данное понятие не является традиционным и активно используемым в социоло-

гии, говорит его достаточно скупая презентация в социологических словарях. Так, в одном из них дается информация о том, что консолидация представляет собой сплочение нескольких самостоятельных родственных по языку, культуре, образу жизни этнических групп в единый, новый более крупный этнос, а затем – нацию, представляющую из себя надэтническую социальную общность, объединенных единством территории, языка, культуры, экономической жизни, государственно-правовых установлений.

Данное определение сформулировано в рамках этнографического и этносоциологического направления и отражает только межэтнический характер консолидации общества, в то время как общесоциальный уровень консолидации предполагает учет различных аспектов функционирования социума.

Нет ничего предосудительного, отмечается в коллективной монографии российских ученых «Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение» [3], что в социологическом знании содержание понятия «консолидация» заимствовано из этнографии, где оно выражает процесс слияния близких по языку и культуре этносов (или их частей) в более крупные общности (народы, нации) в ходе развития социально-экономического и культурного взаимодействия, а также из этносоциологии, где выделяется межэтническая консолидация, под которой понимают происходящий в полиэтническом обществе процесс объединения различных этнических групп на основе определенных внеэтнических идентичностей (например, общегражданской или региональной без утраты собственной этнической идентичности каждой группой).

Консолидационные процессы гораздо чаще, нежели в социологии, рассматриваются в политологических исследованиях, где они связываются с взаимодействием институтов государства и гражданского общества, с деятельностью политической элиты, от которой зависят, во многом, политические стратегии развития государства, характер взаимодействия общества и власти и т.д. Как политический феномен консолидация общества представляет собой, по мнению Агеевой Е.А., сплочение граждан страны, основанное на внутреннем (ментальном, ценностном) согласии, по поводу понимания назревших общезначимых проблем и целей, связанных с их разрешением [4].

В социологии проблема консолидации российского общества имеет весьма широкий спектр исследования и в основном представлена контекстным характером: на ее фоне изучаются различные актуальные проблемы современного российского общества (проблема доверия, справедливости, культурного развития и т.д.).

В более выгодном свете оказалась проблема интеграции, да и сама категория социальной интеграции, очень близкая консолидации, но значительно более концептуализированная в социологическом знании. Вообще, консолидация и интеграция настолько родственные понятия, что провести между ними различие не так просто. Так, социальная интеграция в социологическом энциклопедическом словаре рассматривается как «совокупность взаимозависимостей, согласованности, скоординированности в действиях между элементами социальной системы, обеспечивающая ее внутреннее единство, целостность, гармоничное и эффективное функционирование, устойчивость и динамическую стабильность» [5, с. 151].

Если попытаться провести анализ различий в данных понятиях, то, видимо, основным фактором их разделения может выступать то, что интеграция определяет большую степень взаимопроникновения элементов социальной системы с возможным ассимиляционным исходом для одной из включенных в процесс интеграции сторон, иначе не получится гармоничного внутреннего единства, соответствующего интегрированному объекту. Консолидация, как нам представляется, в большей степени акцентирована на единении с целью достижения общих для консолидационной группировки цели при сохранении самобытности, уникальности и определенной автономности включенных в нее социальных элементов, субъектов.

Конечно, такое различие может показаться достаточно условным, но оно существует, поэтому в социологии гораздо чаще используется понятие социальной интеграции, которое выступает центральным во многих социологических концепциях и теориях (например, в социологических концепциях Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса и др.).

Проблема консолидации и ее теоретического анализа для российского общества стала первостепенной после распада СССР, когда некогда крепкое, сплоченное и сильное общество вдруг распалось, а вместе с ним и единая общность – советский народ. Социологическая теория в рамках изучения процесса консолидации призвана ответить на вопросы: какие факторы влияют на процесс консолидации и деконсолидации (снижения уровня сплоченности общества), кто выступает в роли основных субъектов социальной консолидации, какова роль политических и гражданских акторов в этом процессе?

Ни у кого из исследователей не вызывает сомнений, что в консолидации общества особая роль отводится доверию. В России проблема консолидации общества имеет относительно большее значение, чем во многих развитых странах, что обусловлено масштабами трансформационных последствий постсоветских преобразований, повлекших за собой значительное снижение уровня жизни большинства населения, рост бедности, анонимности, преступности, и в целом дезинтеграции и деструкции российского общества. Изменение общественной парадигмы развития российского общества привело к образованию системы социального неравенства крайне несправедливого характера. Возникла, по словам, В.И. Добренкова, беспрецедентная поляризация: страна оказалась расколотой на кучку миллиардеров и миллионеров, с одной стороны, и бедствующее большинство, с другой, и «в условиях углубления пропасти между богатыми и бедными государство теряет средства для сохранения мира и согласия» [6, с. 379-380].

Резкое социальное расслоение населения, рост бедности и безграмотности, снижение физического и социального здоровья россиян и, прежде всего, среди молодежи, тенденции депопуляции российского народа, рост экстремизма и ксенофобии, преступности, особенно в молодежной среде, и коррупции во всех жизненно важных сферах жизнедеятельности общества угрожают безопасности российского общества и его государственности.

Национальная безопасность России стала одним из самых приоритетных направлений государственной политики на современном этапе. В 2000 г. была принята Концепция национальной безопасности Российской Федерации, а также была разработана и принята Стратегия национальной безопасности до 2020 г. [7], которая выступает ключевым документом, определяющим порядок действий и мер по обеспечению национальной безопасности страны на долгосрочную перспективу.

Принятая Стратегия национальной безопасности призвана скоординировать деятельность органов государственной власти, государственных и общественных организаций по защите национальных интересов России и обеспечению безопасности личности, общества и государства. При этом основополагающими национальными интересами считаются: территориальная целостность государства, его политическое самоопределение и самоуправление; достойное место в мировом сообществе; процветание страны и населения на основе обеспечения прав личности и благополучия всех составляющих его социальных групп [8, с. 16-17].

Эффективности реализации политики национальной безопасности зависит также от того, существует ли диалог между властью и обществом, а также консенсус относительно базовых общественных ценностей. Иначе говоря, необходим высокий уровень общественной консолидированности, которая обеспечивается за счет единства целей и ценностей, интересов и потребностей, а, следовательно, консолидация может рассматриваться как процесс социокультурно и ценностно обусловленный.

На данный момент социокультурное пространство российского общества представляет собой хаотичное переплетение разнонаправленных и противоположных ценностных ориентаций, установок, которые пока сложно совместить в точке конвергенции, что выступает основным препятствием на пути к консолидации российского общества. Представители традиционной системы ценностей, которых еще достаточно много в России, придерживаются коллективистских ценностей, установок, определяющих поведение и мышление этих россиян и не желающих мириться с современной, по их мнению, крайне несправедливой ситуацией, сложившейся в России после перехода к рыночным отношениям.

В свою очередь, модернисты, представленные в основном поколением Перестройки и постсоветским поколением, ориентируются на рационально-индивидуалистические ценности западного общества, и точек соприкосновения между этими полярными группировками пока не наблюдается.

Социокультурный раскол в России, по мнению С.В. Патрушева и А.Д. Хлопина, многогранен и может интерпретироваться как субкультурный, этнокультурный, социально-профессиональный, регионально-поселенческий, «поколенческий», внутригражданский, социально-политический, внутри политических сил и т.д., а в основе социокультурного раскола лежит расхождение россиян в ценностных представлениях об общественном идеале и о реальном обществе [9, с. 301-302]. В таких условиях консолидация общества очень сложна, но жизненно необходима.

В качестве факторов, способствующих консолидации российского общества Агеевой называются объединяющие политические, этнокультурные, социальные, экономические идеи и действия; существование феномена политической консолидации общества хотя бы в период выборов; наличие базовых ценностей патриотизма, социальной справедливости, взаимоуважения и взаимопомощи, общую историческую судьбу народа; формирующийся консенсус по поводу демократических путей выхода России из кризиса, целей и задач реформ, роли государства и общества в этом процессе, в то время как среди препятствующих факторов ею выделяются невысокий социально-экономический уровень развития российского социума; несформированное гражданское общество;

наличие националистических проявлений; проявления ксенофобии; недостаточная эффективность правового регулирования рыночных, межэтнических отношений; противоречия между политикой федерального центра и регионов; продолжающиеся террористические акты, что и обеспечивает реализацию фрагментарной консолидации [10].

Решение проблемы консолидации российского общества зависит, во-первых, от глубокого и комплексного теоретического осмысления данного феномена с учетом исторической и социокультурной специфики социума, и, во-вторых, от консолидационного потенциала общества, который определяется наличием запроса общества на объединение и консолидацию усилий и возможностей для реализации этого запроса. В свою очередь, возможности общества определяются уровнем психологической, аксиологической, политической готовности всего общества к активному участию в жизни страны и решении ее проблем в рамках единой целевой стратегии и наличием социальных условий для этого. О каких условиях идет речь?

Конечно же, базовым условием для реализации консолидационных установок общества выступает наличие диалога между обществом и государством, между властью и гражданским обществом, а в полиэтничных условиях необходим и межкультурный диалог как важная основа консолидации социума. Важнейшим ценностным основанием консолидации общества является наличие высокого уровня патриотизма в стране, так как объединение совместных усилий для решения проблем общегосударственного характера возможно только на основе любви к Родине, ради которой люди готовы пожертвовать своими личными интересами и сплотиться вокруг национальной идеи, национальных интересов.

Следовательно, вырисовывается еще одно важнейшее условие консолидации – наличие национальной идеи – того, ради чего и для чего народ должен объединиться, преодолев локальные интересы и потребности.

Нельзя не сказать также о том, что без наличия в обществе социальной справедливости как олицетворения такого социального порядка, в котором существуют равные возможности для реализации жизненных планов и стратегий индивидов, находящихся на разных уровнях социальной иерархии, невозможна консолидация. «Россияне живут в эпоху, когда ими ощущается несправедливость в устройстве общества и, прежде всего, в экономической сфере и трудовых отношениях. В социальном сознании остается травма, связанная с распадом СССР» – справедливо указывают Л.В. Константинова и С.А. Константинов [11, с. 98].

Эта травма еще долго будет определять сознание и поведение россиян и останется в исторической памяти поколений. Нелегитимный характер сложившегося социально-политического порядка и режима власти, несправедливость в целом социального устройства современной России и неправовой характер осуществляемых социально-экономических и политических практик оказывают серьезное воздействие на дестабилизацию российского общества и нарастание в нем социальных противоречий, протестных действий, что не способствует консолидации российского общества, а наоборот, все устойчивее закрепляет дезинтеграционные тенденции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Элиас Н. Общество индивидов. М., 2001.
2. Современный словарь по общественным наукам / под общ. ред. О.Г. Данильяна, Н.И. Панова. М., 2005.
3. Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение. М., 2010.
4. Агеева Е.А. Политические аспекты консолидации современного российского общества (На примере полиэтничного региона): дис. ... канд. полит. наук. М., 2004.
5. Бабосов Е.М. Социология: Энциклопедический словарь. М., 2009.
6. Добренчиков В.И. Ценностно-ориентированная социология: проблемное поле постнеклассической методологии. М., 2011.
7. Указ Президента России «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» от 12 мая 2009 г., № 537.
8. Иззатдуст Э.С. Национальная безопасность России: институциональный контекст и человеческое измерение. М., 2010.
9. Патрушев С.В., Хлопин А.Д. Социокультурный раскол и проблемы политической трансформации России // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 6. М., 2007.
10. Агеева Е.А. Политические аспекты консолидации современного российского общества (На примере полиэтничного региона): дис. ... канд. полит. наук. М., 2004.
11. Константинова Л.В., Константинов С.А. Социальная справедливость в российском интерьере // Власть. 2012. № 5.

УДК 314:303.7

Ракачев Вадим Николаевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры
социологии Кубанского государственного университета
тел.: (918) 413-18-47

Rakachev Vadim Nikolaevich

PhD in History, Associate Professor of
the Department of Sociology, Kuban State University
tel.: (918) 413-18-47

Халафян Алексан Альбертович

доктор технических наук, профессор кафедры
прикладной математики Кубанского
государственного университета
тел.: (961) 514-74-38

Khalaphyan Alexan Albertovich

Doctor of Engineering Science, Professor of
the Department of Applied Mathematics,
Kuban State University
tel.: (961) 514-74-38

ОЦЕНКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КУБАНИ В 1930-1940-е гг. С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДОВ СТАТИСТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

ESTIMATION OF KUBAN POPULATION DURING THE PERIOD OF 1930-1940 USING STATISTICAL MODELING METHODS

В статье приводятся вероятностные оценки численности населения Кубани в 1930–1940-х гг. на основе отдельных статистических данных, позволивших рассчитать возможные варианты численности с учетом сложившихся тенденций динамики населения региона.

The article presents probable estimation of the population in Kuban during the period of 1930-1940 based on the individual statistical data that allows to estimate possible variants of population size taking into account existing tendencies of the region population development.

Ключевые слова: вероятностно-статистическое моделирование, демография, историческая демография, Северо-Западный Кавказ, Кубань.

Key words: probabilistic and statistical modeling, demography, historical demography, Northwest Caucasus, Kuban.

Материал подготовлен при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 11-06-00346-а.

Анализ демографических процессов в нашей стране сопряжен с целым рядом трудностей. Прежде всего, это вопрос полноты и достоверности статистико-демографических данных.

Проблема полноты и достоверности статистических данных существовала всегда, безотносительно к историческому периоду, политическому режиму, и прежде всего как проблема методологического и методического порядка. Уникальность нашей страны проявляется в том, что на протяжении нескольких десятилетий демографическая статистика рассматривалась как важный идеологический инструмент, способный оказать влияние на сознание масс, в связи с чем ставилась в угоду правящей партии, определялась «вождями», и, в конечном счете, скорее искажала, чем отражала объективное положение вещей. Различного рода статистические приписки имели место на самых различных уровнях: от рядового бухгалтера и счетовода, до таких масштабных акций как Всесоюзные переписи населения.

Переписи населения СССР 1937 и 1939 гг. проводились в сложных социально-экономических и политических условиях, что в свою очередь неизбежно ставит вопрос о достоверности полученных в ходе их проведения данных. Если с точки зрения статистики материалы Всесоюзной переписи 1937 г. отличала высокая степень достоверности, то власть поставила их под сомнение, и не столько из-за точности полученных данных, сколько именно потому, что перепись раскрыла сложную демографическую ситуацию в стране в результате форсированного строительства «нового общества».

Проведенная через два года – в 1939 г. перепись, предоставила результаты удовлетворившие власть, что было достигнуто за счет приписок и целенаправленной фальсификации данных. Проблема достоверности, таким образом, снова актуализируется при использовании ее материалов для изучения состояния и динамики демографических процессов.

Фальсификации, сокрытие от общественности и научного сообщества статистико-демографических данных, а так же их нерегулярность и разрозненность в период 1920-1930-х гг. побуждает обратиться при изучении населения к вероятностно-статистическим методам математики, позволяющим моделировать демографические процессы и структуры, определять масштабы демографических потерь и проч.

Одновременно необходимость пользоваться неполными и косвенными данными в последние годы выступает одним из побудительных мотивов развития математической теории. В отечественной и зарубежной науке достаточно широко осуществляются методологические изыскания в области математических методов, которые позволяют получать достоверные результаты по ненадежным и неполным данным [1, с. 13–14].

Демографические модели в виде прогнозов имеют исключительное значение. Как отмечает академик Струмилин С.Г. «Данные переписи ... при надлежащем их использовании позволяют нам на десятки лет вперед заглянуть в наше будущее..., т.е. тенденции будущего, которые целиком уже заключены в нашем настоящем, должны быть выявлены во весь их рост» [2, с. 40].

Для целей исторической демографии прогнозы имеют ретроспективное значение и в случае, когда демографические отношения подверглись деформации под влиянием той или иной катастрофы, сравнение данных демографического прогноза с действительностью позволяет определить эффект воздействия этой катастрофы в демографической области [3, с. 12].

Для оценки вероятной численности населения Краснодарского края и потерь, связанных с голодом, репрессиями в 1920-1930-х гг. нами были применены методы регрессионного анализа и аппарат временных рядов для построения вероятностно-статистической модели зависимости общей численности населения региона от исторического года наблюдения. Для построения модели были использованы разрозненные статистические данные, как во временном отношении, так и в административно-территориальном. Статистико-временной ряд представлен данными о численности населения региона за следующие годы: 1870–1916, 1920, 1923, 1926, 1937 гг. [4], а также данными о численности населения Северо-Кавказского края в 1926, 1928, 1931, 1933, 1934, 1940 гг.

Предварительно исходные данные были пересчитаны в границах Краснодарского края с учетом всех имевших место административно-территориальных изменений.

В регрессионном анализе моделируется взаимосвязь одной случайной переменной от одной или нескольких других случайных переменных. При этом первая переменная называется зависимой, а остальные – независимыми. Выбор или назначение зависимой и независимых переменных является произвольным (условным) и осуществляется исследователем в зависимости от решаемой им задачи. Независимые переменные называются факторами, регрессорами или предикторами, а зависимая переменная – результативным признаком, или откликом.

Если число предикторов равно 1, регрессию называют простой, или однофакторной, если число предикторов больше 1 – множественной или многофакторной. В общем случае регрессионную модель можно записать следующим образом:

$$y = f(x_1, x_2, \dots, x_n),$$

где y – зависимая переменная (отклик), x_i ($i = 1, \dots, n$) – предикторы (факторы), n – число предикторов.

В качестве инструментария вероятностно-статистического моделирования численности населения использовали статистический пакет прикладных программ STATISTICA 6.1 [5]. Регрессионные модели строили по историческим данным общей численности населения Кубанской и Черноморской областей с 1870 по 1916 гг. В качестве предиктора использовали условный год, равный разности реального года и начального года наблюдений – 1870 г.

Линейная регрессия имеет вид:

$$\text{Численность общая} = 197,7237 + 54,4491 \times \text{Условный год}$$

Значения коэффициента детерминации $R^2 = 0,968$ и коэффициента множественной корреляции $R = 0,988$, близкие к 1, свидетельствуют о высокой адекватности модели. Уравнение регрессии объясняет 96,8% исходной изменчивости и только 3,4% остаточной изменчивости остаются необъясненными.

Квадратичная регрессия имеет вид:

$$\text{Численность общая} = 320,9727 + 43,3799 \times \text{Условный год} + 0,184 \times \text{Условный год}^2$$

Значения коэффициента детерминации $R^2 = 0,966$ и коэффициента множественной корреляции $R = 0,988$, близкие к 1, свидетельствуют о высокой адекватности модели.

Регрессионными моделями были предсказаны значения общей численности населения с 1917 по 1926 гг., при этом были известны данные за 1920, 1923, 1926 гг. Результаты расчетов представлены в табл. 1. Возможные значения численности за 1939 гг., вычисленные по линейной и квадратичной модели, составили соответственно 4 227 и 4 538,4 тыс. чел. Построенные зависимости хорошо моделируют тренд демографических процессов, происходящих на Кубани, свидетельствующий о росте численности населения. Модели дают правдоподобный прогноз на 1939 г., но из-за монотонности не видят тенденцию резкого снижения численности в 1920, 1923, 1926 гг.

Для устранения этого недостатка была построена кубическая регрессионная модель зависимости общей численности населения Кубани от условного года за период времени с 1913 по 1926 г.: $Численность\ общая = - 377\ 440 + 21\ 268 \times Условный\ год - 395 \times Условный\ год^2 + 2 \times Условный\ год^3$

Значения коэффициента детерминации $R^2 = 0,98$ и коэффициента множественной корреляции $R = 0,99$, близкие к 1, свидетельствуют о высокой адекватности модели. Уравнение регрессии объясняет 98% исходной изменчивости и только 2% остаточной изменчивости остаются необъясненными.

Из таблицы видно, что при прогнозировании значений численности населения на период времени с 1917 по 1926 г. наиболее адекватными являются результаты, полученные кубической регрессией. Но из-за высокой скорости роста кубической функции получить достоверный прогноз на 1939 г. не удалось.

Таблица 1

Прогноз изменения численности населения
Краснодарского края на 1920–1930-е гг., тыс. чел.

Год	Условный год	Численность общая	Линейная регрессия	Квадратичная регрессия	Кубическая регрессия
1913	48	3104,2			
1914	49	3244,8			
1915	50	3281,9			
1916	51	3357,8			
1917	52		3029,1	3074,1	3286,6
1918	53		3083,5	3136,8	3219,3
1919	54		3138,0	3199,9	3135,6
1920	55	3035,6	3192,4	3263,3	3050,0
1921	56		3246,9	3327,1	2977,2
1922	57		3301,3	3391,3	2931,7
1923	58	2936,3	3355,8	3455,8	2928,0
1924	59		3410,2	3520,7	2980,9
1925	60		3464,7	3586,0	3104,8
1926	61	3312,5	3519,1	3651,6	3314,3
1939	74		4227,0	4538,4	

По известным статистическим данным и предсказанным кубической моделью значениям численности населения, был составлен временной ряд и использован мощный математический аппарат временных рядов для построения прогноза общей численности населения Краснодарского края на 1939 г.

Под временным (динамическим) рядом подразумевается последовательность наблюдений некоторого признака X (случайной величины) в последовательные равноотстоящие моменты t . Отдельные наблюдения называются уровнями ряда и обозначаются $x_t, t = 1, \dots, n$.

При исследовании временного ряда выделяют несколько составляющих:

$$x_t = u_t + \gamma_t + c_t + \varepsilon_t, t = 1, \dots, n,$$

где u_t – тренд, плавно меняющаяся компонента, описывающая чистое влияние долговременных факторов (убыль населения, уменьшение доходов и т.д.); γ_t – сезонная компонента, отражающая повторяемость процессов в течение не очень длительного периода (дня, недели, месяца и т.д.); c_t – циклическая компонента, отражающая повторяемость процессов в течение длительных периодов време-

ни свыше одного года; ε_t – случайная компонента, отражающая влияние не поддающихся учету и регистрации случайных факторов.

Для выявления периода цикличности в анализируемых данных использовали спектральный анализ, которым были выявлены циклы различной периодичности: в 18, 56, 14, 28, 11, 9, 7 и т.д. лет.

Моделирование временного ряда проводили при установках диалога *Одномерная АРПСС*: p – авторегрессии = 1; q – скользящих средних = 0; P – сезонных = 0; Q – сезонных = 0. Результаты прогнозирования методом АРПСС общей численности населения с 1927 по 1939 г. представлены на рис.1.

Прогнозируемое значение численности населения на 1939 г. составляет примерно 4 044 тыс. чел. при 95%-м доверительном интервале [2404,7; 6800,7]. Это означает, что с вероятностью 0,95 истинное значение численности населения в 1939 г. находится в указанном интервале. Из графика видно, что с увеличением даты прогноза доверительный интервал возрастает, т.е. чем отдаленнее точка прогноза, тем менее достоверным является его результат. Достоинством модели является то, что тренд предсказанных значений численности населения с 1927 г. в целом верно моделирует тренд исходных значений с 1870 по 1926 г., предсказанная на 1939 г. численность населения, которая составляет примерно 4 млн. чел., обладает исторической правдоподобностью. Недостатком является достаточно широкий доверительный интервал.

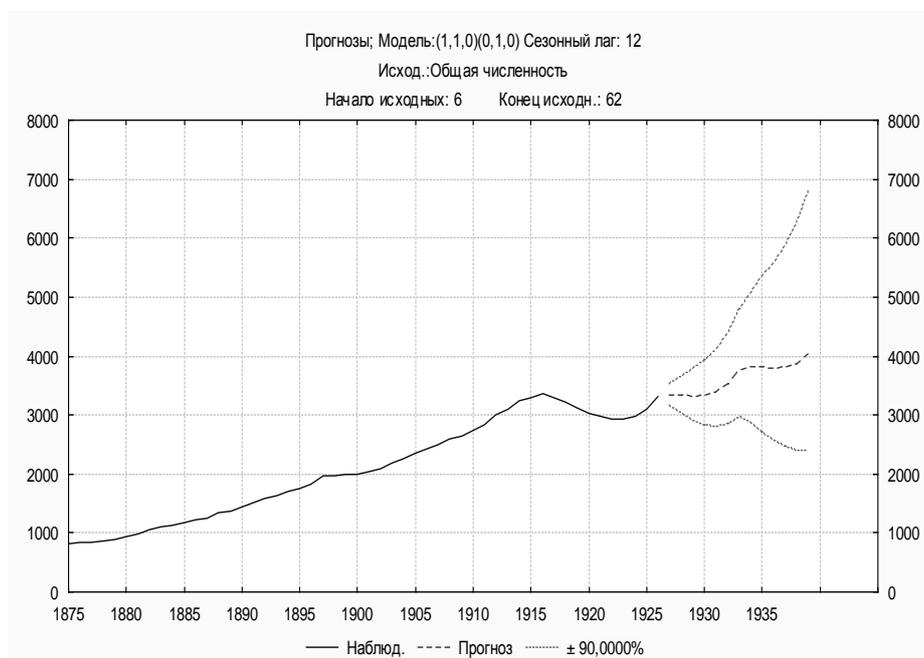

Рис.1. Прогноз изменения численности населения Краснодарского края на 1930–1940-е гг.

Простая и прагматически ясная модель временного ряда имеет следующий вид:

$$X_t = \beta + E_t$$

где β – константа; E_t – случайная ошибка. Константа β относительно стабильна на каждом временном интервале, но может также медленно изменяться со временем. Один из интуитивно ясных способов выделения β состоит в том, чтобы использовать сглаживание скользящим средним, в котором последним наблюдениям приписываются больший вес, чем предпоследним, предпоследним – еще больший вес, чем предпредпоследним и т.д. Простое экспоненциальное сглаживание именно так и устроено. Здесь более старым наблюдениям приписываются экспоненциально убывающие веса, при этом, в отличие от скользящего среднего, учитываются все предшествующие наблюдения ряда, а не те, что попали в определенное окно. Точная формула простого экспоненциального сглаживания имеет вид:

$$S_t = \alpha X_t + (1 - \alpha) S_{t-1}$$

Когда эта формула применяется рекурсивно, каждое новое сглаженное значение (которое является также прогнозом) вычисляется как взвешенное среднее текущего наблюдения и сглаженного ряда. Эмпирические исследования показали, что весьма часто простое экспоненциальное

сглаживание дает достаточно точный прогноз.

Очевидно, результат сглаживания зависит от параметра α (альфа). Если α равно 1, то предыдущие наблюдения полностью игнорируются. Если α равно 0, то игнорируются текущие наблюдения. Значения α между 0 и 1 дают промежуточные результаты.

Экспериментально по критериям качества модели удалось подобрать параметры модели экспоненциального сглаживания. Метод экспоненциального сглаживания реализовали посредством процедуры *Автоматического поиска* оптимальных параметров модели, которые приняли следующие значения: α (альфа) = 0,83; δ (дельта) = 0; γ (гамма) = 0. Прогноз на 1939 г. составил 3 952,539, что несколько меньше чем прогноз, сделанный методом АРПСС (4 043,977).

Посредством среднего процента годового прироста населения Северо-Кавказского края была оценена общая численность населения Краснодарского края на 1939 г., в состав которого вошли Кубанский, Майкопский, Армавирский, Черноморский округа и отдельные территории, ранее находившиеся в составе Северо-Кавказского края. Оценка достаточно грубая, так как основана на не вполне очевидных предположениях.

Предположение 1. Средний процент прироста населения Северо-Кавказского края является устойчивой и информативной характеристикой изменения численности населения края в период с 1926 по 1939 гг.

Предположение 2. Общая численность населения Краснодарского края изменялась в рассматриваемом периоде времени такими же темпами, как и население Северо-Кавказского края, т.е. имела такой же средний процент прироста.

Средний процент годового прироста населения Северо-Кавказского края определили посредством анализа динамики численности населения края с 1926 по 1940 гг., которая представлена в табл. 2.

Таблица 2

Динамика численности населения Северо-Кавказского края в 1926-1940 гг., тыс. чел.

Год	Численность населения	Процент изменения
1926	8364,1	
1928	8624,0	3%
1931	8123,7	- 6 %
1933	9878,7	22%
1934	9587,7	- 3%
1940	10494,0	9%
Сумма набл.		25%

В третьем столбце таблицы приведен процент изменения численности населения края, относительно численности за предыдущий период времени. Например,

$$3\% = ((8\ 624 - 83\ 664,1)/8364,1) \times 100\%.$$

По таблице легко посчитать, что суммарный прирост населения по данным численности за 1926, 1928, 1931, 1933, 1934, 1940 гг. составит примерно 25%. Тогда средний процент годового прироста населения с 1926 по 1940 гг. будет равен

$$25\% / 14 = 1,7857\%.$$

Тогда, предсказанное значение численности населения можно посчитать по формуле сложных процентов:

$$V_k = V_0 \times (1 + 0,017857)^k,$$

где V_0 – значение численности населения в начальный период времени (в нашем случае 1926 г.), k номер года на который строится прогноз, считая, что 1926 г. имеет нулевой номер. Например, 1939 г. имеет номер 13, соответственно 1940 г. имеет номер 14.

Если $V_0 = 3\ 312,5$, что соответствует общей численности населения Краснодарского края (в границах Кубанской области и Черноморской губернии) в 1926 г., то

$$V_{14} = 3\ 312,5 \times 1,017857^{14} = 3\ 312,5 \times 1,1116 = 3\ 683 \text{ тыс. чел.},$$

где V_{14} – это общая численность населения Краснодарского края в 1940 г.

Аналогично можно посчитать $V_{13} = 3\ 619$ тыс. чел. – предсказанную общую численность населения Краснодарского края в 1939 г.

Таким образом, посредством различных математических методов при различных уровнях достоверности и степени приближения, нами получено пять предсказанных значений общей чис-

ленности населения Краснодарского края на 1939 г.: 4 227,0; 4 538,4; 4 044,0; 3 952,5; 3 619 тыс. чел. Не будет ошибкой, если в качестве предполагаемого значения численности населения в 1939 г. воспользуемся средней арифметической по этим пяти вычисленным значениям, которое равно $(4\ 227,0 + 4\ 538,4 + 4\ 044,0 + 3\ 952,5 + 3\ 619,0) / 5 = 4\ 082,18$ тыс. чел.

Следовательно, справедливым будет утверждение, что общая численность населения Краснодарского края к 1939 г. при сложившихся темпах прироста и в условиях отсутствия катастроф должна была составить величину не менее 4 млн чел.

Фактическая численность населения Краснодарского края, показанная переписью 1939 г., составила 3 172 674 чел. (с Адыгейской АО) и 2 930 875 чел. (без Адыгейской АО) [6], исключая приписки 3 102 757 (с Адыгейской АО) и 2 865 046 чел. (без Адыгейской АО) [7, с. 91].

Такой значительный разрыв между предполагаемой и фактической численностью населения в Краснодарском крае позволяет говорить о значительных масштабах прямых и косвенных потерь населения региона вследствие голода начала 1920-х гг. и 1932-1933 гг., индустриализации и коллективизации, раскулачивания, принудительного переселения сотен тысяч кубанских семей за пределы края, репрессиями и депортациями представителей отдельных народов с территории края.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Кейфиц Н. Математический анализ населения // Демографические модели. М., 1977.
2. Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. М., 1957.
3. Россет Э. О познавательной ценности демографических прогнозов // Демографические прогнозы. М., 1973.
4. Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX–XX веках: этностатистическое исследование. СПб, 1996; Рассчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Кубанская область. Т. 65; Рассчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Черноморская губерния. Т. 70; Рассчитано по: Статистический справочник по Северо-Кавказскому краю. Ростов н/Д, 1925; Кубанский статистический сборник за 1929–1930 год. Краснодар, 1930; Население и хозяйство Кубано-Черноморской области (Таблицы к отчету СТО Кубчероблэко на 1 апреля 1922 г.). Краснодар, 1922; Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. Т. 5; Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом секретно: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М., 1996; Всесоюзная перепись населения 1939 г. М., 1940; Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 336. Д. 268. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Краснодарский край.
5. Халафян А.А. STATISTICA 6. Статистический анализ данных. Второе издание. М.: Бином, 2010.
6. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 268. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Краснодарский край.
7. Ракачев В.Н., Ракачева Я.В. Народонаселение Кубани в XX веке: историко-демографическое исследование. В 4-х т. Краснодар, 2007. Т. 2. 1930–1950-е гг.

УДК 316.61

Резванцева Марина Олеговна

кандидат психологических наук, профессор кафедры
Общей и педагогической психологии Московского
государственного областного университета
m-re@mail.ru

Rezvantseva Marina Olegovna

PhD in Psychology, Professor of the Department of
General and Educational Psychology of
Moscow State Regional University
m-re@mail.ru

РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ОСОЗНАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ КРИТЕРИЕВ ОЦЕНИВАНИЯ

Рассмотрены различия в осознании критериев оценивания подростками, зависящие от специфики деятельности в регионах СНГ из чего сделан вывод, что осознание критериев оценивания необходимо субъекту для успешного взаимодействия с группой. Подростки восточного региона проявляют лояльность к группе и более формально и в соответствии с традициями описывают критерии оценивания, в отличие от подростков западного региона, которые более индивидуально абстрактно их осознают, утверждаясь с их помощью среди сверстников.

Ключевые слова: осознание критериев оценивания, нормативно-групповое оценивание, нормативно-индивидуальное оценивание тавтологическое определение, альтруистическое определение, эгоцентрическое определение.

REGIONAL SPECIFICS OF REALIZATION OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL EVALUATION CRITERIA

The article considers regional (CIS) activity-specific differences in evaluation criteria realization by adolescents. Thus the conclusion has been drawn concerning the necessity for an individual to realize the evaluation criteria in order to facilitate successful interaction with a group. The adolescents of the eastern region of the CIS show more loyalty to the group and according to the traditions more formally describe evaluation criteria. In contrast to them the adolescents of the western region tend to realize the criteria more individually and abstractly and use them to gain acceptance among the peer group.

Key words: awareness of assessment criteria, standard group assessment, standard individual assessment tautological definition, altruistic definition, egocentric definition.

Оценивание является обязательным компонентом психической ориентировки и сопровождает любые действия человека. Как психологический процесс, оценивание чаще происходит автоматически и проявляется своим результатом – оценкой продуктов и ситуаций. Содержание же процесса оценивания обычно скрыто от наблюдения. Специфика нашего исследования заключается в том, что в нем впервые оценивание анализируется как организованный психический процесс.

Основополагающими для исследования оценивания в процессе социального взаимодействия явились:

- культурно-историческая теория (Л.С. Выготский), включающая представления о роли социальной ситуации развития в организации высших психических функций;
- теория деятельности (А.Н. Леонтьев);
- принципы социокультурной детерминации социального познания и взаимодействия (Г.М. Андреева, А.И. Донцов, А.А. Бодалев);
- теоретические положения о специфике организации деятельности в восточных и западных регионах СНГ (В.К. Шабельников).

В проведенных ранее исследованиях мы выделяем в структуре оценивания ряд операционально-технических и социально-психологических характеристик. К важнейшим из последних относятся: детерминированность оценочных категорий социальной группой; личностный смысл и мотивы оценивания, определяемые положением субъекта в социальной группе; психологические характеристики соотношения детерминированности оценочных категорий социальной группой и личностным смыслом оценивания; уровни интериоризированности социальных отношений; совпадение индивидуальных оценочных категорий, с категориями, принятыми в социальной группе.

В данной статье речь пойдет об исследовании оценивания на макросоциальном уровне, а именно степени совпадения оценочных категорий с социальной группой в западном и восточном регионах СНГ. Для подтверждения предположения о том, что оценивание носит социокультурный характер и включает в себя критерии оценивания, которые могут в разной мере осознаваться подростками из разных регионов СНГ, мы провели эмпирическое исследование, целью которого было изучить степень осознания испытуемыми критериев оценивания. Мы использовали методику «Незаконченных предложений», с помощью которой выявлялось, что означает для подростка использование ряда прилагательных для характеристики одноклассника. Испытуемыми выступили 145 подростков 15-17 лет из средних школ восточного (Алма-Ата и Кызыл) и западного (Москва и Подмосковье) регионов СНГ.

По степени осознания оценочных категорий ответы подростков из разных регионов СНГ можно разделить на три группы в зависимости от того, с кем соотносил испытуемый результаты осознания: оценивал – «для себя» («красивый» – «я, когда выплусь»), или «для других» – («трудолюбивый» – «тудяга, который помогает девочкам») и прочие определения – общие описания отдельных качеств (трудолюбивый – «человек, который любит процесс труда»), название конкретной ситуации или человека (трудолюбивый – тот человек, которого я очень люблю и уважаю – моя подруга Ай-Суу).

По группе западного региона осознание критериев оценивания одноклассников показало понимание испытуемыми заданных прилагательных. Были даны разнообразные ответы, которые подростки Москвы и Подмосковья, наряду с общепринятым значением, наполняют «своим» смыслом. Почти одинаково всеми испытуемыми оценивалось качество: «веселый», что говорит о единообразном его понимании. Среднее положение в оценивании качеств: «простой», «добрый», «трудолюбивый» и «полезный». Данный показатель свидетельствует о том, что наиболее одинаково усвоенными для московских подростков оказались качества: «веселый», «простой», «добрый», «трудолюбивый», «полезный», а более индивидуально ими осознаются категории: «уверенный», «теплый», «нежный», «смелый», «красивый». Ими был дан ряд оригинальных ответов, свидетельствующий о хорошем осмыслении подростками западного региона оценочных категорий.

Подростки восточного региона характеризуют оценочные качества по внешним проявлениям, описывают отдельные стороны взаимоотношений людей, а также указываются внутренние качества одноклассников, приводится много сравнений и конкретных примеров. Так, кызыльскими испытуемыми дается не общее определение качеству, а оно используется ситуативно, для характеристики определенного человека. Так, красивый определяется как «тот человек, который следит за собой, ухаживает и уверенно про себя говорит», что она «красивая», или «человек с большими карими глазами».

Математическая обработка (хи-квадрат, $p < 0,01$) подтвердила предположение о том, что у подростков восточного региона преобладает традиционно-альтруистический тип осознания оценочных категорий, а у подростков западного региона – эгоцентрический тип их осознания. Направление различий показано на рис. 1.

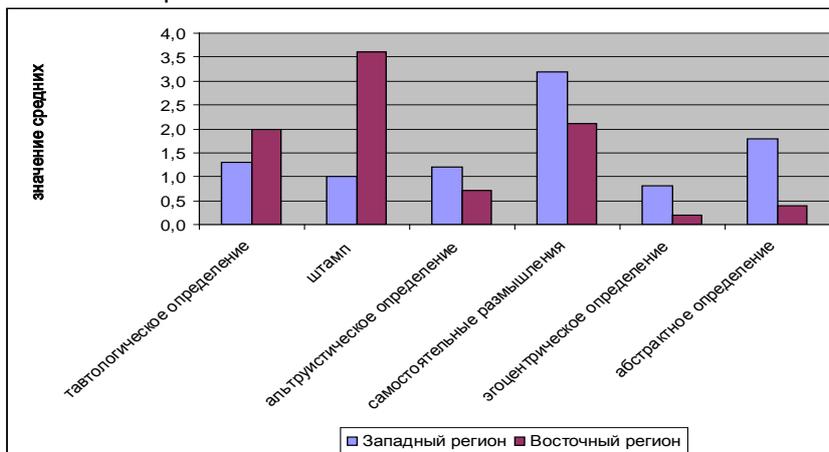

Рис. 1. Сравнение различных степеней осознания критериев оценивания старшими школьниками западного и восточного регионов.

Предположение о том, что в восточной группе оценивание используется для организации совместных с группой действий подростков и в их осознании преобладают нормативно-формальные определения и альтруистический тип оценивания подтвердилось. У подростков западного региона выявлено самостоятельное суждение об оценочных критериях и эгоцентрическое их осознание, которые необходимы им для выработки оригинальных оценок и утверждения себя с их помощью среди сверстников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Резванцева М.О. Социальный компонент в оценке: постановка проблемы // Вестник МГОУ. 2011. № 4.
2. Шабельников В.К. Демократизация Востока: психологические проблемы // Развитие личности. 1997. № 1.

Филологические науки

УДК 811.161.1

Гаджиева Марьям Магомедариповна

соискатель кафедры общего языкознания Дагестанского государственного педагогического университета
тел.: (988) 440-66-68

**СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
СРЕДСТВ ФОРМИРОВАНИЯ
ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО
И АВАРСКОГО ЯЗЫКОВ)**

В статье анализируются средства формирования отрицательных предложений в разноструктурных языках. Анализ производится на материале русского и аварского языков. Проведенный сопоставительный анализ способов построения отрицательных предложений в русском и аварском языках позволяет глубже понять природу языковой универсалии - категории модальности в разноструктурных языках, а также выявить сходные и отличительные черты в оформлении отрицания.

Ключевые слова: отрицание в русском языке, отрицание в аварском языке, отрицательные предложения.

Gadzhieva Maryam Magomedaripovna

Postgraduate Student of the Department of General Linguistics of Dagestan State Pedagogical University
tel.: (988) 440-66-68

**COMPARATIVE CHARACTERISTIC OF THE
MEANS OF NEGATIVE SENTENCES
FORMATION IN THE LANGUAGES WITH
DIFFERENT STRUCTURES (ON THE
MATERIAL OF THE RUSSIAN AND
AVARIAN LANGUAGES)**

The author of the article analyzes the formation means of negative sentences in the languages with different structures. The analysis is based on the material of the Russian and Avarian languages. The carried-out comparative analysis of ways of building negative sentences of the Russian and Avarian languages allows to understand more deeply the nature of language universals, the categories of modality in the languages with different structures, and also single out similar and distinctive features in the formation of negation.

Key words: negation in the Russian language, negation in the Avarian language, negative sentences.

Как известно, любой человек, высказывая свои мысли, дает оценку высказыванию с точки зрения подлинности, реальности того, о чем он говорит. Русский и аварский языки не составляют исключение, в них все, что высказывается о чем-либо, утверждается как реально существующее или отрицается как нереальное. Кроме того, как и во всех языках мира, здесь содержание высказываемого может мыслиться как возможное и невозможное, необходимое или вероятное, желательное или нежелательное и т.д. Такую оценку в предложении выражает модальность, «функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [2, с. 303]. Модальность является языковой универсалией, она принадлежит к числу основных категорий естественного языка.

Наиболее определенной модальностью в предложении русского и аварского языков выступает утверждение или отрицание смысла выраженной мысли. Вследствие этого предложения делятся на две группы – утвердительные и отрицательные с многообразными оттенками значения: подтверждения, сомнения, недоверия, возможности, невозможности, допустимости, недопустимости и т.д.

Деление предложений на утвердительные и отрицательные основывается на утверждении или отрицании информирующим того, что он сообщает. При этом утверждение/отрицание – это не противопоставление реальной и ирреальной модальности, а «лишь выраженное в предложении значение объективной модальности» [1, с. 146].

В отличие от утвердительных предложений, в которых речь идет об утверждении какого-либо явления действительности, в отрицательных предложениях отрицается признак предмета мысли, т.е. сказуемого.

И для русского, и для дагестанских языков характерны 2 типа отрицательных предложений: общеотрицательные предложения, в которых сферой действия отрицания может быть всё предложение целиком: *Их не пустили на трибуну* [3, с. 13]; *Дица ц1алиларо гьеб т1ехь*, или: *Дица ц1ализе гьеч1о гьеб т1ехь*. «Я не прочитаю эту книгу»;

частноотрицательные предложения, в которых отрицание относится не ко всему предложению в целом, а к какому-то его отдельному компоненту: *Как будто не себя, а ее он увидел* [3, с. 46]; *Дица гуру ц1ализе бугеб гьеб т1ехь*. «Не я буду читать эту книгу»; *Гьеб т1ехь гуру дица ц1ализе бугеб*. «Не эту книгу я буду читать».

Отрицание в языке может выражаться отрицательной частицей или другим отрицательным словом, например в русском языке показателем отрицания является частица **не** (*не пришел, не*

уходи, не русский, не вчера и т.д.): *Надежда на то, что на митинг не пребудет спецназ, была невелика, и она не оправдалась* [3, с. 58].

Отрицание в русском языке выражается также частицей **ни** (*на небе ни облачка; ни слуху, ни духу*): *Ни почти трехлетний плен не вспоминался, ни послевоенное жительство* [3, с. 93]; местоимениями и наречиями с **ни-** (*никто, ни о чем, никогда*): *Никто не спешил ему ответить* [3, с. 88]; предикативными местоимениями с **не-** (*негде, некому*): *Некому было поддержать разговор* [3, с. 80]; словами **нет, нельзя** и другими предикативами, прилагательными и наречиями с префиксом **не-** (*невозможно, нежелательно, неженатый, немного*): *...где-то голоса невидимых спутников, и позвякивает посуда, и проводника нет, и что-то невнятное мелькает за окном* [3, с. 72]. (Следует иметь в виду, что префикс **не-** может выражать не только отрицание, но и неопределенность, как в словах *некто, некий, некоторый*).

В русском языке наблюдаются также специфические типы отрицания: внутрилексемное и подразумеваемое отрицание.

Внутрилексемное отрицание может не иметь отдельного выражения, т.е. быть компонентом значения слова: *отказаться – «не согласиться»*, *сухой – «не влажный»*, *промахнуться – «не попасть»* и т.д.

Подразумеваемое отрицание относится, как правило, к целому предложению и растворяется в его общей семантике предложения: (*Много ты понимаешь!; Так я ему и поверила!*).

Основными выразителями общего отрицания в аварском предложении является набор отрицательных глагольных аффиксов, дифференцирующих:

а) прошедшее время (суфф. – **чио**): *Гъас жеги лъийниги квешлъи гъаби-чио, гьереси бицин-чио, бикъа-хъами-чио* [5, с. 115]. «Он еще никому зла не делал, не лгал, не воровал»; *Кочлохъан бечедагги вихъи-чио, глалимчи мискинагги вихъи-чио* [5, с. 130]. «Не видели певца богатого, бедного ученого тоже не видели»;

б) непрошедшие времена (суфф. **-ро**): *Глолохъанаб заман нахъ буссина-ро* [5, с. 13]. «Молодое время не вернется»; *Горцларасда вакъарав лъала-ро* [5, с. 206]. «Сытый голодного не узнает»;

в) повелительное («запретительное») и желательное наклонения (суфф. **-[у]ге**): *Инчлого къоги бецу-ге, вихъичлого чиги вецу-ге* [5, с. 318]. «Не хвали день, пока (он) не прошел, не хвали человека, пока (его) не увидишь»; *К1анц1у-ге!* «Не прыгай(-те)!».

Для выражения семантики противопоставления в качестве связки используются вспомогательные глаголы *гуро* и *гъеч1о* «нет»: *Доб къуруялда г1адада абубеб жо гуро «Беццаб къуруян»* [5, с. 192]. «Ту скалу не напрасно назвали “Слепой скалой”» и т.д. Он же используется в функции отрицательной частицы: *Гьелъуль гуро иш бугеб*. «Не в этом дело».

В частноотрицательных предложениях обязательной является семантика противопоставления, при этом обычно повторяется положительная форма глагола во второй части, а первый член противопоставления маркируется постпозитивным словом *гуро* 'нет': *Гъеб ч1обогояб хъами-наг1ана гуро*. «Это не пустое ругательство»;

Как видно из примеров, отрицательное предложение подобного вида представляет собой конструкцию с составным именным сказуемым, где отрицательный глагол *гуро* выполняет роль связки.

Усиление отрицательной семантики аварского предложения достигается за счет использования, во-первых, отрицательных местоимений, образуемых, как известно, от вопросительных с помощью частицы **-ниги**, ср.: *Дида щив-ниги дова ватич1о* [5, с. 18]. «Я никого там не видел».

Частица **-ниги** может присоединяться также к вопросительным наречиям, а также к числительному *цо* «один»: *Цо-ниги куплетальул маг1на бич1ч1изе толеб бук1инч1о* [5, с. 119]. «Ни одного куплета не было понятно»; *Дун цо-ниги миллатальул вакил гуро* [5, с. 46]. «Я не представитель ни одной национальности»;

Во-вторых, отрицательное значение приобретают в отрицательных предложениях вопросительные слова, маркируемые обобщительной частицей **-го**, которая в контексте может приобретать семантику отрицания: *Мух1амадида рокъов щив-го ватич1о* [5, с. 130]. «Магомед дома никого не застал»; *Дица гъезда щиб-го жо бицинч1о* [5, с. 108]. «Я им ничего не рассказал».

Если надо усилить мысль в сопоставляемых языках применяется двойное отрицание: *Под трибуной были развешены транспаранты с нелепыми надписями, которые никогда и никого не смогли бы побудить к поступку* [3, с. 64]; *Столалда тладги, шкафалда гъоркъги кибго дида гъеб батич1о* [5, с. 203]. «Ни на столе, ни под шкафом нигде я ничего не нашел».

При двойном отрицании в аварском предложении, как и в русском ни один из формальных выразителей отрицания не опускается: *Мун киего инаро*. «Ты не пойдешь никуда»; *Инчлого ч1оге!* Букв.: «Не оставайся не идя». Особенно часто двойное отрицание встречается в аварском побуди-

тельном предложении. Такую активность побудительных предложений, содержащих двойное глагольное отрицание, М.М. Халиков, исследующий стилистику аварского языка, относит к одной из типологических особенностей аварского языка [4, с. 148].

Проведенный сопоставительный анализ способов построения отрицательных предложений в русском и аварском языках позволяет глубже понять природу категории модальности в разноструктурных языках и выявить сходные черты в оформлении отрицания, основная из которых заключается в сохранении компонентов двойного отрицания; в качестве основного отличия можно отметить препозицию отрицания в русском языке и постпозицию в аварском языке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Золотова Г.А.* О модальности предложения в русском языке. М., 1973.
2. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
3. *Прилепин З.Н.* Санька. (Роман). М., 2006.
4. *Халиков М.М.* Основы стилистики современного аварского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Махачкала, 1997.
5. *Х1амзатов Р.Х1.* Дир Дагъистан (Гамзатов Р.Г. Мой Дагестан). Махачкала, 2008.

УДК 811.351.32

Ибрагимова Мариза Оглановна

кандидат филологических наук, доцент кафедры
общего языкознания Дагестанского
государственного педагогического университета
тел.: (988) 309-42-53

Ibragimova Mariza Oglanovna

PhD in Philology, Associate Professor
of the Department of General Linguistics of
Dagestan State Pedagogical University
tel.: (988) 309-42-53

РОЛЬ АТРИБУТИВИЗАТОРА -ДЫ/-Д В СТРУКТУРЕ ПАДЕЖНЫХ ФОРМ РУТУЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Анализ атрибутивизатора -ды, выявляющегося в структуре падежных форм рутульского языка и осложняющего его морфологию, способствуя возникновению омонимичных грамматических форм генитива и атрибутивизированных форм, необходим для глубокого исследования специфики сложной структуры имен существительных и субстантивов рутульского языка.

Ключевые слова: падежи рутульского языка; генитив в рутульском языке; атрибутивизация падежных форм в рутульском языке.

THE ROLE OF - ДЫ/-Д ATTRIBUTIVIZATOR IN THE STRUCTURE OF CASE FORMS OF THE RUTUL LANGUAGE

The analysis of -ды attributivizator, found in the structure of the case forms of the Rutul language and complicating its morphology promoting the formation of homonymous grammatical forms of the genitive and attributivized forms, is necessary for in-depth studying the specifics of the complex structure of nouns and substantives of the Rutul language.

Key words: Rutul cases, Rutul genitive, attributivization of the case forms in the Rutul language.

Падежная система рутульского языка обнаруживает ряд специфических особенностей, отличающих ее от систем падежей других дагестанских языков: совпадение форм локативного и направительного падежей во всех диалектах; совпадение в единой грамматической форме значений исходных падежей – элативов V и VI серий; активное функционирование косвенной основы со вставочными элементами при отсутствии традиционной для многих лезгинских языков косвенной основы, равной форме эргатива; способность падежных форм атрибутивизироваться, присоединяя показатель принадлежности **-ды** и т.д. Каждая из этих особенностей в отдельности характерна для дагестанских языков, но, сочетаясь и уживаясь в грамматической системе одного языка, они осложняют ее и придают своеобразие.

Характерной особенностью падежных форм существительных и субстантивов рутульского языка является то, что они способны атрибутивизироваться при помощи показателя **-ды** в единственном и множественном числе. Аффикс, выполняющий аналогичную функцию в цахурском языке «-na/ -n/ -ni», А.Е. Кибрик называет «атрибутивизатором», посредством которого образуются атрибутивы. [1, с. 193].

На то, что рутульский формант **-ды/-д** и цахурский атрибутивизатор **-на/-н/-ни** имеют единое происхождение, указывает выявленное Г.Х. Ибрагимовым в монографии «Цахурский язык» звукосоответствие: «В фонетической структуре аффикса генитива **-н** вторичен и восходит к ***д**». [2].

Отношения принадлежности в исследуемом языке оформляются при помощи одного и того же показателя – **-ды/ -д**, который служит совпадающим формантом генитива, показателем притяжательных и атрибутивизатором.

Формант **-ды/-д**, присоединяясь к различным частям речи, придает им семантику принадлежности/притяжательности. С.М. Махмудова отмечает относительно рассматриваемого аффикса: «Рутуловеды традиционно выделяют в рутульском языке родительный падеж. Однако некоторые формальные и семантические особенности той категории, которую описывают как родительный падеж, заставляют сомневаться в наличии сформировавшегося родительного падежа в рутульском языке. Это, во-первых, то, что аффиксы **-д** и **-ды**, отмечаемые традиционно за генитивом, выражают лишь семантику притяжательности ... во-вторых, аффиксы **-д** и **-ды** могут присоединяться к различным частям речи...» [3, с. 83].

Не отрицая факт наличия в рутульском языке родительного падежа, мы согласны с исследователем по вопросу о присутствии в нём категории притяжательности.

Глубокое исследование языкового материала позволяет обнаружить, что генитив в рутульском языке выражает не только семантику притяжательности, но и отношения меры, количества, группа – состав, часть – целое: *ямагад гъаьег* «кастрюля каши»; *хьывад дилим* «кусочек хлеба»; *парчидид метр* «метр ткани»; *хукад гаьри* «ветка дерева»; *ц1ысыд гыр* «тарелка супа» и т.д. Формы генитива, приведенные выше, могут занимать как препозицию, так и постпозицию по отноше-

нию к определяемому слову, тогда как формы генитива, выполняющие атрибутивную функцию, занимают только препозицию.

Атрибутивизатор **-ды/-д** в рутульском языке может присоединяться к основе косвенных падежей имени существительного: *дид* «отец» – *дидис* «отцу» (дат. падеж) – *дидисды* «предназначенное отцу», *дидыхъван* «с отцом» (комитатив) – *дидыхъванды* «которое с отцом», *дидыхъаъ* «чем отец, вместо отца» (компаратив) – *дидыхъаъды* «которое вместо отца», *дидыла* «с отца» (суперэлатив) – *дидылады* «которое с отца», *диддаа* «у отца, от отца» (адэлатив) – *диддаады* «которое от отца», *дидыхълаа* «из-за отца, от отца» (постэлатив) – *дидыхълаады* «которое из-за отца, которое от отца», *дидиклаа* «из положения соприкосновения с отцом», «из-под отца» (формально совпадающий контэлатив/субэлатив) – *дидиклаады* «которое от соприкосновения с отцом», «которое из-под отца».

Дидисды цыс за хъели ваъаси, бик1ерене люун бадана. – Для отца (предназначенный) суп я потом приготовлю, чтобы (он) горячим поел.

Дидылады бармак Камиле лывъыри. – С отца (которая) шапку Камиль надел.

Примеры присоединения атрибутивизатора свидетельствуют о том, что категорию притяжательности образуют дательный падеж, комитатив, компаратив и элативы. Не способны присоединять показатель **-ды/-д** формы номинатива, эргатива, генитива и формально совпадающие во всех сериях местных падежей эссивы/лативы.

Атрибутивизатор может присоединяться и к падежным формам субстантивов – прилагательных (*ирды-д-ис-ды* «тот, который для красного»), местоимений (*захъван-ды* «тот, который со мной»), числительных (*хъибнийхъаъ-ды* «тот, который чем три»), причастий (*лешудний-ды* «того, который взял»). Факты языка не позволяют говорить о присоединении атрибутивизатора **-ды** лишь к падежным формам масдара.

Атрибутивизированные падежные формы чаще всего отмечаются у местоимений, которые свободно сочетаются с существительными, образуя своеобразные субстантивные словосочетания. Атрибутивизируются падежные формы местоимений любого разряда, ср.: *васды* (ср. *вас* «тебе») *хъыв* «хлеб, предназначенный тебе», *захъванды* (*захъван* «со мной») *хыди* «друг, который со мной», *гъалдыидид* (ср. *гъалдыиди* «кого-то, чьи-то») *фикирбыр* «мысли, которые у кого-то»; *гъилаанады* (ср. *гъилаана* «ниоткуда») *бырдж* «долг, который ниоткуда», *шумнийдаады* (ср. *шумнийды* «скольких») *къабыр* «посуда, которая у скольких-нибудь (взята)» и т.д.

Атрибутивизированные падежные формы местоимений характеризуют предмет или лицо, указывая на его пространственные отношения с другим предметом или лицом, конкретно не называя их и заменяя местоимением (ср.: *гъилаанады* (ср. *гъилаана* «ниоткуда») *бырдж* «долг, который ниоткуда», отношения совместимости (ср. *захъванды хыди* «друг, который со мной») или отношения предназначенности (ср.: *васды хъыв* «хлеб, что для тебя» или «хлеб, предназначенный тебе»).

Формы *изды* «меня, мой»; *выды* «твой», *гъабишды* «их» можно интерпретировать как формы именительного падежа личных местоимений, к которым присоединен атрибутивный показатель **-ды**. Но ранее мы отмечали, что присоединение атрибутивизатора к форме номинатива не характерно для рутульского языка. В данном случае **-ды** является аффиксом родительного падежа, который, как известно, в рутульском языке совпадает с атрибутивизатором **-ды**.

Формы генитива личных местоимений совпадают с притяжательными местоимениями: *зы* «я» – *изды* «меня, мой»; *вы* «ты» – *выды* «тебя, твой», *гъабыр* «они» – *гъабишды* «их». Эти притяжательные местоимения могут атрибутивизироваться еще раз: *изды* «мой» – *издынийды* (I, II кл.) *хал* «тот, который моего, дом», *издыидид* (III, IV кл.) *хал* «тот, который моего, дом»;

гъабишды «их» – *гъабишдынийды* (I, II кл.) *ул* «тот, который их, глаз», *гъабишдыидид* (III, IV кл.) *усул* «тот, который их, вид» и т.д.

Примеры свидетельствуют о наличии в языке омонимичных грамматических форм генитива и атрибутивизированной формы местоимения. Причем, очень сложно разграничить вне контекста, с какой из названных выше форм столкнулся исследователь, так как некоторые формы стали абсолютными омонимами. В таких случаях для разграничения можно использовать специальный уточняющий аффикс **бый-**: *ми* «этот» – *ми-бый-ды* «именно этот; тот, который этот». Примечательно, что этот формант не употребляется без атрибутивизатора **-ды**.

Количественные числительные, употребляющиеся в качестве определения при именах, могут образовывать особую форму с атрибутивизатором **-ды**, отличную от формы родительного падежа: *хъуд* «пять» – *хъуддид* «пяти» (форма родительного падежа) – *хъудды йыгъа* «в течение пяти дней», *хъудды эдемуре* «пять человек» и т.д.

Наблюдаются случаи присоединения атрибутивизатора к некоторым разрядам наречий – наре-

чиям времени: *гъийгъа* «сегодня» – *гъийгъад* «сегодняшний», *нигъа* «вчера» – *нигъад* «вчерашний», *мисде* «в этом году» – *мисдед* «произведенное в этот год» (буквальный перевод невозможен), *гъамыгъ* «сейчас, теперь» – *гъамыгъды* «теперешний», *звели* «давно» – *звелды* «давнишний», *суйхъде* «раньше, сначала» – *суйхъдед* «ранний»; к наречиям образа действия: *бала* «много» – *балад* «многое», *сагъа1л* «мало» – *сагъа1лды* «малое» и т.д. Атрибутивизированные формы наречий переходят в разряд прилагательных и склоняются при употреблении их без определяемых слов.

Падежные формы, в составе которых наличествует атрибутивизатор **-д/-ды**, имеют сложную многокомпонентную структуру, состоящую из основы номинатива + вставочный элемент + аффикс падежа + атрибутивизатор и обусловленную агглютинативным характером рутульского языка:

– структура **NOM-CVC-VC-CV**: *бышды-ний-ис-ды* «то, что предназначено для слепого» – от датива *бышды-ний-ис* «слепому»;

– структура **NOM-CVC-VCVC-CV**: *лукуд-ний-ихъаъ-ды* «тот, который чем упавший» – от компаратива *лукуд-ний-ихъаъ* «чем упавший».

Проведенный анализ позволяет резюмировать, что атрибутивизатор **-ды/-д** существенно осложняет структуру падежных форм рутульского языка, дополняя компонентный состав, способствуя возникновению омонимичных грамматических форм генитива и атрибутивизированных форм. Кроме того, атрибутивизированные падежные формы имеют семантику, отличную от обычных, и выполняют в предложении функцию определения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Элементы цахурского языка в типологическом освещении / под ред. А.Е. Кибрика. М., 1999.
2. *Ибрагимов Г.Х.* Цахурский язык. М., 1990.
3. *Махмудова С.М.* Морфология рутульского языка. М., 2001.

УДК 81'371

Климентьева Амина Даниловна

преподаватель кафедры английского языка
и технического перевода естественного института
и физико-математического института Астраханского
государственного университета
тел.: (927) 576-72-51

Klimentyeva Amina Danilovna

Lecturer of the Department of the English Language
and Technical Translation of the Natural Science
Institute and Physico-Mathematical Institute of
Astrakhan State University
tel.: (927) 576-72-51

**АССИМИЛЯЦИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ
ИЗ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА С ГЕНДЕРНЫМ
КОМПОНЕНТОМ «WOMAN» В РУССКОЙ
РЕЧИ ТАТАРСКИХ БИЛИНГВОВ**

**ASSIMILATION OF BORROWINGS FROM
THE ENGLISH LANGUAGE WITH THE
GENDER COMPONENT «WOMAN» IN THE
RUSSIAN SPEECH OF TATAR BILINGUALS**

Статья посвящена разработке проблемы ассимиляции заимствований в условиях русскоязычного билингвизма татар. Результаты, полученные в ходе анализа, могут быть использованы в процессе преподавательской практики английского, русского, татарского языков, а также при подготовке специальных курсов по лексикологии, лингвокультурологии, гендерной лингвистике и т.д. В статье содержится готовый материал, который может быть использован в преподавании русского языка как иностранного, в практике преподавания иностранного языка в школе, что позволит учащимся лучше понять национально-культурные особенности носителей изучаемого языка.

The article considers the issues of the borrowings assimilation in the context of Russian bilingualism of Tatar. The results obtained in the course of the analysis can be used in the process of teaching English, Russian, and Tatar languages as well as in the development of special courses in lexicology, cultural linguistics, gender linguistics, etc. The article contains ready-to-use material, which can be used in teaching Russian as a foreign language, in the course of teaching a foreign language at school that will help students better understand the national and cultural peculiarities of the native speakers of the target language.

Ключевые слова: ассимиляция, заимствование, гендерно-маркированная единица, билингвизм.

Key words: assimilation, borrowing, gender-marked unit, bilingualism.

Последние десятилетия характеризуются появлением большого количества работ, посвященных изучению разнотипных языков в контрастивном аспекте, например исследования таких авторов, как Е.Ф. Арсентьева, Л.К. Байрамова, Р.А. Юналеева, Р.А. Юсупов, Н.В. Габдеева, В.Н. Хисамова, М.Н. Закамуллина, А.Г. Сацькова, Н.Н. Фаттахова и др. В данных исследованиях подвергаются тщательному анализу разнообразные лингвистические явления, такие, как особенности словообразовательной структуры языков, ассимиляция заимствований, способы выражения грамматических категорий, семасиологические отношения и др. Целью настоящей статьи является исследование различий в усвоении иноязычной лексики руссконационального населения и руссковорящих татаров-билингвов. Предметом статьи стали заимствованные в XXI в. из английского языка в русский гендерно-маркированные единицы с компонентом WOMAN. В процессе работы использовались различные методы: анкетирование, метод сплошной выборки, сравнительно-сопоставительный метод, метод дефиниционного анализа, метод семного анализа, описательный метод, классификационный метод, приемы статистического анализа экспериментальных данных, так как исследования, в фокусе которых находится гендер-социокультурный конструкт, связанный с приписыванием индивиду определенных качеств и норм поведения на основе его биологического пола, – относительно новая отрасль гуманитарного знания.

Лексема «woman» также представляет собой гендерный словообразовательный компонент при построении производных, с одним из заложенных языком – источником значений «взрослая представительница женского пола».

В ходе сплошной выборки из наиболее авторитетных источников (СМИ: татарская газета, издаваемая на русском языке: «Казанские ведомости», русскоязычные российские периодические издания «Новая Газета» и «Российская Газета») было отобрано 14 единиц с гендерно-маркированным компонентом «woman».

Согласно семантической коннотации в устно-спонтанном и медийном дискурсе, единицы были разделены на следующие семантические группы:

Принадлежность к профессиональной сфере – 59,1%;

Уровень профессионализма в выполнении задачи – 40,9%;

Самая многочисленная семантическая группа представлена такими заимствованиями, как, например, «businesswoman».

Oxford Dictionary of current English интерпретирует лексему «businesswoman» следующим образом:

A woman in business, especially as an owner or executive [2]

В русскоязычной речи татар-билингва англоязычная лексема «businesswoman» может быть представлена транслитерированной лексемой «бизнесвумен», или калькированным «деловая женщина», в системе русского языка имеется эквивалент «бизнес леди»

Семантический спектр значений, вкладываемый в единицу носителем русского языка можно проследить на примере:

Но сегодня бизнес-вумен и современная женщина начальница завоевывают и эту сугубо мужскую территорию. Это весьма активные представительницы слабого пола, добивающиеся наравне с мужчинами успеха в политике и бизнесе [11].

Идентичный спектр семантических значений, сходный с таковым носителя языка-источника, вкладывается в русскоязычную речь татаром-билингвом:

Сейчас очень модно строить карьеру или быть бизнес-вумен, выстраивая свое дело. И женщины, зачастую, используют для этого мужские стратегии [5].

Особого внимания заслуживает факт, что понимание лексемы «businesswoman» как «сильной женщины, строящей свой собственный бизнес» характерен для женского пола, а дефиниция «строгий начальник женского пола» характерен для представителей мужского пола.

Единица «congresswoman» также представляет семантическую группу «принадлежность к профессиональной сфере». Следует отметить, что единица является иноязычным культуронимом. Webster's New World College Dictionary определяет единицу «congresswoman» следующим образом:

A woman member of Congress, especially of the House of Representatives [3].

Семантический спектр значений, присущий лексеме «congresswoman», посредством транслитерации получившей формы «конгрессвумен», в русской речи татар-билингва полностью идентичен таковому в языке – источнике заимствования:

По роковому стечению обстоятельств, тяжело раненая конгрессвумен Габриэль Гиффордс выступала за свободное владение оружием американскими гражданами [5].

Речь русского населения также презентует использование лексемы в исходном семантическом значении:

Барак Обама навестил раненую конгрессвумен Габриэль Гиффордс. [11].

Лексема «congresswoman» была заимствована в исходном семантическом значении с целью восполнения языковой лакуны, для обозначения инокультурной реалии.

Таким образом, сравнительно-сопоставительное исследование семантической группы заимствований с гендерно-маркированным компонентом «woman», относящаяся к сфере «профессиональная деятельность», показало следующие результаты:

– спектр семантических значений, присущий заимствованиям в речи русскоговорящего билингва и монолингва идентичен;

– наибольшей частотностью употребления лексемы отличается речь мужчин-билингвов в возрасте от 24-36 лет, владеющих английским языком и по роду деятельности являющихся журналистами или иными общественными деятелями, одновременно являясь представителями группы симметричных билингвов.

Семантическая группа «Уровень профессионализма в выполнении задачи» может быть проиллюстрирована такой заимствованной лексемой с гендерно-маркированным компонентом «woman», как «superwoman».

Зарекомендовавший себя лексикографический словарь английского языка American Heritage Dictionary определяет анализируемую лексему следующим образом:

A woman who performs all the duties typically associated with several different full-time roles, such as wage earner, graduate student, mother, and wife.

A woman with more than human powers [1].

Лексема «супервумен», которая была заимствована в транслитерированном виде, или в калькированном варианте «сверхженщина», закрепилась в системе русского языка как гендерно-маркированная единица по аналогии со словом «супермен», пришедшим в русский язык ранее. Тем не менее, в отличие от лексемы «супермен», единица «супервумен» не имеет в спектре семантических значений иронического или насмешливого оттенка, в случае их употребления по отношению к людям, которые считали себя стоящими выше других.

В русской речи татар-билингва лексема «superwoman» закрепилась в калькированном варианте «сверхженщина»:

Женщина-политик в Казани – это сверхженщина, которая должна быть железной леди: работать по 20 часов в сутки и при этом хорошо выглядеть [5].

В речи монолингва русской национальности, также как и в русскоязычном устно-спонтанном дискурсе татар-билингва, отмечается некоторое сужение семантического значения по отношению к системе языка-источника:

Супервумен. С этим словом в современном сознании ассоциируется образ сильной, успешной, деловой женщины. Некий идеал, к которому стоит стремиться [12].

Следует отметить, что в картине мира представителей мужского пола как монолингвов, так и русскоговорящих татар-билингвов, «супервумен» или «сверхженщина», интерпретируется с оттенком семантического значения «молодая, стройная, обладающая сильным характером», а семантическое значение «женщина со сверхъестественными способностями» оказывается отодвинутым на второй план.

Таким образом, исследование семантической подгруппы «Уровень профессионализма в выполнении задачи» привело к результатам следующего плана. Русскоязычная речь русской группы населения представляет лексемы данной группы в суженном спектре семантических значений – 67,8% мужчин, представляющих возрастную категорию возраста 21-38 лет, 11,1% женщин того же возраста. Русскоязычная речь татар-билингвов демонстрирует следующие результаты: 55,4% мужчины в возрасте от 17 до 35 лет и 34,6% женщины в возрасте от 17 до 40 лет используют единицы представленной группы в суженном спектре семантических значений.

В исходном семантическом значении единицы представленной группы используются в речи татар-билингвов женского и мужского пола в возрасте от 7 до 16 лет – 10%; в речи русского населения мужского пола в возрасте от 7 до 20 лет – 5,1%, женского пола – 7%.

Сравнительно-сопоставительный анализ заимствованных из английского языка единиц с гендерным компонентом «woman» в русскоязычной речи татарских билингвов и русского населения, были получены следующие результаты. В 64,1% случаев заимствованные единицы сохранили исходное семантическое значение; в 35,9% случаев отличаются сужением значения. В 86,34% случаев англоязычные заимствования подверглись транслитерации/транскрипции и в 13,66% – калькированию. Большею частью, в 54%, суженным семантическим значением пользуются татары-билингвы мужского и женского пола в возрасте 17-26 лет, в исходном значении единицы используют мужчины и женщины старшего возраста.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. URL: <http://www.amazon.ru>. (дата обращения 12.08.12).
2. URL: <http://www.english.oxforddictionaries.com> (дата обращения 12.08.12).
3. URL: <http://www.english.websterdictionaries.com> (дата обращения 12.08.12).
4. URL: <http://www.dictionary.babylon.com>. (дата обращения 12.08.12).
5. Казанские Ведомости. URL: <http://www.kazved.ru>. (дата обращения 29.07.12).
6. URL: <http://www.merriam-webster.com>. (дата обращения 10.08.12).
7. URL: <http://www.otvet.mail.ru>. (дата обращения 10.08.12).
8. URL: <http://www.slovari.ru>. (дата обращения 10.08.12).
9. URL: <http://www.slovo.ru>. (дата обращения 10.08.12).
10. URL: <http://www.wikipedia.org>. (дата обращения 10.08.12).
11. Новая газета. URL: <http://www.Ng.ru>. (дата обращения 12.08.12).
12. Российская Газета. URL: <http://www.Rg.ru>. (дата обращения 13.08.12).

УДК 81.4

Мишланова Светлана Леонидовна

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой лингводидактики Пермского государственного национального исследовательского университета
тел.: (342) 239-64-77

Mishlanova Svetalana Leonidovna

Doctor in Philology, Professor, Head of the Department of Linguodidactics of Perm State National Research University
tel.: (342) 239-64-77

Куприянычева Екатерина Андреевна

преподаватель кафедры лингводидактики Пермского государственного национального исследовательского университета
тел.: (342) 239-64-77

Kupriyanicheva Ekaterina Andreevna

Lecturer of the Department of Linguodidactics of Perm State National Research University
tel.: (342) 239-64-77

МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА «ЭКСТРЕМИЗМ» НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Статья посвящена анализу репрезентации концепта «Экстремизм» в словарях различных типов и видов. Обращение к исследованию концепта «Экстремизм» обусловлено тем, что постоянная модификация концепта, связанная с высокой социальной значимостью феномена экстремизма и противодействия ему, сопровождается вариативностью репрезентации концепта в лексикографических источниках. Авторами составлена онтология предметной области «Экстремизм», проведен компонентный и дефиниционный анализ, разработана фреймовая модель, представляющая макроструктуру концепта «Экстремизм».

Ключевые слова: концепт, моделирование, фрейм, слот, онтология.

MODELING OF THE CONCEPT OF «EXTREMISM» BASED ON THE LEXICOGRAPHIC SOURCES

The article considers the representation of the concept of EXTREMISM in the dictionaries of different types and kinds. The choice of the investigated concept is conditioned by the fact that the constant modification of the concept connected with high social significance of the phenomenon of EXTREMISM and counteraction to it is accompanied by variety of the concept representation in the lexicographic sources. In the study the domain ontology of EXTREMISM has been constructed; the componential and definitional analysis has been carried out; the frame model representing the macrostructure of the concept of EXTREMISM has been developed.

Key words: concept, concept modeling, frame, slot, ontology.

Экстремизм наряду с терроризмом и войной, в основе которых лежит борьба за власть, экономическую, национальную и политическую независимость, представляет большую угрозу для всего человечества. Данные феномены трактуются как факторы социального риска. Существующая система российского законодательства, отражающая правовую стратегию противодействия экстремизму, в целом достаточно эффективно осуществляет борьбу с ним. Однако с учётом современной специфики экстремизма данная система требует доработки [1].

Экстремизм как сложное, комплексное явление следует многостороннего его рассмотрения, в том числе в когнитивно-лингвистическом аспекте, что позволит уточнить представления об экстремизме и в конечном итоге повысить эффективность противодействия ему.

Прогресс в области когнитивных наук, в том числе в когнитивной лингвистике, позволил взглянуть на многие явления и процессы действительности под новым углом зрения. Интерес исследователей данной статьи обращен к когнитивным, мыслительным процессам, и в первую очередь, к анализу концептов.

С позиций современной когнитивной науки наибольший интерес для изучения представлений, объективированных языком, вызывают концепты – абстрактные единицы, смыслы, которыми человек оперирует в процессе мышления. С когнитивной точки зрения концепт определяется как «оперативная содержательная единица мышления, квант структурированного знания» [2, с. 90; 3, с. 34]. В когнитивной лингвистике концепт представляется сложноструктурированным ментальным образованием, которое формируется в социальной практической деятельности и объективируется в тексте разными способами.

Настоящее исследование направлено на изучение репрезентации концепта «Экстремизм» в лексикографических источниках. Целью проводимого исследования является моделирование ядерной части концепта «Экстремизм» на основании данных, полученных в ходе компонентного анализа словарных дефиниций.

Для настоящего исследования релевантным является выявление понятийной компоненты [4; 5, с. 39], или понятийной основы [6, с. 228], или ядра концепта [7, с. 61] на материале словарных дефини-

ций. Как известно, понятийная компонента представляется наиболее значимой в структуре концепта и образует его ядро, кроме этого выделяют периферию концепта, образованную *интерпретационным полем концепта* – «совокупностью слабо структурированных предикаций, отражающих интерпретацию отдельных концептуальных признаков и их сочетаний в виде утверждений, установок сознания, вытекающих в данной культуре из содержания концепта» [7, с. 61]. Иногда в *периферию концепта* включают «социо-психо-культурную часть, которая не столько мыслится носителем языка, сколько переживается им, она включает ассоциации, эмоции, оценки, национальные образы и коннотации, присутствующие данной культуре» [6, с. 228]; «эмоционально-чувственный и оценочный компоненты» [8, с. 69], которые обнаруживаются в процессе анализа текстов.

Кроме того, нам представляется методологически важным развести термины «концепт» и «понятие». С понятием традиционно связывают семантику слова. Но понятие в своем классическом «безобразном» представлении затрагивает лишь конвенциональные обобщенные признаки явления или предмета, в то время как за словом может скрываться ряд образов, оценок, поведений, культурных особенностей человека [9, с. 140]. Концепт понимается как ментальное образование высокой степени абстрактности и включает, в отличие от понятия, не только вербализованные, типичные признаки явления или предмета, но и все коннотации, обусловленные культурой данного народа, сферой употребления образных представлений [6; 5; 10, с. 4]. Так, например, считается, что термин «концепт» служит «объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; *оперативная содержательная единица памяти*, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике. Концепты сводят разнообразие наблюдаемых и воображаемых явлений к чему-то единому, подводя их под одну рубрику; они позволяют хранить знания о мире и оказываются *строительными элементами концептуальной системы*, способствуя обработке субъективного опыта путем подведения информации под определенные выработанные обществом категории и классы» [2, с. 90]. Концепты как элементы сознания вполне автономны от языка, и языковые средства своими значениями передают лишь часть концепта, что подтверждается существованием многочисленных синонимов, разных определений и описаний одного и того же концепта. Значение слова – это попытка дать представление о содержании выражаемого концепта, его границах, либо его отдельных характеристиках [11, с. 26; 3, с. 34; 12, с. 83]. Таким образом, концепт является планом содержания языкового знака и включает в себя помимо предметной соотнесенности всю коммуникативно-значимую информацию. Соответственно, только часть концепта находит свою языковую объективацию [2, с. 92; 13].

По определению, концепт представляет собой структурированное знание [13; 14; 2; 3], и одним из возможных структур знания является фрейм. Фрейм – это многокомпонентный концепт, формально представленный в виде двухуровневой структуры узлов и отношений [15, с. 57]. Узлы и отношения, или узлы и терминалы, или структурированная совокупность обязательных и факультативных признаков образуют содержание фрейма [16]. Обязательные признаки фрейма объективируются его когнитивно-пропозициональной структурой. Они входят в качестве смысловых элементов в семантическую структуру единиц вторичной номинации. Факультативные признаки выполняют в структуре фрейма конкретизирующую функцию. Они, по мнению М. Минского, представляют собой слоты (позиции, ячейки), которые в процессе познания объекта должны быть «заполнены характерными примерами или данными» [16, с. 7].

Итак, фрейм как один из способов структурирования концепта используется нами при реконструкции концепта «Экстремизм» на материале словарных статей. Однако прежде чем мы обратимся непосредственно к анализу словарей, необходимо в общих чертах составить общую модель, или онтологию предметной области «Экстремизм», на основании авторитетных правовых и отраслевых лексикографических источников.

Отметим, что происхождение самого термина «экстремизм» (от лат. *extremus* – крайний) указывает на крайний, радикальный характер мер и взглядов, которые присущи данному явлению. Согласно Федеральному закону «О противодействии экстремистской деятельности» (принят ГД ФС РФ 27.06.2002) экстремистская деятельность (экстремизм) определяется как деятельность общественных и религиозных объединений, либо иных организаций, либо средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению противоправных действий [17]. К экстремистским относятся действия, которые направлены на:

насилованное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;

подрыв безопасности Российской Федерации;

захват или присвоение властных полномочий;
 создание незаконных вооруженных формирований;
 осуществление террористической деятельности;
 возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию;
 унижение национального достоинства;
 осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы;
 пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности;
 пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;
 публичные призывы к осуществлению указанной деятельности или совершению указанных действий;
 финансирование указанной деятельности либо иное содействие ее осуществлению или совершению указанных действий, в том числе путем предоставления для осуществления указанной деятельности финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимильной и иных видов связи, информационных услуг, иных материально-технических средств [17].

Не менее важным является определение экстремизма, представленное в Уголовном кодексе РФ в главе 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства». Например, в статье 280 УК РФ экстремистскими считаются публичные призывы к насильственному захвату власти, насильственному удержанию власти или насильственному изменению конституционного строя в РФ [18]. В статье 282.1 УК РФ устанавливается ответственность за действия, направленные на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды, унижение национального достоинства, а равно пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, национальной или расовой принадлежности, если эти действия совершены публично или с использованием средств массовой информации. В статье 282.1 УК РФ к уголовно наказуемым относятся аналогичные деяния, совершенные:

- а) с применением насилия или с угрозой его применения;
- б) лицом с использованием своего служебного положения;
- в) организованной группой [18].

Как следует из рассмотренных правовых источников, экстремизм, или **экстремистская деятельность (ЭД)**, носит крайний характер и является в большинстве случаев преступлением против государства и личности. ЭД как любой вид деятельности имеет причины возникновения и направленность на достижение определенных целей.

К **причинам экстремизма** относят, как правило, «экономические и социальные кризисы в стране, бедствия и обнищание населения, социальные, национальные, религиозные и иные конфликты, грубые нарушения демократических прав и свобод, крушение былых нравственных ценностей и состояние анемии, авторитаризм, тоталитаризм, фашизм, расизм и т.д.» [19]. Среди причин экстремизма также выделяются следующие: слом сложившихся социальных структур; обнищание массовых групп населения; ослабление государственной власти и дискредитация ее институтов; падение исполнительной дисциплины; рост антисоциальных проявлений; нарастание чувства ущемления национального достоинства [20].

Экстремизм служит достижению политических или иных **целей**, которые определяют вид экстремизма. При этом выделяют *политический, религиозный, экономический, социальный, бытовой* [21] и *молодежный* экстремизм [22].

Экстремистская деятельность, находящая свое радикальное **проявление** в насилии, ненависти, незаконных действиях, терроре, вандализме, массовых беспорядках, национальной, расовой или религиозной вражде и так далее, предполагает наличие двух участников, противостоящих сторон – субъекта экстремистской деятельности (далее **Субъект ЭД**) и, соответственно, объекта экстремистской деятельности (**Объект ЭД**).

В качестве **Субъекта ЭД** может выступать как организованная группа лиц (экстремистская группировка, политическая партия, целая нация, контр- или субкультура), так и отдельный индивид. В «Кратком словаре-гlossарии по политологии» идет речь о *социальной базе экстремизма*, которую

«чаще всего образуют люмпены, маргиналы, отдельные слои студенчества и интеллигенции, представители национальных и религиозных меньшинств и др.» [19]. Так, к групповым субъектам экстремистской деятельности можно отнести фундаменталистов из организации «Братья-мусульмане» при правлении президента Хосни Мубарака в Египте, а к индивидуальным – Андерса Брейвика.

В оппозиции к Субъекту экстремизма находится **Объект ЭД**, против которого направлены все действия Субъекта. Объект ЭД, подобно Субъекту ЭД, может включать в себя в зависимости от специфики экстремистской деятельности как целые нации, политические партии, социальные группы, контр- и (суб-) культуры, так и отдельных представителей указанных сообществ. При этом Объект ЭД с целью возмездия и отмщения впоследствии может оказывать также некоторое воздействие на Субъект ЭД, вследствие чего они меняются ролями – Объект ЭД становится субъектом, а Субъект ЭД – объектом.

В настоящее время во многих странах мира накоплен богатый опыт, связанный с борьбой против экстремизма: «создан механизм сосуществования или сотрудничества с экстремистскими силами, когда они выступают как правые и левые радикалы; пресечения их, когда они выступают в качестве экстремистов и резкого усиления борьбы и устрашения при их деятельности как неонацистов» [20]. Иными словами, многие авторы указывают на существующие **«Формы борьбы»** и **«Методы борьбы»** с экстремизмом.

Изложенные нами закономерности функционирования экстремистской системы могут быть представлены в виде модели, или онтологии, предметной области «Экстремизм». Схематически данную модель можно изобразить в виде иерархической структуры, на вершине которой расположен структурный узел «Экстремизм», второй уровень образован узлами «Экстремистская деятельность» (ЭД), «Объект ЭД», «Субъект ЭД», «Причины», «Цели», «Проявления ЭД», «Формы борьбы» и «Методы борьбы» с экстремизмом. Данные узлы, в свою очередь, подразделяются на менее крупные структурные компоненты. Наглядно можно представить данную модель в виде следующей схемы (рис. 1).

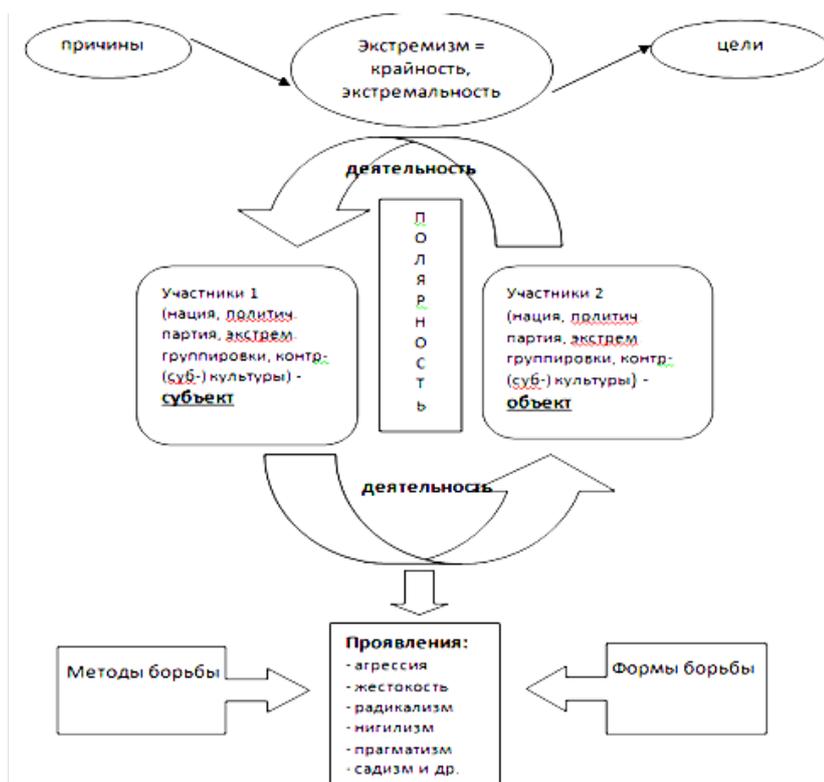

Рис. 1. Модель предметной области «Экстремизм»

Очевидно, что представленная схема является моделью специального, или экспертного знания, и если попытаться обобщить все ее компоненты, то получится следующее определение экстремизма: **экстремизм** – это приверженность к **крайним** взглядам, мерам в различных общественных сферах,

имеющая конкретные **причины** своего возникновения и преследующая определенную **деструктивную цель**. Экстремизму присущ принцип **полярности** и наличие соответственно **двух** полярных **участников**, которые могут быть представлены нациями, политическими партиями, экстремистскими группировками, контр- (суб-) культурами. Один из участников при определенных условиях становится **субъектом** экстремистских действий, а другой – **объектом**, испытывающим на себе экстремистские действия, выливающиеся, как правило, в **агрессию, жестокость, радикализм, нигилизм, прагматизм, садизм** и др. Для борьбы с экстремизмом разработаны определенные **методы и формы** борьбы. Еще раз подчеркнем, что предложенная нами дефиниция экстремизма базируется на результатах моделирования специальной предметной сферы и репрезентирует практически все учтенные в модели структуры знания. Однако в реальной коммуникации экспертное знание, представленное в полном объеме в рамках словарных дефиниций, встречается не всегда. Поэтому те представления, которые объективируются в языковых формах и которые извлекаются из них в результате анализа, мы будем определять как концепт. Структурой формирующих концепт знаний является фрейм.

В нашем исследовании мы обратили к анализу словарных толкований лексемы «экстремизм». Большинство словарных статей свидетельствует о том, что в определении лексемы *экстремизм* присутствует компонент «крайний», так как само слово произошло от латинского *extremus* – «крайний», т.е. экстремизм – это приверженность к крайним взглядам, мерам, преимущественно в политике [21; 19; 20; 23; 24; 25; 26; 27].

Следует отметить, что при толковании лексемы «экстремизм», наряду со значением «крайний» выявляется также значение «последний», «чрезвычайный». Под значением «крайний» понимаем нечто очень сильное, исключительное, чрезвычайное, являющееся наиболее непримиримым, решительным, радикальным. Качественное прилагательное «крайний» встречается неоднократно в сочетании со следующими словами: *крайние меры, крайние взгляды, крайние действия, крайние решения*, что, несомненно, характеризует ЭД как выходящую за принятые в гуманном обществе рамки, как радикальные действия, граничащие с беззаконием, антигуманизмом и преступлениями против личности.

Несмотря на схожесть дефиниций лексемы «экстремизм» как «крайности», «экстремальности», в словарных статьях выявляются различия, касающиеся сферы проявления экстремизма. В одних словарях дефиниции указывают на то, что ЭД характерна лишь для политической арены, т.е. экстремизм – это «*приверженность к крайним мерам в политике*» [28]; «*приверженность в политике к крайним взглядам и мерам*» [20]. В других словарях даются определения, согласно которым, экстремизм встречается преимущественно в политике, что, однако не означает, что он ограничивается только политическими рамками. На основании этого можно предположить, что изначально термин «экстремизм» применялся в политической сфере и впоследствии распространился за ее пределы, что иллюстрируется структурой следующей словарной статьи: «Экстремизм – 1) *использование насильственных и незаконных средств для достижения политических или иных целей; 2) приверженность к крайним взглядам*». В данном определении напрямую не называется, но подразумевается выход ЭД за границы политической сферы. Более широко обозначают сферу функционирования экстремизма те авторы, которые указывают на существование разновидностей экстремизма – политического, этнического и религиозного, например: «*Политический экстремизм стремится к радикальному изменению государственного строя и существующего политического режима. Этнический экстремизм ориентирован на защиту интересов определенной нации, на утверждение ее привилегированного положения и превосходства. Религиозный экстремизм проявляется в нетерпимости к представителям др. религий и конфессий. В ряде восточных стран религиозный экстремизм является формой экстремизма политического*» [26]. В представленном определении актуализируется несколько значений термина «экстремизм». В каждом случае в зависимости от специфики вида экстремизма значение лексемы пополняется новыми коннотациями.

«*Крайние меры*», «*крайние взгляды*», «*крайние действия*», «*крайние решения*» предполагают наличие деятеля, которому они приписываются, – Субъекта ЭД, или экстремиста, который, как правило, трактуется как «1. Приверженец экстремизма. 2. Представитель экстремизма» [30] или «Сторонник экстремизма» [31].

Итак, компонентный анализ лексемы «экстремизм» на материале русскоязычных лексикографических источников показывает, что в понятийный слой концепта «Экстремизм» входит 10 основных сем: «*крайность*», «*беззаконие*», «*насилие*», «*политика*», «*религия*», «*взгляды*», «*меры (как деятельность)*», «*превосходство*», «*нетерпение*», «*отрицание*». Перечисленные семы образуют ядро концепта «Экстремизм». Применение семантико-фреймового анализа позволило установить, что перечисленные выше ядерные семы соотносятся с такими фреймами концепта «Экстремизм», как **субъект, объект, деятельность, причины, цели, проявления деятельности, формы и методы борьбы**

с экстремизмом. Примечательно, что фрейм «Экстремизм», полученный в ходе анализа лексикографических источников, соотносится с основными узлами модели, или онтологии, специальной предметной сферы «Экстремизм». По-видимому, такая корреляция в репрезентации знаний объясняется тем, что в словарях фиксируются ядерные признаки концепта, наиболее значимые, устоявшиеся, весомые, а вследствие этого, универсальные и общепринятые представления о тех или иных объектах и явлениях действительности. Большой диверсификацией будут отличаться периферийные признаки концепта, которые объективируются в разных типах дискурса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Колесников В.А. Панченко К.С. Основные направления совершенствования Российского законодательства в противодействии экстремизму в молодежной среде // Проблема совершенствования законодательства на современном этапе: сб. материалов Междунар. конф. курсантов, слушателей, студентов. Белгород, 2010.
2. Кубрякова Е.С., Демьянков, В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1997.
3. Мишланова С.Л., Хрусталева М.А. Интерференция: когнитивно-дискурсивный анализ синонимии. Пермь, 2009.
4. Воркачев С.Г. Методологические основания лингвоконцептологии // Аспекты метакоммуникативной деятельности. 2002. Вып. 3.
5. Карасик В.И. Оценочные доминанты в языковой картине мира // Единство системного и функционального анализа языковых единиц. Белгород, 1999.
6. Маслова В.А. Homo lingualis в культуре. М., 2007.
7. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И.А. Стернина. Воронеж, 2001.
8. Болдырев Н.Н., Фурс Л.А. Репрезентация языковых и неязыковых знаний синтаксическими средствами // Филологические науки. 2004. № 3.
9. Соловьева И.В. Семантический анализ концепта «катастрофа» // Проблемы лингвистики и лингвистического образования: сб. науч. статей. Тюмень, 2011.
10. Квашнина Е.Н. Пословицы и поговорки в свете когнитологии // Житниковские чтения: Межкультурная коммуникация в когнитивном аспекте. Челябинск, 2001.
11. Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И.А. Стернина. Воронеж, 2001.
12. Болотов В.И. А.А. Потебня и когнитивная лингвистика // Вопросы языкознания. 2008. № 2.
13. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и сознание: теоретические разграничения и понятийный аппарат // Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. Воронеж, 2002.
14. Кубрякова Е.С. Язык и знание. М., 2004.
15. Мишланова С.Л., Филиппова А.А. Внутриотраслевая полисемия в методическом дискурсе. Пермь, 2010.
16. Минский М. Фреймы для представления знаний / пер. с англ. О.Н. Гринбаума. М., 1979.
17. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25.07.2002 № 114. Ст. 3031. URL: <http://www.law7.ru/base67/part8/d67ru8602.htm> (дата обращения 29.10.2012).
18. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: Уголовный кодекс РФ. Глава 29. Ст. 280, ст. 282.1. URL: <http://base.garant.ru/10108000/30/> (дата обращения 29.10.2012).
19. Болдонов А.Л., Башинова Т.Д., Тармаханов Е.Д. Краткий словарь-гlossарий по политологии. 2005 г. URL: <http://www.politike.ru/dictionary/437> (дата обращения 18.05.2012).
20. Коновалов В.Н. Словарь по политологии. М., 2005.
21. Белояр А. Толковый словарь демократического новояза и эвфемизмов. URL: <http://www.politike.ru/dictionary/472> (дата обращения 18.05.2012).
22. Мусаелян М.Ф. О причинах современного российского молодежного экстремизма // Российская юстиция. 2009. № 4.
23. Гринев А.В. Краткий терминологический словарь по дисциплине политология. 2004. URL: <http://www.politike.ru/dictionary/867> (дата обращения 18.05.2012).
24. Григорьев П.В. Словарь по политологии. URL: <http://www.ref.by/refs/64/35521/1.html> (дата обращения 18.05.2012).
25. Политический гlossарий conflicts.org. URL: <http://www.politike.ru/dictionary/527/page/10> (дата обращения 18.05.2012).
26. Политология: Словарь-справочник / сост. М.А. Василик, М.С. Вершинин и др. М., 2001.
27. Словарь политических терминов проекта "Me-i-oni". URL: <http://www.politike.ru/dictionary/275/page/12> (дата обращения 18.05.2012).
28. Большая актуальная политическая энциклопедия / под общ. ред. А. Белякова и О. Матвейчева. М., 2009.
29. Политико-терминологический словарь. URL: <http://www.politike.ru/dictionary/285/page/9> (дата обращения 18.05.2012).
30. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000.
31. Ожегов С.И. Толковый словарь. URL: <http://www.ozhegov.su/> (дата обращения 18.05.2012).

УДК 801.73

Руссу Елена Анатольевна

ассистент кафедры английского языка и технического перевода ЕИ и ФМИ Астраханского государственного университета
тел.: (960) 852-38-88

Russu Elena Anatolyevna

Assistant Lecturer of the Department of the English Language and Technical Translation of Natural and Physico-Mathematical Institute of Astrakhan State University
tel.: (960) 852-38-88

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ТАКТИКИ «ВОЗМУЩЕНИЕ» В РЕЧЕВОМ ЖАНРЕ «ОПРАВДАНИЕ» (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ОБИХОДНОГО ДИСКУРСА)

LINGUISTIC MEANS OF "INDIGNATION" TACTIC IMPLEMENTATION IN THE "JUSTIFICATION" SPEECH GENRE (BASED ON THE GERMAN COLLOQUIAL DISCOURSE)

В статье рассмотрена одна из базисных тактик «возмущение» в речевом жанре «оправдание» в рамках конфронтационной стратегии. Выделены языковые средства, актуализирующие тактику «возмущение». Выявлено, что оправдание посредством тактики «возмущение» представляет собой двусторонний феномен, коммуникативной задачей которого является, с одной стороны, стремление оправдать себя, а с другой – оказать эмоциональное воздействие на партнера по коммуникации.

The article focuses on one of the basic speech tactics – “indignation” – in the “justification” speech genre within the confrontational strategy. The study establishes the linguistic means which are typical for the “indignation” tactic. The author comes to the conclusion that the “indignation” tactic is a bilateral phenomenon, which has two communicative goals: to justify himself/herself and to create an emotional impact on the communicative partner.

Ключевые слова: речевой жанр «оправдание», конфронтационная стратегия, тактика «возмущение», коммуникант, высказывание, языковые средства.

Key words: “justification” speech genre, confrontational strategy, “indignation” tactic, communicator, utterance linguistic means.

Многообразие жанровых форм обуславливает необходимость использования разноаспектного анализа жанров речи: психолингвистического, социологического, функционально-стилистического, дискурсивного, когнитивного и т.д. Исследование коммуникативного поведения *человека оправдывающегося* совмещает в себе несколько видов анализа, в частности, психолингвистический, функционально-стилистический и дискурсивный. Подобный подход направлен на выявление речевых и языковых средств, используемых говорящим в соответствии со своей коммуникативной установкой, что позволяет наиболее полно охарактеризовать речевой жанр (РЖ) «оправдание», реализуемый посредством тактики «возмущение» в его вариативном дискурсивном воплощении. Исследование жанровой модификации сквозь призму определенных стратегических и тактических приемов представляется актуальным, поскольку позволяет довольно точно описать механизм функционирования РЖ в различных типах дискурса. Данная статья посвящена исследованию тактики «возмущение» в РЖ «оправдание» немецкого обиходного дискурса и выявлению способов языкового воплощения данной тактики. Поскольку обиходный дискурс в большинстве случаев носит диалогический характер и отличается спонтанностью, неподготовленностью, а осуществление магнитофонной записи практически невозможно, сбор материала для исследования и анализа данного типа дискурса сопряжен с определенными трудностями [Schlank, 1978, Gruber 1996, Плотникова 2000]. По этой причине в качестве языкового материала нами избраны образцы РЖ «оправдания», взятые из художественных произведений. Некоторые ученые подвергают сомнению правомерность анализа письменной речи при исследовании коммуникативных явлений [Koerfer, 1997; Barth-Weingarten 2003], однако большинство исследователей сходятся во мнении, что художественные произведения вполне отражают реально существующую коммуникативную действительность [Kallmeyer, 1979, Schlank 1987, Виноградов, 1980, Красных, 2003]. По утверждению Ю.Н. Караулова, «писатель, воплощая в своих произведениях множественность разных индивидуальностей, заставляет их говорить соответственно общественно-историческим условиям их формирования и воспитания как личностей, соответственно их статусу и занимаемым ими социально-психологическим позициям, приспособлявая речевое поведение героев к контекстам их психологического поведения...» [1, с. 86]. Кроме того, в большинстве случаев одна только лексическая наполненность высказывания не может служить критерием интересующего нас вопроса, обращение к контексту становится необходимым.

Прежде чем приступить непосредственно к анализу РЖ «оправдание», определим понятие дискурса. В современной лингвистике существуют разнообразные подходы к изучению данной категории,

освещающие те или иные характеристики дискурса. Под стратегией, в соответствии с определением, предложенным В.И. Карасиком, мы понимаем «текст, погруженный в ситуацию общения» [2, с. 5]. Далее определим категорию речевого жанра. Мы разделяем точку зрения М.Ю. Федосюка, считающего речевые жанры не типами высказываний, а типами текстов, иллюкативная цель которых направлена на определенную ответную реакцию адресата [3, с. 104]. Поскольку мы анализируем РЖ «оправдание» с позиции речевых тактик, отметим, что под данным феноменом понимается «совокупность практических ходов в реальном процессе речевого взаимодействия» [4, с. 19].

К числу коммуникативных стратегий, как известно, относят конфронтационную стратегию [5, с. 11]. При ее выборе коммуникант эксплицирует свое намерение при помощи разнообразных языковых и неязыковых средств реализовать собственные цели, игнорируя коммуникативные задачи своего собеседника. Одной из речевых тактик, осуществляющих стратегию конфронтации, является тактика возмущения. Применительно к нашему исследованию выбор анализируемой тактики, в частности на предъявляемое обвинение или упрек, осуществляется в том случае, если коммуникант не соглашается с иницирующей репликой партнера и выражает протест, сопровождаемый экспликацией негативных эмоций. В коммуникативной ситуации возмущения интенции обвиняемого детерминируют его поведение: оспаривая или опровергая доводы собеседника, оправдывающийся предпринимает попытку оказать воздействие на адресата, имеющие своей целью изменение его суждений и оценок. Проиллюстрируем этот тезис на материале художественной литературы: *»Das hat doch nichts mit Deutschland zu tun! Das ist doch ganz was anderes! Man muß objektiv sein! Ich hasse es, alles in Bausch und Bogen zu verdammern. Man kann gegen Deutschland sagen, was man will, die Leute jetzt drüben tun was! Und sie erreichen was! Das müssen Sie wohl zugeben, wie?«* [6, с. 226]. «Но какое это имеет отношение к Германии? Ведь это совершенно другой вопрос! Нужно быть объективным! Ненавижу, когда люди все пытаются свалить в одну кучу. О Германии можно сказать все, что захочешь, – вот этим и занимаются люди, которые живут вне Германии. И они кое-чего достигают. Уж с этим-то вы должны согласиться, не так ли?» (Перевод Е. Никаева). В приведенном контексте затронута важная тема – тема геноцида еврейского народа. В жилах обоих коммуникантов течет еврейская кровь, при этом один из них обвиняет в геноциде немецкое правительство, а другой, напротив, считает, что виноваты сами евреи. Оправдывая фашистский режим, один из персонажей романа Э.-М. Ремарка (Оппенгейм) полон негодования, что находит выражение в выборе им восклицательных по цели высказывания предложений, служащих экспрессивизации приведенного контекста. В структуре первых двух предложений имеется модальная частица *doch*, которая призвана ввести аргументы, противоречащие представлениям и установкам, выраженным в иницирующей реплике партнера по коммуникации. Оппенгейм полагает, что люди не объективны и совершенно напрасно обвиняют в своих бедах Германию (фразеологизм *»in Bausch und Bogen verdammern«*). Оценивая прагматический заряд данного оправдания, следует признать, что оно является неубедительным, поскольку доводы, приводимые Оппенгеймом, представляются слишком общими (*Das hat doch nichts mit Deutschland zu tun! Das ist doch ganz was anderes!*) и не-объективными.

Стоит отметить, что довольно часто в рамках описываемой тактики оправдывающийся повторяет в той или иной степени иницирующую реплику партнера, т.е. использует «диалогическую цитацию» [7, с. 50], которая представляет собой «случаи использования реплик собеседника (или их фрагментов) в иных (обычно оппозиционных) коммуникативных целях» [8, с. 65]. Из существующих пяти типов «диалогической цитации», наибольший интерес для нашего исследования представляет «экспрессивная цитация», которая, по определению ученого, «выражает отрицательное отношение к реплике собеседника или зафиксированной в ней жизненной позиции» [9, с. 67]. Говорящий может воспроизвести реплику-стимул полностью, однако, как правило, коммуникант акцентирует именно тот компонент обвинения либо упрека, который вызвал наибольшее возмущение. Обратимся к примеру: *»Das ist ja das Doppelte! «sagte Kern empört. »Das Doppelte! Das sagen Sie so dahin, ohne zu wissen, was Sie reden. Das Doppelte ist die Hälfte, sagt schon der Rabbi Michael von Howorodka irgendwo. Haben Sie schon mal was von Spesen gehört, junger Mann? Das kostet und kostet! Steuern, Miete, Kohlen, Abgaben, Verluste! Für Sie ist das nichts, aber für mich is es enorm! Das kommt jeden Tag dazu auf so ä Ringelchen!«* [10, с. 366]. «Вы требуете с меня в два раза больше! - возмутился Керн. В два раза больше! Вы сами не понимаете, что говорите, молодой человек. Что такое в два раза больше? Это то же самое, что в два раза меньше, как говорит рабби Михаэл из Говородки. Вы когда-нибудь слышали, что такое издержки? А это – большие деньги. Налоги, плата за помещение, топливо, сборы, потери... Вам это ни о чем не говорит, но мне этого вполне хватает. И все эти расходы начисляются каждый день и на это колечко!» (Перевод Е. Никаева). Молодой человек, пытается выторговать кольцо своей невесты, которое им когда-то пришлось заложить. Соломон Леви, заплативший в свое время за кольцо 150

франков, требует с Керна 300 франков. Керн замечает, что Леви требует с него в два раза больше («*Das ist ja das Doppelte!*»). Но Соломон Леви возмущен подобным замечанием, он дважды прибегает к приему «экспрессивной цитации» («*Das Doppelte!*», «*Das Doppelte...*»). Средствами реализации тактики возмущения часто выступают восклицательные предложения, которые являются синтаксической формой выражения эмоциональности. Так, например, 5 из 7 предложений анализируемого высказывания являются восклицательными. В значительной степени усиливает эмоциональность высказывания риторический вопрос, который задает Соломон Леви (*Haben Sie schon mal was von Spesen gehört, junger Mann?*), после чего тут же на него отвечает, используя лексический повтор (*Das kostet und kostet!*). Риторический вопрос имеет значительный манипулятивный потенциал, поскольку формирует определенную психологическую установку у партнера по коммуникации. Кроме того, Леви использует прием парцелляции, который позволяет выделить ключевые моменты высказывания, посредством создания нового рематического центра. «...*Steuern, Miete, Kohlen, Abgaben, Verluste!*» Данный парцеллят представляет собой односоставное номинативное предложение бытийного (экзистенциального) типа, которое включает в себя ряд номинативных существительных. При этом говорящий использует и параллельную конструкцию в сочетании с противительным союзом *aber* («...*Für Sie ist das nichts, aber für mich is es enorm...*») с целью эмоционального воздействия на собеседника.

Рассмотрим еще один пример использования «диалогической цитации» при оправдании посредством тактики «возмущение» на примере романа Ф. Кафки «Процесс»: *der Aufseher: »...welchen Sinn das haben sollte...« »Welchen Sinn?« rief K., mehr bestürzt als geärgert. »Wer sind Sie denn? Sie wollen einen Sinn und führen dieses Sinnloseste auf, das es gibt? Ist es nicht zum Steinerweichen? Die Herren haben mich zuerst überfallen, und jetzt sitzen oder stehen sie hier herum und lassen mich vor Ihnen die Hohe Schule reiten. Welchen Sinn es hätte, an einen Staatsanwalt zu telephonieren, wenn ich angeblich verhaftet bin? Gut, ich werde nicht telephonieren.«* [11, с. 10]. Инспектор: «...но я не знаю, какой в этом смысл...» «Какой смысл? - воскликнул К. скорее озадаченно, чем сердито. «Да кто вы такой? Ищите смысл, а творите такую бессмыслицу, что и не придумаете. Да тут камни возопят! Сначала эти господа на меня напали, а теперь расселись, стоят и глазуют всем скопом, как я пляшу под вашу дудку. И еще спрашиваете, какой смысл звонить прокурору, когда мне сказано, что я арестован! Хорошо, я не буду звонить!» (Перевод Р. Райт-Ковалевой). В данном контексте прием «диалогической цитации» сочетается с морфемным повтором и противопоставлением категорий «смысл» (*Sinn*) – «бессмыслица» (*Sinnloseste*). Сема «смысл» является ключевой для всего высказывания. Использование коммуникантом слова-интенсификатора усиливает эмотивность оправдания (*zum Steinerweichen* – *душераздирающе*).

Проведенный анализ позволяет утверждать, что иницирующая оправдательная реплика коммуниканта зачастую начинается с вопросительного предложения, в состав которого входит морфема «*sinn*» (*blödsinnig, irrsinnig, wahnsinnig, Unsinn*), например: «*Was soll der Unsinn, Ilse?*» [12, с. 118]. «*Что это за бред, Ильзе?*» (Перевод наш – Е. Р.). На наш взгляд, данное явление можно объяснить тем, что говорящий начинает свое оправдание с того, что отрицает пропозиции обвинения, либо указывает на их несостоятельность.

Исследовав языковые средства реализации тактики возмущения при конфронтационной стратегии в РЖ «оправдание», мы пришли к выводу, что стратегическая и тактическая линии поведения коммуниканта при оправдании обуславливают выбор оптимальных (с точки зрения коммуниканта) языковых ресурсов, призванных оказать эмоциональное воздействие на партнера. Используя тактику возмущения в РЖ «оправдание», коммуникант не просто отрицает предъявляемые ему обвинения, но и стремится изменить коммуникативную установку партнера. Как показывает анализ материала, в рамках исследуемой тактики для выражения РЖ «оправдание» коммуниканты используют следующие языковые средства: 1) риторические вопросы: «*Ist das hier ein Kindergarten, oder was?*», «*Haben Sie schon mal was von Spesen gehört, junger Mann?*»; 2) восклицательные предложения, в том числе эллиптического типа: «*Laßt mich, zum Teufel!*»; «*Schwachsinn!*»; 3) морфемный повтор: *blödsinnig, irrsinnig, wahnsinnig, Unsinn*; 4) лексический повтор: «*Das kostet und kostet!*»; 5) слова со сниженной стилистической окраской: *abmurksen; Schweinerei*; 6) идиоматические выражения: *zum Steinerweichen, etw in Bausch und Bogen verdammen*.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
2. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград, 2000.
3. Федосюк М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5.

4. *Клюев Е.В.* Речевая коммуникация : учеб. пособие для ун-тов и ин-тов. М., 2002.
5. *Гулакова И.И.* Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2004.
6. *Remarque E.M.* Liebe Deinen Nächsten. Köln, 2004.
7. *Арутюнова Н.Д.* Диалогическая модальность и явление цитации // Человеческий фактор в языке. М., 1992.
8. *Арутюнова Н.Д.* Диалогическая цитация. (К проблеме чужой речи) // Вопросы языкознания. 1986. № 1.
9. Там же.
10. *Remarque E.M.* Op. cit.
11. *Kafka F.* Der Prozeß. München, 1998.
12. *Dürrenmatt F.* Justiz. Zürich, 1985.

УДК 81'3073

Шустова Светлана Викторовна

доктор филологических наук, и.о. профессора
Прикамского социального института (г. Пермь)
тел.: (902) 47-55-439

Shustova Svetlana Victorovna

PhD in Philology, Acting Professor of the
Prikamsky Social Institute (Perm)
tel.: (902) 47-55-439

Смирнова Елизавета Александровна

старший преподаватель кафедры иностранных
языков Научно-исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (г. Пермь)
тел.: (912) 49-61-553

Smirnova Elizaveta Aleksandrovna

Senior Lecturer of the Department of
Foreign Languages of National Research
University "Higher School of Economics" (Perm)
tel.: (912) 49-61-553

ВАЛЕНТНОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГЛАГОЛОВ С ИНКОРПОРИРОВАННЫМ АКТАНТОМ-ЛОКАТИВОМ

VALENCY POTENTIAL OF THE VERBS WITH INCORPORATED PARTICIPANT LOCATIVE

В статье рассматриваются валентностные свойства глаголов с инкорпорированным актантом-локативом. На основе эмпирического материала проводится анализ валентностной структуры глаголов данной группы.

The article focuses on the valency properties of the verbs with incorporated participant locative. The valency structure of the verbs belonging to the group is analyzed on the basis of empirical data.

Ключевые слова: актант, модель предложения, валентностная структура, глагол с инкорпорированным актантом.

Key words: participant, sentence pattern, valency structure, verb with incorporated participant.

В трудах многих отечественных и зарубежных лингвистов (Л. Теньер, Н. Хомский, Ю.А. Левицкий, С.Д. Кацнельсон, С.М. Кибардина, И.Г. Ольшанский, И.Б. Долинина, С.В. Шустова, М.А. Анохина, И.В. Недялков, В.Б. Касевич, В.С. Храковский, А.В. Бондарко) высказывается тезис о том, что глагол является центром предложения. В большинстве языков наиболее общей структурной моделью простого предложения выступает модель NV, т.е. конструкция, состоящая из именного и глагольного компонентов [1, с. 91, см. также 2]. Глагол рассматривается как главный компонент данной модели, поскольку именно глагол, по мнению С.Д. Кацнельсона, «содержит в себе макет будущего предложения» [3]. «Глагол преддетерминирует не лексические единицы в своем окружении, а некоторые смыслы» [4, с. 56], т.е. от семантического потенциала и валентностных свойств глагола зависит наличие или отсутствие тех или иных участников ситуации. Таким образом, анализ случаев функционирования глаголов с инкорпорированными актантами позволил нам выделить актанты, которые представлены с глаголом в зависимости от его валентностной структуры и разработать модели предложений с этими глаголами. Под «моделью» понимается «присущая данному языку парадигматическая схема элементов (составляющих) его структуры; компактное символическое изображение этой схемы (или каких-либо ее частей или элементов), являющееся основой моделирования языка как одного из методов его изучения» [5]. Центральным компонентом модели предложения является глагол, семантический потенциал которого определяет набор участников ситуации. Вслед за С.М. Кибариной [6], мы выделяем содержательно и структурно обязательные; содержательно обязательные, структурно факультативные актанты; содержательно факультативные актанты.

В данной статье рассматривается валентностная структура глаголов с инкорпорированным актантом-локативом. К этой группе относятся, например, такие глаголы, как *to houseclean* – *прибираться в доме*; *to air-drop* – *сбрасывать с самолёта (грузы, войска)*; *to air-launch* – *выпускать, запускать в воздухе, с самолёта*; *to battle-test* – *проверять в бою, обстреливать*; *to globe-trot* – *путешествовать по всему свету*; *to moonwalk* – *ходить по поверхности луны*; *to island-hop* – *путешествовать по островам*; *to land* – *приземляться*; *to hostel* – *останавливаться на турбазе*; *to table* – *класть, ставить на стол*; *to cage* – *сажать в клетку*; *to centre* – *помещать, располагать в центре*; *to channel* – *пускать по каналу*; *to crest* – *достигать вершины чего-л., оказываться в высшей точке*; *to frame* – *вставлять в раму, рамку, окружать*; *to holster* – *убирать в кобуру*; *to home* – *возвращаться домой*; *to jail* – *заклывать в тюрьму*; *to hive* – *сажать пчел в улей*.

Субъект (актант, обозначающий производителя действия) в валентностной структуре глаголов с инкорпорированным актантом-локативом является содержательно и структурно обязательным актантом, и может быть представлен одушевленным существительным или личным местоимением – 25 %

случаев (например, *You will never **houseclean** again if Michael de Jong has his way with your manner of thinking* [7]). Субъект действия также может быть неодушевленным, в котором имплицирован личностный смысл – 7 % случаев, (например: *Earlier, the military had **air-dropped** a cloud of leaflets over the rebel island's capital Mutsamadu warning citizens that the taskforce could arrive within hours to depose Anjouan's leader Colonel Mohamed Bacar* [8]), а также неодушевленным, не имплицированным личностный смысл – 20 % случаев, например: *The river **crested** four times that year and the high water was considered a 100-year flood* [9]. Но чаще всего субъект в проанализированных нами примерах субъект выражен имплицитно – 48 % случаев: *If I never get put in that position again I'll be a happy person but I really think it showed that our team is **battle-tested** and we can handle anything* [10].

Объект действия в валентностной структуре глаголов с инкорпорированным актантом-локативом актуализирован в 49 % примеров и является структурно и содержательно обязательным. Однако объект используется не со всеми глаголами данной группы. В исследованных нами примерах с такими глаголами, как *to houseclean, to skydive, to globetrot, to moonwalk, to island-hop, to jail, to land*, данный актант не употребляется, например: *Then he will jump out of the balloon and **skydive** (or do we call it space diving) back to earth* [11]; *Gayoom has also been **island-hopping**, although security around him is tight* [12].

В большинстве случаев объект является неодушевленным, не имплицированным личностный смысл – 65 %: *The print, entitled **Sunset Over the Gorge**, was **framed** and matted Monday night at Victorian Rose* [13]. Функционирование неодушевленного объекта, имплицированного личностный смысл фиксируется в 8 % случаев, например: *Clashes also continued since late Monday in the mountainous Hakurk area to the east, close to Iraq's border with Iran, where the Turkish army **air-dropped** troops and helicopter gunships pounded rebel positions, the sources said* [14]. Одушевленный объект действия встречается в 27 % примеров: *A twisted sex attacker who raped a Crawley woman a day after he left jail early in a stretch limousine has been **caged** for life* [15].

Бенефициатив (одушевленный адресат, получатель или тот, в пользу или ущерб кому совершается действие [16]) фиксируется в 22 % рассмотренных нами случаев, причем 94 % из них приходится на глагол *to jail*, для которого данный актант является содержательно и структурно обязательным: *A motorist has been **jailed** for four years after killing his friend in a high-speed crash; Ghouse's brother Mohammed Yasir said Ghouse had been "mentally disturbed"; after his father Maulana Naseeruddin was arrested and **jailed*** [17].

В остальных же случаях бенефициатив, на наш взгляд, может рассматриваться как содержательно факультативный актант. Например, *Food and medicines were being **air-dropped** to the stranded people* [18].

Локатив с глаголами с инкорпорированным актантом-локативом, встречается в 37 % случаев. Такое частое использование данного актанта с глаголами с инкорпорированным локативом объясняется тем, что эксплицированный локатив дополняет и уточняет инкорпорированный, например: *We met some American tourists who had been **island-hopping** in the Adriatic and had missed a connection* [19]. Случаи же с двумя локативами, семантически дублирующими друг друга достаточно редки: *People stood around or were **caged** in tiered boxes on movable walls, shades of Mark Morris's "Orfeo ed Euridice"; While Nobama **globe-trots** around the world like the inexperienced boy-wonder neophyte that he is, at least McCain is trying to focus attention on the real problems and his solutions* [20]. В таких примерах использование двух локативов обусловлено переосмыслением значения глагола, вследствие которого актант-локатив, занимающий отдельную синтаксическую позицию, не воспринимается как избыточный.

В семантическом плане можно выделить несколько разновидностей актанта-локатива: собственно локатив (76 % случаев), например, *The Great Miami River, west of Cincinnati near the Indiana state line, **crested** at 25.85 feet Wednesday at Miamitown* [21]; директив (директив, в терминологии И.П. Сусова, - это место, являющееся конечным пунктом передвижения [22]), однако мы рассматриваем директив в более общем смысле и понимаем под ним направление действия) – 21 % случаев, например, *Team Change needs more cash in order to pay the small army of ambulance chasing lawyers they've **air-dropped** into Alaska in a desperate attempt to dig up dirt on the real change agent in this election* [23]; аблатив (актант, обозначающий место, откуда начинается перемещение в пространстве [7]) – 3 % случаев: *He **globetrotted** from Japan to New York looking for another chance, a second shot at proving he could win as a humble, grateful jockey* [24]. В целом для данной группы актант-локатив может считаться содержательно обязательным, структурно факультативным. Исключение составляет глагол *to centre*, для которого локатив является содержательно и структурно обязательным: *The earthquake **centred** near the coast about 30 kilometres under the ocean bed; The voters in this small county, which is **centred** on the industrial town of Terre Haute, have picked the winner*

in every presidential election in the last century, going back to 1892 [25].

Глаголы с инкорпорированным актантом-локативом функционируют с **темпоративом** (темпоратив – актант, обозначающий время совершения действия) (29 % случаев), который в подавляющем большинстве случаев обозначает время совершения действия (64 %): *He took a bush plane and boat from the island to the mainland, and 43 hours later **landed** in Colorado*; [26]; также темпоратив может соотноситься с итеративностью (9 %): *During the process, the finding showed that Powell had **holstered** his gun twice but that he did eventually spray Curtis with pepper spray when he continued to resist arrest* [27]; или продолжительностью действия (27 %): *The house will be **framed** all day Saturday* [28]. В большинстве рассмотренных нами случаев функционирования глаголов с инкорпорированным актантом-локативом данный актант является содержательно факультативным. Однако для глагола *to jail* актант-темпоратив, соотносящийся в данном случае с продолжительностью действия, может рассматриваться как содержательно обязательный, структурно факультативный, что обусловлено контекстом его использования для описания наказания за совершенное преступление, где важную роль играет длительность данного наказания: *The judge **jailed** Parry for three years; One of the perpetrators was jailed for 12 years by a court in Lebanon* [29].

Актант-**атрибутив** (обозначающий качественную характеристику) действия наблюдается в валентностной структуре глаголов с инкорпорированным локативом в 9 % случаев и является, на наш взгляд, содержательно факультативным, например: *Kaufman, along with former Heller Ehrman colleagues David Charapp and Leslie Overman, have successfully **landed** at Foley & Lardner, where the three will join the firm's business law and intellectual property departments* [30].

Таким образом, обобщенная модель валентностной структуры глаголов с инкорпорированным актантом-локативом будет иметь следующий вид: **NsubjVNobj[prepNloc][prepNben/temp/Attr]**, где субъект и объект действия в большинстве случаев являются содержательно и структурно обязательными актантами, актант-локатив – содержательно обязательным, структурно факультативным, а актант-бенефициатив, актант-темпоратив и актант-атрибутив – содержательно факультативными актантами.

Однако особого рассмотрения заслуживает валентностная структура глагола *to jail*. В ней, помимо описанных выше особенностей, фиксируется наличие актанта-**ризонтива** (от англ. reason – причина – актант, обозначающий причину, по которой совершается действие): *Anwar, a former deputy premier who was **jailed** a decade ago on sodomy charges; More charges have been filed against a man who was **jailed** on Sunday for stealing property from Caddo Parish Sheriff Steve Prator's farm; Espinoza, who had been **jailed** for assault but was released a day earlier, got out of a car and asked Shaw where he was from* [31]. Данный актант используется только с глаголом *to jail* (32 % случаев), поэтому он, на наш взгляд, не должен включаться в обобщенную модель валентностной структуры глаголов данной группы. А модель валентностной структуры глагола *to jail* будет выглядеть следующим образом: **NsubjVNben[prepNreas/Ntemp][prepNloc/Attr]**, где субъект действия и актант-бенефициатив являются содержательно и структурно обязательными актантами, актант-ризонтив и актант-темпоратив – содержательно обязательными, структурно факультативными, а актант-локатив и актант-атрибутив – содержательно факультативными.

Таким образом, при исследовании валентностного потенциала глаголов с инкорпорированными актантами участникам ситуации соответствует синтаксический и семантический актанты. синтаксическая валентность рассматривается в данной работе как морфосинтаксическая форма того языкового выражения, которое сопоставляется с данной ролью в предложении. Семантическая валентность глагола представляет собой актуализацию той или иной роли участника ситуации. Реализация семантической и синтаксической валентностей обусловлена различными факторами, в частности, большую роль играет синкретизм значений. Синкретичные факты способствуют обогащению структурно-семантических ресурсов языка. Они являются следствием экономии языковых средств и выступают как конденсаторы семантики, характеризуются более широкими сочетаемостными возможностями, чем типичные явления. Реализация семантической и синтаксической валентностей находится также в зависимости от ряда факторов, связанных с инкорпорацией актантов. Участник ситуации, который является инкорпорированным находится в денотативной зависимости от других участников / участника.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Левицкий Ю.А.* От высказывания – к предложению. От предложения – к высказыванию: учеб. пособие. Пермь, 1995.
2. *Левицкий Ю.А.* Альтернативные грамматики: Стадии развития человеческого языка. М., 2010.
3. *Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.

4. *Шустова С.В.* Функциональные свойства каузативных глаголов: динамический подход. Пермь, 2010.
5. Словарь лингвистических терминов / *Ахманова О.С.* Изд. 2-е, стереотипное. М., 2004. URL: http://www.classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/_51.htm (дата обращения 24.10.2012).
6. *Кибардина С.М.* Распространители в структуре предложения (К вопросу о реализации валентности глагола) // *Единицы языка в коммуникативном и номинативном аспектах: межвуз. сб. научн. тр.* Л., 1986.
7. Корпус Лейпцигского университета URL: <http://corpora.informatik.uni-leipzig.de/> (дата обращения 24.10.2012).
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же.
12. Corpus of Contemporary American English URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения 24.10.2012).
13. Корпус Лейпцигского университета...
14. Там же.
15. Там же.
16. *Богданов В.В.* Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977.
17. Корпус Лейпцигского университета...
18. Там же.
19. Там же.
20. Там же.
21. Там же.
22. *Сусов И.П.* Введение в языкознание. М., 2006.
23. Корпус Лейпцигского университета...
24. Там же.
25. Там же.
26. Там же.
27. Там же.
28. Там же.
29. Там же.
30. Там же.
31. Там же.

Философские науки

УДК 114

Гафиатуллин Руслан Айратович

соискатель кафедры философии
Башкирского государственного университета
тел.: (917) 76-29-743

**ПРОЦЕССЫ САМООРГАНИЗАЦИИ
ОТДЕЛЬНЫХ СИСТЕМ И ВСЕЛЕННОЙ
НА РАННИХ СТАДИЯХ ЭВОЛЮЦИИ**

Автор указывает на особенности синергетики, которая используя единство линейности и нелинейности, выражает в теории те аспекты материального единства мира, которые связаны с общими свойствами саморазвития сложных систем. Вселенная рассматривается как диссипативная система с периодически сменяемыми элементами (элементарными диссипативными системами).

Ключевые слова: самоорганизация, диссипативные структуры, аттрактор, бифуркация, флуктуация, турбулентность.

Gafiatullin Ruslan Airatovich

Postgraduate Student of the Department of
Philosophy of Bashkir State University
tel.: (917) 76-29-743

**THE PROCESS OF SELF-ORGANIZATION
OF SEPARATE SYSTEMS AND
THE UNIVERSE DURING THE EARLY
STAGES OF EVOLUTION**

The author points out the specific features of synergy, which by means of the unity of linearity and nonlinearity expresses in theory the aspects of material unity of the world that are linked to the general properties of self-development of complex systems. The universe is seen as a dissipative system with periodically removable elements (elementary dissipative systems).

Key words: self-organization, dissipative structures, attractor, bifurcation, fluctuations, turbulence.

Во второй половине прошлого столетия в науке возникло новое направление – синергетика, связанная с процессами самоорганизации и кооперации в природе. Первоначально синергетика базировалась на наблюдениях ее авторов Г. Хакена и И. Пригожина над некоторыми физическими и химическими явлениями. Распространив условия синергетических процессов на Вселенную, был сделан вывод о неустойчивости всех эволюционных процессов.

Синергетические процессы могут быть как обратимыми, так и необратимыми. Это связано с природой конкретного процесса, но не является условием и причиной самоорганизации. Вместе с тем, самоорганизация – это не кооперация под воздействием случайных факторов в состоянии неустойчивости, а процессы, причины которых заложены в природе. Из теории самоорганизации следует, что всякие открытые системы с сильной нелинейностью, скорее всего, пульсируют. Фундаментальный принцип поведения нелинейных систем – это периодическое чередование стадий эволюции, разветвления и свертывания, взрыва активности, увеличения интенсивности процессов и их затухания, ослабления, схождения к центру, интеграции и расхождения, дезинтеграции, хотя бы частичного распада.

Первоначальная постановка космологической проблемы А. Эйнштейном во многом еще была классической: речь шла только о пространственной структуре Вселенной. Начиная с Фридмана характер постановки космологической проблемы существенно меняется: в его формулировке речь уже идет о пространственно-временной структуре, ставится вопрос об изучении не только пространственного распределения космической материи, но и ее эволюции в целом [1, с. 165-166]. Древневосточная концепция небытия (ничто) в его онтологическом отношении к бытию в ряде существенных пунктов напоминает современную научную концепцию вакуума как субстанционально-генетического основания астрономической Вселенной. Согласно модели Хойла, скорость расширения Вселенной зависит исключительно от скорости возникновения физических форм материи, лишь при этом условии может выполняться условие неизменности средней плотности материи Вселенной при одновременном ее расширении. Создателем следующего варианта идеи спонтанного возникновения материи был П. Дирак, который считал, что корреляции между большими безразмерными числами имеют фундаментальное космологическое значение. В его трактовке аддитивное и мультипликативное порождение материи влекут за собой различные типы моделей Вселенной. Для того чтобы устранить противоречие с общей теорией относительности, Дирак ввел отрицательную массу в таком количестве, что плотность всей самопорождающейся материи равняется нулю.

Новейший вариант идеи спонтанного возникновения физических форм материи возник в рамках теории раздувающейся Вселенной, создателем которой является А.Г. Гус. Эта модель предполагает, что эволюция началась с горячего большого взрыва. По мере расширения Вселенная переходила в специфическое состояние, называемое ложным вакуумом. В отличие от истин-

ного физического вакуума, который является состоянием с самой низкой плотностью энергии, плотность энергии ложного вакуума может быть очень велика. Таким образом, стадия раздувания заканчивается предполагаемым в теории Великого объединения фазовым переходом – выделением плотности энергии ложного вакуума, приобретающим вид процесса порождения огромного числа элементарных частиц [2], [3, с. 49].

При этом одной из центральных проблем космологии остается проблема конечности-бесконечности Вселенной в пространстве и времени. В свете космологических исследований выясняется, что вопреки традиционным философским представлениям всеобъемлемость вовсе не обязательно считать основным признаком понятия бесконечности как таковой. Возможны взаимопереходы Вселенной от одного физико-геометрического состояния, характеризуемого пространственной конечностью, в другое, характеризующееся пространственной бесконечностью. В отличие от идеи космического плюрализма в узком смысле, постулирующей существование бесчисленных отдельных миров во Вселенной, идея космического плюрализма в широком смысле говорит о бесчисленных отдельных Вселенных, спонтанно возникающих из вакуума, эволюционирующих, а затем вновь сливающихся с вакуумом [4]. Поэтому единство мира и его качественная бесконечность, неисчерпаемость являются двумя диалектически связанными сторонами материального мира. Это диалектическое противоречие лежит в основе описания реального физического мира средствами частных физических теорий [5, с. 15-17].

В последнее время активно развивается нанонаука, как приоритетное направление научно-технологического комплекса России. Исследования низкотемпературной экзотической отрицательных зарядов с нанокристаллического гидроксиапатита показали, что в результате термоциклирования и хранения образцов при комнатной температуре происходят процессы самоорганизации, приводящие к разделению зарядов с образованием отрицательно-заряженного слоя на поверхности. Образующийся при этом заряд длительно сохраняется при повышенной температуре и спадает лишь в ходе охлаждения в температурной области фазового перехода [6].

Как известно, существует аналогия между равновесными фазовыми переходами и процессами самоорганизации в открытых термодинамических системах, которые получили название неравновесных фазовых переходов [7]. К их числу относятся автоколебания в системах томсоновского типа, поскольку для их поддержания необходим приток энергии извне, и, следовательно, автоколебательная система неравновесна. Доказано, что процесс возбуждения автоколебаний в распределенной системе релаксационного типа также полностью укладывается в схему неравновесного фазового перехода.

Проведем некоторые аналогии между фазовыми переходами в конденсированных средах и в системах микро- и мегамира. Гидродинамической моде среды в данном случае соответствует неустойчивая мода, амплитуда которой определяется комплексным параметром порядка, а приведенной температуре в теории Ландау следует сопоставить надкритичность системы. Отметим, что концепция фазовых переходов Ландау не дает адекватного описания картины неравновесного фазового перехода.

Современная теория неравновесных фазовых переходов, отличается от первоначальной концепции Ландау тем, что оперирует как минимум тремя дополнительными степенями свободы, соответствующими управляющему параметру, сопряженному полю и параметру порядка. Собственно переход, понимаемый как пространственно-временная эволюция гидродинамической моды, амплитуда которой определяется параметром порядка, является результатом конкуренции положительной обратной связи параметра порядка с управляющим параметром и отрицательной обратной связи параметра порядка с сопряженным ему полем, где реализуется принцип Ле-Шателье. Квазистатический фазовый переход Ландау имеет место, когда параметр порядка пропорционален полю, а управляющий параметр, а следовательно, и надкритичность от параметра порядка не зависят [8].

Из приведенных примеров следует, что Современная картина Вселенной является системой вложенных друг в друга квазизамкнутых миров, которые могут выступать как микроскопические или макроскопические объекты в зависимости от условий их наблюдения. Тем самым расширяется и обобщается идея бесконечности в космологии. Она выходит за рамки только пространственной и временной конечности и бесконечности и приобретает смысл – многообразия и неисчерпаемости свойств бесчисленного множества физических Вселенных.

Статус мироздания выражается в константах физики и космологии, которые показывают истинный фундамент самоорганизации микро- и мегамира: то есть микромир – фундамент, а мегамир – аттрактор. При изменении статуса мироздания, номиналы должны деформироваться. А тот факт, что процесс фазового перехода не приводит к растворению констант, можно интерпретировать как доказательство самоорганизации совместимости любой точки пространства и времени микро- и мегамира.

Анализ понятия виртуальных частиц [9], в которых отражается сущность физического вакуума, требует применения категорий возможности и действительности, отношение между которыми носит диалектический характер. Еще Аристотель отмечал, что природа является цепью событий и превращений, в процессе которых возможное становится действительным. При рассмотрении ряда превращений, которые связывают исчезновение одного материального объекта и возникновение другого, возникает вывод о том, что возможность может существовать не только как отдельное свойство, тенденция, но и как совокупность свойств, которая определяет материальный объект. В последнем случае материальный объект выступает как возможность возникновения нового объекта. На уровне виртуальных частиц или физического вакуума (субмикромира), свойство обладать определенной массой виртуальные частицы получают при переходе из одного уровня строения материи в другой, и тогда они становятся реальными. От обычных частиц они отличаются тем, что существуют в определенном смысле несамостоятельно, как нечто среднее между возможностью и действительностью. Детерминирующими факторами процесса самоорганизации при таких превращениях являются базисные структуры микро- и мегамира, которые играют фундаментальную роль в эволюции Вселенной, в образовании элементов структур бытия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Арлычев А.Н. Эволюция Вселенной: формальная и субстратная модели // Вопросы философии. 2007. № 9.
2. Бутрын С. Идея спонтанного возникновения материи «из ничего» в космологии XX века // Вопросы философии. 1986. № 4.
3. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое: пер с нем. М., 1989.
4. Турсунов А. Мироздания тугие узлы (новейшая космология в философской перспективе) // Вопросы философии. 1988. № 2.
5. Готт В.С., Чудинов Э.М. Неисчерпаемость материи и развитие физического знания // Вопросы философии. 1969. № 5.
6. Крылова И.В., Иванов Л.Н., Божевольнов В.Е., Северин А.В. Процессы самоорганизации и структурные фазовые переходы в нанокристаллическом гидроксипатите по данным экзониссии // Журнал физической химии. 2007. № 2. Т. 81.
7. Хакен Г. Синергетика. М., 1980.
8. Рудый А.С. О мере упорядоченности движения и неравновесных фазовых переходах в автоколебательной системе релаксационного типа // Журнал технической физики. 1998. №1. Т. 68.
9. Готт В.С., Перетурич А.Ф. О философских вопросах теории виртуальных частиц и процессов // Философские науки. 1965. № 4.

УДК 177

Румянцева Нина Леонидовна

кандидат технических наук, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин Российской государственной академии интеллектуальной собственности (г. Москва)
тел.: (495) 549-86-89

**СОЦИАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
КАК ЭВОЛЮЦИЯ ИНДИВИДУАЛИЗМА
И КОЛЛЕКТИВИЗМА В ТРУДАХ Ф. ХАЙЕКА,
Р. АРОНА, К. ПОППЕРА:
ЧАСТЬ 1. Ф. ФОН ХАЙЕК**

В первой части цикла статей рассмотрены основные положения концепции социальной эволюции Ф. фон Хайека – сторонника английского истинного индивидуализма. Концепция базируется на редукционизме и иррационализме, на неспособности человеческого ума внести рациональность в естественный «непредвиденный» порядок общества. Этот порядок лучше всего создается рынком и самоорганизацией, основанной на свободе и ответственности индивида. Показаны слабые и спорные стороны этой концепции, ее несистемность.

Ключевые слова: индивидуализм, иррационализм, редукционизм, рынок, самоорганизация, свобода, ответственность.

Rumyantseva Nina Leonidoivna

PhD in Technical Sciences, Associate Professor of the Department of General Educational Disciplines of the Russian State Academy of Intellectual Property
tel.: (495) 549-86-89

**SOCIAL HUMAN EVOLUTION AS
THE EVOLUTION OF INDIVIDUALISM
AND COLLECTIVISM IN THE WORKS
OF F. HAYEK, R. ARON, K. POPPER:
PART 1. F. VON HAYEK**

In the first part of the work basic provisions of the concept of social evolution of F. von Hayek, the supporter of English true individualism are considered. The concept is based on reductionism and irrationalism, on inability of human mind to bring rationality in natural "unforeseen" order of a society. According to F. von Hayek the order is better created by market and self-organization based on freedom and responsibility of the individual. The weak and disputable aspects of the concept as well as its unsystemacy are shown.

Key words: individualism, irrationalism, reductionism, market, self-organization, freedom, responsibility.

Экономический, политический, финансовый кризис мировой общественной системы ставят вопрос о неизбежности перехода на новый виток ее развития, снимающий обострившиеся противоречия. Эти противоречия многоаспектны, но корни их лежат в ценностных основаниях человеческого общества. Ценность коллективизма, присущая каждой культуре и сохраняющая общество, в западной цивилизации постепенно, а с эпохи Модерна активно вытеснялась ценностью индивидуализма. В предшествующих работах автора с системно-диалектических позиций исследовано, как формировались понятия индивидуализма и коллективизма на разных этапах социальной эволюции западной цивилизации [1, с. 189-194], [2, с. 234-240]. Предлагаемая серия статей посвящена анализу работ нескольких видных западных философов, исследующих этот феномен с других методологических позиций.

Ф. фон Хайек (1899–1992 гг.) различает истинный, антирационалистический индивидуализм и ложный, рационалистический: «истинный индивидуализм представлен в работах двух величайших историков и политических философов того времени – Алексиса де Токвиля и лорда Актона» [3, с. 2]. Но французы, создавая теории социализма, привнесли в это понятие содержание, которое, по мнению Хайека, искажает его исходный смысл: «Выдающимися представителями этой традиции являются энциклопедисты, Руссо и физиократы... Этот рационалистический индивидуализм всегда имел тенденцию перерождаться в противоположность индивидуализма – в социализм или коллективизм» [3, с. 2]. Вот основные положения его теории антирационалистического, истинно индивидуалистического общества:

1. Понимание общего, целого, базируется на понимании его частей; понимание общества базируется на понимании человека: «Нет другого пути к объяснению социальных феноменов, кроме как через наше понимание индивидуальных действий, обращенных на других людей и исходящих из их ожидаемого поведения» [3, с. 3].

2. Главное в понимании человека у Хайека: человек заблуждается, разум его слаб: «Антирационалистический подход, в соответствии с которым человек не высокорациональное и непогрешимое, а достаточно иррациональное и подверженное заблуждениям существо, индивидуальные ошибки которого корректируются только в ходе общественного процесса и которое стремится создать самое лучшее из очень несовершенного материала, представляет собой, вероятно, наиболее характерную черту английского индивидуализма» [3, с. 3].

3. Из такого понимания человека вытекает и подход к пониманию способа организации общества – естественный порядок вещей, возникающий в ходе самоорганизации, в итоге «рациональнее»

всех человеческих проектов: «Различие между этим взглядом, согласно которому большая часть порядка, обнаруживаемого нами в людских делах, есть непредвиденный результат индивидуальных действий, и другим, который возводит весь существующий порядок к преднамеренному замыслу, составляет первый глубокий контраст между истинным индивидуализмом британских мыслителей XVIII в. и так называемым "индивидуализмом" картезианской школы» [3, с. 3]; но что организует эту сумму индивидуальных действий в непредвиденный порядок? – «именно рынок направляет его к "цели, которая совсем и не входила в его намерения"» [3, с. 4].

4. Почему слаб разум человека? Хайек объясняет причину этой иррациональности. Отдельный человеческий ум не может спроектировать лучшего общества, чем создадут его свободные люди, так как знания и интересы отдельного индивида ограничены и он «не в состоянии знать больше крохотной частицы всего общества в целом» [3, с. 4], «люди не обладают всеведением» [3, с. 5], а общество – «это безграничное разнообразие человеческих талантов и навыков» [3, с. 4]. «Тогда как "проектные" теории неизбежно ведут к заключению, что общественные процессы можно заставить служить людским целям, только если они поставлены под контроль индивидуального человеческого разума, и тем самым прямым путем ведут к социализму, истинный индивидуализм, напротив, полагает, что, если предоставить людям свободу, они зачастую достигнут большего, чем мог бы спроектировать или предвидеть индивидуальный человеческий ум» [3, с. 3].

5. Человек не только ошибается, но и не добродетелен. И, тем не менее, свобода и возможность управлять страной должна быть предоставлена всем: «основное достоинство индивидуализма, отстаивавшегося Смитом и его современниками, заключается в том, что это порядок, при котором дурные люди способны причинять наименьшее зло. Это социальная система, функционирование которой не требует, чтобы мы нашли добродетельных людей для управления ею или чтобы все люди стали лучше, чем они есть теперь, но которая использует людей во всем их разнообразии и сложности: иногда хорошими, иногда дурными, порой умными, но чаще глупыми. Их целью была система, предоставляющая свободу всем, а не только "добродетельным и мудрым", как того желали их французские современники» [3, с. 3].

6. Истинный индивидуализм нельзя отождествлять с эгоизмом: «убеждение, что индивидуализм одобряет и поощряет человеческий эгоизм является одной из основных причин неприязни к нему со стороны столь многих людей... Эти термины, однако, не означали эгоизма в узком смысле, то есть озабоченности исключительно непосредственными нуждами своей собственной личности. "Я" (self), о котором, как предполагалось, только и заботятся люди, естественным образом распространялось на семью и друзей» [3, с. 4].

7. В истинно индивидуалистическом обществе человек должен сам осознавать последствия своих действий, а не подчиняться кому-то, якобы лучше понимающему общественные интересы: «настоящий вопрос заключается не в том, руководствуется или должен ли руководствоваться человек эгоистическими побуждениями, но в том, можем ли мы позволить ему руководствоваться в своих действиях теми их непосредственными последствиями, которые он осознает и которые его волнуют, или же его следует заставить делать то, что представляется надлежащим кому-то еще, кто якобы обладает более полным пониманием значения этих действий для общества в целом» [3, с. 4].

8. Но и внешние ограничения свободы индивида в истинно индивидуалистическом обществе все же есть. Не подчиняясь кому-то якобы более сведущему, «индивид, участвуя в общественных процессах, должен хотеть и быть готовым приспособливаться к переменам и подчиняться обычаям и условностям, которые не являются плодом сознательного замысла, существование которых в отдельных случаях может не поддаваться разумному объяснению и которые часто представляют ему непонятными и иррациональными» [3, с. 7].

9. Человек должен быть подготовлен к предоставляемой ему истинно индивидуалистическим обществом свободе: «подготовленность людей к гражданской свободе прямо пропорциональна их расположенности накладывать моральные цепи на собственные аппетиты; и пропорциональна тому, насколько их любовь к справедливости выше их жадности; пропорциональна тому, насколько их здравое и трезвое мышление выше их тщеславия и самонадеянности; пропорциональна тому, насколько они расположены предпочитать советы мудрых и добродетельных лести плутов» [3, с. 7].

10. «Равенство» в истинном индивидуалистическом обществе есть равенство людей перед законом, но отнюдь не уравнивание людей: «При установлении формального равенства перед законами, применяемыми ко всем одинаково, мы можем позволить каждому индивиду самому занять подобающее ему место. В этом, собственно, и состоит вся разница между равным отношением к людям и попытками сделать их равными. В то время как первое есть условие свободного общества, второе означает, по выражению Токвиля, "новую формулу рабства" [3, с. 4]. «Истинный индивидуализм не являет-

ся эгалитарным в современном смысле слова» [3, с. 10].

11. Истинный индивидуализм не отрицает необходимости принудительной власти, но требует строгого ограничения всякой власти: «Осознание ограниченности индивидуального знания ... приводит индивидуализм к его главному практическому заключению: он требует строгого ограничения всякой принудительной или исключительной власти. ... Он не отрицает необходимости принудительной власти, но желает ограничить ее – ограничить теми сферами, где она нужна для предотвращения насилия со стороны других, и для того, чтобы свести общую сумму насилия к минимуму» [3, с. 5].

12. Осознание индивидом последствий своих действий влечет за собой и ответственность за них. Истинный индивидуализм предполагает вместе со свободой индивида четко очерченную сферу его ответственности: «явно необходимо, во-первых, чтобы он имел четко очерченную сферу своей ответственности и, во-вторых, чтобы относительная важность для него различных результатов, которых он может достигать, соответствовала относительной важности для других людей тех последствий его деятельности, которые ему неизвестны и носят более отдаленный характер» [3, с. 5]. Кто же определяет эту сферу ответственности? «Если человеку надлежит применять свои собственные дарования, то сфера его ответственности должна определяться в результате его собственной деятельности и планирования» [3, с. 5].

13. Хайек разграничивает два принципа правления: путем информирования о сфере ответственности индивида в его свободной деятельности и посредством приказов: «Фундаментальная противоположность между правлением посредством правил, основная цель которых состоит в информировании индивида, что есть сфера его ответственности, в пределах каковой ему надлежит отстраивать свою жизнь, и правлением посредством приказов» [3, с. 5]. В истинно индивидуалистическом обществе принцип правления – первый. И вот как Хайек очерчивает сферу ответственности индивида: «то, что индивид может или не может делать ... должно зависеть не от каких-то отдаленных и косвенных последствий его действий, но от непосредственных и легко распознаваемых обстоятельств, которые предположительно ему известны» [3, с. 5]. Ясно, что такой принцип слабо соотносится с самим понятием «принципа». Это понимает и Хайек: «весь смысл сказанного сводится к тому, что править должен не принцип, а голая целесообразность» [3, с. 5], давая свое определение «принципа»: «принципы – это средство предотвращать столкновения конфликтующих устремлений, а не набор фиксированных целей» [3, с. 5].

14. Хайек дает критерий справедливого распределения благ в истинно индивидуалистическом обществе: индивид «должен вознаграждаться не в зависимости от добродетельности или порочности его намерений, но исключительно исходя из ценности полученных результатов для других людей. Мы должны прямо признать, что сохранение индивидуальной свободы несовместимо с полным удовлетворением наших стремлений к распределительной справедливости» [3, с. 6].

15. Соотношение государства и общества: «государство, воплощающее преднамеренно организованную и сознательно контролируруемую власть, должно составлять только небольшую часть гораздо более богатого организма, называемого "обществом", обеспечивая лишь ту правовую рамку, в пределах которой свободное (и, следовательно, не "управляемое сознательно") сотрудничество людей имело бы максимальный простор» [3, с. 7].

16. Как связана подлинная демократия с принципами индивидуализма? – «демократические идеалы происходят из основных принципов индивидуализма» [3, с. 10]. При этом она не означает безусловное верховенство мнения большинства: «с течением времени сегодняшнее мнение ничтожного меньшинства может стать мнением большинства. Я серьезно считаю, что один из наиболее важных вопросов, на который политической теории предстоит найти ответ в ближайшем будущем, состоит в том, чтобы нащупать демаркационную линию между теми сферами, где взгляды большинства должны быть обязывающими для всех, и теми, где, напротив, надо дать простор мнению меньшинства, если это может привести к результатам, лучше удовлетворяющим потребности людей... Истинно демократический принцип, что воля каждого человека должна быть освобождена от оков настолько, насколько возможно, означает, это свободная воля всего народа не будет скована ничем» [3, с. 10].

С Хайеком в чем-то можно согласиться, но в целом его труд вызывает больше несогласия, чем согласия, больше вопросов, чем в нем есть ответов.

Прежде всего, надо отметить противоречивость его исходной позиции, заявленной в самом начале исследуемого труда. Вот что он пишет [3, с. 1]: «Проповедовать в наши дни какие бы то ни было четко сформулированные принципы общественного порядка – значит почти наверняка заработать ярлык оторванного от жизни доктринера. Стало считаться признаком беспристрастного ума, когда в социальных вопросах не придерживаются твердых принципов, а решают каждую проблему "как она есть сама по себе"; когда большей частью руководствуются целесообразностью и с готовностью идут

на компромиссы между противоположными точками зрения... После опыта тридцати последних лет, похоже, уже не нужно доказывать, что без принципов мы начинаем просто плыть по течению».

В целом подход Хайека к обществу: «наше понимание общества основывается на «нашем понимании индивидуальных действий» (п. 1), не системный, а воспроизводит редукционизм (в противоположность, например, Дюркгейму), так как в системном подходе из свойств элементов (индивидов) не выводится свойство целостности (общества); человек не определен сам по себе, а формируется обществом, в котором он живет. С характеристикой (нелицеприятной) Хайека индивида капиталистического общества можно, в целом, согласиться, но эта характеристика не вообще человека (как дает ее Хайек), а именно индивида, сформированного капитализмом. В системном подходе цель (развернутая в иерархию целей) задает целое, систему. У Хайека же индивидуалистическое общество не система, не имеет «набора фиксированных целей» (п. 13).

Иррационализм Хайека, противопоставляющий разумные организационные усилия людей саморганизации общества, доведен до абсурда, когда он утверждает, что порядок в людских делах есть непредвиденный результат человеческих действий (п. 2,3,4) и цель общества достигается лучше (с помощью рынка), когда она перед ним и не стояла.

В концепции общества Хайека нет главного, чего он не замечает в культуре коллективистских обществ – нет идеала, стремление к которому преобразует, развивает человека, переводя его на следующую ступень совершенствования – только в таком развитии и появляются те прекрасные качества, которые называет Хайек, говоря о подготовленности индивида к свободе (п. 9): «моральные цепи на собственные аппетиты», «любовь к справедливости, превышающая жадность», «здоровое и трезвое мышление, превышающее тщеславия и самонадеянность» и т. д. Главная в мировой культуре идея самосовершенствования человека ушла из западной культуры с наступлением эпохи Модерна. Напротив, в его концепции человек неизменен (п. 5) и требуемым качествам взяться неоткуда.

Стремление вывести понятие индивидуализма из его «узкого» понимания как эгоизма (п. 6) – Хайек включает в понятие «личного» (благополучия) семью, друзей – несколько приближает истинный индивидуализм к истинному коллективизму, однако, так как этого приближения не достаточно, не избавляет общество истинного индивидуализма от вымирания.

Спорна трактовка степени свободы индивида в истинно индивидуалистическом обществе. Хайек полагает, что никто лучше самого свободного человека в индивидуалистическом обществе не знает, что лучше для общества (п. 7 – это иллюзия, что кто-то «якобы обладает более полным пониманием значения этих действий для общества в целом»). Это мнение Хайека совсем не убедительно. Ведь предвидение последствий какой-то деятельности для общества, соотношение их вреда и пользы прямо зависит от степени образованности и информированности, степени профессионализма и заинтересованности в их объективном рассмотрении, вообще от степени важности для человека этих проблем. А если это так, то и соответствующие «внешние» ограничения свободной деятельности индивида сведущего или менее заинтересованного необходимы. Но Хайек так не считает; в его концепции главное – сведение к минимуму принудительной власти и максимум свободы индивида (п. 11,13,15,16): он сам определяет границы своей деятельности и меру ответственности за ее результаты (п. 7, 12), в нее не входят «отдаленные и косвенные последствия» его действий (п. 13), т. е. те последствия, которые и стали причинами современных глобальных проблем, а мягкие ограничения в виде подчинения обычаям и условностям, да еще «не поддающимся разумному объяснению» (п. 8) либо действительно недостаточно оправданы, и потому излишни, либо рассчитаны на неразумных людей. И откуда взяться ответственности за результаты для общества, когда приоритетна ответственность за собственное (даже в широком смысле слова) благополучие?

Можно согласиться с тем, что справедливое вознаграждение должно соотноситься с «ценностью полученных результатов для других людей». Но можно видеть, как в обществе потребления искажен этот критерий, как человеку навязываются ложные потребности общественным механизмом, над которым он не властен.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Румянцева Н.Л. Историческая эволюция индивидуализма и коллективизма как базовых ценностей человека и социума. Ч. 1. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 1.
2. Румянцева Н.Л. Историческая эволюция индивидуализма и коллективизма как базовых ценностей человека и социума. Ч. 2. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 2.
3. Хайек Ф. Индивидуализм. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/hayek/01.php (дата обращения 26.07.2012).

УДК 101.1 : 316(045)

Рябова Евгения Васильевна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Мордовского государственного педагогического института им. М.Е. Евсевьева
тел.: (906) 161-20-51

Ryabova Evgenia Vasilyevna

PhD of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy of Mordovian State Teachers' Training Institute named after M.E. Evseyev
tel.: (906) 161-20-51

Шулугина Галина Анатольевна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Мордовского государственного педагогического института им. М.Е. Евсевьева
тел.: (937) 516-70-05

Shulugina Galina Anatolyevna

PhD of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy of Mordovian State Teachers' Training Institute named after M.E. Evseyev
tel.: (937) 516-70-05

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭКОЛОГИИ И РЕЛИГИИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ВЗАИМОДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ НАУЧНОГО И ВНЕНАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

THE INTERACTION OF ECOLOGY AND RELIGION AS AN EXPRESSION OF COMPLEMENTARITY OF SCIENTIFIC AND NON-SCIENTIFIC KNOWLEDGE

В работе рассматривается процесс взаимодополнительности и взаимопроникновения экологических норм и религиозных культур. Прослеживается цепочка познавательной деятельности: донаучное – вненаучное – научное. Авторы приходят к выводу о необходимости разработки соответствующих направлений конфессионального богословия и религиозно ориентированной философии, которые позволят не только привлечь многовековой опыт духовного водительства, но и будут способствовать интеграции современного общества на пути решения жизненно важной для него проблемы – экологического кризиса.

The paper considers the process of complementarity and mutual penetration of environmental standards and religious cultures. The chain of cognitive activities i.e. pre-scientific – non-scientific – scientific has been observed. The authors have come to the conclusion concerning the necessity of the development of relevant directions of confessional theology and religion oriented philosophy that will not only attract many centuries of spiritual guidance, but also will contribute to the integration of modern society in the way of solution of vital important problem - the environmental crisis.

Ключевые слова: экологический кризис, религиозная культура, экологическая этика, взаимодополнительность.

Key-words: ecological crisis, religious culture, environmental ethics, complementarity.

Работа проводится при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ за счет средств проекта 2.1.1. «Создание Центра развития творческого мышления «Интеллектуальная элита в сфере образования» мероприятия 2. «Модернизация научно-исследовательского процесса и инновационной деятельности (содержание и организация)» Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева» на 2012-2016 гг. «Педагогические кадры для инновационной России»

Сегодня стало очевидно, что экологические проблемы носят антропологический характер, порождены человеком, а не природой. Поэтому ответы на многие вопросы, поставленные кризисом окружающей среды, содержатся в человеческой душе, а не в сферах экономики, биологии, технологии или политики. Исторически сложилось, что душа человека, сфера духа находятся под пристальным вниманием религии, которая сегодня, можно сказать, переживает своеобразный «ренессанс». Возможно, по этой причине современный экологический дискурс все чаще обращается к обсуждению вопроса о возможностях взаимодействия экологии и религии и определению перспектив этого взаимодействия для решения экологических проблем.

Чем привлекательна религия для экологии в плане сотрудничества, и какими ресурсами она обладает для разрешения экологического кризиса?

По большому счету, религия и экология, являясь важной частью культуры, принадлежат к разным познавательным традициям, обладают специфическими структурно-содержательными особенностями и легитимациями. Однако если обратиться к истории познания, то ее анализ убедительно показывает, что «в развитии познания важны и необходимы сосуществование, взаимосвязь, взаимоанализ и взаимоκριтика различных, порой взаимоисключающих путей, программ, традиций. Альтернативы, особенно на ранних этапах нередко пребывают в девиантной и даже псевдонаучной форме» [8, с. 90].

В историческом аспекте прослеживается следующая цепочка познавательной деятельности: до-научное – вненаучное – научное. Мир вначале предстает человеку в его обыденном опыте, который позднее становится основой для освоения и построения более организованных и специализированных форм знания: научного и вненаучного. Все формы знания, несмотря на историческую последовательность, соседствуют друг с другом, взаимодействуют и с большим или меньшим успехом участвуют в создании культурных и личностных смыслов.

Обыденное и научное знание, как правило, относят к знаниям невысокой степени общности. Они не могут охватить всей сферы реальности. А человек обладает врожденными качествами в приобретении предельных, абсолютных начал бытия. Познание универсальных оснований мира, культуры, в теоретико-рациональной форме осуществляется философией, но здесь же находится область поисков теологии, натурфилософии и метафизики.

Одним из первых, кто обратил внимание на тот факт, что религия не является идеологически нейтральной по отношению к природе, был американский историк Уайт Линн Таунсенд-мл. Его эссе «Исторические корни нашего экологического кризиса», написанное в 1967 г., положило начало современной дискуссии по проблеме взаимоотношения религии и экологии.

Обращаясь в рамках своего эссе к исследованию западных традиций науки и техники, Л. Уайт пришел к выводу, что они выросли из христианского отношения к природе, «разрушив языческий анимизм, христианство открыло психологическую возможность эксплуатировать природу в духе безразличия к самочувствию естественных объектов» [6, с. 197]. Он считает, что с исторической точки зрения современные естественные науки – это экстраполяция натуральной теологии, а современную технику можно хотя бы отчасти объяснить как западную волюнтаристскую реализацию христианского догмата о трансцендентности человека по отношению к природе и о его полном правом господстве над ней. По мнению Л. Уайта, около столетия назад наука и техника, будучи прежде совершенно независимыми видами деятельности, соединились, чтобы дать человеку силы, которые теперь вышли из-под его контроля, если судить по множеству негативных экологических последствий. И если это так, «то христианство несет на себе огромное бремя исторической вины» [6, с. 199]. Поэтому выход из кризиса Уайт связывает не с привлечением науки и техники, а с созданием новой религии или переосмыслением старой.

В 1973 г. английский историк А. Тойнби в своей статье «Религиозные основы современного экологического кризиса» и известный философ контркультуры Т. Роззак в книге «Там, где кончается пустыня» практически одновременно выразили свои экологические претензии к христианству. Оба исследователя возложили ответственность за экологический кризис на целый ряд положений из Священного Писания, в которых человеку отводится роль венца природы и ее хозяина (Быт. 1:26).

Далее своеобразную традицию критики христианской религии и ее обвинения в иницировании экологического кризиса продолжили идеологи Римского клуба (А. Печчеи, Дж. Форрестер, Э. Ласло). Однако справедливости ради отметим, что представители Римского клуба допускали, что Церковь имеет и определенный потенциал для решения экологических проблем, хотя, в большей степени, по их мнению, им обладают восточные религии.

Не вдаваясь в подробный пересказ точек зрения авторов, указанных выше, отметим, что с их доводами и аргументами, отчасти можно согласиться, поскольку авраамические религии возникли задолго до науки и в мировоззренческом плане несут определенную ответственность за формирование потребительской установки по отношению к природе. Однако не следует забывать, на наш взгляд, и о том, что наука (экология) и религия принадлежат к различным типам культуры и обладают определенной спецификой.

Религиозные культуры отличаются от светских тем, что определяются смысловым контекстом своего сакрального отношения. П.А. Сорокин характеризовал их как культуры «идеациональные». Сакральное отношение – всеобъемлющая, универсальная в эмоциональном и логическом плане идеация, вытекающая из мистического переживания человеком религиозного предмета и своих отношений с ним. Такое переживание сочетает «опыт сверхъестественного и опыт священного», и в этой связи обладает свойствами наиболее интенсивной реальности *per se* [1, с. 347–349].

«Светские культуры – как отмечает С.В. Лебедев – также имеют собственные сакральные константы, но эти последние не ориентированы, как правило, на сверхъестественное. Это ценности мирского характера, к которым относятся: жизнь, свобода, семья, Родина и другие идеальные категории социального бытия» [4, с. 198].

В религиозных культурах Бог постулируется как высшая ценность, с которой соотносятся все другие ценности. Бог как высший Авторитет центрирует сознание верующего человека, и любая отсылка к нему делает излишним все другие обоснования. Высшие ценности носителей светской культу-

ры имеют иной характер и, по мнению П.А. Сорокина, практически никогда не восходят к сверхчувственной и сверхразумной реальности.

Религиозные культуры формирует вера в существование бога. Функционирование веры как основы религиозного мировоззрения не предполагает доказательства. В своем содержании религиозная вера абсолютна и не склонна к изменениям. Возникнув как вариант осознания человеком сакральной глубины мира и собственной значимости, религиозная вера при условии ее соответствия духовным потребностям исторической эпохи, обретает устойчивый характер и транслируется в обществе.

Светская культура в основе своей имеет чувственный опыт и логико-понятийное мышление. Провинции смыслов светской культуры не столь консервативны, так как во многом определяются предметно-преобразовательной деятельностью человека. Проблемное поле светской культуры напрямую зависит от творческой самореализации человека в мире, степени вовлеченности в этот процесс объектов природы и артефактов. Поэтому светская культура, и наука, прежде всего, на определенном историческом этапе актуализирует те проблемы, которые инициированы самой практикой и от решения которых зависит будущее цивилизации, ее дальнейшее развитие.

Возникает вопрос: существовала ли у человечества на рубеже VIII – II вв. до н.э. необходимость легитимации экологической проблематики и ее обоснования с точки зрения «сакрального сверхъестественного»?

На наш взгляд, скорее нет, чем – да. Исторический переход от мифологии к развитым монотеистическим формам религии знаменует собой в большей степени осознание имеющихся различий, нежели сходства и единства человека и природы. При этом специфические особенности человека выявляются в контексте сакрального сверхъестественного. И эта сфера волнует человечество в это время в большей степени, чем природа, поскольку в ней сосредоточены духовные искания и идеалы человека, с ней связана надежда на спасение.

Ситуация критики религии со стороны современной светской культуры и экологии – это, на наш взгляд, следствие рефлексии, выявившей несоответствие между развивающейся общественно-исторической практикой и неизменным в своем содержании религиозным знанием. При всей важности духовного развития человечества, на первый план сегодня выходит проблема его выживания, которая напрямую связывается с социально-экологическим равновесием. Поэтому недостаточность должного или необходимого, по современным меркам, сакрального обоснования ценности природы в авраамических религиях вступает в противоречие с насущной потребностью современной цивилизации найти выход из экологического кризиса, а, следовательно, найти идейные, ценностные основания и формы легитимации гармоничного сосуществования человека и природы.

Хотя, на наш взгляд, в сложившихся условиях данную ситуацию можно рассматривать и как своеобразный «призыв» светской культуры, обращенный к религии и церкви, принять активное участие в легитимации экологических доминант в современном обществе.

С точки зрения современной социологии, религия и церковь относятся к числу основных институтов, формирующих общественное мнение. Они являются источниками многих наших ценностей и оказывают решающее влияние на человеческие действия. И если религия, как было отмечено выше, достаточно консервативна в своем вероучении, то церковь, как объединение верующих людей, вовлеченных в той или иной мере в практику современной жизни, является более динамичной структурой. Она обладает интеллектуальным потенциалом конфессионального богословия и религиозной философии и, на наш взгляд, сможет оказать большую услугу экологии, если по-настоящему заинтересуется вопросами природоохраны.

С момента своего возникновения церковь всегда была главным попечителем и хранителем этики, направленной на подготовку человека к встрече с божественным началом. Даже в нашу эпоху большинство людей продолжают обращаться за ответами на вопросы, что является правильным и неправильным, к той или иной религии. Мораль интеллектуальных и политических лидеров также вытекает из того восприятия религии, которое пусть и не связано напрямую с официальной церковью, можно считать религиозным. Поэтому, если церковь активизирует свою деятельность и проявит моральную заинтересованность к сложившимся не без ее участия отношениям между человеком и природой, она тем самым окажет формирующейся экологической этике значительную поддержку.

Хотя, вероятно, это потребует определенной трансформации религиозно-ценностного отношения к «мирскому», частью которого являются и природа, и отношение человека к природе, и обоснования его иного «статуса» в контексте сакрального сверхъестественного. Что, на наш взгляд, сделать будет совсем не просто.

Сложность состоит в том, что необходимые трансформации религиозного отношения к сотворенному миру в определенной мере посягают на абсолютность, незыблемость религиозной веры, в

лучшем случае предполагают выявление сокрытых в ее содержании сакральных смыслов экологического характера или новую интерпретацию устоявшихся. При этом следует учитывать, что общественное сознание всегда очень чувствительно к изменению привычной символики и смыслового поля. И для внутренней жизни церкви это может создать почву для инакомыслия.

С другой стороны, оставаться безучастной к решению важных для общества экологических проблем церковь, как социальный и культурно действенный институт, не может. В противном случае общество получит право рассматривать церковь только как «историческую ценность». Как бы там ни было, вопрос этот гораздо сложнее того, каким он представляется на первый взгляд. Он требует тщательной подготовки и, прежде всего, внутриконфессионального определения.

Актуализируя экологическую проблематику, современная наука стремится заручиться поддержкой церкви и пытается найти «россыпи экологической мудрости» в религиозных учениях. Выявление экологического аспекта той или иной религии – это, по сути, современная оценка многовекового опыта социокультурного бытия религий на основе сформировавшегося в XX в. экологического критерия, в связи с которым уже условно выделяются надприродные религии и природные. При этом на волне современных экофилософских представлений как-то нивелируется главная идея любой развитой религии – идея спасения. И даже если в религиозных системах действительно представлены достаточно полно экологические доминанты, они, на наш взгляд, не обладают самоценностью, а актуальны только в свете этой идеи.

По этой причине достаточно проблематичным выглядит предложение американского экофилософа Б. Кэлликотта выделить экологическую этику из многих религий и уж тем более использовать для ее формирования не только базовые тексты Библии, Корана, Талмуда и т.п., но и апокрифы. Экологические правила, изъятые из религиозного контекста, утратят силу религиозной легитимации и просто растворятся в светской культуре.

Вызывает сомнение и масштабное тиражирование самого термина «экология». И если в одних случаях – это действительно обосновано и имеет предметную определенность, то в других – не всегда. Так обстоит дело, к примеру, с таким новообразованием как «экология религии». Формулировка этого словосочетания и последующее разъяснение принадлежит шведскому феноменологу и историку религий О. Хульткрантцу. Для него экология религии – это изучение интеграции религии в окружающую среду и последствий, вытекающих из этой интеграции. И если сам О. Хульткрантц применение религиозно-экологического подхода ограничил изучением религий тех народов, культуры которых зависят от окружающей среды, т. е. при изучении так называемых примитивных религий, то последователи О. Хульткрантца активно «прилагают» его без всякой доработки (теоретической, методологической) к развитым формам религии. В результате по аналогии с классификацией О. Хульткрантца предлагаются следующие экологические типы религии: «экологичные», менее «экологичные» и «нейтральные».

Вероятно, при рассмотрении вопроса о степени вовлеченности природы в религиозную практику той или иной конфессии не следует выискивать только экологосообразные идеи, вынося за скобки все остальное. Вне зависимости от того, как мы оценим религию с точки зрения экологии, в сознании верующего человека доминировать будет религиозная идея, даже, если она не соотносится с требованиями современной экологии. Религия сможет стать полезной экологии только при условии уважительного отношения к ее ценностям и базовым принципам. И перспективным в этом направлении, на наш взгляд, может стать вовсе не создание новой «экологической религии», а диалог, интеллектуальное совмещение и взаимное дополнение светской и религиозной мысли.

Иными словами, социально-экологическая проблематика не должна оставаться только частью светского научного дискурса. Встречная разработка соответствующих направлений конфессионального богословия и религиозно ориентированной философии позволит не только привлечь многовековой опыт духовного водительства (религиозные убеждения могут стать действенной мотивацией для активного участия в программах, направленных на охрану природы), но и будет способствовать интеграции современного общества на пути решения жизненно важной для него проблемы – экологического кризиса. Тем более что, по мнению ученых – специалистов по данному вопросу, обеспечить преодоление экологического кризиса и дальнейшее развитие цивилизации едва ли смогут научно-технические нововведения, экономические преобразования и социальные реформы. Надежда только на этическое обновление на уровне сознания [3].

Но как осуществить переворот в массовом сознании, переделать сознание миллионов и миллиардов, изменить их мировоззрение, обеспечить смену поведенческих норм и ценностных ориентаций? И была ли в истории ситуация массовой перестройки сознания?

Л.В. Фесенкова и Е.Н. Дерябина отвечают на этот вопрос: «такая массовая перестройка обще-

ственного сознания произошла в начале новой эры. Она была осуществлена христианством, которое в корне поменяло ценностные ориентиры общественного сознания античного мира, установило новый взгляд на мир и человека». И далее: «сегодня перед экологической мыслию стоит задача по своей грандиозности сопоставимая с переворотом начала нашей эры» [7, с. 488]. Разумеется, в современных условиях повторение по христианскому сценарию невозможно, даже несмотря на имеющееся функциональное сходство экологических и религиозных программ. Однако, на наш взгляд, выраженная в христианском учении идея, что человек обладает сложной, противоречивой природой, не утратила эвристики и сегодня. Возможно, научная разработка данной идеи в рамках концепции глобального эволюционизма, который сегодня набирает силу, позволит отойти от односторонней оценки разума человечества только как высшего этапа прогрессивного развития.

Другая идея, которая сможет внести кардинальные изменения в современную картину мира и развенчать миф о безграничных возможностях человека, – это идея системности. Родившись в научной среде (Л. фон Берталанфи) и успешно реализуясь в частнонаучных исследованиях, она, к сожалению, не нашла должного применения в мировоззренческом плане не только в науке и философии, религии, и конфессиональной теологии, но и культуре в целом.

Нам представляется, что объединение этих идей в рамках одной теории, не смотря на то, что они сформировались в разных познавательных традициях, может стать хорошей иллюстрацией взаимодействия и взаимодополнительности различных элементов культуры при решении комплексных проблем, с другой стороны, – будет способствовать формированию новых ценностей и мировоззрения, способного противостоять экологическому кризису.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бергер П.Л. Религиозный опыт и традиция // Религия и общество: хрестоматия по социологии религии / сост. В.И. Гараджа, Е.Д. Руткевич. М., 1996.
2. Борейко В.Е. Постигание экологической теологии. Киев, 2000.
3. Данилов-Данильян В.И. Экологический вызов и устойчивое развитие. М., 2000.
4. Лебедев С.Д. Социальная экология как императив религиозного возрождения // Социальная экология в изменяющейся России: проблемы и перспективы: материалы межрег. (с междунар. участ.) науч.-практ. конф.: в 2 ч. / под ред. В.В. Бахарева, М.Е. Поленовой. Белгород, 2007. Ч. 1.
5. Розенберг Г.Р. Комментарии к статье Линн Таунсенд Уайт, младшего «Исторические корни нашего экологического кризиса» // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. 2010. Т. 19. № 1. URL: www.ssc.smr.ru/media/journals/samluka/2010/19_1_16.pdf (дата обращения 15.07.2012).
6. Уайт Л. Исторические корни нашего экологического кризиса // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М., 1990.
7. Фесенкова Л.В., Дерябина Е.Д. Экология в дискурсе эволюционных проблем // Идея эволюции в биологии и культуре / отв. ред. О.Е. Баксанский, И.К. Лисеев. М., 2011.
8. Чаиркин А.С., Айзатов Ф.А., Кемкин В.И. Тайны человека (Научные и вненаучные подходы): монография. М., 1996.

УДК 141.135

Черкозьянова Татьяна Владимировна

кандидат философских наук, заведующая кафедрой философии Оренбургской государственной медицинской академии
тел.: (987) 852-83-69

Cherkozyanova Tatyana Vladimirovna

PhD in Philosophy, Head of the Department of Philosophy of Orenburg State Medical Academy
tel.: (987) 852-83-69

К ВОПРОСУ ВЛИЯНИЯ КОНЦЕПЦИЙ ГНОСТИЦИЗМА НА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СУДЬБЕ

В статье рассмотрен процесс ассимиляции идей гностицизма и их влияние на представления о сущности судьбы. Показана мировоззренческая значимость данного вопроса. Выделены актуальные положения, отражающие структурное содержание взаимодействия творческих, конструктивных сил бытия и их сущностных антагонистов.

Ключевые слова: судьба, гностицизм, оккультизм, спиритуализм.

ON THE INFLUENCE OF CONCEPTS OF GNOSTICISM IN THE CONCEPTIONS OF FATE

This article describes the process of assimilation of the ideas of Gnosticism and their influence on the ideas concerning the nature of fate. The worldview importance of the issue has been presented. Identified relevant provisions reflecting the structural content of interaction of creative, constructive forces of life and their essential antagonists have been emphasized.

Key words: fate, Gnosticism, occultism, spiritualism.

Древнеегипетская храмовая традиция, которую можно рассматривать как первичную понятийную структуру знаний, обладала серьёзным потенциалом к развитию философии гностицизма. Здесь впервые в истории человеческой мысли была разработана зрелая теория о возможности реорганизации смыслообразующего контекста духовной реальности, что предусматривало определённую автономность человека по отношению к движущим силам истории.

Древнеегипетские сакральные концепции, ассимилировавшиеся в западноевропейской культуре, сформировались в фундаментальные теории, повлиявшие на мировоззренческие представления. Видится закономерной взаимосвязь между нигилизмом идеологии ряда государств и их повышенным интересом к древнеегипетской истории религии. Наиболее существенный вклад в развитие египтологии, таким образом, внесли Россия, Франция и Германия, которые стали колыбелью революционной антагонистической идеологии. Симбиоз итальянской и немецкой египтологических школ, сформировавших наиболее зрелую философско-религиозную концепцию древнеегипетской культуры, постулировал развитие нацизма. Данная взаимообусловленность говорит о том, что сакральная древнеегипетская традиция понималась мыслителями других культур зачастую односторонне и предполагала абсолютное доминирование волюнтаризма, проявляемое институтом жречества к организации политической власти.

Христианская идеология конституировала положения древнеегипетских теорий в свете демонологических учений. Египтологические идеи, в силу этого, синтезируясь с концепциями античных философов, породили уникальное явление – гностицизм. Несмотря на то, что гностицизм относится к апокрифическим и ересиологическим философско-религиозным системам, он требует тщательного изучения. Как показывает исторический опыт, неконтролируемое распространение подобных культовых теорий привносит в общественное сознание асоциальные умонастроения, обесценивание традиционных религиозно-этических постулатов.

Современная ассимиляция древнеегипетского феномена начинается с того момента, когда Ж.Ф. Шампольон произвёл удачную дешифровку древнеегипетской иероглифической письменности. Это было открытие мирового масштаба в истории европейской науки, которое он описал в «Письмах к г-ну Дасье» 14 сентября 1822 г. Переемниками метода дешифровки Шампольона и его последователями, стали такие представители «старой школы» как И. Росселини (Италия); Р. Лепсиус, Г. Бругш, Г. Эберс (Германия); Э. де Руже, Ф. Шаба (Франция). С 1851 г. начинаются активные археологические исследования, в которых доминирующую роль занимают французские исследователи, такие как О. Мариет, Г. Масперо, А. Морэ и др. Немецкий учёный Э. Мейер и британский исследователь Э.А.У. Бадж работали над фундаментальными философско-историческими концепциями, структурируя менталитет и теоретические основания религии древних египтян. С начала XX в. древнеегипетская традиция ассимилируется в пространстве западноевропейской культуры посредством представителей «новой школы», к числу которых относятся в Германии: Г. Грапов, Г. Кеес, В. Отто, Э. Эдель, В. Хельк и др.; в Велико-

британии: А. Гардинер и его ученики Б. Ганн, Р. Фолкнер, Г. Фэрман, Э. Пит и др.; во Франции П. Лако, Г. Лефевр, Э. Дриотон, Ж. Вандье, Ж. Позенер и др.

До обозначенного периода египтологические концепции вариативно актуализировались в гностических культах. Древнеегипетский прецедент формирует базовые понятия, на которых, в эпоху развития эллинизма, выстраиваются зрелые философские умопостроения концепций судьбы. Подтверждение обозначенным положениям мы видим у М. Элиаде: «Козимо и Фичино были потрясены открытием герменевтических текстов. У них не было никаких оснований сомневаться в том, что в тексте *Corpus hermeticum* открывались слова самого Гермеса Египетского, носителя самого древнего откровения, возникшего раньше Моисея и оказавшего влияние на Пифагора, Платона и даже персидских магов» [3, с. 61-62]. Судьба понимается в неразрывной связи с движущими силами истории общества, народа, государства, а также уникальной жизни отдельного индивида, определённым образом синхронизированного в социокультурном средовом контексте бытия.

Выраженность интеллектуального и личностного превосходства предполагала возможность разидентификации с коллективным сознанием общества, поэтому гностические секты и культы в целом, отличались «закрытым» системным характером. Данные условия позволяли формировать собственный мистический и магический опыт, эмпирически адаптируя доминирующую личность к духовному приоритету. В слабо выраженной социальной организации не сформировалось холистических представлений о единой судьбе членов сообщества, что определило внерефлексивную природу отношения к феномену судьбы. Данный принцип социальных отношений приводит не только к классовому, но и к духовному расслоению сообщества и к выделению из его структуры индивидуально обусловленного магического потенциала отдельных членов.

Отношения между духовными принципами общественной структуры и оккультными практиками индивидуального характера изначально складывались в условиях антагонизма. Натуралистические тенденции гностицизма отрицаются ортодоксальной религиозной идеологией, а развивающееся научное знание служит теологическим целям. Понимание судьбы формируется здесь в двух аспектах. С одной стороны, феномен судьбы интерпретируется в свете провиденциализма; с другой стороны – судьба объясняет негативные тенденции внебожественного бытия. Оба аспекта обозначены спиритуалистическими инсинуациями положительного или отрицательного отношения к учению гностицизма.

Здесь обозначены два типа духовных существ, посредством которых определяется как трансцендентальная, так и имманентная природа духовного бытия. Гностическая традиция утверждала, что «миром правят слуги низшего бога и демонов» [2, с. 36]. Эти идеи активно развивались в теории Марка Мага, последователя Валентина. Им предшествовали представления карпократов. «Оказывается, что мир и всё что в нём, согласно последователям Карпократа, создано ангелами, которые ниже нерожденного отца. Иисус был рожден от Иосифа, как и остальные люди, однако в отличие от остальных, благодаря особо чистой и сильной душе, он мог вспомнить всё то, что видел в той области, в которой обитает Нерожденный Отец. По этой причине к нему была послана сила, благодаря которой он мог избежать власти творцов этого мира. Она свободно прошла через них и спустилась прямо к нему и ему подобным. Они говорят, что он воспитывался по иудейским законам, но презрел их все и смог превозмочь телесные страдания, которые даны человеку, чтобы держать его в страхе перед законом» [2, с. 41].

Учения гностиков рассматривали Дух Христа как путеводную нить, по которой каждая душа должна была пройти самостоятельно, вернувшись в изначальное бытие, в мир чистых божественных идей. «Душа, которая подобна душе Иисуса, в силах отвергнуть творцов-архонтов, получает аналогичную силу и творит то же самое. И поскольку они пришли к тому, что они подобны Иисусу, некоторые из них даже утверждают, что они сильнее его и его учеников, таких как Пётр, Павел и другие апостолы. Их души происходят из той же области, а поэтому также отвергают творцов этого мира, а потому также достойны этой силы и вернуться назад в то же место» [2, с. 41].

Епифаний и Ириной утверждают, что представители гностических сект «славилась своими магическими ухищрениями, заклинаниями, приворотными зельями, праздниками любви..., духами-союзниками, галлюциногенами... и другими злодействами» [2, с. 41]. Но оргии гностиков происходили не из неводержанности, а в силу специфического понимания ими природы человеческой души. Гностическая традиция укоренялась в концепции реинкарнационной сущности человека. По мнению гностиков, человеческая сущность в пределах единственной жизни была способна «изжить» все предначиненные человеку судьбы.

В гностических апокрифах просматривается причудливый симбиоз античного понимания судьбы с христианизированным акцентом. Они принимают догматическую теорию о внебожественном аспекте судьбы и подчиняют бытие человека дьявольским силам, от которых нет спасения через добродетель.

«Противником является один из ангелов и творцов этого мира (по Иринее он зовётся Дьяволом)... и занимается тем, что приводит души, которые покинули мир, к судье, чтобы он судил их. (Иринеей называется этого ангела Князем). И если они не закончили всё то, что им положено было исполнить, он передаёт эти души другим, служащим ему ангелам, которые заключают их в тела... И душа до тех пор подвержена перевоплощению... пока не совершит все возможные в этом мире прегрешения» [2, с. 43]. Таким образом, гностические культы не только сохраняют основные положения мистериальной культуры, но и формируют новый теоретический и практический уровень её реализации. В соответствии с концепциями гнозиса о спасении индивидуальной души, формируются идеологические принципы чёрных месс, широко распространённых в гозитических культах.

Вне спиритуалистической традиции, понимание судьбы гностиками определялось полностью в пределах её кармического опредмечивания. «Некоторые полагают, что души вселяются в тела через определённые интервалы и занимают в жизни то место, которое они заслужили в прошлом. Некоторые полагают, что души... получают после смерти определённое место, хорошее или плохое, и остаются там» [2, с. 77]. Неоплатоник гностической традиции Ипполит, цитируя Платона, делает вывод: «Судьба правит миром, однако не всё происходит в соответствии с ней, остаётся место и свободной воле... Ответственность несёт принявший решение, Бог не виноват» [2, с. 78]. Рассуждая о проблеме случайно совершённого зла, за которым следует расплата, Ипполит рассматривает наказание как лекарство против болезни зла.

Тертуллиан рассматривает судьбу человечества в эсхатологической традиции. «Смысл конца мировой истории он формулирует в юридических терминах. Близится срок, когда настанет время свести счёты между человеком и Богом, и каждый получит по заслугам, обретя заслуженное воздаяние или понеся столь же заслуженное наказание» [2, с. 87].

Средневековая ортодоксальная философия также как гностицизм, манихейство и другие культовые традиции, вносит в концепцию судьбы человека не только понятие греха, но и идею воздаяния за греховную жизнь и потакание порокам. Особенно ярко это прослеживается на примере отношения к психически больным. В средневековой теологии и философии психические отклонения от нормы определялись как одержимость демоническими сущностями низшего плана. В силу полной дискредитации научных и натуралистических подходов к феномену человека, обозначенные аномалии отчуждались в сферу экзорцистских актов. «Психиатрия средневековья едва ли отличалась от донаучной демонологии, а психиатрическое лечение практически ничем не отличалось от "изгнания духов"... Между средневековой идеей изгнания духов и дохристианской демонологией обнаруживается странное сходство» [1, с. 82-83]. Натуралистическое отношение к объективной реальности стало прерогативой научного знания, но на протяжении длительного периода средневекового мракобесия, оно вело закулисный образ существования. Так, в средневековой традиции сформировались тайные союзы не только гозитического плана, но и натуралистически ориентированного.

Определяя специфику гностического понимания мира и его роли в отношении к человеческой судьбе, можно отметить, что в данных концепциях представления о судьбе размыты. Феномен судьбы подвержен не анализу, а преобразованию. Судьба здесь деперсонифицирована и лишена специфических характеристик организующего начала. Судьба ассимилирована в общем порядке мироздания, наряду с другими феноменами бытия, представляющими для субъекта больший или меньший интерес. Сознание гностика получает не только свободу от условий судьбы, но и определённую власть над судьбой, обусловленную качеством производимых им действий.

В заключение представляется необходимым отметить жизнеспособность гностической идеологии. Она выполняет ту же функцию отрицания ортодоксальных представлений христианства, что и на начальном этапе своего формирования. Кроме того, она органически связана с идеей самовозвеличивания антропологической сущности. «Подобное самовозвышение и обретение достойного статуса ещё более интенсивно достигается в большей части современных так называемых магических и оккультных течений» [4, с. 103].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Александр Ф., Селесник Ш.* Человек и его душа: познание и врачевание от древности до наших дней. М., 1995.
2. *Афонасин Е.В.* Античный гностицизм. Фрагменты и свидетельства. СПб., 2002.
3. *Элиаде М.* Ностальгия по истокам. М., 2006.
4. *Элиаде М.* Оккультизм, колдовство и моды в культуре. М., 2002.

Юридические науки

УДК 347.45/47

Глевич Михаил Александрович

аспирант кафедры предпринимательского права
Пермского государственного национального
исследовательского университета
тел.: (902) 833-05-67

Glevich Mikhail Aleksandrovich

Postgraduate Student of the Department of Business
Law of Perm State National Research University
tel.: (902) 833-05-67

**ДОГОВОР, РЕГУЛИРУЮЩИЙ
ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ДОСТУПА
К СЕКРЕТУ ПРОИЗВОДСТВА**

**THE CONTRACT REGULATING
PROVISION OF ACCESS
TO KNOW-HOW**

В статье исследуется проблема определения формы относительных правоотношений, регулирующая предоставление доступа к секрету производства, которая бы соответствовала природе указанного объекта гражданских прав. Автор указывает на то, что исследуемые отношения должны строиться на основе модели профессиональной тайны, а не на договорах, предметом которых выступает исключительное право на объекты интеллектуальной деятельности.

The article describes the problem of relative legal relationship definition, regulating the access to know-how which would correspond to the nature of the indicated object of the civil law. The author specifies that the studied relations should be based on the model of professional secret, and not on the contracts with the exclusive right to objects of intellectual property as a subject.

Ключевые слова: секрет производства, договор о предоставлении доступа, лицензионный договор.

Key words: know-how, contract on provision of access, license contract.

Проблема определения сущности права на секрет производства породила различные взгляды в гражданско-правовой доктрине на подходящую этому объекту форму относительных правоотношений. Согласно одной из широко поддерживаемых точек зрения, соответствующей нормам гражданского законодательства, права на секрет производства должны переходить от его правообладателя к контрагенту с использованием конструкции лицензионного договора либо договора об отчуждении исключительного права. В соответствии с п.1 ст. 1468 ГК РФ, п. 1 ст.1469 ГК РФ предмет указанных договоров является исключительное право на секрет производства [1, ст. 1468; ст. 1469]. В соответствии с п.4 ст. 129 ГК РФ результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (статья 1225) не могут отчуждаться или иными способами переходить от одного лица к другому [2, ст. 129]. Однако права на такие результаты и средства, а также материальные носители, в которых выражены соответствующие результаты или средства, могут отчуждаться или иными способами переходить от одного лица к другому в случаях и в порядке, которые установлены настоящим Кодексом. В главе 75 Гражданского кодекса «Право на секрет производства (ноу-хау)» не указаны случаи и порядок отчуждения материальных носителей, на которых отражены секреты производства. Потребности гражданского оборота требуют именно перехода (сообщение) секрета производства, а не прав на этот объект. Так, например, Ф.Н. Боташева [3, с. 94], Г.Н. Колебошин [4, с. 133], Ю.И. Свядосц [5, с. 15-17], О.В. Верина [6, с. 13], В.В. Рак [7, с. 154], В.Ф. Попондополо [8, с. 111], А.А. Акопян [9, с. 91] утверждают, что предмет таких договоров заключается в фактической передаче информации (секрета производства), аргументируя отсутствие исключительных прав на секрет производства или вообще каких-либо абсолютных прав на этот объект либо несоответствием его всем необходимым признакам результата интеллектуальной деятельности. Во многом это обстоятельство для ученых-правоведов является решающим основанием отказа от использования договорных форм, установленных законодателем, в отношении исследуемого объекта и поиска более адекватных правовых форм. Г. Штумпф указал, что характеристика договора о передаче ноу-хау как лицензионного договора ведет скорее к путанице понятий, чем способствует уяснению правовой природы договоров такого рода. Скорее всего, этот договор представляет собой договор особого рода [10, с. 43].

Мы также считаем, что ни лицензионный договор, ни договор об отчуждении исключительного права на секрет производства невозможно использовать в гражданском обороте, прежде всего, в силу действия в отношении секрета производства особого личного неимущественного права. Кроме того, указанные договоры имеют существенное сходство: согласно п. 2 ст. 1468 ГК РФ, абз. 2, п. 3, ст. 1469 ГК РФ при отчуждении исключительного права на секрет производства лицо, распорядившееся своим правом, обязано сохранять конфиденциальность секрета производства до прекращения действия исключительного права на секрет производства, а при предоставлении права использования секрета

производства лица, получившие соответствующие права по лицензионному договору, обязаны сохранять конфиденциальность секрета производства до прекращения действия исключительного права на секрет производства [11, ст. 1468; ст. 1469]. Таким образом, договорные отношения действуют до тех пор, пока существуют права на этот объект. При этом в гражданском обороте существует тенденция заключать лицензионный договор без указания срока его действия, поскольку на практике достаточно трудно проконтролировать и запретить лицензиару дальнейшее использование секрета производства по истечении срока действия договорных отношений. В свою очередь, приобретателю исключительного права на секрет производства соответствующей договорной формы невозможно проследить и защитить свои права в случае, если первоначальный правообладатель исключительного права на секрет производства передал в дальнейшем это же право другим лицам, либо предоставил им право использования аналогичного секрета производства в силу отсутствия системы регистрации исключительных прав на секрет производства, а также обозначенных договорных форм, поскольку она противоречила бы природе секрета производства. Указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости отказа от традиционных договоров и выработке единой формы относительных правоотношений, которые бы соответствовали специфике секрета производства и тенденциям, существующим в экономических отношениях, связанным с объектом исследования.

По мнению группы ученых, договор о предоставлении доступа к секрету производства строится по типу договора оказания услуг [12, с. 9]. Свою позицию они обосновывают тем, что по договору оказания услуг передается новая ценная информация [13, с. 108]. На наш взгляд, этот аргумент является недостаточным для такого вывода. Договор оказания консультационных услуг не содержит обязательства о неразглашении информации, получаемой в ходе его исполнения, а также обязанности о принятии мер защиты, обеспечивающих ее конфиденциальность. Кроме того, по договору оказания услуг новая информация, знания появляются в процессе деятельности после получения задания заказчика. Договор оказания услуг в отличие от договора о предоставлении доступа к секрету производства не обладает признаком фидуциарности. По договору оказания услуг обе стороны обладают абсолютными правами, поскольку ее предметом является общедоступная информация, правом на которую обладает любой субъект гражданского оборота. Об этом выводе свидетельствует и судебная практика [14]. Исполнитель по договору оказания услуг оказывает заказчику содействие в осуществлении права на доступ к общедоступной информации применительно к конкретной ситуации. По договору о предоставлении доступа к секрету производства абсолютное право на этот объект существует у ограниченного круга лиц (правообладателей секрета производства). Предоставление доступа к секрету производства контрагенту по договору не порождает у него каких-либо абсолютных прав в отношении указанного объекта, поэтому его использование должно определяться конкретными целями, установленными в договоре. По договору оказания услуг информация, полученная услугополучателем, может быть использована в любых целях. В связи с отмеченным различием между указанными договорами стоит отметить следующее обстоятельство. В литературе существует деление конфиденциальной информации на профессиональную тайну и тайну личной жизни, коммерческую тайну [15, с. 12]. Мы считаем, что последние виды тайн имеют общий признак, отличающий их от профессиональной тайны. Он заключается в том, что тайна личной жизни и секрет производства имеют правообладателя, которому принадлежит весь объем правомочий в отношении указанных объектов. Профессиональная тайна порождает у ее получателя обязанности: использовать знания в определенных целях, устанавливаемых законом, договором либо вытекающих из существа обязательства, а также обязанность обеспечить конфиденциальность переданной информации. Следовательно, правильнее провести деление конфиденциальной информации на профессиональную тайну и тайну правообладателя. В основу разграничения этих групп тайн заложен зависимый характер существования профессиональных тайн от тайн их правообладателей. На основе этого деления, мы считаем, можно отнести право на секрет производства в группу тайн правообладателей, а сведения, к которым получатель секрета производства имеет доступ, следует отнести к виду профессиональной тайны. Этот вид профессиональной тайны может иметь различные формы своего существования, например, адвокатская тайна, страховая, нотариальная тайна, банковская тайна, служебная тайна и др. Рассмотрим предложенную модель организации отношений на примере соотношения банковской тайны и секрета производства. Например, в объем секрета производства может входить информация о контрагентах, с которыми сотрудничает определенный субъект хозяйственной деятельности. Эту информацию можно установить на основе анализа операций по счету клиента банка, поэтому последние можно отнести к секрету производства. Банк как обслуживающая коммерческая организация имеет доступ к этой же информации на законном основании, но она уже составляет предмет банковской тайны. В доктрине существует два противоположных взгляда на природу банковской тайны. Одна группа ученых считает банковскую тайну разно-

видностью секрета производства [16, с. 15; 17, с. 65-70], другая – самостоятельным видом профессиональной тайны [18, с. 47]. Например, И.И. Салихов считает, что банковскую тайну нельзя считать разновидностью секрета производства, поскольку оба объекта имеют следующие существенные отличия:

1. Банковская тайна содержит сведения о клиенте, а не о самом банке, тогда как объем секрета производства составляют сведения о субъектах предпринимательской деятельности.

2. Сведения, составляющие банковскую тайну, определяются законом, и их перечень носит исчерпывающий характер, а информация, которую можно отнести к секрету производства, не носит закрытого характера.

3. Клиенты, сведения о которых составляют банковскую тайну, могут и не являться субъектами предпринимательской деятельности, а субъектами права на секрет производства являются коммерческие организации или индивидуальные предприниматели.

С последней точкой зрения стоит согласиться, поскольку банк не имеет правовой возможности распоряжаться сведениями о клиенте, использовать их в любых целях по своему усмотрению. Напротив, по отношению к указанной информации у банка преобладают обязанности, направленные на обеспечение ее конфиденциальности. Все эти обстоятельства свидетельствуют о том, что банковская тайна носит производный характер от прав на секрет производства, следовательно, является самостоятельным видом профессиональной тайны. Неправомерное распространение профессиональной тайны (банковской тайны) можно квалифицировать как нарушение прав на тайну правообладателя (право на секрет производства).

По такой же модели выстраиваются отношения, если получателем секрета производства выступает страховая компания. В соответствии со ст. 946 ГК РФ страховщик не вправе разглашать полученные им в результате своей профессиональной деятельности сведения о страхователе, застрахованном лице и выгодоприобретателе, состоянии их здоровья, а также об имущественном положении этих лиц. За нарушение тайны страхования страховщик в зависимости от рода нарушенных прав и характера нарушения несет ответственность в соответствии с правилами, предусмотренными ст. 139 или ст. 150 ГК [19, ст. 139, ст. 150]. Таким образом, предметом тайны страхования может являться секрет производства. При этом у страховой компании каких-либо прав в отношении секрета производства не возникает, а существует обязанность: не разглашать полученные в результате профессиональной деятельности сведения о страхователе. Стоит отметить, что и в первом, и во втором примере отношения между участниками гражданского оборота выстраиваются без использования лицензионного договора либо договора об отчуждении исключительного права на секрет производства. По такой же модели выстраиваются отношения, если получателем секрета производства выступает аудитор (аудиторская тайна ст. 8 ФЗ «Об аудиторской деятельности») [20, ст. 8], нотариус (нотариальная тайна – абз. 2 ст. 16 ФЗ «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1) (ред. от 06.12.2011)) [21, ст. 16]. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в действующем законодательстве сформировались две модели регулирования отношений, связанных с секретом производства: первая модель – тайна правообладателя (секрет производства) и профессиональная тайна – отношения регулируются специальным, не указанным в гражданском законодательстве договором о соблюдении конфиденциальности полученной информации; вторая модель – отношения регулируются лицензионным договором либо договором об отчуждении исключительного права. О недостатках последней модели регулирования относительных отношений мы уже говорили выше.

С нашей точки зрения, использование института профессиональной тайны наиболее адекватно отражает характер относительных отношений, связанных с предоставлением доступа участникам гражданского оборота к секрету производства. Стоит отметить, что институт профессиональной тайны на данном этапе является еще не развитым. Существуют пробелы в регулировании профессиональной тайны, получаемой субъектами гражданских правоотношений в рамках гражданско-правовых договоров (например, договор подряда, договор на проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ), а также между участниками корпоративных отношений. Такие виды профессиональных тайн не обозначены в гражданском законодательстве, за исключением, например, тайны связи, страховой тайны, банковской тайны. Например, согласно ст. 727 ГК РФ если сторона благодаря исполнению своего обязательства по договору подряда получила от другой стороны информацию о новых решениях и технических знаниях, в т. ч. не защищаемых законом, а также сведения, которые могут рассматриваться как коммерческая тайна (ст. 139), сторона, получившая такую информацию, не вправе сообщать ее третьим лицам без согласия другой стороны. Порядок и условия пользования такой информацией определяются соглашением сторон. В соответствии с п.1, п. 2 ст. 771 ГК РФ если иное не предусмотрено договорами на выполнение научно-исследовательских работ, опытно-конструкторских и технологических работ, стороны обязаны обеспечить конфиденциальность сведе-

ний, касающихся предмета договора, хода его исполнения и полученных результатов. Объем сведений, признаваемых конфиденциальными, определяется в договоре. Каждая из сторон обязуется публиковать полученные при выполнении работы сведения, признанные конфиденциальными, только с согласия другой стороны. Кроме того, существует самостоятельный вид договора, по которому предоставляется доступ к секрету производства. Т.М. Бикташев пишет, что организации для осуществления своей деятельности привлекают специалистов «со стороны», которым для выполнения поставленных задач иногда необходим доступ к секрету производства. Привлечь такого специалиста к ответственности крайне сложно, если в основном договоре не было обязательства о сохранении конкретной информации в тайне [22, с. 148]. Мы считаем, что указанные конфиденциальные сведения также нуждаются в обозначении и правовой регламентации. Наиболее подходящим названием для обозначения этого вида профессиональной тайны является «предпринимательская тайна».

Эти конфиденциальные сведения по своей правовой природе являются секретом производства. Правообладателем этого объекта являются лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность. Получатель секрета производства должен являться предпринимателем, поскольку, во-первых, он должен профессионально выполнять деятельность, которая ему поручается, во-вторых, цель предоставления доступа к секрету производства должна быть связана с предпринимательской деятельностью. Об этом выводе также свидетельствует и судебная практика ВАС РФ: «Нематериальные объекты должны использоваться в хозяйственной деятельности – участвовать в процессе производства продукции (работ, услуг), что подтверждается технологическими документами, сметами, другими учетными документами, фиксирующими факт совершения хозяйственной операции с этими нематериальными объектами. Использование этих объектов должно приносить доход» [23]. Таким образом, название этого вида профессиональной тайны обусловлено характером общественных отношений, с которыми она связана, а также особым субъектным составом участников гражданского оборота, которые получают доступ к этому объекту. На основе изложенного можно сделать вывод о том, что в относительных правоотношениях гражданско-правового характера, связанных с секретом производства, участвуют правообладатель секрета производства, тайна, которого относится к группе «тайна правообладателей» и получатель секрета производства, тайна которого относится к группе «профессиональной тайны».

В соответствии со ст. 9 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» участники общества обязаны не разглашать информацию о деятельности общества, в отношении которой установлено требование об обеспечении ее конфиденциальности [24, ст. 9]. Согласно ст. 91 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» общество обязано обеспечить акционерам доступ к документам, предусмотренным пунктом 1 ст. 89 настоящего Федерального закона [25, ст. 91]. К документам бухгалтерского учета и протоколам заседаний коллегиального исполнительного органа имеют право доступа акционеры (акционер), имеющие в совокупности не менее 25% голосующих акций общества. В случае использования в отношении открытого общества специального права на участие Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования в управлении указанным обществом (золотая акция) такое общество обеспечивает представителям Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования доступ ко всем своим документам. Таким образом, участники корпоративных отношений также имеют дело с секретом производства. Но какого-либо единого понятия, обозначающего это вид профессиональной тайны, в гражданском законодательстве не существует. Логичным будет обозначить его как корпоративная тайна, исходя из названия отношений между участниками и юридическим лицом. Правообладателем конфиденциальной информации, которую участник обязан не разглашать, может быть только само общество. Стоит отметить, что право участника юридического лица на доступ к информации, в том числе к секрету производства, является неимущественным, носящим организационный характер [26, с. 8]. Поэтому коммерческий оборот профессиональной тайны исключен. Она не является товаром, поскольку ее основным назначением является нераспространение, обеспечение ограниченного доступа третьих лиц к информации [27, с. 13].

Таким образом, договоры о предоставлении доступа к секрету производства могут составлять содержание других договоров, которые имеют самостоятельное правовое значение. При этом этот договор могут заключить и лица, не состоящие в любых других договорных отношениях. Включение в условия какого-либо договора обязательства о неразглашении секрета производства обуславливает возникновение смешанного договора.

Далее стоит обратить внимание на общую характеристику договора, по которому контрагенты будут получать доступ к секрету производства.

Во-первых, предложенные в законодательстве договорные формы, предметом которых являет-

ся исключительное право на секрет производства, а также учеными-правоведами иные формы относительных отношений, о которых мы уже писали, носят рисковый характер (алеаторные сделки).

В основе такого риска заложены противоположные интересы сторон: сторона, получающая секрет производства либо право на этот объект, стремится как можно дольше использовать его на исключительных условиях втайне от своих конкурентов, получая максимум положительного эффекта от такого положения на рынке. Правообладатель секрета производства заинтересован как можно дольше получать доход от передачи секрета производства контрагенту. Момент раскрытия секрета производства среди неопределенного круга лиц остается для сторон договора неизвестным. В случае быстрой утраты конфиденциальности секрета производства его получатель может понести убытки, поскольку стоимость приобретения прав на этот объект может значительно превышать полученный эффект от его использования в хозяйственной деятельности. Также и правообладатель рискует получить убытки, поскольку стоимость полученного вознаграждения за переданный секрет производства может оказаться меньше суммы средств, затрачиваемых на обеспечение защиты и охраны этого объекта правообладателем в случае длительного периода существования прав на секрет производства.

Риск состоит и в том, что каждая из сторон может оказаться в положении преждевременного прекращения договора другой стороной.

Разная направленность интересов сторон договора порождает риск взаимного недобросовестного поведения: правообладатель может предоставить секрет производства не в полном объеме, препятствующий достижению необходимых показателей в производстве либо скрыть от контрагента существенные обстоятельства, связанные с его использованием, а получатель секрета производства может совершить действия, направленные на рассекречивание этого объекта с целью прекращения обязательства по оплате за его использование и т.д. При этом защитить свои интересы достаточно трудно в случае недобросовестного поведения одной из сторон. Поэтому на практике правообладатели решают эту проблему путем выстраивания отношений на доверительных, а не на рисковых началах. Мировая практика экономических отношений, связанная с передачей секрета производства, свидетельствует именно об этой тенденции. Со второй половины XX в. под воздействием научно-технического прогресса стал активно формироваться рынок международной торговли лицензиями. Стоит отметить, что количество лицензионных сделок с независимыми контрагентами стало сокращаться, а число внутрифирменных лицензионных соглашений, большая часть которых связана с передачей секрета производства, постепенно возрастала. С 1982 по 2004 г. объем внутрифирменных лицензионных соглашений увеличился с 21% до 80% от всего объема заключаемых лицензионных соглашений в мире [33, с. 14]. Эту основную тенденцию в лицензионных отношениях необходимо учитывать при анализе природы договора о передаче секрета производства.

Во-первых, стороны таких отношений не являются независимыми субъектами хозяйственной деятельности: они имеют единую стратегию, цель развития, а также общий интерес. Каждая из этих сторон представляется частями единого лица (общества). Н.Н. Карпова пишет, что в последнее десятилетие одной из основных целей сотрудничества является возможность получения новых знаний, передовых технологий, доступ к изобретениям, программным продуктам, которые являются основой межфирменной кооперации. Именно такая стратегия эффективного партнерства корпораций обеспечивает максимизацию конкурентных преимуществ в мировом масштабе, поскольку темп технологических изменений и интенсивность рыночной динамики требуют новых подходов к управлению бизнесом [28, с. 136]. Эта форма взаимодействия, на наш взгляд, обеспечивает правообладателю возможность более жесткого контроля за использованием секрета производства, переданного контрагенту. Экономисты отмечают, что передача секрета производства другому субъекту гражданского права (независимому от лицензиара) была бы связана для его правообладателя с высокими издержками и рисками. Кроме того, такая форма взаимодействия лишает конкурентов возможности раскрыть сущность секрета производства.

Во-вторых, внутрифирменный оборот секрета производства по существу носит некоммерческий характер. Конечно, по форме исследуемые отношения и всем необходимым существенным условиям сделка о передаче секрета производства выглядит как обычный возмездный лицензионный договор между самостоятельными субъектами: лицензиаром и лицензиатом.

Но для целей научного познания, напротив, важна не форма, а сущность отношений. Если для целей гражданского оборота смысл лицензионного договора и договора об отчуждении исключительного права на результат интеллектуальной деятельности заключается в вовлечение его в гражданский оборот, а успешность совершения указанных сделок зависит от размера получаемого вознаграждения первоначальным правообладателем либо лицензиаром, то в случае с внутрифирменной передачей секрета производства происходит изменение указанных приоритетов: во-первых, обеспечить экономи-

ческое преимущество всех своих зависимых контрагентов по сравнению с местными конкурентами, во-вторых, как уже было сказано, установить жесткий контроль за использованием переданного секрета производства. Основной особенностью такого внутрифирменного оборота является формально высокие платежи покупателей за приобретаемые знания, поскольку в суммы платежа, как правило, включаются прибыли покупателя, переводимые в материнскую компанию [29, с. 112]. Следовательно, в своей сущности внутрифирменный оборот является правовым инструментом, который решает организационные, управленческие задачи. Т.М. Бикташев указывает, что предприниматели, заключая между собой договоры, нередко вступают в партнерские отношения, при которых процветание и успех одного из них неразрывно связаны с развитием второго. От надежных партнеров на рынке зависит очень многое, от доверия между ними зависит совместный бизнес. Успех в их бизнесе будет определяться равномерным обменом информацией: о деятельности организации, ее планах, текущем положении дел, секретах производства. У многих возникает желание обязать партнера сохранить в тайне предоставленную ему информацию. Работая вместе, партнеры обязаны заботиться о безопасности собственного бизнеса вместе [30, с. 146]. Таким образом, в сущности, цель внутрифирменной передачи секрета производства носит организационно-управленческий, а не коммерческий характер.

В-третьих, хочется отметить, что практически вся судебная практика, связанная с передачей исключительного права на секрет производства по лицензионным договорам, и договорам об отчуждении исключительного права, посвящена налоговым спорам о законности уменьшения налогооблагаемой базы. Указанные обстоятельства, на наш взгляд, свидетельствуют, скорее всего, о том, что критикуемые формы относительных отношений используются субъектами хозяйственной деятельности как инструмент налоговой политики, а не способ коммерциализации секрета производства и вовлечение его в рыночные отношения.

Таким образом, относительные правоотношения сторон этого договора должны носить фидуциарный, а не рисковый характер. Из отношений сторон исключается значимость обстоятельств, момент наступления или ненаступления которых не зависит от действий или бездействий контрагентов. Напротив, акцент в договорных отношениях делается на обязанностях, исполнение которых полностью зависит от воли и интересов их участников. Поскольку они, как уже было отмечено, преследуют единые цели, общие интересы, то последние является основой формирования доверительных правоотношений. На обозначенную характеристику этого договора указывает и конфиденциальный характер отношений между контрагентами. Более того, получателю секрета производства важен достоверный и полный источник информации от конкретного субъекта хозяйственной деятельности, имеющий безупречную репутацию. Как отмечает А.А. Акопян, доверие между сторонами является основной гарантией осуществления прав и обязанностей в рамках этих относительных отношений потому, что стороны не имеют эффективных средств защиты и поэтому почти полностью полагаются на лояльность другой стороны [31, с. 84].

Во-вторых, сделка о передаче секрета производства является реальным договором. В соответствии с п. 1 ст. 432, п. 1 ст. 433 ГК РФ договор считается заключенным, если между сторонами, в требуемой в подлежащих случаях форме, достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора [32, ст. 432, ст. 433]. Договор признается заключенным в момент получения лицом, направившим оферту, ее акцепта. Согласно п. 2 ст. 433 ГК РФ, если в соответствии с законом для заключения договора необходима также передача имущества, договор считается заключенным с момента передачи соответствующего имущества (ст. 224) [33, ст. 433]. Статья 224 ГК РФ посвящена только передаче вещей, поэтому буквальное толкование п. 2 ст. 433 ГК РФ может привести к неправильному выводу о том, что момент заключения реальных договоров на практике может быть связан только с передачей вещей. Однако, в содержании п. 2 ст. 433 ГК РФ говорится о передаче имущества. В соответствии со ст. 128 ГК РФ к имуществу относятся не только вещи, но и иное имущество, в том числе имущественные права [34, ст. 128]. Следует отметить, что в теории гражданского права высказана точка зрения о том, что не следует ограничивать понимание реального договора только путем передачи имущества. Ученые указывают, термин «реальный» произошел от латинского слова «res», которое имеет множество значений: 1) вещь, предмет; 2) обстоятельство, дело; 3) факт, событие; 4) дела, круг вопросов; 5) судебное дело, процесс; 6) власть, государство; 7) интерес, польза, выгода; 8) имущество, состояние; 9) действие, деяние. Поскольку понятие «действие» является более универсальным, чем термин «имущество», с его помощью можно охватить самые разнообразные потребности гражданского оборота, то пределы понимания реального договора следует связать с действиями заинтересованного лица, указанными в законе, которые влекут возникновение гражданского правоотношения [35, с. 39]. Мы считаем, что с высказанной позицией стоит согласиться, поскольку слишком узкое понимание реального договора препятствует на практике и в теории развитию необходимых и адекватных гражданско-

правовых форм, соответствующих характеру складывающихся экономических отношений.

М.И. Брагинский пишет, что конструирование договора по модели реального или консенсуального зависит от интересов каждой стороны, а также от цели договора. Если его целью является получение вещи, в работе или в услуге и соответственно в вознаграждении, то договор должен формироваться как консенсуальный. В других случаях, когда предметом договора служит совершение определенных действий по отношению к имуществу, необходимо использовать модель реального договора. В дополнение к сказанному стоит добавить, что, как правило, реальные договоры, например, договор аренды, пожизненного содержания с иждивением, договор безвозмездного пользования, договор доверительного управления, договор хранения, дарения, являются фидуциарными сделками и защищают, прежде всего, интересы кредитора (доверителя). Лично-доверительные (фактические) отношения имеют приоритетное значение перед уже существующими формальными гражданско-правовыми сделками между сторонами, поэтому, несмотря на наличие подписанного соглашения о намерении одной стороны передать, а другой стороны принять что-либо, оно не порождает прав и обязанностей, оставляя этот вопрос на усмотрение кредитора, степень доверия которого к контрагенту является основой формирования фидуциарных сделок.

В договоре о передаче секрета производства имеются, на наш взгляд, все признаки, позволяющие конструировать его по модели реального договора. Во-первых, цель договора заключается в предоставлении доступа контрагенту к секрету производства для выполнения общих целей, которые преследуют стороны этого договора. Во-вторых, отношения носят некоммерческий организационно-управленческий характер, что, соответственно, исключает какую-либо оплату со стороны контрагента за предоставленный доступ к секрету производства. В-третьих, как нами уже было отмечено, отношения в рамках этого договора носят доверительный характер, поэтому интересы правообладателя секрета производства нуждаются в особой защите. Доверие к контрагенту может быть утрачено в любой момент, в том числе и после заключения договора о предоставлении доступа к указанному объекту. Таким образом, описанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости использования реальной модели договора.

В соответствии с положениями п. 2 ст. 433 ГК РФ, перечень реальных договоров в гражданском законодательстве является исчерпывающим, поскольку договоры, для заключения которых необходима передача имущества, могут быть определены только законом. Следовательно, стороны лишены возможности самостоятельно конструировать договор по модели реальной сделки, не предусмотренной в этом качестве действующим законодательством, равно как и придавать значение реальной сделки договору, который в соответствии с законом является консенсуальным. В связи с этим не совсем понятна позиция законодателя, когда он придает значение лицензионному договору, а также договору об отчуждении прав на результаты интеллектуальной деятельности как реального, так консенсуального договоров. Согласно п. 1 ст. 1234 ГК РФ по договору об отчуждении исключительного права одна сторона (правообладатель) передает или обязуется передать принадлежащее ей исключительное право на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации в полном объеме другой стороне (приобретателю). В соответствии с п.1 ст. 1235 ГК РФ по лицензионному договору одна сторона – обладатель исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации (лицензиар) предоставляет или обязуется предоставить другой стороне (лицензиату) право использования такого результата или такого средства в предусмотренных договором пределах. Такие слова как «передает» и «предоставляет» указывают на реальный характер договоров, а словосочетания «обязуется передать» и «обязуется предоставить» указывают на консенсуальную модель договора. На наш взгляд, такой подход законодателя противоречит положениям п. 1 ст. 432, п. 1 ст. 433 ГК РФ. Если указанные договоры носят взаимный характер, являются возмездными сделками, поскольку их целью является получение соответствующих исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и в вознаграждении правообладателя за их предоставление, то логичнее формулировать понятия указанных договоров по модели консенсуальных сделок. В.И. Еременко отмечает, что в законодательствах зарубежных стран с развитым правопорядком никогда не используется альтернатива «передает или обязуется передать». Он пишет, что упомянутое выше решение российского законодателя неизвестно мировой патентной практике, что лишний раз свидетельствует о выборе им своего особого пути в сфере нормотворчества, в данном случае крайне неудачного [36].

В-третьих, договор о передаче секрета производства является односторонним обязательством, когда на стороне должника – только обязанность, а на стороне кредитора – соответствующее право требования. О.С. Иоффе подчеркивал, что «взаимными называются обязательства, каждый участник

которых является кредитором и должником одновременно. Им могут быть противопоставлены односторонние обязательства, в которых одно лицо выступает только как кредитор, другое – только как должник» [37, с. 265]. Как мы уже установили, договор о передаче секрета производства является реальным, следовательно, договор считается заключенным с момента предоставления доступа контрагенту к секрету производства. С момента возникновения обязательства на стороне должника возникает обязанность обеспечить сохранность секрета производства, а на стороне кредитора возникает право требования исполнения возложенных на должника обязанностей. Договоры, связанные с распоряжением исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности, являются двусторонними, в которых каждая из сторон имеет и права, и обязанности.

В-четвертых, в литературе отмечается еще одно отличие договора о передаче секрета производства от договоров, предметом которых являются исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности. Отмечается, что направленность обязательства по лицензионному договору носит негативный характер: не препятствовать применению и использованию изобретения, в то время как при передаче ноу-хау такое обязательство должно быть заменено позитивным, выражающимся в действиях по непосредственной передаче секрета производства, а также в иных сопутствующих передаче секрета производства действиях [38, с. 91-92].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: ФЗ № 230 (с изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): ФЗ № 51 от 30.11.1994 (с изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. *Боташева Ф.Н.* Коммерческая информация как объект гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003.
4. *Колебошин Г.Н.* Особенности охраны конфиденциальной информации, составляющей секрет производства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
5. *Святош Ю.И.* Договор на передачу ноу-хау в практике советских внешнеторговых объединений: учеб. пособие. М., 1987.
6. *Верина О.В.* Лицензионные договоры на объекты интеллектуальной собственности и информацию: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997.
7. *Рак В.В.* Гражданско-правовое регулирование отношений в сфере использования коммерческой информации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
8. Коммерческое право: учебник. / под ред. В.Ф. Попондопуло, В.Ф. Яковлевой. М., 1998. Ч. 2.
9. *Акопян А.А.* Гражданско-правовое регулирование отношений в области передачи ноу-хау: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
10. *Штумпф Г.* Договор о передаче ноу-хау. М., 1976.
11. Гражданский кодекс Российской Федерации: ФЗ № 230 (с изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс».
12. *Шерстобитов А.Е.* Гражданско-правовое регулирование обязательств по передаче информации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1980.
13. *Боташева Ф.Н.* Коммерческая информация как объект гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003.
14. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда от 13.07.1999 № 4934/98 // Вестник ВАС РФ. 1999. № 11.
15. *Саликов И.И.* Информация с ограниченным доступом как объект гражданских правоотношений: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004.
16. *Малеина М.* Банковская тайна // Законодательство и экономика. 1994. № 6.
17. *Куршаков Д.* Банковская тайна // Закон. 1998. № 2.
18. *Лопатин В.Н.* Правовая охрана и защита права на тайну // Юридический мир. 1999. № 4.
19. Гражданский кодекс Российской Федерации: ФЗ № 230 (с изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс».
20. Об аудиторской деятельности: ФЗ № 307 (с изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс».
21. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: ФЗ 4462-1 (с изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс».
22. *Бикташев Т.М.* Осуществление и защита права на информацию в гражданско-правовых договорных и преддоговорных отношениях: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2010.
23. Постановление Президиума ВАС РФ от 24.12.1996 N 3225/96 // Вестник ВАС РФ. 1997. № 5.
24. Об обществах с ограниченной ответственностью: ФЗ № 14 (с изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс».
25. Об акционерных обществах: ФЗ № 208 (с изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс».
26. *Романова Э.М.* Право акционера на информацию по российскому законодательству. М., 2008.
27. *Саликов И.И.* Информация с ограниченным доступом как объект гражданских правоотношений: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004.
28. *Карпова Н.Н.* Интеллектуальная собственность в системе мирохозяйственных связей. М., 2002.
29. Там же.
30. *Бикташев Т.М.* Осуществление и защита права на информацию в гражданско-правовых договорных и преддоговорных отношениях: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2010.
31. *Акопян А.А.* Гражданско-правовое регулирование отношений в области передачи ноу-хау: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

32. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): ФЗ № 51 от 30.11.1994 (с изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс».
33. Там же.
34. Там же.
35. *Голевинский В.* О происхождении и делении обязательств. Варшава, 1872.
36. *Еременко В.И.* О некоторых проблемах при классификации гражданско-правовых договоров // СПС «КонсультантПлюс».
37. Комментарий к ГК РСФСР / под ред. Е.А. Флейшиц и О.С. Иоффе. М., 1970.
38. *Аконян А.А.* Гражданско-правовое регулирование отношений в области передачи ноу-хау: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

УДК 347.6

Исаева Елена Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры
социального и семейного законодательства
Ярославского государственного
университета им. П.Г. Демидова
тел.: (903) 829-75-15

Isaeva Elena Aleksandrovna

PhD in Law, Associate Professor of the Department of
Social and Family Legislation of Yaroslavl State
University named after P.G. Demidov
tel.: (903) 829-75-15

Сочнева Ольга Игоревна

ассистент кафедры социального и семейного
законодательства Ярославского государственного
университета им. П.Г. Демидова
тел.: (905) 645-66-41

Sochneva Olga Igorevna

Assistant Lecturer of the Department of Social and
Family Legislation of Yaroslavl State University
named after P.G. Demidov
tel.: (905) 645-66-41

ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ ОДНОПОЛЫМИ СУПРУГАМИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

В статье проанализирован подход российского и зарубежного законодателя к формированию нормативной базы, допускающей воспитание и усыновление детей однополыми парами. Выделены пробелы российского законодательства. Проанализированы судебные прецеденты США и Европейского Суда по правам человека, касающиеся прав на воспитание детей однополыми сожителями. Оценена возможность рецепции зарубежного опыта российским законодателем.

Ключевые слова: однополое сожительство, усыновление детей однополыми супругами, влияние воспитания однополыми сожителями на психику ребенка.

THE UPBRINGING OF CHILDREN BY SAME-SEX SPOUSES: ISSUES OF THEORY AND PRACTICE

The article considers the approach of the Russian and foreign legislator to the formation of the normative base allowing to foster and adopt children by same-sex couples. The gaps in the Russian legislation have been identified. The judicial precedents of the USA and the European Court of Human Rights concerning the rights to bring up children by same-sex domestic partners have been analyzed. The possibility of reception of the foreign experience by the Russian legislator has been estimated.

Key words: same-sex cohabitation, adoption of children by same-sex spouses, impact of upbringing by same-sex domestic partners on the child's state of mind.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №12-03-00521-а

В настоящее время российское семейное право не придает фактическому сожительству юридического статуса, а однополые браки далеки от легализации. Но данная проблематика активно обсуждается как в научной литературе, так и в обыденной жизни. Телевизионные передачи, популярные зарубежные художественные фильмы, демонстрируя однополые союзы преимущественно в позитивном ключе, заставляют людей задуматься о своем восприятии данного явления современной действительности. При этом европейская и американская практика легализации однополых союзов вряд ли в ближайшие годы станет для России реально востребованной, несмотря на активность сторонников данного направления модернизации российского законодательства.

Запрета на однополое сожительство современное российское законодательство не устанавливает, как и не устанавливает запрета на воспитание детей однополыми супругами. Фактически данные отношения остаются за пределами правового регулирования. Используя методы искусственного оплодотворения, однополые пары могут не юридически, но фактически считать себя родителями и, создав отдельную ячейку общества, воспитывать ребенка. Также интересен вопрос о смене пола одним из супругов. Фактически формируется семья, состоящая из однополых супругов. И, если супруги не обратятся за расторжением брака, то, в противоречии с семейным законодательством (ст. 1, ст. 31 СК РФ), будет существовать однополый брачный союз, а дети данных супругов будут воспитываться однополной парой. Отсутствие в российском законодательстве каких-либо специальных норм на этот случай, казалось бы, формально не позволяет суду в силу положений ст. 158 СК РФ о признании браков, заключенных за пределами РФ, отказать однополым супругам стать усыновителями (статус которых в значительной степени приравнен к родительству) при условии соответствия их требованиям, предъявляемым к усыновителям (ст. 127, 128, 165 СК РФ и др.). Однако системное толкование положений п. 3 ст. 1, рассматривающих брак исключительно как союз мужчины и женщины, п. 2 и 3 ст. 134, п. 3 ст. 137, а также п. 1 и 2 ст. 137 в соотношении со ст. 49-52 СК РФ позволяет сформулировать вывод о том, что родителями ребенка в представлении законодателя одновременно могут быть только лица противо-

положного пола (мать, отец), независимо от того, основано ли родительство на происхождении детей (ст. 48 СК РФ) или на усыновлении (п. 1 ст. 137 СК РФ).

Проблема воспитания детей в однополых союзах мало исследована в современной юридической науке, а высказанные по этому вопросу мнения весьма полярны. Так, в частности, И.А. Косарева предлагает устранить данную правовую коллизию аналогией с зарубежным законодательством, имеющим институт однополых сожительства, не признаваемого при этом полноценным браком [1, с. 54]. К примеру, Актом о гражданском партнерстве Великобритании 2004 г. предусмотрен упрощенный, без срока ожидания, порядок регистрации бывших супругов в качестве гражданских партнеров, если произошла смена пола [2]. Кроме того, обосновывая необходимость установления для представителей сексуальных меньшинств возможности заключения в РФ зарегистрированных партнерств, автор указывает и на несостоятельность суждений о большом риске психологических проблем и проблем в адекватном восприятии своей гендерной принадлежности как аргумента против воспитания и проживания детей в нетрадиционных семьях [3].

Наряду с обозначенной выше точкой зрения, другими учеными аргументируется мнение о недопустимости официального признания родительства за однополыми партнерами. Л.Ю. Михеева отмечает: «Допущение совершения записи об отце в отношении женщины-партнерши, как и записи о матери в отношении отца-партнера, окончательно сотрет грань между полами. Сами понятия “мать” и “отец” перестанут иметь значение, законодатели вынуждены будут заменить его юридическим термином “родитель” (“усыновитель”»)» [4]. По мнению А. Земске-Гуреце и А.А. Новикова, «представляется неприемлемой ситуация, когда послеоперационные транссексуалы перемещаются с точки зрения права между мужским и женским полом» [5, с. 87].

Следует отметить, что в практике Европейского суда по правам человека также не выработано единого подхода к обозначенному вопросу. Так, например, сформулировав по делу «Christine Goodwin» против Великобритании вывод о том, что если государство соглашается на лечение транссексуала, то оно должно признавать и последствия, связанные с изменением пола [6, с. 87]. Вместе с тем при рассмотрении сходных с точки зрения нравственно-юридического аспекта дел Европейский суд высказал мнение о том, что многолетняя связь женщины, имеющей ребенка, с ее партнершей-лесбиянкой несовместима с понятием семейных отношений, несмотря на то, что она фактически участвует в исполнении родительских функций. Признав соответствующим положениям Конвенции о защите прав человека и основных свобод отказ национальных властей в регистрации лица, изменившего пол с женского на мужской в качестве отца ребенка, рожденного его партнершей в результате применения репродуктивных технологий, обратил внимание на отсутствие единых стандартов в области предоставления родительских прав транссексуалам, а также пришел к выводу, что невозможно предсказать, каким образом отсутствие правовых отношений в этой паре повлияет на развитие ребенка [7, с. 164]. В сходном направлении было высказано особое мнение судьи Уолша по делу «Б. против Франции» относительно социально-юридических последствий факта смены пола одним из родителей ребенка [8].

На настоящий момент научно не доказано, что воспитание детей однополыми супругами негативно влияет на формирование нетрадиционной сексуальности у детей. Сошлемся в подтверждение данного факта на решение Верховного суда американского штата Арканзас по делу *Department of Human Services & Child Welfare Agency Review Board v. Howard*, которое было рассмотрено в 2006 г. В данном деле, пересмотренном Верховным судом в качестве второй инстанции, трое истцов (*William Wagner, Matthew Lee Howard* и *Anne Shelley*), пожелавших стать приемными родителями, получили отказ. Основанием отказа стала норма, установленная Агентством штата по детскому благополучию, запрещающая становиться приемными родителями тем лицам, с которыми под одной крышей проживали лица нетрадиционной сексуальной ориентации. Основаниями стали однотипные причины: *Matthew Lee Howard* проживал со своим однополым партнером 19 лет; *Anne Shelley* была лесбиянкой; *William Wagner* состоял в традиционном зарегистрированном браке, но их сын, гомосексуалист, иногда проживал с ними в одном доме. Суд первой инстанции встал на сторону Агентства и нормы, принятой в штате. Верховный суд штата, в свою очередь, поддержал истцов в связи с тем, что не было выявлено обстоятельств, согласно которым гомосексуалисты менее подходят на роль приемных родителей, чем лица традиционной сексуальной ориентации. В данном деле были представлены заключения профессиональных ассоциаций психологов и социальных работников, которые на основании проведенных научных исследований сделали четкий вывод о том, что гомосексуальность – это не отклонение и не болезнь; подавляющее большинство геев и лесбиянок живут счастливой, здоровой, уравновешенной и продуктивной жизнью; сексуальная ориентация не может свидетельствовать о способно-

сти человека быть хорошим или плохим приемным родителем. Исследование показало, что ни пол, ни сексуальная ориентация не являются предпосылками снижения благополучия ребенка в приемной семье [9]. Таким образом, по мнению суда второй инстанции негативный «эффект гомосексуального родительства» не был доказан [10].

Можно ли доверять исследованиям, свидетельствующим об отсутствии влияния на психику ребенка того факта, что он воспитывается в гомосексуальной семье? Американские ученые (например, профессор Линн Вардл) в своих трудах пишут о неоднозначности полученных результатов исследований о влиянии на ребенка воспитания в гомосексуальной семье. К проводимым исследованиям есть много вопросов и замечаний с точки зрения методологии их проведения: это малочисленность контрольных групп и выборки, тенденциозность выборки, неправильный методологический инструментарий, обосновательные научные гипотезы, неоднозначные выводы [11]. В ряде исследований выявляются факторы, свидетельствующие о том, что дети, воспитывавшиеся в гомосексуальных парах, более склонны к гомосексуальной самоидентификации, более раннему рискованному сексуальному поведению [12]. Никто не отменял доказанное положение о подражании детей своим родителям или воспитателям: если родители курят, у детей есть склонность к курению; если в семье присутствует факт домашнего насилия, то дети склонны имитировать это впоследствии; если родители либералы или консерваторы, то дети также становятся приверженцами данных взглядов. Полностью согласимся с профессором Вардлом, что необоснованно утверждать, будто тенденция подражания срабатывает на все обстоятельства семейной жизни, кроме гомосексуальности родителей/воспитателей. Важным обстоятельством в проводимых исследованиях является тот факт, что поколение детей, воспитанных в однополых семьях, которым официально было разрешено усыновлять или воспитывать детей, только начинают создавать свои семьи, а большинство еще не достигли совершеннолетия. Эффект воспитания однополыми супругами может проявиться значительно позднее.

Для Российской Федерации зарубежный опыт – пока лишь почва для анализа и размышлений [13]. Развитие законодательства, допускающего воспитание детей однополыми супругами, должно базироваться на серьезных, долгосрочных научных исследованиях, которые, как нам кажется, вряд ли подтвердят концепцию отсутствия разницы в воспитании детей гетеросексуальными и гомосексуальными парами. Общество должно созреть, или как считают противники гомосексуализма, достаточно разложиться и деградировать, для того, чтобы принять данную норму не как аморальную, а как логичную и целесообразную.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Косарева И.А.* Зарубежное и российское право о возможности представителей сексуальных меньшинств создавать семью // Современное право. 2009. № 8.
2. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2004/33/pdfs/ukpga_20040033_en.pdf (дата обращения 23.08.2012).
3. *Косарева И.А.* Феномен брака: доктринальные и законодательные концепции. М., 2010.
4. *Михеева Л.Ю.* Развитие кодификации российского семейного права // Кодификация российского частного права / под ред. Д.А. Медведева. Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
5. *Земске-Гурецке А., Новиков А.А.* Защита семейной жизни в свете постановление Европейского суда по правам человека // Семейное право на рубеже XX-XXI вв. М., 2011.
6. Там же.
7. *Владимирова И.А., Туманова Л.В.* Защита семейных прав в Европейском суде по правам человека. М., 2007.
8. Подробнее об этом см.: *Михеева Л.Ю.* Развитие кодификации российского семейного права // Кодификация российского частного права / под ред. Д.А. Медведева. Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
9. URL: <http://www.apa.org/about/offices/ogc/amicus/howard.pdf> (дата обращения 23.08.2012).
10. *Wardle L.D.* Comparative Perspectives on Adoption of Children by Cohabiting, Nonmarital Couples and Partners // Arkansas Law Review. Vol. 63:31. URL: <http://lawreview.law.uark.edu/wp-content/uploads/2010/04/10-Wardle.pdf> (дата обращения 23.08.2012).
11. *Wardle L.D.* The «Inner Lives» of children in lesbigay adoption: narratives and other concerns // St. Thomas. L. review. 2005. № 18. URL: <https://litigationessentials.lexisnexis.com/webcd/app?action=DocumentDisplay&crawlid=1&doctype=cite&docid=18+St.+Thomas+L.+Rev.+511&srctype=smi&srcid=3B15&key=b76ece68aace8b535dc2dd41c0474cb6> (дата обращения 23.08.2012).
12. *Wardle L.D.* Comparative Perspectives on Adoption of Children by Cohabiting, Nonmarital Couples and Partners // Arkansas law review. 2010. № 62. URL: <http://lawreview.law.uark.edu/wp-content/uploads/2010/04/10-Wardle.pdf> (дата обращения 23.08.2012).
13. *Тарусина Н.Н.* Ребенок и его интересы как семейно-правовые конструкции и дефиниции // Ребенок в пространстве права. СЮРТЭ. Вып. 2. Ярославль, 2012.

ИНФОРМАЦИЯ для авторов журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»

Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» рассматривает ранее не опубликованные авторские материалы в форме оригинальных, проблемных и дискуссионных статей, обзоров литературы, лекций, отчетов о научных мероприятиях и научных программах и исследованиях в области истории, социологии, философии, психологии, методики и методологии преподавания гуманитарных и педагогических дисциплин.

Материалы следует направлять по электронной почте: editor@hist-edu.ru, дублируя копию письма editor.hist-edu@gmail.com, либо на надежном оптическом носителе (только CD-R) почтой (простым письмом или бандеролью) по адресу: **350080, Россия, г. Краснодар, пос. Пашковский, ул. Заводская, 32, к. 301.** редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль».

Редколлегия журнала принимает материалы, присланные по электронной почте файлами, прикрепленными к электронному письму. Материалы должны быть оформлены строго в соответствии с изложенными далее требованиями и тщательно вычитаны.

Отдельным файлом с расширением **.doc** или **.rtf** прилагается заявка на публикацию работы, в которой обязательно должны быть отображены следующие сведения о каждом из авторов: фамилия, имя, отчество (полностью) в именительном падеже, ученая степень, ученое звание, место работы (с указанием конкретного подразделения), должность, город проживания, контактный телефон/факс, E-mail, почтовый адрес для отсылки бесплатного авторского экземпляра, наименование страны (для иностранных авторов).

Отдельным файлом с расширением **.doc** или **.rtf** на английском языке дублируются: фамилии имена и отчества авторов **ПОЛНОСТЬЮ**, (без сокращений), название статьи прописными буквами, ученая степень и звание, если имеется, должность автора, полное (без сокращений) название кафедры, организации, аннотация и ключевые слова. Файл именуется следующим образом: **«summary.фамилия первого автора, напр. Иванов А.А.»**.

Авторам, обучающимся в аспирантурах государственных вузов и имеющим право на бесплатную публикацию материалов своих научных исследований, необходимо предоставить справку из аспирантуры вуза установленной формы. Статья аспиранта может быть опубликована бесплатно при условии, что он является единственным автором работы, статьи, где аспирант выступает в качестве соавтора, к бесплатной публикации не принимаются.

Для авторов, не имеющих ученой степени, необходимо представить рецензию научного руководителя и выписку из протокола заседания кафедры о рекомендации к публикации. Рецензии, а также выписки и справки об обучении в аспирантуре, заверенные согласно утвержденным формам, печатью вуза, высылаются простым письмом на адрес редакции. Отсканированные копии всех документов прилагаются к электронному письму отдельными файлами с расширением **.jpg** или **.pdf**.

Авторы, имеющие ученую степень, должны приложить 2 рецензии к своей работе авторитетных специалистов в изучаемой области (как правило, имеющих ученую степень кандидата или доктора наук), подписанные и заверенные печатью по месту основной работы рецензентов. Наличие рецензий на статью увеличивает шансы автора на положительное решение редколлегии и скорую публикацию статьи. Рецензия составляется в произвольной форме, обязательным является заключение **«данная статья может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК»**, а также наличие подписи и печати.

В отдельных случаях, при наличии среди членов редколлегии специалистов нужного профиля, автор может письменно уведомить редакцию журнала о необходимости рецензирования статьи. Данная услуга дополнительна и является платной.

К статье, написанной в жанре рецензии, в обязательном порядке прилагается рецензируемое издание.

Статьи соискателей степени кандидата наук не должны превышать **0,5 п.л. (20 000 знаков с пробелами и знаками препинания, включая сноски)**, кандидатов, докторов наук и соискателей степени доктора наук – **1 п.л. (40 000 знаков с пробелами и знаками препинания, включая сноски)**. В индивидуальных случаях по решению редакционной коллегии допускается публикация материалов большего объема.

Количество авторов одной статьи допускается не более 3-х человек.

Ответственность за достоверность приведенных фактов, цифровых, графических или каких-либо иных данных, равно как за точность цитируемых текстов и отсутствие правовых препятствий к размещению информации, несет полностью автор. Поступление заявки в редакцию подтверждает полное согласие авторов на обработку и публикацию предоставленной персональной информации. Поступление заявки в редакцию подтверждает полное согласие авторов с публичной офертой на размещение присланных материалов в полном объеме в электронной и печатной версиях журнала без выплаты авторского вознаграждения. В случае наличия каких-либо ограничений авторского права на присланные материалы, автор обязан письменно уведомить об этом редакцию.

Члены редколлегии знакомятся со статьей и в месячный срок принимают решение о возможности ее публикации. Редактор информирует автора о решении редколлегии. Отзывы членов редколлегии автору не сообщаются, в обсуждение достоинств и недостатков статьи редакция с автором не вступает. Мнение и выводы автора могут не совпадать с мнением редакции и членов редколлегии.

Поступление статьи в редакцию подтверждает полное согласие авторов с настоящими требованиями, материалы, оформленные с нарушением настоящих требований, отклоняются, и авторам предлагается доработать текст.

Перепечатка опубликованных в журнале материалов разрешается только с письменного согласия редакции.

Редакция вправе вносить в текст правки, не искажающие смысл авторских материалов.

Требования к оформлению авторских материалов

Текст рукописи должен быть набран в редакторе Microsoft Word или в функционально идентичном альтернативном ПО, в формате А 4 с полями 25 мм. Файл должен иметь расширение **.doc** или **.rtf**. **НЕ ПРИНИМАЮТСЯ ФАЙЛЫ С РАСШИРЕНИЕМ .docx** (Microsoft Word 2007).

Последовательность изложения материала (каждый из пунктов начинается с новой строки):

- 1) индекс УДК;
- 2) название работы (прописными **жирными** буквами), точно отражающее содержание работы;
- 3) инициалы и фамилии авторов на русском языке **ПОЛНОСТЬЮ**, (без сокращений) через запятую указываются ученая степень и звание, должность автора, полное (без сокращений) название кафедры, организации, (все именно в такой последовательности), если авторов несколько, фамилия каждого следующего автора начинается с новой строки;
- 4) аннотация на русском языке объемом до 500 печатных знаков (считая пробелы и знаки препинания), характеризующая основную тему, проблему объекта, цели работы и ее результаты, выводы, новизну;
- 5) ключевые слова (не более 7);
- 6) страницы текста должны иметь сквозную нумерацию;

Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования».

В **библиографических ссылках** приводятся обязательные элементы описания в строгой их последовательности:

- 1) фамилия автора, его инициалы (набираются курсивом);
- 2) название источника;
- 3) по ГОСТу вид издания, если он указан (монография; учеб. пособие; сб. науч. тр.; материалы Междунар. конф.; тезисы докладов и т.д.);
- 4) место издания; если их несколько, между ними ставится точка с запятой (;);
- 5) издательство или издатель (например: Наука; Мысль; Просвещение; Кубанский гос. ун-т);
- 6) год издания;
- 7) при ссылке на данные, полученные из сети Internet, указывается: URL: электронный адрес первичного источника информации и дата обращения.

При ссылке на архивные данные полное название архива пишется только при первом упоминании, затем сокращенное. После названия архива указывается номер фонда, номер описи, номер дела, номер листа (все именно в такой последовательности).

При повторной ссылке на ту же книгу вместо полного ее названия пишется: Указ. соч. Если повторная ссылка следует сразу же за первой, ее оформляют словами: Там же.

ТЕКСТ СТАТЬИ

Выравнивание по левому краю, первая строка – отступ 1 см, междустрочный интервал – полуторный, шрифт Times New Roman, размер 14, автоматические переносы не допускаются. Излагаемый в работе текст должен содержать вводную часть, где описываются цель, материалы, источники и методы исследования. Далее следуют результаты исследования, их обсуждение, заключение или выводы.

Сноска [1, с. 290-316, 344]

[2, л. 290-316. лл. 2-22, 23-30, 208-212]

[7, л. 29-31, 31 об.]

После текста перед концевыми сносками по центру малыми прописными дается рубрика

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

либо

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

В оригинальных статьях желательно не более 15 источников, в обзорных – до 50. Шрифт сносок: Times New Roman размер 12. **Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте, но не в алфавитном порядке.** В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например [1, с. 25].

Количество таблиц и иллюстраций в тексте – не более 4. Таблицы должны быть пронумерованы и иметь тематические названия. Заголовки граф должны точно соответствовать их содержанию и иметь единицы измерения. Цифры в таблицах располагают по центру, единицы размещают под единицами, десятки под десятками и т.д. Сокращения слов в таблицах, за исключением общепринятых, не допускаются. Иллюстрации должны быть четкими, контрастными, рассчитанными на черно-белую печать без полутонов. В электронном виде иллюстрации предоставляются как внедренные объекты либо отдельными файлами с расширением .TIFF и .JPG с разрешением 300 dpi. В последнем случае имя файла должно содержать номер иллюстрации и ее название.

При первом упоминании лица обязательно указываются инициалы, которые отделяются пробелом от фамилии.

Годы указываются только в цифровой форме: 1920-е гг.; XX в.; XVIII–XIX вв. Годы и века даются только в сокращенном виде: в.; вв.; г.; гг.

Буква **ё** ставится только в тех случаях, когда замена на **е** искажает смысл слова; во всех остальных случаях – только **е**.

Сокращения: *др.*, *пр.*, *т.п.*, *т.д.* даются только в конце предложения. Слова *так как*, *в том числе*, *потому что* не сокращаются.

При цифрах используется знак процента или промилле: 30 %; 15‰.

В цифрах миллионы от тысяч и тысячи от сотен отделяются одним пробелом (700 000, 1 560 000) или могут быть заменены соответствующими сокращенными словами: *млрд*; *млн*; *тыс.* После слов *млрд* и *млн* точка не ставится.

Названия денежных знаков даются в сокращенной форме, принятой в научной литературе: *дол.*, *фр.*, *р.*, *ф. ст.*, остальные денежные знаки пишутся полностью.

В цитатах используются кавычки-елочки (« »). Если внутри цитаты есть слова, заключенные в кавычки, они должны быть другого начертания: « “ ” ».

Историческая
и социально-образовательная мысль
2012. № 5 (15).

Подписной индекс **26187**
В объединенном каталоге
«Пресса России»

Сдано в набор 26.11.2012
Подписано в печать 29.11.2012
Формат 60x84 1/8. Бумага типографская №1
Печать riso. Уч.-изд. л. 9,6
Тираж 550 экз.

**Тираж изготовлен на полиграфической базе
Северо-Кубанского гуманитарно-технологического института**

г. Краснодар, пос. Пашковский, ул. Заводская, 32

© Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль», 2012